

Anne Gracie

Award-winning author of *The Perfect Kiss*

The
Stolen
P.
Princess

"I never miss
an Anne Gracie book."

—Julia Quinn,
New York Times
bestselling author

Младший сын графа, Гэбриэл Ренфрю заслужил себе славу и честь на поле битвы, теперь же, не имея перед собой определённой цели, он сознательно ищет опасность. Однажды ночью, рискуя жизнью, он мчится на своём коне по залитому лунным светом утёсу и натывается на красивую женщину, попавшую в беду... Сбежавшая принцесса Калли, в одежде простолюдинов скрывается сама и прячет сына, наследного принца, пытаясь защитить его от лже-претендента на престол. У нее нет другого выбора, кроме как довериться красивому офицеру в отставке, который пришёл ей на помощь, даже когда он стал настаивать на том, что только брак по расчету обеспечит ей надежную защиту. Смогут ли новый муж защитить Калли и ее сына от разыскивающего их убийцы? И как он поступит с ее сердцем?

Анна Грейси

Похищенная принцесса

Щенок стал последней каплей.

Ники любил Зузу всем своим сердечком, как может любить лишь семилетний ребёнок. Настолько, что на вторую ночь тайком взял его к себе в кровать. Даже если бы Калли не слышала восторженного щенячьего визга из-под одеяла, она бы все равно догадалась, что сын нарушил правила, по выражению абсолютной невинности на его лице. Но некоторые правила создаются, чтобы их можно было иногда обойти.

Калли поставила тёплое молоко на прикроватный столик, поцеловала сына на ночь и вышла, пряча улыбку.

Два часа спустя, когда приём, наконец, закончился, она снова заглянула к Ники.

Щенок был мертв.

Ники сидел в постели — в шоке, с заплаканным лицом. Крошечный щенок, окоченевший и безжизненный, свернулся у него в руках. На мордочке засохла желтая пена.

— Его всё время тошнило. Что я сделал, мама, что я сделал?

На полу у кровати стояла полупустая миска молока и чашка, та самая, которую она дала сыну.

— Ты пил молоко? — спросила Калли, едва сумев выговорить это громче шепота.

— Оно было странное на вкус, — сказал мальчик. — Мне не понравилось, и я отдал его Зузу.

И она поняла. Если б он не отдал молоко щенку, то это сам Ники сейчас был бы маленьким холодным тельцем на кровати.

Тогда она поняла, что должна сделать. Выбора не было.

Дорсет, Англия, 1816

— Лучше не ехать горной тропой, капитан Ренфру. Надвигается гроза, в темноте дорога опасна.

Гэбриэл Ренфру, последний из четырнадцатого полка лёгких драгун, бросил беглый взгляд на темнеющее небо и пожал плечами:

— У меня достаточно времени до того, как начнется гроза. Всего хорошего, хозяин, — он вышел из маленькой уютной таверны и отправился на конюшню.

Пышногрудая блондинка-горничная вышла вслед за ним и по-свойски взяла за руку.

— Зачем подвергать себя опасности на горной тропе, капитан, когда у меня наверху тёплая и уютная постель?

Гэйб улыбнулся:

— Благодарю, Салли. Щедрое предложение, но я должен ехать.

Должно быть, я старею, решил Гэйб, уезжая прочь. Предпочесть скачку в холодной темноте, на пути в свой пустой дом, скачке на соблазнительной блондинке в уютном тепле её спальни...

И хотя он жаждал отрешения, бездумное совокупление его не привлекало. А когда тоска охватывала его так, как сегодня, не спасали ни выпивка, ни женщины.

Лишь темнота, скорость и опасность могли очистить его сердце и разум.

Сегодня тоска овладела им как никогда прежде. Разговор в таверне свёлся к мужчинам, не вернувшимся домой, к семьям, вынужденным жить без них; ровесники Гэйба, мальчишки, с которыми он вырос, мальчишки, которые ушли за ним и Гарри на войну. «Я позабочусь о них», — сказал он так беспечно, когда они уходили.

Но он не смог.

Почему изо всех вернулся именно он? Остальных парней оплакивали, по ним горевали и отчаянно тосковали. Они были нужны своим семьям.

Но не Гэйб.

Он мчался всё быстрее сквозь лёгкие тени. Узкая, залитая светом тропка исчезла, когда сгустившиеся облака заслонили полную луну. Волны внизу бились о скалы. Солёная морось жалила кожу, и Гэбриэл скакал по тонкой грани между жизнью и смертью, как он делал это прежде, давая судьбе возможность передумать.

Снова доказывая самому себе, что, несмотря ни на что, он всё ещё жив. Даже если не знает, почему.

* * *

Ла-Мани

— Нет! Так не пойдёт! — Калли, беглая принцесса Зиндари, пыталась ровно держать кружившуюся голову. — Я заплатила, чтобы меня доставили в Лалворт, — она сжала пальцы на фальшборте [\[1\]](#) раскачивающегося на волнах корабля и отчаянно всматривалась в ночь. Облака заслонили свет луны, и всё, что она видела, — это белые вершины и виднеющиеся

вдали тёмные скалы. Никаких признаков жизни: ни строений, ни жителей.

Это вообще — Англия? Она не имела ни малейшего понятия. Была полночь, и её грубо разбудили от неглубокого сна. Семь часов до этого её жестоко выворачивало.

— Вы с мальчиком сойдёте на берег здесь, мэм. Приказ капитана, — сказал ей матрос.

— Ники! — *Где же Ники?* Он был здесь всего минуту назад. — Где мой сын?

— Я здесь, мам. Я только доставал шляпную картонку, — её семилетний сын вышел из-за бухты каната и поспешил к ней.

Калли опустила руку ему на плечо. Ники — самое важное, что есть в её жизни, главная причина, по которой она оказалась здесь.

— Я заплатила, чтобы меня доставили не сюда, — заявила она матросу, как сама надеялась, достаточно твёрдо. — Лалворт — маленький город в удобной бухте...

— Так, парни...

Неожиданно Калли схватили два дюжих моряка.

— Что?.. Да как вы смеете!..

Что происходит? Они же ведь не хотят бросить её за борт? Ники... В ужасе, отчаянно пытаясь добраться до Ники, она дралась, как дикая кошка, пинаясь, крича, задыхаясь от ужаса.

— Сначала мальчишку, — прокричал кто-то. — Тогда она не станет сопротивляться.

Она неистово извернулась, как раз вовремя, чтобы увидеть, как моряк легко подхватил Ники, будто тот ничего не весил. Он потащил мальчика к планширу^[2], поднял и бросил за борт.

— *Ники!*

Дух борьбы покинул Калли. Она не сопротивлялась, когда мужчины перебросили и её через фальшборт. *Ники.*

Она бросилась в объятия моря. Утонуть... милый Боже, только не говори, что я увезла Ники так далеко, чтобы он вот так погиб...

Матросы отпустили её, и она упала. И с глухим стуком приземлилась в маленькую, яростно раскачивающуюся на волнах шлюпку. Матрос поддержал её.

Ники сидел, согнувшись; лицо его было измученным, бледным, ему было страшно — но он был жив.

— Ники! Слава богу! — Калли бросилась к нему.

Лодчонка опасно накренилась.

— Сядьте, мисс! Вы нас всех утопите! — матрос схватил её за руку и дёрнул, чтобы усадить на корму.

Калли была разгневана, напугана, но понимала, что выбора нет. Она села, ни на секунду не сводя глаз с Ники. Волны становились всё больше, шлюпку качало и бросало. Калли немного умела плавать. Ники не умел.

Что с ними будет? Она отчаянно всматривалась в далёкий берег. В голове лихорадочно кружились мысли о белых работаровцах, контрабандистах и вещах похуже. Она знала, что опасно платить неизвестному капитану убогого судёнышка, чтобы он перевёз их через канал. Однако ещё опаснее было сесть на регулярный паром в Кале, ибо тогда их, конечно же, обнаружили бы. И вернули назад.

— Я требую, чтобы нас сию же минуту доставили обратно на корабль! — запинаясь, произнесла Калли, отчаянно пытаясь заставить голос звучать твёрдо. — Это не Лалворт, и я...

Сверху раздался окрик, и её шляпную картонку сбросили вниз. Матрос поймал её и передал Ники. Секундой позже в руки матросу швырнули её чемодан.

Вид собственных пожитков слегка успокоил Калли. Возможно, её и Ники всё-таки не убьют, чтобы поживиться их вещами. Но что это за место, этот тёмный неизвестный берег?

Матрос взялся за вёсла и принялся грести.

— Куда вы нас везёте?

— Приказ капитана доставить вас на берег здесь, мэм. Надвигается шторм.

— Но Лалворт — безопасная бухта. Там можно переждать шторм.

— В бухте Лалворта действуют таможенные пошлины, мэм. Капитан ненавидит пошлины.

— Пошлины? — Калли была в таком замешательстве, что соображала с трудом. — Но...

— Приказ, мэм, — безразлично ответил матрос и налёг на вёсла.

Калли замолчала. Спорить не имело смысла. Матрос не слушал. Он сосредоточился только на гребле, а у неё все силы уходили на то, чтобы держаться. Лодчонку мотало на волнах, как пробку. Под ногами у Калли лежал её чемодан. У Ники — шляпная картонка, но им приходилось удерживать вещи обеими руками.

— Здесь рифы, мэм, — произнёс матрос через несколько минут. Шлюпку качало все неистовее. — Я не осмеливаюсь везти вас дальше. Отсюда вам придётся добираться вброд.

— Нет. Здесь слишком глубоко, а мой сын...

Прежде чем Калли смогла остановить его, матрос схватил Ники и опустил в море.

— Он не умеет плавать! — вскричала Калли. Не дожидаясь ответа, она плюхнулась в воду вслед за Ники, подтягиваясь вдоль борта лодки до тех пор, пока не добралась до сына. Холодная вода была ей по грудь.

— Крепче держись за меня, Ники! Положи ноги мне на пояс, а руки... да, вот так.

Ники вцепился в неё, обвив её тело руками и ногами, как обезьянка. Он весь дрожал.

— Х-холодно, мама.

— Ваши вещи, мэм, — матрос передал ей картонку. Как будто Калли было до неё дело, когда её сын находился в море. Но Ники отвечал за шляпную картонку во время путешествия, поэтому он уже протягивал за ней руки. Кроме того, там находились важные документы и его сухая одежда.

— Накинь шнурок на запястье, Ники, — сказала Калли сыну. — Она сама поплывет, а непромокаемая ткань сохранит вещи сухими.

Шлюпка подошла поближе. Возможно, у матроса оказалось больше совести, чем у капитана — лодка действительно могла перевернуться, но он, кажется, был твёрдо намерен убедиться, что их багаж с ними. Он подождал пока Ники возьмет картонку.

— Возьмите, мэм, — матрос передал ей чемодан. Калли зашаталась под ударом волны. Она взяла чемодан одной рукой, другой прижимая к себе Ники.

— Бог в помощь, мэм, — шлюпка быстро исчезла в ночи.

— Но где мы? — крикнула она вслед.

— Ступайте вверх по горной тропе и поверните на запад к Лалворту, — донёсся голос.

— Я даже не знаю, в какой стороне запад! — закричала Калли. Но ветер заглушил её слова. В темноте она уже не видела шлюпку, не говоря уже о корабле, на котором они покинули Францию.

— Запад — это там, где солнце садится, мам, — сказал Ники.

Калли едва не рассмеялась: солнце село давным-давно. Но волны толкали их к берегу.

Она ждала Ники и пошла к пляжу. Ветер с каждой минутой становился всё сильнее, проникая через мокрую одежду. Если она совершенно ооченела, то Ники должно быть ещё холоднее.

Но он был жив, а это важнее всего. И она в Англии. И, несмотря на то, что она промокла, и замёрзла, и не имела ни малейшего понятия, где находится, настроение немного поднялось. У неё получилось.

Наконец, она выбралась на мелководье и поставила Ники на ноги. Спотыкаясь и дрожа, они вышли из воды. Пляж был усеян камнями и осколками раковин, и в темноте идти было трудно. Туфли Калли потеряла в море, и несколько раз она больно ударилась кончиками пальцев. Ей было всё равно. Пляж... Суша... Англия.

— Пойдём, милый, — от облегчения у неё кружилась голова. — Давай переоденем тебя в сухое, а потом найдём ту дорогу. Если повезёт, к завтраку будем у Тибби.

— А сосиски будут, мам? — с надеждой спросил мальчик, стуча зубами. — Английские сосиски?

Калли рассмеялась.

— Возможно, — ответила она. — Теперь поспешим!

У подножия скалы она открыла картонку. Всё внутри было сухое, спасибо водонепроницаемой ткани. Она достала смену одежды для Ники, кашемировую шаль и запасную пару туфель.

Калли быстро раздела Ники, вытерла шалью и одела в чистую сухую одежду. Он был болезненным ребёнком, и она не хотела, чтобы он простудился. Она отжала юбки, насколько это было возможно, вытерла ноги и надела туфли.

Она взглянула вверх на скалу. Ей не удастся подняться по крутой тропке в волочащихся и пугающих в ногах юбках. Калли запросто сняла бы и верхнюю юбку, и нижнюю и влезла бы в панталонах, да только нижняя юбка с потайными карманами в настоящий момент была самой ценной для неё вещью.

Калли подоткнула юбки повыше, как обычно делают рыбачки. Ледяной ветер жалил влажную кожу.

— Ну, теперь полезли, — сказала она и взяла чемодан.

Ники запрокинул голову и уставился на скалы.

— Нам действительно придется лезть на самый верх?

Неудивительно, что его страшила такая перспектива. Калли едва могла различить вершину по тому, как она слегка выделялась в темноте — смена структуры, а не цвета.

— Да, но тот человек сказал, что есть тропа, помнишь? — женщина постаралась изгнать ярость из голоса. Скалы были огромными и очень крутыми — выбросить их с корабля здесь, было не просто жестоко, это настоящее преступление, особенно, принимая во внимание ногу Ники!

Они начали карабкаться вверх, Ники впереди, чтобы Калли могла подхватить его, если он споткнётся. Порывы ветра стегали их, а от тяжести чемодана вскоре начали гореть руки.

— Не подходи к краю! — предостерегала она Ники каждые несколько минут. Местами тропинка была страшно узкой: в темноте это ужасало.

— Я вижу вершину, мама! — воскликнул Ники, казалось, целую вечность спустя.

Калли перевела дух, охлаждая горящие ладони о мокрую юбку, и посмотрела вверх. Почти на месте. Слава богу! Она испустила долгий вздох облегчения. Если повезет, до Лалворта будет недалеко.

Гэбриэл Ренфру галопом обогнул обрыв. Узкую тропку едва можно было разглядеть, но он не сбавлял скорость. Один неверный шаг мог убить обоих, но и всадник, и конь хорошо знали тропу. Они скакали здесь почти каждую ночь на протяжении последних нескольких недель.

Холодный солёный воздух вривался в лёгкие. Быстро надвигался шторм.

Неожиданно Троян сбился с шага. Гэйб поднял глаза.

— Какого дьявола...

Прямо на тропе стоял ребёнок, в ужасе таращась на него. Конь и всадник были почти над ним. Не было времени остановиться, места, чтобы совершить манёвр. С одной стороны среди чахлах кустиков крутые скалы поднимались вверх, с другой — они обрывались вниз, в бездну, ведя к неминуемой гибели на камнях.

— Убирайся с дороги! — закричал Гэбриэл. Он натянул поводья, почувствовал, как мускулы Трояна напрягаются в попытке замедлить шаг настолько, чтобы остановиться прежде, чем он затопчет ребёнка.

Мальчонка не пошевелился, страх парализовал его. Не было времени думать, только действовать.

— Ложись! — крикнул Гэйб, приготовившись перепрыгнуть через мальчика.

Но как только Троян взвился в высоком прыжке, слепо повинаясь приказу хозяйских рук, из ниоткуда возникла женщина и с криком бросилась к ребёнку. Слишком поздно — конь был уже в воздухе, перепрыгивая — Гэбриэл на это надеялся — и через женщину, и через ребёнка. Действительно ли он почувствовал удар? Все случилось так быстро, что он не был уверен.

Гэйб на скаку спрыгнул с коня и побежал назад. Он услышал, как что-то сорвалось со скалы, увлекая вниз камни и булыжники. Он воззвал к господу, чтобы это оказалась не женщина. Ребёнок точно отскочил в другую сторону, подальше от края.

В темноте он различил лишь съёжившуюся женскую фигурку, лежащую на самом краю скалы. Хвала небесам, он слышал не её падение. Но если она сдвинется хоть на дюйм...

Гэбриэл был в трёх шагах от неё, когда женщина пошевелилась. Прежде чем он смог приблизиться, она двинулась, попыталась встать и скользнула к краю.

Гэйб бросился вперед, схватил в горсть мокрую одежду и оттащил женщину от обрыва.
Мокрая одежда?

— Стойте спокойно! — рявкнул он. — Не двигайтесь.

— Где?.. — она сбросила его руки и поднялась на ноги, лихорадочно озираясь по сторонам. — Ники! Ники! — закричала она.

— Не двигайтесь! — резко приказал Гэйб. — Вы прямо на самом краю скалы.

Женщина в ужасе уставилась на край.

— Ники! — выдохнула она и качнулась вперед, вглядываясь вниз.

— Он не упал, — твёрдо сказал Гэйб, осторожно потянув её назад. — Если Ники — это маленький мальчик, то с ним всё в порядке.

— Откуда вы знаете? — запинаясь, выговорила она.

— Видел, как он убежал туда, — Гэйб махнул рукой в сторону тропинки.

— Убежал? Боже, он, должно быть, был в ужасе. А если он сорвётся в темноте! — она

внимательно взгляделась в том направлении, куда указывал Гэйб. — *Ниики!*

— С ним все в порядке, я уверен, — начал Гэйб спокойно.

— *Ниики!* — снова закричала женщина.

— Я здесь, мама, — раздался голос из темноты. — Коробка упала. Мне пришлось её искать.

— О, Ники! Я так волновалась, — женщина оттолкнула Гэйба и заключила ребёнка во влажные объятия.

— Мама, ты вся мокрая! — сказал мальчик, и она отступила назад со смешком, подозрительно похожим на рыдание. Женщина ласково взъерошила волосы мальчика.

— Ты в порядке, милый? Эта ужасная лошадь ведь не ударила тебя, правда?

— Нет, она перепрыгнула прямо через меня — как будто перелетела, как Пегас. Но ты толкнула меня, мама, и тогда я уронил её, — он поднял коробку. — Она укатилась и почти что упала вниз, но я её поймал.

— Какой ты умненький, — с дрожью сказала она, постепенно приходя в себя от страха. — Не думаю, что ты видел и мою туфлю, правда? Я где-то уронила её.

Гэйб видел, что её трясет. От холода, или от пережитого, или от всего сразу.

— Я же сказал вам, что с мальчишкой всё в порядке, — сказал он.

Женщина в ярости повернулась к нему.

— Замолчите! Если бы с его головы упал хоть один волос из-за вашего *преступно* безответственного поведения, то я бы... я бы... — голос надломился, и она судорожно обняла мальчика.

Судорожно вздохнув, она спросила дрожащим голосом:

— Вы пьяны? Полагаю, что так оно и есть — перепрыгивать через ребёнка на коне! В том, что мой сын цел и невредим, нет ни вашей заслуги, ни заслуги того создания.

— Я не пьян. Если б я был пьян, то не смог бы среагировать за долю секунды...

Гэйб с силой втянул в себя воздух и постарался обуздать свой гнев. Он заговорил намеренно спокойным голосом:

— Слушайте, ребёнок в абсолютной безопасности и...

— В безопасности? Да вы его чуть не убили!

— Мадам, я рисковал собой и своим конём, чтобы *не* причинить ему вреда, — ответил он несколько резко. — Обычно я не использую детей и женщин, чтобы тренироваться в прыжках. Он неожиданно появился из ниоткуда и встал, как вкопанный, прямо у меня на дороге...

— Увидев, как на него несётся этот ужасный огромный зверь, он, возможно, был слишком испуган, чтобы пошевелиться!

— Разумнее всего было бы...

— *Разумнее?* Вы полагаете, что ребёнок может ясно мыслить, когда прямо на него скачет конь? Он всего лишь маленький мальчик! — она снова обняла сына.

— Я не скакал на него! Он стоял посреди тропы — и это в то время, когда маленьким мальчикам полагается быть в постели. Времени остановиться не было...

— Потому что вы мчались, как сам дьявол!

— Допустим, но по *своей* земле.

— Ясно, — она сделала глубокий вдох, прилагая видимые усилия, чтобы успокоиться. — Мне... всё ясно. Очевидно, мы нарушили границу ваших владений. В таком случае я не смею вас больше беспокоить. Всего доброго.

Гэбриэл нахмурился. Луна была всё ещё скрыта облаками, но он достаточно ясно видел, что женщина потирает плечо.

— Вы ранены.

— Небольшой синяк, — призналась она.

— Вы уверены, что не хуже?

— Да, ничего серьезного. Плечо и до этого болело из-за чемодана.

Гэбриэл осмотрелся.

— Какого чемодана?

— Он... он должен быть где-то здесь. Я тащила этот несчастный чемодан от самого пляжа. Он такой тяжёлый, будто свинцовый.

Они посмотрели повсюду, но нигде не было и следа чемодана.

— Он должен быть здесь, — сказала женщина. — Он же не мог укатиться, как шляпная картонка.

— А, — вздохнул Гэбриэл. У него было очень нехорошее ощущение относительно того, где мог оказаться чемодан. — Думаю, он скатился вниз, когда вы... ээ... упали.

— О, нет! — воскликнула женщина. — Возможно, он упала недалеко, — она бросилась вперед, но Гэбриэл удержал её.

— Я посмотрю, — сказал он. — У меня больше нервы не выдерживают наблюдать, как вы балансируете на краю пропасти, — он шагнул вперёд и взгляделся в темноту.

— Возможно, он там, дальше, — подсказала она.

Гэйб двинулся вперёд, и его сапог соприкоснулся с чем-то маленьким. Предмет упал вниз, увлекая за собой россыпь мелких камней.

— Думаю, я нашёл вашу туфлю, — сказал он женщине.

— Благодарю. Передайте её мне, пожалуйста.

— Я... эээ... только что уронил её вниз.

Она вздохнула:

— Ну, разумеется.

— Я найду ваш чемодан утром, — упрямо сказал Гэйб. — Туфлю искать будет сложнее.

— Умоляю, не беспокойтесь, — устало ответила она. — Туфля всё равно, возможно, пришла в негодность, и я пошлю кого-нибудь, чтобы принесли чемодан утром.

— Пошлёте откуда? — спросил Гэбриэл. На мили вокруг не было ничего, кроме его дома.

Последовала короткое молчание.

— Оттуда, где мы остановимся, — осторожно ответила она.

— И где это?

— Это уж моё дело, — отрезала она. — Благодарю за беспокойство. Всего хорошего.

Гэбриэла восхитил её характер. Она отбрила его, как маленькая герцогиня, и это на его же земле.

— Без вас я никуда не уйду, — объявил он. Они были в отчаянном положении, и не в его правилах оставлять женщину и ребёнка на милость судьбы.

Она попятилась от него, прижимая к себе ребёнка.

— Не будьте смешным. Вы даже не знаете нас. А мы не знаем вас.

Она сделала ещё шаг назад... И ещё один...

Он бросился вперёд и схватил её, когда она стала падать. Прежде чем женщина успела понять, что он задумал, Гэйб обхватил её обеими руками за талию и поднял.

— Отпусти... о, — она запнулась, когда он отпустил её. Взглянула назад — и увидела.

— О... спасибо.

— Не за что. Гэбриэл Ренфру, к вашим услугам, — он поклонился. — А вы...?

Она выпрямилась, отчаянно пытаясь сохранить достоинство.

— Признательна вам за... помощь. Но со мной и сыном теперь всё в порядке, благодарю. Всего доброго.

— Это мои владения, — мягко напомнил ей Гэйб.

— Да. Разумеется. Мы уйдём. Пошли, Ники.

Она взяла ребёнка за руку и сделала три неуклюжих шага прочь. Затем она заколебалась и спросила, предприняв ещё одну душераздирающую попытку обрести достоинство:

— Эта тропа ведет в Лалворт, не так ли?

— Так и есть, но сегодня вы не пойдёте в Лалворт.

— Разумеется, пойдём, — ответила она настолько уверенно, насколько может женщина, чьи зубы стучат, как испанские кастаньеты.

Гэйб проигнорировал её слова. Он подобрал поводья Трояна и связал лёгким узлом на шее коня. Вытащил из седельной сумки плащ и взял у мальчика коробку.

— Что вы делаете? Это моя коробка, — воскликнула женщина. — Отдайте немедленно!

Гэйб привязал коробку к седлу, надел плащ и протянул ей руку:

— Смелее.

Она прижалась к скалам на краю тропки.

— Нет!

Женщина бросила панический взгляд на лошадь и сказала изменившимся голосом:

— Я не могу.

Он пожал плечами и поставил мальчика на выступ над тропинкой.

— Отпустите его! — в отчаянии она замахнулась на Гэйба кулаком, но он легко перехватил его.

Калли предприняла ещё одну попытку ударить его, но Гэйб поймал её руку в свою. В этот самый момент луна вышла из-за облаков, заливая вершину скалы — и лицо женщины — ясным, серебристым светом.

Из Гэбриэла вышибали дух дюжину раз. Каждый раз он думал, что умирает.

Однажды его в голову лягнула лошадь. Это на некоторое время спутало его мысли.

И пару раз в жизни он так напивался, что терял чувство времени и пространства.

Её лицо в лунном свете было похоже на все эти события разом. И даже больше. Гэйб перестал дышать. Он забыл, как говорить. Он не мог думать. Он мог только смотреть. Смотреть. И смотреть.

У неё было прекраснейшее лицо, которое он видел в жизни, круглое, милое, грустное и... правильное, обрамленное облаком тёмных вьющихся волос. Ангел, сошедший на землю. С самыми соблазнительными в мире губами.

Он сглотнул, упиваясь её видом, как испытывающий жажду человек, увидев водопад.

Она смотрела на него. Он подумал, что глаза её прекрасны, глаза, в которых любой мужчина мог бы с радостью утонуть. Ему было интересно, какого они цвета.

— Отпустите меня немедленно! — резко произнёс ангел, и Гэбриэл со свистом втянул воздух, вернув себе способность дышать. Ангел был очень, очень земной. И очень, очень испуганный.

Он поднял её сжатый кулак вверх, почти на уровень глаз.

— Это, — Гэйб встряхнул её правый кулак, — причинило бы больше боли вам, чем вы смогли бы причинить мне.

Он повернул кулак пальцами вверх и объяснил:

— Видите, как вы загнули большой палец? Если б вы ударили меня по голове, то заработали бы страшный синяк, если не перелом. У меня очень прочная голова.

Она недоверчиво нахмурилась. Его поведение смущало её. Чего он и добивался. Напряжение всё ещё вибрировало в маленьком округлом теле, но, по крайней мере, она слушала.

— В следующий раз, когда соберетесь ударить кого-нибудь — любого — какого-нибудь беднягу, который перепрыгнет через вас на лошади в темноте и будет спасать вас от падения со скалы, между прочим, — держите руку вот так.

Он показал, заново сложив её пальцы.

— И бейте основанием ладони — не костяшками — в нос и вверх, — он взглянул на неё сверху вниз. — Или в подбородок, если не можете дотянуться до носа.

Её глаза сузились:

— Я могу дотянуться!

— Ну, разумеется, — мрачно заметил он.

— И всё же лучше, — он наклонился, подобрал камень и вложил ей в ладонь. — Если вы ударите человека вот этим, то камень усилит удар. Убедитесь, что камень достаточно большой, чтобы уместиться в ладони, и вы сможете его крепко сжать, но не такой маленький, чтобы ладонь полностью обхватывала его. Бейте человека камнем, а не рукой. Когда в следующий раз будете опасаться за свою жизнь, помните о камне, — он выпустил её руки и отступил.

Она крепко сжала камень, с подозрением уставившись на Гэйба.

Он подавил улыбку. Выражение её лица было бесценной наградой. Неожиданные ходы были его сильной стороной.

— Я не собираюсь причинять вред ни вам, ни мальчику. Поэтому будьте благоразумной и садитесь на коня.

— Я... я не люблю лошадей. Предпочитаю ходить пешком.

— Не будьте смешной. Идти пять миль, и надвигается шторм.

— Мне всё равно. Я ходила и гораздо дальше, чем на пять миль.

— Не в темноте, не в шторм и не в одной туфле, — напомнил он. — Давайте, мадам. Я вас посажу.

Она оттолкнула его рукой.

— Нет, нет, я не могу!

Гэйб видел, что она по-настоящему напугана.

— Всё в порядке. Троян очень спокойный конь. Не надо бояться...

— Я не боюсь!

— Конечно, нет, — согласился Гэбриэл. На самом деле она в ужасе. — Не волнуйтесь. Я подержу вас, и вы будете в полной безопасности. Я только подниму вас...

— Вы не сделаете ничего подобного!

— Это ваше последнее слово?

Она упрямо кивнула:

— Да.

— Превосходно, — произнес Гэбриэл, и прежде, чем она поняла, в чём дело, он поднял

её за талию и усадил боком на коня. Троян, благослови его бог, стоял надёжно, как скала. Почти сразу же Гэйб вскочил в седло позади женщины и крепко обхватил её одной рукой за талию, прежде чем она смогла бы спрыгнуть. Она сдавленно вскрикнула.

В руке она по-прежнему сжимала камень, который он ей дал. Она подняла руку и нерешительно взмахнула им. Гэйб ждал.

Троян ударил копытами и беспокойно задвигался.

Женщина вздохнула и уронила камень. Свободной рукой она искала, за что ухватиться, дотронулась до гривы Трояна, отдернула руку и попыталась нащупать, за что можно держаться. Рука наткнулась на бедро Гэйба и сжала его.

Он протянул руку мальчику, который сидел на выступе скалы и печально глядел перед собой.

— Давай, Ники, возьми меня за руку.

Ребёнок колебался. Гэйб видел, что оба непреодолимо боятся Трояна.

— Обещаю, ты не упадёшь. Просто возьми меня за руку, и я подниму тебя вверх, себе за спину.

Ребёнок снова покачал головой.

— Ники не умеет ездить верхом, — процедила женщина сквозь сжатые зубы.

— Я и не прошу его, — терпеливо заметил Гэйб. — Я буду ехать верхом. Всё, что ему надо сделать — это сесть позади меня и держаться.

— Я тоже не умею, — её рука крепче ухватилась за него.

— Знаю. Я вас держу, видите? — он осторожно сжал её талию. Она была так напряжена, что он мог бы переломить её пополам. — Я буду держать и его.

— Если вы будете держать одной рукой меня, а другой Ники, кто будет править лошадью? — спросила она дрожащим голосом.

— Я. Бёдрами.

— *Чем?* — слабое возмущение пробилось сквозь ужас.

Он улыбнулся про себя. Очевидно, она и понятия не имела, что именно его бедро она сжимает изо всех сил.

— У меня сильные бёдра, а конь очень послушный. А теперь давай, Ники, дождь вот-вот начнётся. Залезай.

Пока он говорил, несколько крупных капель дождя упали на землю.

— Давай, Ники, — повторила женщина.

С явным недоверием ребёнок нерешительно протянул руку и ухватился за руку Гэйба.

— Хороший малыш. Теперь поставь левую ногу на мой сапог, и когда я скажу, прыгай и перебрось правую ногу позади меня. Ты в полной безопасности. Я не дам тебе упасть.

Мальчик послушался, закрывая глаза и слепо совершая решительный шаг. Через мгновение он уже сидел на спине Трояна позади Гэйба.

— Накинь мой плащ, чтобы не промокнуть, когда пойдет дождь. Можешь держать за мой пояс или обхвати за талию, как хочешь, — сказал ему Гэйб. Он почувствовал, что его плащ приподнимают, а затем талию судорожно обхватили маленькие ручки.

Гэйб тронул коня, и Троян двинулся вперед. Начался дождь. Женщина и мальчик вцепились в Гэйба изо всех сил.

Ледяные иглы дождя швыряло Гэйбу в лицо, и они стекали ему за шиворот. Он замёрз, и промок, и должен бы чувствовать себя хуже некуда.

Вместо этого он широко ухмылялся, внезапно воодушевившись. Ещё час назад его жизнь

простиралась перед ним бесконечно бессмысленная и праздная. Пожизненный приговор покоем.

Теперь же, неожиданно — блаженно! — у него появилась проблема, трудность, беспокойство. И она сидела прямо и неподвижно в его руках, как небольшой мокрый кусочек дерева, с плотно зажмуренными глазами, сжимая его бедро так, словно никогда не собиралась отпустить; его собственная маленькая проблема.

Гэйба это полностью устраивало.

* * *

Калли закрыла глаза и вцепилась покрепче, стараясь вынести поездку. Если бы она подумала, что мужчина хоть каким-то образом угрожает её сыну, то бы боролась с ним, но она признавала, что он был добр к ней и к Ники. Кроме всего прочего, у неё не осталось сил бороться. Она не знала, куда он везёт её, но это всё равно не могло быть хуже, чем тащиться по тёмной вершине скалы под ледяным дождём, не имея ни малейшего представления о том, где находишься.

Хуже всего была лошадь.

Она ненавидела лошадей. Она не сидела ни на одной с тех пор, как ей было шесть, и мама... она вздрогнула, мысленно увидев всю картину так ясно, будто это было вчера: лошадиное копыто бьет маму по голове. И кровь...

Даже Руперт не смог подвести её близко к лошади.

Но если лошадь означала, что Ники быстрее окажется в тепле и безопасности, что ж, Калли могла смириться с чем угодно.

— Ники, ты в порядке? — позвала она.

— Да, мама, — она почувствовала прикосновение маленьких пальцев к талии и благодарно сжала руку сына. Смысл всей её жизни.

— На плаще несколько пелерин, — сказал Гэбриэл Ренфру, обдавая тёплым дыханием её ухо. — Ники тепло и сухо, так что перестаньте волноваться за него. Вы же, напротив, замёрзли. Откиньтесь на меня, и я застегну плащ. Так нам всем будет теплее.

Но Калли не могла заставить себя пошевелиться. Если она пошевелится, то точно упадет.

— Не беспокойтесь. Вы в безопасности со мной, — снова сказал он. Глубокий тембр его голоса успокаивал, но всё же она не смогла ни на йоту изменить позу. Она сидела с такой прямой спиной, что едва касалась его, глаза плотно закрыты, ладонь сжимает пальчики Ники.

Он вздохнул и притянул её к груди.

— Теперь откиньтесь на меня, пока мы не пребудем на месте.

Калли на секунду открыла глаза и тут же снова зажмурилась. Он застегивал плащ. Обеими руками. Никто не держал поводья. Она не могла на это смотреть.

— Вообще-то вы можете дышать, — пробормотал он ей на ухо. — Вот, так лучше. Вам удобно?

Удобно? На лошади? Она вздрогнула.

— Вам мешает лука седла, да?

Он пересадил её так, чтобы она сидела у него на коленях, крепко держа её, обхватив рукой и прижимая к своей широкой тёплой груди, устроив её под плащом, как в коконе.

— Это похищение, — пробормотала она.

— Знаю, абсолютно бесчестное. Но что мне оставалось? Вы промокли и замёрзли.

— Как и вы теперь, — заметила она.

— Да, но поделись несчастьем с ближним, и станет легче. Хотя я не чувствую себя несчастным, — добавил он.

И Калли тоже. Ей было тепло и, как ни странно, почти спокойно — если не считать того, что она сидела на лошади. И вынуждена сидеть в интимной позе с незнакомым мужчиной.

Это было самым... неловким обстоятельством. Ощущать под собой его бедро,двигающееся в такт движениям коня, твёрдое и мускулистое. Твёрдость и жар его груди у её... груди. И руки, обхватившие её тело так тесно, сильно, интимно.

Но его большое сильное тело излучало тепло, которого жаждало её тело, а ей было холодно, так холодно. Постепенно, почти против своей воли, она прижалась к нему, жадно впитывая его жар и силу.

Щекой она прижалась к тонкому полотну его рубашки. От него пахло лошадьми, одеколоном, кожей, дымом... и мужчиной...

Ей показалось, что она слышит биение его сердца, ровное, успокаивающее: тук, тук, тук.

Странно, подумала она, от Руперта тоже пахло лошадьми, одеколоном и кожей, но совершенно по-другому.

Прекрати! приказала она себе. Это глупое воображение, глупое желание получить то, что не можешь иметь, причинило ей достаточно бед в прошлом. Теперь она старше и мудрее. Она сама выстроит своё счастье, не завися в этом ни от кого — в том числе и не от мужчин.

Она в Англии, а скоро будет в безопасности у Тибби. Эта... слабость вызванна тем, что она промокла, замёрзла и устала. И потому, что он большой, тёплый и сильный.

Вот в чём беда. Только потому, что он больше и сильнее, он поступает по-своему. Как и все мужчины. Мужчины никогда не слушают. Калли была сыта этим по горло. Как только она окажется у Тибби, она больше никогда не станет подчиняться мужским приказам.

— Теперь вам теплее? — спросил он. У него был глубокий голос, и он рокотал в его груди, прямо у её щеки.

— Да, — ответила она, и совесть побудила её добавить: — Спасибо вам.

— Ники, — громче позвал он, — мы поедем быстрее, поэтому крепче держись.

Калли слышала приглушенное согласие Ники. В голосе его не было беспокойства. Но затем конь перешёл на более длинный шаг, и она закрыла глаза и ухватилась покрепче, стараясь не думать о сверкающих копытах, сосредоточившись на мужчине, который держал её так надёжно, даже несмотря на то, что весь мир скакал вверх и вниз.

— Мы на месте, — прозвучал через некоторое время глубокий голос. — Вы проснулись?

Калли открыла глаза и уставилась на него.

— Проснулась? — недоверчиво переспросила она. — Разумеется, я проснулась.

— Правда? — она увидела, как в усмешке сверкнули белые зубы. И обернулась, чтобы посмотреть, где это «на месте».

Это оказался солидный каменный трёхэтажный дом с мансардными окнами под шиферной крышей. Одинокое облачко дыма лениво поднималось над одной из множества труб.

Они въехали через декоративную каменную арку на вымощенный двор. Большая чёрная

собака с лаем выбежала навстречу, но лай сменился молчаливым вилянием хвоста, когда собака узнала хозяина.

— Где мы? — застыв, спросила она. — Я думала... это ведь не Лалворт.

— Я не говорил, что отвезу вас в Лалворт. Ехать слишком далеко в такую ночь, как эта, и даже выносливости Трояна есть предел.

— Тогда где...

— Добро пожаловать в мой дом, — ответил он.

Его дом.

Кто бы ни построил этот дом, он очень любил свет, решила Калли. Фасад здания сплошь состоял из окон. Когда они обогнули дом, направляясь к конюшне, Калли увидела огромный восьмиугольный эркер почти во всю высоту стены. Наверняка днём весь дом залит светом.

Сейчас он стоял тих и тёмн, не считая единственного фонаря на задней двери. Сквозь мелкий ледяной дождик золотое сияние выглядело уютным и манящим, но они направились прямо к арочному входу в конюшню.

У Калли возникло опасение. Он привез их к себе домой. Зачем? Множество вариантов крутилось у неё голове. Она не могла чётко мыслить.

Так трудно было решать, кому можно доверять, а кому нет, зная, что жизнь собственного сына зависит от её решений и выбора. Пока что её опыт оценки людей оставался плачевным.

Оказавшись в конюшне, Гэбриэл Ренфру остановил коня.

— Ники, дай руку, и я спущу тебя вниз.

Ники спешился и сразу же бросился прочь от лошади — так быстро, как только мог, — спотыкаясь в спешке.

— Он тебя не обидит, обещаю, — Гэбриэл повернулся к Калли: — Я спешусь первым и помогу вам...

Она спрыгнула и, как и сын, отбежала на безопасное расстояние. Гэйб принялся расседлывать лошадь.

— Вы делаете это сами? — воскликнула Калли.

— Сейчас здесь нет никого, кто мог бы это сделать. Барроу, мой грум, проводит несколько дней в Пуле с миссис Барроу. Я недолго.

— Я всё сделаю, мистер Гэйб, — раздался голос сзади.

Гэбриэл обернулся. К ним торопился мужчина средних лет, одетый в ночную сорочку, заправленную в брюки, и обутый в небрежно завязанные ботинки. Редкие волосы торчали вокруг красного фланелевого ночного колпака.

— Барроу! Я думал, ты останешься в Пуле до конца недели.

Барроу покачал головой:

— Через пару дней передумал. Сплошное бабье царство! Не дают человеку дышать. Четыре женщины в маленьком доме, да к тому же трое из них вдовы! — он бросил на Гэйба затравленный взгляд, принимая поводья из его рук. — Не смотрите на меня так, мистер Гэйб. Пока сами этого не испытаете, не узнаете. Моя Бесс хорошая женщина, но какая суматоха от её ма и сестёр! — он вздрогнул. — И вся проклятая мебель, каждый стул, каждый стол, даже буфет — всё покрыто вязаными... *вещицами*.

Он покачал головой.

— Нет, мы сделали всё, что собирались, повидались с её матерью и сёстрами и наняли подходящих парней для конюшни, — добавил он, широко ухмыляясь. — Должен предупредить вас, мистер Гэйб, миссис Би рассчитывает на помощь по дому, раз уж вы здесь. Я поеду назад, чтобы забрать лошадей, и вернусь через несколько дней. Понадобится

фургон. Вам бы надо остаться здесь, чтобы держать её в узде.

Он посмотрел на Калли и подмигнул:

— Не то, чтобы какой-нибудь мужчина смог держать Бесси в узде, но мистер Гэйб...

— Мистер Гэйб не подумал бы и пытаться, — перебил его Гэбриэл. — Я её слишком уважаю.

Барроу хихикнул.

— Слишком уважаете её стряпню, вы хотели сказать. А кто у нас тут? Гости, не так ли? Ужасная ночь, чтобы оказаться вне дома, — он улыбнулся грязной парочке.

— Да, это леди и её сын Ники, — сказал Гэйб.

— Миссис Би будет рада, — он посмотрел на Ники, затем — неожиданно — подмигнул Калли. — Присматривайте за мальчонкой, мисси. Моей жене только дай добраться до мальчишки.

Калли защищающе обняла Ники. Она не собиралась позволять незнакомой женщине тискать сына, и ей еще никогда не подмигивали, тем более грум!

Руперт велел бы высечь его.

Она была рада, что Руперта здесь не было. Ей становилось дурно, когда он порол людей.

— Я пригляжу за Трояном, мистер Гэйб, а вы отведите этих двоих в тепло дома, — продолжил Барроу. — Бедняжка выглядит совсем заморённой.

Бедняжка закрыла рот. Она действительно утомилась. А это оказывало дурное влияние на её настроение. Она чуть было не сорвалась на человека гораздо старше себя только за его излишнюю фамильярность. Она всегда была великодушной и уравновешенной. Калли решила, что снова станет великодушной и уравновешенной, как только узнает, кто эти люди и куда привезли её и сына. Как только она перестанет дрожать.

Если она вела себя как мегера, что ж, её спровоцировали. Несколько раз. Её бросили в море, через неё проскакали на лошади, её похитили, силой заставили ехать верхом — всё это не способствовало великодушию. Равно как и постоянный страх.

— Да, она измотана, — согласился её провокатор. — Боюсь, она действительно много натерпелась: промокла, замёрзла, потеряла багаж и в придачу поранилась.

— Я не поранилась! — возмущённо воскликнула Калли. — Меня *лягнула* ваша лошадь!

— Что, Троян? Никогда! — удивлённо воскликнул Барроу. — Он добрый, как щенок, не так ли, красавец? — вполголоса обратился он к коню.

— Если уж быть честным по отношению к коню, то вы сами бросились под копыта, — возразил Гэбриэл.

— О, конечно, надо обязательно быть честным по отношению к коню! — объяснила она Барроу. — Он всего лишь перепрыгнул на этом ужасном создании над головой моего сына. На это я сделаю скидку.

— Мистер Гэйб? Перепрыгнул через ребёнка? — в ужасе воскликнул Барроу. — Не могу поверить.

Мистер Гэйб не сказал ничего. Лёгкая улыбка тронула его губы, и он задержал на Калли ленивый оценивающий взгляд.

Калли откинула волосы с лица, избегая его взгляда. Узел волос растрепался, и они повисли мокрыми прядями. Она знала, какую картину собой являет.

— Мистер Гэйб... вы улыбаетесь! — воскликнул грум, будто в этом было что-то удивительное.

Именно в этот момент в животе у Калли громко заурчало. Она закашляла, чтобы

перекрыть ужасный звук.

Барроу улыбнулся ещё шире:

— Отведите вашу юную леди в дом и накормите. Как вы сказали ваше имя, мисс...?

— Прин... — Калли вовремя осеклась. — Пр... Принн, — сказала она, чувствуя, что покраснела еще сильнее, и надеясь, что они не заметят ничего особенного. Усталость вынудила её на секунду забыть, кто она — или кем она притворялась.

— Я миссис Принн, а это мой сын, Николас.

Она взглянула на Ники, который присел на корточки, чтобы погладить собаку. Когда она представила их, Ники поднялся и коротко официально поклонился. Калли закусил губу. Ей не следовало учить сына лгать и притворяться с такой лёгкостью, но выбора не было. За время своего путешествия они уже использовали несколько разных имён. Сейчас она впервые оговорилась и чуть не сказала «принцесса». Она так устала.

А этот человек приводил её в смятение. Калли бросила на него короткий взгляд, чтобы определить, заметил ли мистер Гэйб паузу или нет, и обнаружила, что он смотрит на Ники, слегка нахмурившись. Может, ему не нравится, что её сын гладит его собаку.

— Ники, — тихонько сказала она и сделала знак оставить собаку. Ники подошел к ней. Его хромота была заметнее обычного; подъём на скалу в довершение всего долгого путешествия окончательно измотал его.

— Как поживаете, мэм, — произнес Барроу. — Так вы вдова, а?

Она моргнула. Привычка простых людей без обиняков задавать вопросы личного характера до сих пор немного шокировала её. Так запанибрата допрашивать незнакомого человека было невежливо. Но на этот случай у неё был запасён ответ — ценой тяжёлого опыта она узнала, какой ответ лучше всего подойдет для неё и Ники.

— Нет, разумеется, нет. Мой муж задержался в дороге и совсем немного отстает от нас, — слишком поздно она поняла, что надо было бы сказать, что он задержался в плавании. Или что-то в этом духе. Она метнула ещё один быстрый взгляд на мистера Ренфру. Он знал, что она прибыла на лодке. Калли закусил губу и попыталась казаться равнодушной.

Он посмотрел на неё со странным выражением на лице.

— Полагаю, миссис Принн, что вы уже на пределе, — тихо сказал он. — Равно как и ваш сын. Пойдёмте, давайте я отведу вас обоих в тепло.

Ники сделал два неровных шага и мистер Ренфру, не колеблясь, подхватил его и вынес из конюшни.

Калли побежала за ним:

— Что вы делаете?

— Он поранился. Вы не видели, что он хромотает, и сильно?

Гэбриэл обратился к Ники:

— Не волнуйся, малыш, мы позаботимся о твоей ноге.

— Но... — начала она и замолчала. Ники не сделал попытки сопротивляться, что было на него не похоже. Должно быть, он действительно вымотался.

— Принн, — произнес Гэбриэл Ренфру, когда они пересекали двор. — Интересное имя. Вы квакеры, не так ли?

— Нет.

Он внёс Ники в просторную открытую деревенскую кухню. Это была уютная комната, с медными кастрюлями, сияющими в свете лампы, и запахами еды и пряностей. Огромный выскобленный деревянный стол стоял в центре комнаты, окружённый дюжиной стульев со

спинками из широких реек.

Высокая, полная женщина средних лет ждала их. Поверх ночной сорочки она набросила платье, плечи были укутаны шалью, а поверх платья надет фартук. Миссис Барроу, предположила Калли.

— Ужасная ночь! — воскликнула женщина. — Ведите малыша и леди к огню, мистер Гэйб. На плите есть горячая вода. Я приготовлю постель в голубой спальне.

Несмотря на размеры комнаты и вымощенный каменными плитами пол, внутри было тепло. Огонь в большой чугунной плите светился через решётку.

— Вот так, — Гэйб поставил Ники на лоскутный коврик у плиты. — Садитесь оба и грейтесь.

— Спасибо, — Калли с благодарностью села, впитывая в себя тепло, в то время как Ники опустился на коврик. Размеры, чистота, уют этой комнаты успокаивали. Слишком многие люди лгали ей, ибо она легко доверяла незнакомцам, но эта чисто вымытая кухня была чем-то... другим.

Злодеи тоже могут быть чистыми и приветливыми, напомнила она себе. Возможно. Она, должно быть, вымоталась — она не смогла припомнить, когда она в последний раз хорошо спала ночью, — но ей надо оставаться настороже. Её путь ещё далеко не завершён.

Мистер Ренфру снял плащ и повесил на гвоздь на задней двери. Он снял пиджак и жилет и повесил на спинку стула. Закатал рукава рубашки, открыл дверцу плиты и стал помешивать тлеющие угли.

Калли смотрела на его обнажённые загорелые предплечья и большие сильные кисти рук, пока он методично подбрасывал в огонь сначала щепки, затем поленья. Он воспользовался ручными мехами, и огонь замерцал, подсвечивая золотистым светом его профиль, подчеркивая прямой нос и резкие черты его лица.

Она смотрела на сильную колонну шеи мистера Ренфру и чёткую линию подбородка. Ворот его рубашки был расстегнут. Пламя взвивалось и трещало, освещая огнём его лицо. Калли не следовало на него смотреть, но ей надо держать глаза открытыми, чтобы не заснуть, а он находился прямо напротив неё.

Он не был красавцем, не так привлекателен, как молодые люди, которыми Калли восхищалась, будучи девочкой, и всё же он был... по-своему красив. Жёсткий, сильный и беспощадный. Стройный, хорошо сложенный воин, ничего лишнего. Прекрасный.

Он перескочил через неё на подкованной лошади, полностью игнорировал её желания, и всё же, он обращался с ней и с её сыном с удивительной нежностью. Она чувствовала, что о ней заботятся, защищают.

Гэбриэл выпрямился, и она не смогла удержаться и не смотреть на него. На нём были высокие сапоги и бриджи из оленьей кожи, которые намокли и облепили его длинное, твёрдое, мускулистое тело. Ноги тоже были длинными, худощавыми и мускулистыми. Калли вспомнила, как он говорил, что у него сильные бёдра. И они выглядели... сильными.

И у Руперта были сильные бёдра. Она думала, что у всех наездников они такие, но Руперт был как-то... мясистее.

Гэйб разжёл огонь и повернулся к Ники:

— Теперь давай взглянем на твою ногу.

Ники смущенно отступил.

— Всё в порядке, — пробормотал он.

— Не надо бояться. Я не собираюсь делать тебе больно, но ты сильно хромал, а на

травму нельзя не обращать внимания, уж поверь старому солдату.

Ники отвел взгляд:

— Ничего.

— У Ники родовая травма, — резко вмешалась Калли. — Когда он устаёт, это становится заметнее, вот и всё, — каждый раз, когда Ники приходилось объяснять это, она чувствовала, что ей в грудь вонзают нож. Она знала, в том, что её сын должен нести это бремя, её вина. Она уже приготовилась к тому, что последует дальше — смущение или дружеское ободрение, или вопросы.

Мистер Ренфру удивил её.

— Тогда ладно, — спокойно сказал он Ники. — Я боялся, что поранил тебя, как твою мать. Если нет, то как насчёт принести мне несколько чистых полотенец из сушилки, Ник, — это шкаф вон там — а я принесу горячей воды.

Ники поспешил выполнять поручение. Калли послала Гэбриэлу Ренфру безмолвный взгляд, полный благодарности. Очень немногие её знакомые могли заставить маленького мальчика-калеку почувствовать себя полезным.

Гэбриэл поджёг лучину, которую взял из жестянки на полке рядом с плитой, и встал, чтобы зажечь лампу, висящую над головой. Чтобы сделать это, ему пришлось вытянуться, и Калли не могла удержаться и не смотреть, как его рубашка натянулась на широкой мощной груди. Казалось, этот человек начисто лишен какой-либо мягкости.

Она щекой прижималась к его груди. Чувствовала, как бьется его сердце.

Он так бережно обращался с её сыном, проявляя уважение к достоинству мальчика. И он защитил их от холода.

Мягкий золотистый свет лампы разливался по кухне, и когда Калли подняла глаза, их взгляды встретились.

— Зелёные! — удовлетворенно сказал он, прикрутил фитиль лампы и шагнул назад.

Она нахмурилась:

— Прощу прощения?

— Как только я вас увидел, мне было любопытно, какого они цвета.

— Какого цвета что?

— Ваши глаза. Они зелёные.

Она недоумённо моргнула и не нашлась, что ответить.

Ники вернулся с большой стопкой полотенец, и мистер Ренфру налил в таз горячей воды. Он опустился на колени, поставил таз Калли под ноги и снял её уцелевшую туфлю.

— Что вы делаете? — испуганно спросила она.

— Ваши ноги в ужасном состоянии. Они сильно изранены, разве вы не заметили?

Калли посмотрела на ноги. Пальцы в синяках, оцарапаны и окровавлены, и в грязи. Действительно в ужасном состоянии. Она едва ли обратила на них внимание. Ноги так замёрзли, и хотя она чувствовала дискомфорт, её внимание было сосредоточено на других, более насущных проблемах.

— Должно быть, я поранилась, когда мы выходили на берег. Я помню, что несколько раз ударилась пальцами о камни, — и как только она подумала об этом, пальцы начали болеть.

— Поставьте ноги в воду. Осторожнее, вода горячая и с солью, будет жечь, но это поможет залечить порезы.

Калли осторожно опустила ноги в горячую воду. Вначале было горячо; ноги замёрзли, а

порезы болели, но через несколько минут она почувствовала себя восхитительно.

Она откинулась назад, впитывая тепло и уют, насухо вытирая полотенцем волосы Ники и свои.

— Лучше? — немного погодя спросил Гэбриэл Ренфру.

— Да, благодарю вас. Превосходно, — с благодарностью ответила она.

— Хорошо, — улыбнулся мужчина. Зубы у него были белые и ровные. — Сейчас я смажу порезы мазью. Миссис Барроу делает отличную мазь для порезов и ссадин.

У Калли от удивления раскрылся рот, когда он совершенно спокойно принялся вытирать её ноги полотенцем.

— Я... я могу сама, — произнесла она, заикаясь. Неловко было чувствовать его большие тёплые ладони, которые так осторожно гладили её ноги через полотенце.

Он снова улыбнулся.

— Знаю, но я не против это сделать. Не принесёшь мне еще два полотенца, Ники? Пожалуйста.

Сын убежал, и Калли встретила бесхитростный взгляд голубых глаз.

— Не думаю, что это прилично, — пробормотала она.

— Вам не нравится?

Она бросила на него обеспокоенный взгляд. Да, ей нравилось. Конечно, ей нравилось. В этом-то и дело. Она даже не знала его, и ему не следовало держать её ноги так... так интимно. Это заставляло её... чувствовать такое, что она не желала чувствовать к незнакомцу.

Когда он вытирал последний пальчик, она сказала:

— Спасибо. Теперь можете отпустить мои ноги.

Он не обратил внимания. Зачерпнув пальцем ароматной мази, он начал втирать её в кожу ног Калли, медленно, мягко и с чувственным ритмом. Она поджала пальцы от удовольствия и почувствовала, как мурашки пробежали вверх по ногам.

Калли моргнула, разрываясь между удовольствием и смущением. Он просто занимается ранами, напомнила она себе, но, даже стараясь изо всех сил, она не могла не реагировать на него, хотя и знала, что не должна этого делать.

— Пожалуйста, довольно, — сказала женщина. — Вы что, не слышали меня. Я просила отпустить мои ноги.

— А, *отпустить* — а я подумал, вы сказали опустить руки на ваши ноги, — объяснил он, подмигнув ей снизу вверх. — Это иностранное слово, означает «делать массаж».

Калли разинула рот. Он *знал*, что его прикосновения делают с ней. Он *флиртовал*.

Это открытие поразило её. Ни один мужчина никогда не флиртовал с ней. Она прошла путь от маленькой девочки до жены Руперта. Никто бы не осмелился флиртовать с женой Руперта. И сейчас она не имела ни малейшего понятия, что делать.

Калли неуверенно вымолвила:

— Это наглая ло... чушь! — но не стала называть человека лжецом в его же собственном доме.

— О, массаж — это не «ло... чушь», — голос его был серьёзен, но глаза смеялись. — Это очень полезно. Он помог многим солдатам избежать обморожения. И для усталых ног он просто чудесен, вы не находите?

— Я не имела в виду...

— И по-английски мы не говорим «ло чушь», мы говорим просто «чушь», — его глаза

искрились. Он прекрасно знал, что она хотела сказать.

Это было так забавно, что она не смогла сдержать смех.

— Я прекрасно знаю, как мы говорим по-английски. Я здесь родилась!

— Правда? Какое совпадение, я тоже, вот у нас уже есть что-то общее. И Ники тоже здесь родился?

— Нет, — вмешался Ники, возвращаясь с полотенцами. — Я ро...

— Нет, Ники родился не здесь! — Калли предостерегающе посмотрела на сына. Никто, даже высокий, неожиданно добрый флиртующий мужчина не должен знать, кто они такие. — И, пожалуйста, сэр, с моими ногами теперь всё будет в порядке, спасибо.

— Когда впитается мазь, — его низкий голос звучал абсолютно невозмутимо. Длинные сильные пальцы продолжали растирать и массировать. Он гладил каждый пальчик по очереди, растирая кожу между ними и посылая крошечные волны дрожи по её телу. Такое чувство, будто её кости превращались в мёд.

Всё это было абсолютно неприлично, но чрезвычайно приятно, и всё, что Калли могла сделать, это только окончательно не разомлеть от блаженства.

Она смотрела на его лицо, когда он наклонялся к ней, отмечая спокойную силу, глубокие складки у рта, слабый налёт мрачности, который появлялся в его глазах, когда он забывал о флирте. Всё это вдруг оказалось как-то слишком интимно.

Кали закрыла глаза...

* * *

Гэйб принёс пирог из кладовой. Миссис Барроу наготовила уйму еды перед тем, как уехать к матери.

— Держу пари, ты голоден, Ники? — он отрезал кусок пирога и протянул мальчику. — Ешь, парень. Холодный мясной пирог, я за него ручаюсь.

Ники колебался и взглянул на мать.

— Мама никогда не ест свинину, — сказал он. — Папа говорит... говорил, что дамам есть свинину — это вульгарно.

— Ясно, — пробормотал Гэйб, заметив напряжение. Папа, кажется, осёл.

Мальчик посмотрел на свою мать, которая уже почти уснула.

— Оставь её, — тихо сказал Гэйб, — она очень устала. Просто съешь свой пирог, а потом мы все вместе отправимся спать.

Ники с сомнением поглядел на ломоть пирога, но не сделал ни единого движения, чтобы взять его.

— Ты тоже не любишь свинину? — спросил Гэйб. — Что ж, раз ты не хочешь... — он откусил сам.

Мальчик посмотрел на него.

— Я не говорил, что не хочу, — сказал он, когда Гэйб проглотил последний кусок. — Я очень голоден.

— Тогда отрежь себе кусок, пока я приготовлю тебе что-нибудь тёплое попить.

Ники отрезал ломтик пирога и осторожно отщипнул кусочек. Его глаза расширились:

— Очень вкусно.

— Я же говорил, — сказал ему Гэйб. Он ушёл обратно в кладовку и налил в кастрюльку молока. Когда он вернулся, Ники уже прикончил порцию с явным удовольствием. Гэйб

подогрел молоко, налил в чашку, размешал немного мёда и протянул мальчику.

Мальчик уставился на неё так, будто в чашке была живая змея.

— Это какой-то ваш иностранный обычай — отказываться от еды и питья, когда вам предлагают в первый раз? — с лёгким раздражением спросил Гэйб. — Слушай, вежливо принимать, что дают, поэтому просто выпей молоко и не волнуйся.

Мальчик побледнел.

— Мама! — у Ники вырвался тонкий испуганный вопль.

Его мать проснулась, увидела мужчину, протягивающего мальчику чашку молока, взвилась со стула и выбила чашку из рук Гэйба. Молоко выплеснулось на каменный пол. Женщина толкнула Ники себе за спину, огляделась, заметила нож, которым он резал пирог, и схватила его.

— Что за... — начал Гэйб.

— Не прикасайтесь к нему! — она была готова действовать — юная львица, защищающая детёныша. — Ники, ты пил это?

— Нет, мама, — она выдохнула с видимым облегчением.

— Это было всего лишь тёплое молоко, — напряжённо сказал Гэйб. Он наклонился и поднял чашку.

Она взмахнула ножом:

— Не подходите.

Он проигнорировал её и подошёл к двери, открыл и свистнул. Его собака, Юнона, вбежала в кухню, весело виляя хвостом.

— Можно, — сказал собаке Гэйб и указал на разлитое молоко с мёдом.

— Нет! — выдохнул мальчик и дёрнулся, чтобы встать между лужей молока и собакой.

Юнона коротко вильнула хвостом — ей нравились мальчики — но еда всегда была для неё на первом месте, и она протиснулась мимо Ники и счастливо принялась лизать молоко. Женщина и мальчик смотрели на Гэйба, словно он был чудовищем.

Гэйб вытащил другую чашку из буфета, налил горячего молока из кастрюльки на плите. Две пары глаз следили за ним.

— Он что-то туда положил в прошлый раз, — сказал Ники матери.

— Из этого горшочка, правильно, — подтвердил Гэйб и размешал в молоке ложку вязкой жидкости. — Это мёд. Тёплое молоко и мёд. Помогает людям уснуть, — он отпил из чашки и протянул её Ники.

Повисло долгое молчание. Юнона слизала с пола каждую каплю молока, обнаружила пару крошек корочки пирога и теперь была готова возобновить своё знакомство с мальчиком. Она дружелюбно подтолкнула его под локоть, требуя, чтобы её погладили. Он погладил шелковистые уши, пощупал холодный нос и осторожно заглянул в глаза. Хвост собаки радостно стучал по полу от такого внимания.

Мальчик и женщина перевели взгляд с собаки на мужчину, на чашу молока и снова на собаку.

— Иногда нужно доверять людям, — тихо сказал Гэйб и поставил чашку на стол. — Если бы я хотел причинить вам вред, я бы сбросил вас обоих с той скалы и сберёг бы себе нервы.

Долгое время никто не шевелился. Калли пыталась прочесть по его глазам. Они были спокойными и голубыми, очень голубыми. Но нельзя судить о том, можно ли доверять человеку, только потому, что у него голубые глаза. Но они ведь не просто голубые, но и

очень спокойные...

Принцесса смотрела в его глаза и вспоминала, как он оттащил её от края пропасти на вершине скалы. Она подумала о том, как он держал её на лошади, надёжно и тепло, завернув в свой плащ, чтобы укрыть от дождя.

Тогда, глядя в самые голубые глаза, которые она когда-либо видела, Калли подняла чашку и отпила глоток. На вкус тёплое молоко с мёдом. Ничего больше. Всё, как он и сказал. Она попробовала ещё, просто чтобы убедиться.

Собака подтолкнула руку Ники, спокойно помахивая пушистым хвостом, её карие влажные глаза были ясными и доверчивыми. Безобидными.

Постепенно напряжение покидало Калли. Она кивнула, передала чашку Ники, положила нож обратно на стол и вернулась на место, чувствуя, что её трясет.

Ники осторожно отпил молока. Тем временем собака принесла палку из корзины у огня и выжидающе положила у ног Ники.

— Нет, Юнона, никаких игр в доме, — сказал хозяин собаки. — Положи на место.

К удивлению Ники, повесив хвост, собака отнесла палку обратно в корзину и вернулась, чтобы потереться печальной мордой о ногу мальчика. Тот быстренько осушил чашку, сел на коврик и принялся гладить собаку.

— Хотите молока? — спросил мистер Ренфру Калли.

Калли покачала головой:

— Нет, благодарю вас, — она закрыла глаза. Ей было нехорошо. Инцидент с молоком вернул её к реальности. Никогда нельзя забывать о бдительности.

— Миссис Барроу принесла вам сухую одежду, — услышала она слова мистера Ренфру через короткое время. По крайней мере, она думала, что прошло мало времени. Она открыла глаза. Где Ники? Она ведь не могла снова задремать?

— Он уснул, — сказал мужчина, прочитав её мысли.

Её сын свернулся на коврике рядом с большой чёрно-коричневой собакой. Он крепко спал. Руками он обнимал собаку, чья морда покоилась у него на плече.

У Калли комок подступил к горлу, когда она подумала о щенке, которого он лишился.

— Устал до смерти, бедняжка! — воскликнула миссис Барроу. — Отнесёте его в постель, мистер Гэйб, пока я помогу мисси переодеться?

Мистер Гэйб наклонился и взял Ники на руки. Собака вскочила, явно намереваясь пойти с ними.

Калли поднялась с места.

— Нет, не ходите, — сказал он. — Он спит, как младенец, и пока меня не будет, вы можете переодеться в сухую одежду у огня.

Калли поглядела на спящего сына и сглотнула. Он выглядел таким маленьким и беспомощным на руках у высокого мужчины. И таким уязвимым. Он даже не пошевелился, когда мистер Ренфру пинком открыл дверь.

Калли охватило неожиданное подозрение. *Спит, как младенец — или его опоили?* Некоторые яды не имеют вкуса. Поэтому она и уснула? Боже, как она могла доверить ему, даже на секунду, своего драгоценного Ники, только из-за его глаз? Она подалась вперед, чтобы остановить их.

— Ники?

Слава богу, он пошевелился и открыл сонные глаза.

— Мама, — он улыбнулся, зевнул и снова задремал, уютно устроившись у груди

мужчины, будто ему было очень удобно.

Калли осмотрела его. Он выглядел так же, как и каждую ночь, когда она приходила проверить его. Дыхание глубокое и ровное, кожа слегка порозовела, как у всех спящих детей. И глаза были ясные, хотя и сонные. Она дотронулась до его щеки. Теплая, не слишком холодная, не слишком горячая.

Она снова начала дышать.

И тогда поняла, что мужчина, держащий её сына на руках, смотрел на неё, молча наблюдая за выражением её лица. Калли встретила его взгляд. Он выглядел задумчивым, подвижный рот был сурово сжат.

— Знаете, я не Длинный Ланкин, — тихо сказал он.

— Кто?

— Бука из песенки моего детства. Длинный Ланкин — джентльмен, который пил кровь невинных детей.

Она покраснела:

— Я не думала...

— Думали.

Последовала неловкая пауза, потом он добавил уже спокойнее:

— Думаю, у вас есть на то причины.

Она поглядела на лицо своего спящего ребенка и попыталась проглотить комок в горле. Да, у неё были причины.

— Вы доверяете мне отнести его в постель?

Она колебалась. Волосы Ники были влажными и всклокоченными, как перья только что высиженного цыпленка. Он выглядел маленьким, бледным и уязвимым в руках мужчины, но худенькое тело было расслабленно. Устал до изнеможения или просто доверяет этому человеку? Иногда это одно и то же, устало подумала Калли.

— Миссис Принн?

С усилием Калли поняла, что он обращается к ней.

— Да?

— Доверьтесь мне, — сказал он тем невероятно низким голосом. В спокойных глазах не было нерешительности.

Кали закусил губу и кивнула. Выбора не было. Она наклонилась, поцеловала Ники в лоб и откинула ему волосы.

— Сладких снов, дорогой, — прошептала она на его родном языке. Она чувствовала, что мужчина сверлит её взглядом, но он не сказал ничего, просто повернулся и вынес её сына из комнаты.

* * *

— Ну, мэ, ваш черед.

Калли спокойно сидела, пока миссис Барроу суежилась вокруг неё с полотенцами и ночным бельём. Пожилая дама быстро раздела Калли, неодобрительно восклицая по поводу мокрой одежды и тяжести нижней юбки. Калли быстро скомкала её, убирая с глаз. Всё её будущее было в этой юбке.

Миссис Барроу достала большую ярко-розовую фланелевую ночную рубашку и надела её на Калли, не переставая бормотать команды, как будто Калли была ребёнком:

— Вот так, поднимите руки. Продевайте. А теперь посидите здесь, у огня, а я принесу вам одеяло, чтобы опять было тепло и уютно.

Калли всё пропускала мимо ушей. Она привыкла, что горничные одевают и раздевают её, но никто из них не называл её «миленькая» и не опекал её так по-матерински тепло.

Конечно, это было неприлично, и если бы её отец или Руперт были здесь, они бы отчитали женщину за такую фамильярность.

Но папа и Руперт оба были мертвы, и здесь не было никого, кто смог бы заставить Калли за нарушением этикета. И ей не надо было скрывать, как ей было хорошо от этого.

Миссис Барроу напомнила ей няню, которую она едва помнила. Сохранилось лишь смутное воспоминание о крупной мягкой женщине с большой грудью и удобными коленями, которая заботливо приговаривала и ворковала над ней, как миссис Барроу сейчас. Калли и забыла, какое это утешение.

Что случилось с няней? Она даже не знала её настоящее имя. Папа отослал её, когда Калли было шесть — вскоре после того, как умерла мама. Он увидел, как девочка сонно сидит у няни на коленях, слушая сказку. Папа сказал, что она уже слишком взрослая, чтобы с ней обращались, как с ребёнком. А сказки — это пустая трата времени... которая забивает головы чепухой.

Она не слышала сказок несколько лет, до тех пор, пока мисс Тибторп не стала её гувернанткой. Милая Тибби, с её строгими взглядами и поведением. Папа никогда не подозревал, что мисс Тибторп жадно читала романы и романтическую поэзию. Если бы он заподозрил, Тибби выставили бы на улицу.

— А вот и Барроу, — произнесла миссис Барроу, завернув Калли в одеяло. — Иду, милый. Мистер Гэйб спустится через минуту, он вас отведёт в постель.

— Любит он, чтобы все были под защитой, наш мистер Гэйб, — добавил Барроу, любовно обхватив жену за талию. — Готова идти в постельку, красавица? — он поцеловал её в щеку.

Миссис Барроу покраснела, как девушка:

— Уймись ты, Барроу, что подумает леди? Спокойной ночи, мэ, сладких снов.

Пожилая чета удалилась рука об руку.

Калли пожелала им спокойной ночи, глубоко тронутая их открытой привязанностью. Как чудесно быть такими счастливыми, такими влюблёнными после стольких лет.

Калли задумчиво вздохнула. Она никогда не знала любви. Принцессы выходят замуж в интересах государства, ради крови и богатства, не ради любви. Она знала об этом не понаслышке.

Калли взглянула на стол. Там всё ещё лежал мясной пирог. Миссис Барроу забыла убрать его.

В животе у неё заурчало.

* * *

Гэйб вернулся на кухню как раз вовремя, чтобы заметить, как миссис Принн с виноватым видом отскочила от стола. Он притворился, что не заметил. Она была укутана в ярко-розовую фланель. Миссис Барроу — женщина высокая и пышнотелая, миссис Принн — маленькая и почти утонула в ночной рубашке. Рубашка была застегнута до подбородка и собиралась складками у ног. Ноги были обуты в слишком большие комнатные туфли, также

принадлежащие миссис Барроу.

— Он укутан и крепко спит, — сказал ей Гэйб. — Вижу, вы в ночной рубашке — выглядите восхитительно. Итак, вы уверены, что не голодны? — он посмотрел на пирог, который несколько уменьшился, и сохранил равнодушное выражение лица.

Калли невинно посмотрела на него:

— Нет, благодарю вас.

— Тогда я уберу это, — Гэйб убрал остатки пирога в кухонный шкаф.

— Теперь, думаю, самое время лечь спать, — сказал он и предложил ей руку.

Калли с беспокойством уставилась на протянутую руку, неожиданно почувствовав неуверенность в отношении его мотивов. Он улыбнулся ей и добавил:

— Можете поблагодарить меня наверху.

Ее глаза расширились:

— Но я замужняя уважаемая женщина!

— Мой любимый тип, — он взял её под руку и повёл наверх, в комнату с огромной кроватью под голубым балдахинном. В камине, загороженном сетчатой решеткой, горел огонь.

— В такую ночь хорошо, если кто-то согреет постель, — пробормотал он.

Калли застыла. Он что, на самом деле предлагает согреть ей постель?

— Я вас предупреждаю....

— Тише, разбудите Ники, — прошептал он. — Юнона охраняет его. Надеюсь, вы не возражаете, если собака будет в комнате, кажется, они друг к другу привязались, и я подумал, что так вашему мальчику будет приятнее спать в незнакомом месте.

Глаза Калли привыкли к полумраку. На одной стороне кровати одеяла были откинuty, на другой — возвышался маленький спокойный холмик — её, крепко спящий, сын. Рядом с ним, на коврикe на полу лежала собака. Она посмотрела вверх, и забила хвостом по полу, но не пошевелилась.

— О, — воскликнула Калли. Он дразнил её.

Он холодно посмотрел на неё и прошептал ей на ухо:

— Миссис Принн, вы подозревали меня в нескромности, в сомнительности моих намерений? Я шокирован.

— Нет, вы не шокированы, — прошептала она в ответ. — Вы, сэр, негодяй!

— А вы, Зеленоглазка, очень милы.

Он постоял немного, глядя на неё. Она чувствовала на себе его взгляд и закрыла глаза, чтобы защититься. У неё не было ни малейшего понятия, что сказать или сделать. Она слишком устала, чтобы думать.

Он легонько прикоснулся пальцем к её щеке.

— Спокойной ночи, Зеленоглазка. Приятных снов. Вы и ваш сын в безопасности со мной.

В безопасности. Спокойное убеждение его голоса подействовало на неё расслабляюще. Она услышала, как он уходит, услышала, как за ним тихо закрывается дверь.

— Спасибо, — запоздало прошептала она.

Забралась в постель и уютно устроилась, чувствуя негу.

Ноги её коснулись чего-то твердого, излучающего тепло. Пальцами ног она ощупала предмет. Нечто прямоугольное и горячее, завернутое во что-то наподобие фланели. Внутри поднялся сонный смешок. Её постель действительно согрели.

Итак, в незнакомом доме и незнакомой постели, впервые за долгие недели Калли провалилась в глубокий сон без сновидений.

Несмотря на то, что поздно лёг спать, проснулся Гэйб до предрассветного пения птиц. Он улыбнулся и медленно потянулся. Гэбриэл Ренфру чувствовал себя живым и готовым встретить новый день — такого с ним уже не было многие годы.

Он выскользнул из кровати, подошёл к окну и выглянул на улицу. Его приветствовала прохладная, ясная утренняя заря, переливаясь оттенками от серого до бледно-золотого. Остатки тумана окутывали землю. Кажется, день обещал быть отличным.

Гэйб быстро оделся. Когда он проходил мимо комнаты своей гостьи, её дверь была всё ещё закрыта. *«Ей необходимо поспать ещё несколько часов»*, — подумал он. Мать и ребёнок были измучены путешествием.

Взяв на кухне пару яблок из миски, стоявшей в буфете, Гэйб с наслаждением вгрызся в одно из них, засунув другое в карман. Он как следует позавтракает и побреется, когда вернётся. Направившись к выходу, он с удивлением заметил, что дверь на кухню открыта. Барроу рано проснулся. Поразительно, и это после того, как они так поздно легли спать.

Открывая ворота конюшни, Гэйб помедлил. Кто-то разговаривал в одном из стойл, но это был не Барроу. Гэбриэл прислушался, но не смог понять, кто это говорит. Он подошёл к стойлу, ступая еле слышно...

— Тебе они не нравятся, да? — произнёс чистый, высокий голос.

Ренфру услышал ответ Трояна — протяжное «фррррр». Гэйб усмехнулся. Этот конь своим поведением был настолько похож на человека, насколько это возможно для коня. Юный Ники стоял на тюке сена, откусывая кусочки яблока и бросая их в полуоткрытую дверь коню Гэбриэла. Интересное поведение для мальчика, который до ужаса боялся лошадей. Юнона сидела рядом с Ники, с завистью наблюдая за тем, как кусочки яблока один за другим отправляются к коню.

— Троян очень любит яблоки, — сказал Гэйб.

Мальчик вздрогнул и резко обернулся, роняя кусок яблока. Он поспешно слез с тюка, а затем, к изумлению Гэбриэла, застыл неподвижно, встав по стойке «смирно», словно маленький солдат, ожидающий наказания.

— Прошу прощения, сэр, — натянуто произнёс Ники. — Я знаю, что мне не следовало сюда приходить.

Он говорил по-английски хорошо, но с едва уловимым акцентом. У его матери акцента не было совсем. Юнона ткнула носом в ногу мальчика, пытаясь стянуть упавший кусок яблока. Ники остушился, но снова выпрямился по стойке «смирно».

— Юноне тоже время от времени нравится перехватить кусочек яблока. Что касается твоего прихода в конюшню, поскольку ты не разбудил свою маму, я не возражаю, чтобы ты приходил сюда, — с лёгкостью признался Гэйб. — Когда мне было столько же, сколько тебе, я приходил в конюшню при любой возможности. Если подумать, я не слишком-то изменился, верно?

Ники с уважением смотрел на него. Глаза мальчика были не такими зелёными, как у его матери. Минуту спустя он заявил:

— Дома мне не разрешалось ходить в конюшню без папы или страж... другого взрослого мужчины.

— А мне показалось, что ты не любишь лошадей, Ники.

Гэйб доел своё яблоко и протянул огрызок мальчику:

— Вот, отдай Трояну это. Только не кидай в стойло. Я же тебе говорил: он не укусит.

Ники покачал головой, поэтому Гэбриэл разрезал огрызок напополам и показал, как нужно подавать его коню.

— Держи огрызок на ладони, пальцы выпрями, словно подаёшь еду на тарелке.

Он скормил небольшой кусочек коню, а Ники смотрел, широко раскрыв глаза, как Троян высунул нос и осторожно взял угощение с ладони хозяина.

— Это всё потому, что он ваш конь, — заявил мальчик.

— Нет, — возразил Гэйб. — Троян подружится с любым человеком, который принесёт ему яблоки. Почему бы тебе не попытаться?

— Ну, хорошо, — с недоверием в глазах Ники взял вторую половину огрызка и снова забрался на тюк сена. Распрямив пальцы, он просунул руку в полуоткрытую дверь и застыл в ожидании, лицо его сморщилось, словно мальчик предвидел неудачу.

Троян подался вперёд, осторожно коснулся яблока губами, а затем взял его с ладони Ники.

— Он взял его! Троян меня не укусил, даже не ущипнул! — воскликнул мальчик. — Любой из папиных коней откусил бы мне руку!

— Они такие свирепые, да? — Гэбриэл снова вынул нож, отрезал ломтик от второго яблока и протянул его Ники.

— О да, их выращивали специально для участия в войнах, понимаете? — ответил мальчик, скармливая кусок яблока коню. — Папины лошади — самые свирепые во всём мире. Я подумал, что Троян тоже окажется таким, из-за его имени. А ещё потому, что он такой великолепный.

— Ясно, — Гэбриэл подумал, что понял Ники. — Ты из-за этого не любишь лошадей?

— Я... Они мне всё же нравятся, хотя я не люблю, когда меня кусают. Просто... Я не умею ездить верхом, — мальчик произнёс это так, словно признавался в чём-то постыдном.

Гэйб продолжал нарезать ломтики яблока и отдавать их Ники.

— Сколько тебе лет?

— В следующем месяце мне исполнится восемь лет. Его губы такие мягкие... как бархат! — теперь он кормил большого коня уверенно.

— У тебя ещё много времени, чтобы научиться ездить верхом. Многие не начинают этому учиться, пока не станут гораздо старше тебя.

Мальчик покачал головой.

— В Англии — возможно, — сказал он пренебрежительно. — Но не в З... не там, откуда я родом, — поправился Ники. — В моей стране мы начинаем учиться этому с четырёх или пяти лет, — он отвёл глаза. — *Все* начинают, — пробормотал мальчик.

— Твоя мама не умеет ездить верхом.

— Да, но она леди и англичанка.

Гэбриэл пожал плечами.

— Много английских леди умеют ездить верхом. Я даже знаю таких, которые делают это лучше большинства мужчин.

Ники смотрел на него с сомнением.

— И, кроме того, какое имеет значение, умеет твоя мама ездить верхом или нет?

— Это имеет значение в З... там, откуда я родом. Мы знамениты своими лошадьми и наездниками. Все умеют ездить верхом — все мужчины и большинство женщин. Лошади —

это достояние моей страны.

Гэйб кивнул, понимая, что имеет в виду мальчик.

— Хочешь, я научу тебя ездить верхом?

Ники покачал головой.

— Папа столько раз пытался. Я просто падаю — как *ребёнок*! Это бесполезно! — он стукнул себя по искривлённой ноге с такой силой, что это должно было причинить ему боль. — Эта нога ни на что не годится. Недостаточно сильная.

Гэйб протянул мальчику последний ломтик яблока.

— Многие могут ездить верхом, даже если у них проблемы с ногами.

Ники снова покачал головой.

— Только не я. Папа приглашал лучших целителей, чтобы они меня осмотрели. Мою ногу нельзя поправить. Вот почему я никогда не буду ездить верхом.

— Может быть, — Гэйб вошёл в стойло и накинул уздечку на своего коня. — Мой брат Гарри повредил ногу, когда был совсем маленьким. Он всё ещё прихрамывает, но с лошадью управляется, как сущий дьявол.

Наступила тишина. Гэбриэл положил седло на спину Трояну и нагнулся, чтобы затянуть подпругу.

— Гарри приедет сюда через несколько дней. Он привезёт несколько лошадей, — краем глаза Ренфру взглянул на выражение лица мальчика. Ники не подал виду, что слышал то, что сказал Гэйб.

Гэбриэл отвязал Трояна и вывел его из стойла. Мальчик попятился, всё ещё побаиваясь внушительных размеров коня. Когда животное неожиданно двинулось в направлении Ники, тот прислонился к стене, пытаясь слиться с ней. Но страх его постепенно исчез, когда Троян осторожно лизнул рубашку мальчика и нетерпеливо ткнул в карман Ники.

— Он хочет ещё яблок! — воскликнул мальчуган, смеясь. Он нерешительно шлёпнул коня по носу, а затем погладил Трояна, чувствуя себя всё более уверенно.

Гэйб дал им несколько минут, а потом вывел животное из конюшни.

Ники последовал за ними, заметно прихрамывая.

— Куда вы направляетесь?

— Я подумал, что нужно проверить, смогу ли я отыскать чемодан твоей мамы, — Гэбриэл сел на коня и повернул в сторону дороги. — Если кто-либо спросит, где я, скажи, что я вернусь к зав... — он замолчал. Неожиданно обернувшись, Гэйб увидел на лице мальчика выражение такой тоски, что не смог этого вынести. — А ты не хотел бы поехать со мной, Ники?

— Я? Поехать с вами?

— Ты мог бы поехать со мной. Троян не будет возражать. Ты ему понравился.

Мальчик пребывал в нерешительности: сначала он долго смотрел на коня, а потом кинул взгляд на дом.

— Я привезу тебя до того, как твоя мама проснётся.

Ники продолжал мучительно размышлять.

— Ты не упадёшь, я тебе обещаю, — уверил его Гэйб. — Можешь сесть передо мной.

— Как маленький?

— Нет, как, бывало, сиделись мы с Гарри, когда были мальчиками, и у нас была только одна лошадь.

На некоторое время повисла тишина. Ренфру добавил:

— Даже солдаты всё время так поступают — ездят вдвоём, когда у них только одна лошадь.

Этот довод стал решающим. Маленький мальчик выпрямился, отвесил Гэбриэлу церемонный поклон и торжественно заявил:

— Я принимаю ваше предложение.

Другой мальчишка, должно быть, запрыгал бы от радости или захлопал в ладоши, или даже просто рассмеялся от удовольствия. Ребёнок же миссис Принн сделал соответствующий случаю официальный поклон. Или это был «папин» ребёнок?

— Превосходно. А теперь ухватись за мои руки и, когда я досчитаю до трёх, подпрыгивай, а я сделаю всё остальное. Один, два, три! — подбросив Ники, сперва качнув его, как на качелях, Гэйб поднял мальчика и усадил перед собой. Малыш сидел лицом вперёд, руки его крепко вцепились в предплечья Ренфру.

— Готов?

— Да.

Гэбриэл слегка подтолкнул Трояна, и конь спустился к дороге. Ники сидел прямо, вцепившись мёртвой хваткой в руки Гэйба. «Какая мать, такой и сын», — подумал Ренфру.

Бедный мальчуган — его насильно приучали к лошадям лишь для того, чтобы он продолжал падать. Гэйб вспомнил, что Гарри падал бесчисленное множество раз, но это был выбор брата — пытаться снова и снова. Гарри не мог держаться от лошадей на расстоянии.

Когда они подъезжали к песчаным холмам, Гэбриэл предложил:

— Давай теперь поедem чуть побыстрее?

Ники кивнул. Гэйб подал знак Трояну, чтобы тот перешёл на рысь. Мальчик держался крепко, но скоро он поймал ритм.

— Тебе будет проще, если у тебя будет подходящее по размеру седло, — объяснил Гэбриэл Ники.

— Я никогда не пользовался седлом, — сказал мальчик. — Единственный способ научиться ездить верхом на лошади — это ездить охлябью. А так можно научиться только подчинять животное. Мой отец пытался... — он прервал сам себя. — Мне не разрешают говорить о папе.

— Это не имеет значения, — отозвался Гэйб. Он уже начинал рисовать в своём воображении образ отца Ники. — Попробуем перейти на лёгкий галоп?

— Да, — твёрдо произнёс мальчик.

— Скажи мне, если захочешь, чтобы я поехал медленнее.

Ники ничего не ответил. Трояном было очень легко управлять. Они скакали лёгким галопом, пока не увидели море, переливающееся в блестящих утренних лучах солнца. Конь не изменил своей лёгкой поступи, но поднял голову и энергично втянул в себя воздух. Трояну не терпелось перейти в быстрый галоп. И Гэбриэлу тоже.

— Как ты смотришь на то, чтобы мы поскакали чуть быстрее? Ты не упадёшь, обещаю.

Мальчик кивнул, и поэтому Ренфру позволил своему коню прибавить скорость. Ники не возражал, так что, минуто спустя, Гэйб предоставил Трояну полную свободу действий. Они неслись галопом, сопровождаемые оглушительным шумом, грива коня развевалась, а из-под его копыт вылетали комья земли. Ники не издавал ни звука. Его маленькие ручки продолжали цепляться за предплечья Гэбриэла.

Вскоре они добрались до узкой тропинки на склоне утёса, и Ренфру неохотно натянул поводья, чтобы остановить коня.

— Ну как, тебе понравилось? — спросил Гэйб у малыша. Ответа не было. Он наклонился вперёд и повернул лицо мальчика так, чтобы можно было его разглядеть. Глаза Ники были плотно закрыты, а бледное маленькое личико не отражало абсолютно никаких эмоций.

Ренфру вздрогнул. Чёрт побери, почему же малыш ничего не сказал, если был так напуган? Гэйб почувствовал себя тираном и открыл рот, чтобы извиниться.

Ники открыл глаза. Сглотнул.

— Ещё, — прошептал он. — Сделайте так ещё раз.

Гэбриэл внезапно понял, что в глазах мальчика не было страха. Там было возбуждение.

— Ещё?

Ники кивнул.

— Да, только быстрее!

Гэйб откинул голову назад и рассмеялся.

— Обязательно, малыш Ники! Обязательно. Но мы пока не можем тут просто так развезжать... Мне нужно отвезти тебя домой, пока твоя мама по тебе не соскучилась. Но первым делом нам придётся достать ваш чемодан.

— И мамину туфлю?

— Возможно, — ответил Гэйб и добавил: — Если я спешусь и поведу Трояна под уздцы, ты сможешь сам сидеть на нём?

Мальчик выглядел неуверенным, но храбро кивнул. Гэйб слез с коня, и Ники оставалось цепляться только за луку седла. Гэбриэл повёл коня по узкой тропе, ища видимые следы вчерашних событий.

— А, вот где всё произошло, — Гэбриэл остановил коня, снял мальчика и бросил ему поводья. — Привяжи Трояна к кусту, хорошо? — Ники с важным видом взял поводья и повёл большого коня прочь.

Гэйб посмотрел на тропинку, идущую по краю утёса вверх с покрытого галькой берега. Тяжёлый подъём для женщины и ребёнка с больной ногой, особенно в темноте, не говоря уже о том, что ей пришлось тащить чемодан. Почему, чёрт побери, из всех возможных мест она сошла на берег именно здесь?

Ники подошёл к Гэйбу и тоже взглянул на тропу.

— Было очень сложно карабкаться наверх в темноте. Мы ничего не видели, а тропинка была очень крутой.

Затем он добавил:

— Но она не была такой грязной, как сейчас.

— Да, вам повезло, что вы оказались здесь до того, как пошёл дождь, — подтвердил Гэйб. Кажется, эта вылазка будет очень скользкой, на склоне было несколько мест с грязными комьями — следами небольших оползней. Он обрадовался, что не надел пару своих лучших сапог.

— Мама очень рассердилась на капитана корабля. Она хотела, чтобы он доставил нас в бухту Лалворт, но *он не обратил внимания на её пожелание!*

Гэйб подавил ухмылку.

— Господи боже мой!

— Папа приказал бы его выпороть. Мама объяснила мне, когда мы были уже на берегу, что они не знали, кто мы... — с виноватым выражением лица Ники снова остановился на полуслове. — Ой.

— Что ты там говорил? — переспросил Гэйб. — Извини, я не слушал.

— Нет, ничего, — мальчик успокоился.

Гэбриэл был заинтригован. Кто же она такая, раз её сын оказался очень удивлён, когда капитан корабля — даже такого судёнышка, команда которого промышляла контрабандой — отказался подчиниться приказу матери Ники?

— Я не вижу чемодана, но думаю, что вон там след, который он оставил, когда падал... Видишь? — Гэйб указал туда, где несколько редких кустиков, цепляющихся корнями за утёс, были не так давно сломаны, а камни откатились в сторону. — Я спущусь вниз и поищу его. Надеюсь, что чемодан не увяз в грязи.

— Смотрите! Это мамина туфля. — Ники взволнованно показал на что-то.

Действительно, там она и лежала — небольшой клочок голубого цвета, зацепившийся мыском за верхушку острой скалы, размокший из-за обрушившихся на него пенных волн.

— Оставим её там, — решил Гэйб.

— О, но это были мамины любимые туфли.

— Нет, это слишком опасно. Весь этот дождь, который шёл прошлой ночью, приведёт к тому, что комья земли, удерживающие камни на своём месте, снесёт — вот что это за комки грязи на тропинке.

Гэбриэл любил рискованные предприятия, но он не видел пользы в том, чтобы совершать такую опасную вылазку из-за туфли.

Он соскользнул по склону и начал спускаться за чемоданом. Небольшой обвал камешков позади него заставил его оглянуться. Ники тоже спускался.

— Нет, ты останешься наверху, — приказал Гэйб.

— Я тоже хочу пойти.

— Нельзя, это слишком опасно.

— Я могу с этим справиться. И это *мой* чемодан.

— Не спорь со мной, мальчик! Оставайся там.

Было чудом то, что Ники смог подняться по опасной тропе вверх. Снова спускаться по ней вниз с такой больной ногой — и это после того, как шедший всю ночь дождь размыл почву — означало напрашиваться на неприятности.

— Прошу прощения. Я просто хотел помочь, — сказал Ники тихим, напряжённым голосом.

О Боже, он ранил чувства ребёнка. Слишком поздно Гэбриэл вспомнил, как его сводный брат ненавидел свою слабую ногу, как Гарри отказывался, чтобы ему делали уступки из-за неё, а также решимость брата Гэйба делать всё то, чем мог заниматься любой другой мальчишка.

— Ты можешь помочь. Ты можешь... — Гэбриэл попытался придумать мальчику занятие. — Ты можешь присмотреть за Трояном.

Ники заупрямился.

— Троян привязан. А прошлым вечером он был свободен, но, когда вы свистнули, Троян явился на зов.

Гэйб не привык к тому, чтобы его приказы обсуждались. Но он не мог рявкнуть на семилетнего малыша так же, как рявкнул бы на ослушавшегося его рекрута.

— Да, но это было ночью, — объяснил он. — При свете дня вокруг больше людей. Троян очень ценный конь, и мне нужно, чтобы ты охранял его от... эм... от похитителей лошадей.

— Похитителей лошадей?

— Да. Это очень опасные люди — похитители лошадей. Целые орды их рыщут по деревням в поисках ценных лошадей. Их не интересуют мальчишки, — добавил Гэйб поспешно, — только лошади. Так что, если увидишь каких-то людей, которые выглядят зловеще и направляются в нашу сторону, ты должен сразу же позвать меня. Громко-громко, изо всех сил. Понятно, Ники?

Мальчик, совсем как солдат, щёлкнул каблуками.

— Да, сэр! Я буду охранять вашего коня.

— Вот и молодец! — Гэйб продолжил спуск вниз, оскальзываясь и съезжая в тех местах, где камни уступили своё место грязи. Это и в самом деле было довольно опасно.

* * *

— Чё ты делаешь?

Ники так сильно испугался, что чуть не упал со скалы. Он присматривался, насторожившись. Поднял кулак, оборачиваясь, но вместо орды мрачного вида мужчин увидел только одного мальчика в лохмотьях чуть постарше, чем сам Ники, с острыми чертами лица и тёмными глазами, в которых отражалась самоуверенность. Незнакомый мальчик тянул за собой шаткую двухколёсную ручную тележку.

— Кто ты? — Ники схватил поводья Трояна, пытаясь защитить коня.

Мальчик хмуро посмотрел на него. Лицо оборванца было удивительно грязным. Ники не сомневался, что тот не расчёсывал волосы уже несколько недель. Незнакомец был бос, штаны его изодраны в клочья, но сам он ни капельки этого не стыдился.

— Я тебя первый спросил! И чё ты тут делаешь с Трояном?

Тон мальчика покоробил Ники, вынуждая его ответить тому, кто, как он знал, был ниже его по происхождению.

— Я его охраняю, — ответил малыш в той уничтожающей манере, которой научил его отец.

— От кого?

— От похитителей лошадей.

— *Похитителей лошадей?* — презрительно повторил мальчик. — Будто кто-нибудь в округе такой глупый, что решится стибрить и заныкать Трояна у мистера Гэйба!

— *Заныкать?* — Ники ничего не понимал.

— Заныкать — ты чё, не знаешь, чё это означает? Щипнуть, стырить, стянуть, украсть...

— О, — малыш на мгновение задумался. — Значит, ты полагаешь, что здесь нет никаких похитителей лошадей?

Оборванец сплюнул.

— Не-а. Никогда о них не слышал, а я тут всю свою жизнь живу. А даже если бы и нашёлся такой, то далеко он бы не ушёл. Все в этих краях знают мистера Гэйба и Трояна.

Задумавшись, Ники выпустил поводья. Всё оказалось именно так, как он думал: мистер Ренфру просто хотел, чтобы он не путался у него под ногами. Как и папа, новый знакомый мальчика думал, что Ники ни на что не годен.

— Ну и на что ты там смотрел? — потребовал ответа грязнуля с едва различимой враждебностью в голосе.

Малыш показал пальцем.

— На ту туфлю — вон она, голубая, там внизу.

Оборванец недоверчиво посмотрел вниз, а затем кивнул.

— Значит, на туфлю? Тогда лады, можешь взять её себе. А я подумал, что ты пришёл за моими яйцами и вещами.

— Яйцами и вещами?

Неряха сделал движение подбородком, указывая на скалы.

— Я собираю яйца из гнёзд на этих скалах. Хорошая еда — эти яйца.

— О, — яйца диких морских птиц?

«Наверное, это английский деликатес», — подумал Ники.

Оборванец посмотрел вниз со скалы и сморщил нос.

— И чё ты буишь делать с этой туфлей?

— Это моё дело, — ответил малыш. Ники подумал, что не следует объяснять этому странному грязному мальчику, что его мама осталась без туфель.

— И ты буишь её доставать? — тон неряхи был слегка скептическим.

— Возможно.

— Не в таких ботинках, я бы в таких не полез.

Ники посмотрел на свою обувь.

— Почему?

Незнакомый мальчик снова сплюнул.

— Да ты убьёшься до смерти, вот почему. Такие странные кожаные подошвы будут скользить на камнях и в грязи. Те не за что буит зацепиться.

— О.

— Так сними их.

— Ты имеешь в виду, что я должен спуститься туда без обуви?

— Я так и делаю. Лучше всего цепляться пальцами ног. Никогда ещё не срывался. Ты чё, раньше никогда не лазил по скалам?

— Нет, — признался Ники. Также он никогда не выходил на улицу босоногим, но малыш не собирался говорить и об этом.

— Тогда поверь мне — я об этом всё знаю, — заявил оборванец. — Некоторые зовут меня Обезьяной, намекая на то, как я здорово умею лазить по скалам, но моё настоящее имя — Джим.

— Приятно познакомиться, Джим. Меня зовут Ники, — тут малыш сделал лёгкий поклон.

— Вот и ладненько, да? — произнёс Джим с ухмылкой. Он вытянул испачканную руку — под ногтями у него скопилась грязь, — и Ники робко пожал её. — Рад знакомству, Ники. Ну, давай, снимай свои ботинки.

Малыш сел на землю, чтобы снять обувь. Джим с любопытством наблюдал за ним.

— Калека, да?

Ники не ответил, но почувствовал, как ему снова становится стыдно.

— Мой папаша тоже был хромоногий. Акула откусила ему полноги. Но папашу это не остановило. Он сделал себе культю, во как! — охотно объяснил Джим. — Ну, ты давай, доставай свою туфлю. Я тоже займусь делом. Утром я нашёл кое-что стоящее, — он скрылся за кустом с редкой листвой и вновь появился, волоча за собой помятый и грязный чемодан.

Ники не составило труда узнать эту вещь.

— Это наш чемодан!

— Он мой. Я первым его увидел. Правила спасённого имущества, — заявил Джим и положил чемодан в тележку.

— Но он принадлежит мне.

Оборванец нагло фыркнул.

— Ври больше! Я нашёл этот чемодан на берегу сегодня утром и тащил его сюда всю дорогу, значит, он мой!

— Но в нём все вещи, которые есть у нас с мамой!

— Хорошая попытка, но я не вчера родился. Что с возу упало... Тебе достанется туфля, а мне — чемодан, — Джим вынул кусок верёвки, чтобы привязать чемодан к тележке.

Ники подбежал к нему и попытался отобрать свою вещь.

— Нет! Он не твой. Ты не можешь его забрать!

Оборванец резко оттолкнул Ники и теперь возвышался над ним, сжав кулаки.

— Попробуй остановить меня.

— Ну ладно, — малыш вскочил на ноги и поднял кулаки, приготовившись драться с мальчиком, который был старше него. Ники учился искусству кулачного боя. Он приблизился к оборванцу и ударил его. В ответ Джим размахнулся и тоже стукнул Ники, а затем сильно пнул малыша по искривлённой ноге. Закричав от боли, Ники неуклюже распластался в грязи.

Пока он пытался снова встать на ноги, пальцы его наткнулись на камушек, и Ники вспомнил, какой совет мистер Ренфру дал его маме. Схватив камень, малыш подбежал к оборванцу, пронзительно крича, и изо всех сил ударил того в нос.

Раздался ужасный звук, по грязному лицу Джима потекла кровь, и он упал на землю. Ники в ужасе уставился на мальчика, а затем выронил камень. Он не собирался причинять Джиму боль, просто хотел остановить его и не дать украсть чемодан.

— Что, чёрт возьми, здесь происходит? — воскликнул мистер Ренфру, подходя сзади. — Кто это?

Нижняя губа Ники задрожала.

— Этого мальчика зовут Джим, и я думаю, что убил его!

Калли просыпалась медленно, возвращаясь к осознанию реального мира, словно постепенно всплывая на поверхность очень глубокого озера. Она проснулась, чувствуя, что находится в безопасности... и что о ней заботятся.

Глупо. Снова эти глупые мечты. Они причиняют боль. Мечты, от которых у неё внутри всё болезненно сжималось. Мечты для *девушек*, а не для женщин, как Калли. Она уже давно перестала думать о таких вещах. Сейчас Калли лучше знала окружающий мир...

У неё была любовь её сына. Ей должно было этого хватить. А ещё она знала, что Тибби тоже её любит. «Сын и подруга — это больше, чем есть у многих людей», — так Калли говорила сама себе.

Она потянулась, чтобы проверить состояние Ники, так же, как делала это бесчисленное количество раз за ночь. Последнее время Калли всегда спала с сыном, на расстоянии вытянутой руки от него. Она не могла рисковать и позволить сыну спать одному.

Пальцы её коснулись только простыней, холодных и пустых.

Ники! Глаза Калли мгновенно открылись, и она вскочила с постели. Едва остановившись, чтобы набросить на плечи плед из соображений приличия, с босыми ногами, «миссис Принн» побежала вниз по лестнице.

— Где мой сын? — с таким вопросом Калли ворвалась в кухню. — Что вы с ним сделали?

— Ваш мальчик? — миссис Барроу посмотрела на неё, оторвавшись от котелка, в котором что-то помешивала. — Полагаю, он в конюшне или где-то неподалёку, — она улыбнулась Калли. — Нет нужды спрашивать, как вам спалось. Вчера вы выглядели ужасно, а теперь — посмотрите-ка — похорошели и...

— Куда его увезли? — потребовала ответа Калли.

— Кто? — миссис Барроу нахмурилась. — Никто никуда вашего сыночка не увозил, не волнуйтесь так. Он вернётся, когда его желудок напомнит о себе. Мальчишки всегда так делают.

Калли смотрела на широкое, румяное лицо женщины, пытаясь распознать обман, но не увидела ничего, кроме спокойной честности.

— Ники не такой мальчик, чтобы убежать куда-то.

— Я тут стряпаю с самого рассвета, — миссис Барроу кивнула на блюдо с яблоками, стоящее в буфете. — Кто-то взял несколько яблок. И, когда я сюда спустилась, входная дверь была не на засове. Он точно в конюшне. Туда обычно все мальчишки ходят.

Калли покачала головой.

— Мой сын никогда не подходит к конюшням. Ему не нравятся лошади. Должно быть, кто-то его увёз.

— Кто? Здесь нет никого, кроме нас. Собака залаяла бы, если бы поблизости слонялись чужаки.

— Собака! — воскликнула Калли. — Да, она была с ним прошлой ночью. Где собака?

Миссис Барроу схватила сложенную в несколько слоёв тряпку и с ужасающим грохотом вынула из печи два свежеиспечённых хлеба.

— Снаружи, там, где и положено быть собакам. Мистер Гэйб запускает её в дом, а я не люблю, когда у меня на кухне животные!

Ловким движением руки она отправила хлеба на решётку. От подрумяненной корочки поднимался пар, и комнату заполнил восхитительный аромат.

— Ну вот, сейчас он точно прибежит обратно. Никогда не видела мужчин или мальцов, которые бы смогли устоять перед запахом свежеиспечённого хлеба!

Но Калли это не убедило.

— Где мистер Ренфру?

— Барроу полагает, что он с утра, как обычно, решил прокатиться верхом. Трояна и его седла нет в конюшне.

— Ага! Значит, он, должно быть...

— Мастер Гэйб ездит верхом каждое утро — и в дождливую погоду, и в солнечную, — вот так-то. А иногда даже по ночам. Барроу говорит, что это помогает хозяину прогнать демонов, терзающих его. Ему больше не спится по ночам, нашему молодому господину. Война, знаете ли. Тяжела она для молодых людей, ох, тяжела. После, почитай, восьми лет войны и жизни в палатках да на чужбине, нелегко мужчине осесть и мирно зажить в Англии, так мой Барроу говорит. Наш Гарри такой же. Неугомонный. Всегда в отъезде и занят делами.

Но Калли не слушала. Через окна, выходящие на море, она увидела всадника, быстро приближающегося к дому на большом чёрном коне. Грязный тюк был привязан у всадника спереди. Мягкий тюк размером с ребёнка, и из этого тюка высовывались перепачканные голые ноги.

— Ники! — Калли подбежала к двери и распахнула её. Миссис Барроу последовала за ней, а её муж прибежал из соседней постройки.

— Вот, Барроу, внеси его в дом! Должно быть, у него сломан нос...

— Сломан нос! — Калли была в ужасе. Она не смогла разглядеть лица Ники из-за закрывавшего его белого носового платка, пропитанного кровью.

— ...а может и нет, но крови довольно много, — мистер Ренфру передал тюк Барроу, затем спешился.

— Ники! Ники! — мать пыталась подойти к своему ребёнку, но Гэбриэл схватил её за руку.

— Ники в полном порядке, — заверил он Калли.

— Что вы такое говорите? Тут повсюду кровь! — отбивалась она от него. — Пустите меня! Я должна идти к нему!

— Этот мальчишка не Ники!

Калли застыла, уставившись на него широко распахнутыми глазами.

Он повторил уверенным голосом:

— Ники в полном порядке.

В исступлении Калли огляделась вокруг.

— Тогда где же он?

— Он там, у скал, присматривает за вашим чемоданом.

— Присматривает за моим чемоданом? — словно эхо, повторила она, оцепенев.

— Да, мне пришлось оставить его там с вещами, — Гэйб стряхнул грязь с рубашки, но добился только того, что размазал всё ещё больше. — Иначе чемодан могли украсть. Он влажный и выглядит сильно потрепанным после того, как упал со скалы, а ещё ваш чемодан довольно грязный. Но других повреждений у него нет.

Она уставилась на него, не в силах поверить своим ушам.

— Вы имеете в виду, что оставили моего ребёнка где-то там, неизвестно где, одного, охранять чемодан?

— Совершенно верно, — Гэбриэл обнадеживающе ей улыбнулся. — Не думаю, что ваши вещи в опасности, но мне не хотелось их оставлять без присмотра.

— Вы не думаете, что чемодан в опасности, — повторила Калли слабым голосом.

— Нет, — используя чугунную подставку для чистки обуви, стоящую у задней двери, Гэйб начал счищать грязь с сапог.

— Но мой сын совсем один.

Мужчина нахмурился.

— Да, но Ники — благоразумный мальчик. Он будет держаться подальше от края, я уверен.

— Подальше от *края*? Тех скал? Там, где мы были вчера вечером?

— Да, сегодня утром я взял его с собой на прогулку верхом. Вам не кажется, что вы немного перебарщиваете с заботой?

— Перебарщиваю с заботой? — Калли посмотрела на мистера Ренфру и неожиданно почувствовала себя странно спокойной. Она внимательно осмотрелась.

Озадаченный, он наблюдал за ней.

— Что вы ищете? Уронили что-то?

Калли посмотрела на него ясным взглядом.

— Мне нужен большой камень.

— Большой камень?

— Да, вы говорили, что будет лучше взять в кулак большой камень в следующий раз, когда я буду кого-нибудь бить.

— А-а, — отозвался Гэйб. — Ясно. Вы расстроены. Беспокойтесь о мальчишке, но в этом нет нужды, уверяю...

Калли посмотрела на него. Она не знала точно, что за выражение застыло на её лице, но, видимо, его оказалось достаточно. Гэбриэл отступил.

— Я сейчас же вернусь туда и привезу Ники, хорошо? — он пронзительно свистнул, и его конь прискакал рысью, с волочащимися по земле поводьями. — Я мигом вернусь, — одним гибким движением вскочив на коня, он галопом ускакал туда, откуда недавно приехал.

Калли наблюдала за ним, пока мистер Ренфру не исчез из вида, а затем поспешно поднялась по лестнице, чтобы одеться. Она продолжала смотреть в окно, внутри неё боролись страх и ярость. Ники был где-то там один, на вершине скалы. Всё могло случиться.

* * *

— Ой, вы мне больно делаете! — услышала Калли жалобный юный голос, когда вновь зашла на кухню. Миссис Барроу боролась с ребёнком, пытаясь раздеть его, в то время как Барроу устало сновал туда-сюда с вёдрами воды.

— Я тебе сделаю ещё больнее, если ты не перестанешь так извиваться, мальчуган! — отрезала миссис Барроу. — Ты посмотри на себя! Просто позор!

— Он ведь не сильно пострадал? — спросила Калли.

— Нос не сломан, просто кровь идёт. Не думаю, что есть ещё какие-то повреждения, но кто знает, что там у такого испачканного маленького попрошайки? Как тебя зовут, малец?

— Джим... ой-ёй! — мальчик — а Калли убедилась, что он не намного старше Ники — попытался отогнать миссис Барроу, но где уж было ему с ней тягаться.

— Барроу, а теперь налей туда горячей воды, — бросила его мучительница через плечо. — Она не будет такой горячей, как я люблю, но и холодной тоже не будет... стой смиренно, дьяволёнок!

— Прекратите! Это неприлично! — мальчик пытался снова завладеть рубашкой, которую безжалостно стаскивали с его худощавого тела.

— Сколько на тебе грязи — вот что неприлично, юный Джимми, мальчик мой! Я не удивлюсь, если у него в карманах растёт картошка, мэм!

— Нет там ничего! — мальчуган посмотрел на Калли. — Нет там ничего, леди, правда, нет! Пожалуйста, скажите ей, чтобы она меня отпустила.

Калли бросила на Джима беспомощный взгляд. Она переживала за своего собственного сына. Участь этого ребёнка её не волновала: с миссис Барроу он был в надёжных руках. Этот мальчик находился в полной безопасности.

Калли выглянула в окно, понимая, что ещё прошло слишком мало времени, чтобы всадник вернулся, но она была не в состоянии подавить тревогу в груди.

Миссис Барроу продолжала, ничуть не испугавшись:

— На тебе достаточно грязи, чтобы вырастить дюжину картофельных кустов. Сейчас ты примешь ванну, нравится тебе это или нет, — она сдёрнула с него изодранные в клочья штаны.

— Оййй! — взвыл мальчуган и отчаянно попытался прикрыть свои миниатюрные сугубо мужские части тела. — Я не буду принимать никакую ванну! Нетушки!

— Или ванна, или я прокипячу тебя в медном котле с простынями! — свирепо ответила миссис Барроу.

— *Прокипятите меня в медном котле?* — широко раскрытые, изумлённые глаза Джима ярким пятном выделялись на чёрном от ввевшейся грязи лице мальчика.

— С простынями, всё верно, — миссис Барроу подмигнула Калли поверх головы Джима. — Хорошее кипячение в щёлоче убьёт всех этих противных паразитов, которые на тебе завелись! Блохи, гниды и, кто знает, что у тебя там ещё? Я и до них бы добралась, только Барроу сказал, что ванна будет лучше. Но, если ты собираешься спорить со мной...

Сопровождаемого воплями протеста Джима усадили в оловянную ванну и начали оттирать с головы до пят, не оставляя ему ни малейшего шанса на скромность. Каждый раз, как мальчик открывал рот, чтобы возразить против такого обращения с ним, туда попадало мыло.

Чувства Калли были двойственными: одна её часть следила за сценкой из семейной комедии-драмы, разворачивавшейся перед её глазами, а другая беспокоилась за сына. Ники боялся лошадей, зачем ему было соглашаться на прогулку верхом?

Что, если за ними следят? Что, если люди графа Антона нашли Ники у вершины скалы, одного и без защиты? Без свидетелей...

Позади неё вода в оловянной ванне стала чёрной.

Калли яростно прогоняла возникающую перед глазами картинку, на которой маленькое переломанное тельце лежало, подёргиваясь, среди зубчатых скал. С ним всё будет хорошо, обязательно. Она беззвучно молилась.

— Вставай на коврик.

Всё желание Джима сопротивляться пропало вместе со смывшейся грязью, и теперь он

стоял мокрый, как мышь, но абсолютно чистый, и волосы его свисали сосульками, когда мальчика энергично растёрли и обернули в большое полотенце.

— Теперь садись! И съешь это... и не спорь! — миссис Барроу протянула ему тарелку, на которой лежал огромный кусок пирога со свининой. Тарелка опустела за считанные секунды.

В двадцатый раз Калли посмотрела в окно. Всё ещё никаких следов высокого мужчины и маленького мальчика, сидящих на чёрном коне. Молодую женщину терзала тревога.

Миссис Барроу принесла ножницы.

— Я собираюсь подстричь тебе волосы, — сказала она Джиму. — Они слишком запутанные, чтобы можно было их расчесать, и, кроме того, это единственный способ, чтобы мы проверили, нет ли у тебя на голове порезов.

Мальчуган съёжился на стуле.

— Нет там ни одного порезов! Я в порядке, честно!

— *Ни одного пореза, а не порезов,* — поправила его миссис Барроу. — И сиди спокойно, иначе я тебе и уши отрежу вместе с волосами.

Джим сидел очень, очень спокойно. Вокруг него спутанными прядями падали волосы.

— Так-то лучше, теперь ты больше похож на человека. — Миссис Барроу отступила на шаг и оценивающе его оглядела. — Давай-ка посмотрим, что с твоим носом, — Джим вскинул руки, защищаясь, но она оттолкнула их. — Не глупи. Ты что, думаешь, что я собираюсь сделать тебе больно?

Барроу подмигнул Калли.

— Да, с чего бы тебе бояться миссис Барроу, малец? — пророкотал он. — Она всего лишь протёрла каждый дюйм твоего тела до дыр, пригрозила прокипятить тебя в щёлке и отрезать уши. Тут совершенно нечего бояться.

— Фу ты! Малышу хорошо известно, что я бы не причинила ему боли.

В изумлении мальчик посмотрел на неё широко раскрытыми глазами.

— Ох, вот только не надо так на меня смотреть... Ты прекрасно всё понял! А теперь сиди смиренно, пока я позабочусь о твоём носе, или я не дам тебе свежего хлеба с джемом. И сливочным варенцом^[3].

Такая угроза возымела действие на Джима, и он сидел, как ягнёнок, пока миссис Барроу мыла и осматривала его нос. Барроу снова подмигнул Калли.

Она ответила ему мимолётной улыбкой. Двадцать пять лет упорных тренировок исчезали, оставаясь позади, но Калли не испытывала сожаления.

Папа обязательно указал бы ей на то, что происходит из-за такой вот распушенности, — конюхи, которые ей подмигивают настолько фамильярно, и кухарки, которые обнимают Калли и называют её миленькой.

Но хуже всего то, что ей это очень понравилось. Или могло бы понравиться, если бы она не переживала так сильно.

* * *

— А вы уверены, что с Джимом всё в порядке? — спросил Ники у Гэйба в третий раз.

— Да. Всё выглядело хуже, чем оказалось на самом деле. Просто синяк, не более. Самым важным делом было отмыть нос от всей этой грязи. Раны могут загноиться, если оставить их грязными, — Гэйб закончил привязывать ремнями сумку к спине Трояна. — Ты

не волновался из-за того, что я оставил тебя здесь?

— Нет, — ответил мальчик. — Здесь же видно на несколько миль кругом. Я могу видеть море и тропу, и никто не сможет подкрасться незаметно и схватить меня. Я увидел, что вы приближаетесь, задолго до того, как вы оказались тут.

Гэйб нахмурился, глядя на малыша.

— Ты переживаешь из-за людей, которые могут схватить тебя?

— Да, конечно, — Ники сказал об этом так, словно в этом не было абсолютно ничего необычного.

— А кто-нибудь раньше уже пытался это сделать?

— Да.

— В самом деле? — значит, у мамы Ники всё же были причины для беспокойства.

— Как вы получили этот шрам? — мальчик показал на ухо Гэйба.

Ренфру невольно дотронулся до тонкой, светлой линии, которая проходила вдоль подбородка и заканчивалась на разрезанной мочке уха.

— Штык.

— Если бы вас ударили чуть пониже, то могли бы убить, — сказал Ники с детской непосредственностью.

— Да, или отрезали бы ухо совсем, — согласился Гэйб. — Я счастливо отделался.

— У мамы тоже есть такой разрез на ухе.

— Что? — Ренфру уставился на мальчика. Он ничего не заметил. Её волосы свободно спадали на плечи, скрывая уши. — Как это случилось?

— Кто-то разорвал ей ухо.

— На твою маму напали?

Ники кивнул, нахмурившись.

— Я не уверен, могу ли рассказывать об этом в Англии, — он закусил губу. — Наверное, мне не следовало вам говорить и о плохих людях. Дело в том, что я не уверен, о чём мне можно рассказывать, а о чём нет.

— Я не скажу ни единой живой душе, — Гэйб проверил седло, напустив на себя равнодушный вид.

Мальчик подумал немного, а затем, очевидно, решив, что всё же ему можно в этом признаться, продолжил:

— Позже мама сказала мне, что это были всего лишь воры, позарившиеся на её серьги... Одной из них и разорвали ухо. Было много крови. Но мама сказала, что ей совсем не больно.

«Мама солгала», — подумал Гэбриэл, и его заинтересовало, где же в это время находился «папа».

— Но я думаю, что она так поступила, чтобы я не переживал за неё. Иногда мама так делает.

Брови Гэйба поползли вверх. Такой маленький, но такой чуткий мальчуган.

Ники вертел в руках поводья, которые держал. Он бросил на Ренфру быстрый серьёзный взгляд.

— Ещё я не думаю, что те мужчины были ворами.

— Нет?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Они приходили за мной. Только мама остановила их.

— А раньше такое случалось? — задал вопрос Гэйб.

— Да, однажды меня похитили, на целых три дня, но вернули домой. На самом деле, я этого не помню: я тогда был маленький, — Ники пожал плечами. — За мной всегда охотятся какие-то люди.

— А сейчас они тебя ищут? — тихим голосом поинтересовался Гэбриэл. Определённо, это объясняло многое из того, что его озадачивало.

Мальчик ссутулился, опустив свои худые плечи.

— Мы не знаем. Мама надеется, что нет. Вот почему... — Ники закусил губу.

— Вот почему вы прибыли в Англию, — закончил за него Гэйб. «И почему она была такой подозрительной по отношению ко мне прошлым вечером», — подумал он. — Что ж, я не знаю, кто эти люди, Ники, но обещаю тебе следующее: если они явятся за тобой и твоей мамой, я сделаю всё возможное, чтобы остановить их, — и добавил: — Видишь ли, у меня хорошо получается иметь дело с плохими людьми. Последние восемь лет я был солдатом на войне.

Ребёнок посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, затем кивнул, словно был удовлетворён услышанным.

Гэйб сел на лошадь и, снова раскачав Ники, усадил его перед собой.

— Пора возвращаться, — сказал он. — Твоя мама беспокоится за тебя.

— Хорошо, а ещё я должен проведать Джима.

Они тронулись, поехав шагом. Тропа меж скал была слишком скользкой от грязи, чтобы ехать быстрее.

Ники нахмурился.

— Я ведь поступил неправильно, да? Ударив его камнем?

— Да, — согласился Гэбриэл. — Зачем ты это сделал?

— Ну, он не дрался, как джентльмены в моей стране, а избивал меня, тогда я вспомнил, как вы говорили маме зажать в руке камень и ударить в нос, а вы джентльмен, поэтому я подумал, что именно так дерутся в Англии, — заключил мальчик.

— Это не так, — с сочувствием ответил Гэйб. — Я говорил твоей маме поступить так, потому что леди не следует никогда оказываться в подобном положении, чтобы быть вынужденной драться, и она меньше и слабее, чем большинство мужчин, поэтому не должна подчиняться правилам джентльменов.

— Значит, мне не следовало бить Джима?

— Нет, только не камнем. Но то, что ты дрался, чтобы защитить вещи своей мамы, не было неправильным. И, если тот парнишка дрался не по правилам, твой поступок можно понять. Но ты не должен его за это винить: Джима не обучали драться, как джентльмена.

Ники поразмыслял над этим.

— Я не уверен, как должен поступить — нужно ли мне извиниться перед ним или нет.

— А что хочешь сделать ты?

— Папа всегда говорил, что не следует никогда просить прощения у того, кто ниже тебя по происхождению. А Джим ведь деревенщина, так ведь?

— Мы в Англии больше не употребляем слово «деревенщина», — поправил Гэбриэл мальчика. — Но Джим, вероятно, сын бедного рыбака.

— Так что папа сказал бы, что я не должен извиняться, — Ники вздохнул. — Но мама говорит, что, если я поступаю неправильно, всегда следует просить прощения, не имеет значения, у кого. Но мама ведь леди, а леди отличаются от мужчин.

— Несомненно, — согласился Гэйб.

— Конечно, я всегда *слушался* папу, но иногда у меня появлялось неприятное *ощущение* вот здесь, — мальчик положил руку на грудь.

— Ясно, — отозвался Гэбриэл. — Этот вопрос не связан ни с мамой, ни с папой, верно? Так что *ты* думаешь о том, что нужно сделать?

На секунду Ники задумался.

— Я жалею, что ударил Джима и разбил ему нос, и что не дрался с ним, как полагается джентльмену.

Гэйб кивнул.

— Мне бы хотелось снова поговорить с Джимом. Может быть, он и дер... сын бедного рыбака, но он интересный мальчик, — Ники посмотрел на Гэйба снизу вверх. — Я не хочу, чтобы он продолжал сердиться на меня.

— Значит, тебе следует извиниться, чтобы вы смогли стать друзьями, да?

Мальчик подумал над этим.

— Нет, я попрошу прощения потому, что поступил неправильно, — решил он.

— А если бы Джим тебе не понравился? Ты бы всё-таки извинился?

Ники задумался.

— Я *полагаю*, что всё равно извинился бы, но это было бы не так просто, потому что, если бы он был моим врагом, то почувствовал бы своё превосходство.

Гэйб кивнул.

— Что важнее: что о тебе думает враг, или что ты думаешь о самом себе?

— Хороший вопрос, — задумчиво произнёс малыш. — Мнение моего врага для меня ничего не значит. Вы правы, сэр.

Некоторое время они ехали молча.

— Сэр, это был очень хороший разговор. Спасибо, — торжественно заявил мальчонка.

Гэйб взъерошил волосы Ники.

— Мне он тоже понравился. Ты добрый мальчик, Ники. Неудивительно, что твоя мама гордится тобой. А сейчас давай поскачем чуть быстрее?

— Да, пожалуйста, и помчимся, как ветер, — твёрдо сказал малыш.

И они помчались, как ветер, и Ники вцепился Гэбриэлу в запястья и всё просил его скакать быстрее, быстрее, *быстрее!*

Наконец, Ренфру решил, что Трояну уже довольно, и замедлил темп до лёгкого галопа.

— Это было великолепно! — воскликнул мальчик. — Раньше я не понимал, что катание верхом может быть похоже на полёт!

Теперь Ники сидел на коне намного свободнее, инстинктивно реагируя на движения Трояна. Гэйб был уверен, что если взять подходящее седло и несколько приспособлений для больной ноги мальчика, то тот сможет ездить верхом.

— В самом деле, похоже. Ты говорил, что твой отец был великолепным наездником.

— Да, самым лучшим во всей З... моей стране.

И Гэйб осторожно спросил наугад:

— Он погиб, катаясь на лошади? Перепрыгивая через забор?

— Нет, его застрелили. Говорят, это был несчастный случай, однако это неправда.

«Итак, папа мёртв», — подумал Гэбриэл.

— Неправда?

— Нет. Они охотились за ним и поймали. А сейчас ищут меня, — заключил Ники таким тоном, словно это было самым обычным делом.

— Понятно. А сколько прошло времени с тех пор?

На секунду мальчик задумался.

— Больше года. Папу убили за месяц до моего дня рождения. Мне тогда даже не было семи лет.

— Ясно, — Гэйб помолчал немного. Выходит, мальчику действительно грозит опасность. Гэбриэлу придётся извиниться перед мамой Ники.

— А у мамы есть другое имя, кроме «мама»?

Ники засмеялся.

— Конечно. Папа называл её Каролина, но дедушка всегда звал маму Калли.

Следующие несколько миль Гэйб ехал молча, далеко уносясь своими мыслями.

Её зовут Калли. И она вдова. Уже больше года.

Они въехали во двор поместья через арку, и Гэбриэл подал Трояну знак перейти на шаг.

— А мы не можем ещё раз так прокатиться? — с мольбой в голосе спросил Ники. — Скакать галопом, летя, словно ветер?

Гэйб усмехнулся.

— Только не сейчас, маленький дьяволёнок. Твоя мама задушит... ох, а вот и она!

Дверь кухни с треском распахнулась, и Калли стремительно пересекла двор, полностью одетая и в туфлях.

— Позже я снова возьму тебя на прогулку, — Гэбриэл спустил мальчика на землю.

Ники вцепился в его руки.

— Обещаете?

— Обещаю.

— Ники, ты живой! О, слава Богу, слава Богу! — мать крепко обняла сына. Гэйб не спеша слез с коня и отвязал чемодан.

Ники терпел объятия матери лишь несколько секунд, а затем, изловчившись, освободился. Лицо его расплылось в улыбке, и мальчик быстро затараторил:

— Мама, я так замечательно провёл время! Мистер Ренфру взял меня на прогулку верхом на Трояне — так зовут его коня — это великолепное животное, ты так не считаешь? Он такой же хороший, как и любая из лошадей папы, и всё было так замечательно, и я ни разу не упал, ни разочка, а мы скакали быстро, так быстро, словно оседлали ветер, и я даже нисколько не испугался, потому что мистер Ренфру держал меня перед собой, и он очень сильный и отличный наездник, и... о, мы скакали по вересковым пустошам так быстро, мама, и...

Она снова обняла Ники, то ли смеясь, то ли плача.

— Итак, ты чудесно провёл время, ужасный мальчишка, и — подумать только! — я так о тебе беспокоилась. Ты только посмотри на себя! Ты весь в *грязи*!

— Да, я знаю! — глаза мальчика поблёскивали на грязном лице...

«Словно грязь, также как и поездка верхом, была для Ники удовольствием», — подумал Гэйб. Возможно, так оно и было. Его держали на очень коротком поводке. Ренфру допускал, что для этого было достаточно причин, но всё же такая ситуация оказалась сложной для Ники: ведь ему не разрешали быть мальчиком.

— Я слышала, что ты там подрался с мальчиком!

Неожиданно на лице Ники появилось виноватое выражение.

— Да, я всё понял, мама, но мистер Ренфру сказал, что драться, чтобы защитить наш чемодан — это не неправильно...

— Как будто мне есть какое-то дело до чемодана...

— Мама, я должен пойти и посмотреть, как там мальчик. Мистер Ренфру сказал, что он в порядке, но я хочу убедиться в этом сам. Я обязан извиниться перед ним. Я знаю, что он бедный крестьянский мальчик и очень грязный, но... — Ники взглянул почти с гордостью на свою испачканную одежду и снова усмехнулся. — И я тоже... грязный, то есть! И мне всё равно, если кто-то это запрещает — он мой друг, мама.

И с этими словами малыш неуклюже побежал, припадая на одну ногу, к двери на кухню, оставив свою мать стоять посреди двора и смотреть, как он от неё убегает, с таким выражением изумления на лице, что Гэбриэл не выдержал и во весь голос рассмеялся.

На этот звук Калли обернулась.

— *Вы!* — воскликнула она, и её изумительные зелёные глаза полыхнули гневом. — Как вы смеете смеяться? Вы имеете хоть *малейшее* представление, что я чувствовала? Хоть *какое-то* понятие о том, через что я прошла, когда поняла, что Ники исчез?

Гэйб пожал плечами, словно извиняясь.

— Вообще-то, я спустился вниз со скалы, чтобы достать ваш чемодан, — сказал он спокойно, медленно направляясь к конюшне. И, как он и предполагал, Калли последовала за ним.

— Вам следовало сначала спросить!

— Вы бы дали мне разрешение взять Ники с собой?

— Конечно же, нет! Почему я должна доверять своего ребёнка совершенно незнакомому человеку?

В конюшне было тихо. Барроу расседлал Трояна и отвёл его в стойло. Гэйб подал груму еле заметный знак, чтобы тот исчез. Барроу вышел, тихо закрыв за собой дверь конюшни.

— И вы *знаете*, что он боится лошадей...

— Неправда. Ники боится упасть, что, как я понял, случалось с ним довольно часто прежде. Как только мальчика убедили в том, что он не упадёт, он отлично провёл время.

Калли сердито смотрела на Гэйба.

— Значит, вы считаете меня совершенным, не так ли? — спросил Ренфру, открывая дверцу стойла.

Молодая женщина выглядела смущённой.

— Как вы могли такое подумать?

— Вы только что сами это сказали.

— Я этого не говорила!

— Вы сказали, что я совершенно незнако...

Калли сузила глаза, глядя на него.

— Я имела в виду, *абсолютно* незнакомый человек, — поправила она Гэбриэла. — Совсем не знакомый человек, и, естественно, не тот человек, которому я могу доверять своего сына. И не будьте таким несерьёзным, когда я делаю вам выговор!

— Да, мэм, — промурлыкал Гэйб. — А вы очень хорошенькая, когда злитесь.

Калли насмешливо фыркнула, отчего её ноздри задрожали, — и он нашёл это совершенно очаровательным.

— Держу пари, вы совершенно измучили себя всякого рода ужасными фантазиями, а теперь, когда увидели, что с Ники всё в полном порядке, и он, очевидно, безумно счастлив, вы злитесь на всех и чувствуете себя не в своей тарелке. И поэтому вините во всём меня.

— Я виню вас, да! Потому что это *была* ваша вина. Если бы вы не взяли его...

— Да, да, *mea culpa*^[4].

А вы знаете, что у меня есть отличное лекарство от вашего расстройства? — заявил Гэбриэл.

— О, неужели? И что бы это могло быть?

— Вот что, — и прежде чем Калли смогла даже подумать о его намерениях, Гэйб сделал шаг вперёд. Это привело к тому, что она оказалась очень близко к Ренфру, и его грудь прижалась к её груди.

Калли с трудом вдохнула. Самый привлекательный рот в мире, созданный для поцелуев, сложился в безупречную *O* от удивления, и Гэбриэл сделал то, что намеревался сделать с тех пор, как он впервые увидел Калли.

Он поцеловал её.

Его губы были тёплыми и уверенными, а поцелуй настолько неожиданным, что с самого начала Калли была слишком удивлена для того, чтобы хотя бы пошевелиться. Или запротестовать.

Её целовали в конюшне, как служанку.

Ей следовало бы закричать, сопротивляться.

Но то, *как* он целовал её... сопротивление было бесполезным.

У губ Гэйба был привкус соли, яблок и мужчины. Это просто поцелуй, говорила Калли себе, и всё-таки это так... интимно. Он целовал её всем ртом, не только губами, властно и уверенно, и ей казалось, что она вот-вот растает.

Через мгновение он отпустил её. Калли стояла, изумлённая, не сводя глаз с его губ.

— Это неправильно, — пролепетала она. — Я уважаемая ж-ж-женщина. Позвольте мне уйти.

Он не двигался, взгляд его упал на её руки, а губы медленно сложились в ухмылку. Калли проследила за его взглядом и увидела, что её руки судорожно сжимали лацканы его сюртука. Она быстро отпустила их.

— Если это было неправильно, то на этот раз мы сделаем всё так, как надо, — тихо проговорил он. — На этот раз поцелуй будет *очень* уважительным.

Она упёрлась ладонями ему в грудь, пытаясь остановить, но каким-то образом всё изменилось. Губы Гэйба снова накрыли её рот, и её опять охватили головокружительные, опьяняющие ощущения. Калли чувствовала его сердцебиение под своими ладонями. Он так аккуратно держал её лицо в своих ладонях, как будто это было что-то ценное. Поцелуй длился вечность.

Её руки скользили вверх по груди Гэйба, вдоль линии подбородка, пока пальцы не запутались в его волосах. Его язык ласкал её рот, и огонь охватывал Калли до самых кончиков нервов, заполняя её всю целиком.

К тому моменту, когда он остановился, Калли едва могла стоять на ногах, и ещё меньше — говорить.

Ноги казались чужими и какими-то непослушными, и на минуту ей показалось, что она сейчас рухнет в сено на полу. Калли сжала колени так крепко, как могла, пока не вернулась в своё привычное состояние, и попыталась принять невозмутимый, достойный вид. Она — принцесса, а не служанка.

— Я не целуюсь с незнакомыми мужчинами, — только и смогла она слабо произнести через мгновение. Она действительно запустила руки в его волосы? На неё это было не похоже. Но трудно опровергнуть тот факт, что волосы его находились сейчас в полном беспорядке.

Гэбриэл улыбнулся так, что от его улыбки она покраснела и почувствовала себя выбитой из колеи.

— Рад это слышать. Хотя я и не настолько уж необыкновенный^[5], не так ли?

Всегда считал себя довольно обычным парнем.

Он был далеко не обычен.

— Я имею в виду, что плохо *знаю* вас! — сказала она, отчаянно пытаясь успокоиться. Она не могла поверить, что позволила себе ответить на поцелуй. Она знала, к чему приводят

подобные вещи.

Прямо к разбитому сердцу.

Он одарил её театральным-скорбным взглядом.

— Вы так быстро меня забыли? Я тот парень, кто вчера вечером проводил вас в спальню. На вас была восхитительная розовая ночная рубашка. Припоминаете?

Калли покраснела.

— Вы понимаете, о чём я.

— Неважно, но так как вы, очевидно, меня забыли, позвольте представиться: Гэбриэл Ренфру, к вашим услугам.

Он одарил её лукавой ослепительной улыбкой.

— К вашим несравненно исключительным, очень личным услугам. Как поживаете? Лишний вопрос, несомненно. Вы поживаете прекрасно, не правда ли? Вы определённо восхитительны на вкус, просто как дикий мёд.

Он наклонился, чтобы снова поцеловать её, но на этот раз Калли решительно отступила на шаг.

— Нет! Остановитесь. Это недопустимо.

— Я надеюсь, что вы решите, что я вполне допустим. Вы должны признать, что мы продвинулись вперёд. Прошлой ночью вы назвали меня змеёй, помните? Но теперь вы должны согласиться, что я очень даже теплокровный. Чувствуете? Мою тёплую кровь?

Лицо Калли вспыхнуло. Она не знала, что сказать и куда смотреть. Ни при каких обстоятельствах она не признает, что чувствует что-то тёплое по отношению к нему. Ни к его губам, ни к его большому, тёплому телу, ни к чему бы то ни было. Да уж, он был слишком теплокровным, чтобы любая целомудренная женщина чувствовала себя спокойно.

Он улыбнулся.

— Что ж, если вы закончили настаивать на своём, нам лучше уйти отсюда и не тратить время попусту.

Калли открыла рот от изумления, но он продолжал:

— Мы должны разобрать ваш чемодан. Боюсь, море намочило его содержимое и некоторые из ваших вещей могли испортиться, — сказал Гэйб, протянув ей руку. — И вопрос о завтраке тоже остаётся открытым.

Калли повернулась к двери. Гэбриэл последовал за ней со словами:

— В следующий раз мы найдем что-нибудь поудобнее.

Она резко повернулась:

— В следующий раз? Не будет никакого следующего раза. Я уже говорила вам, что я уважаемая, замужняя ж...

— Вдова, — сказал он, пытаясь не показывать своего удовольствия. — Больше года, судя по рассказам Ники.

— Вы пытали семилетнего...

— Я не пытал его, просто... собрал факты вместе. Он говорил о своём отце в прошедшем времени. И вы, кстати, тоже, — Гэйб улыбнулся. — Вы — вдова.

— Да, но я не «такая» вдова!

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался он, медленно приближаясь к ней.

Принцесса сделала несколько шагов назад.

— Я вдова, но у меня нет желания менять этот статус! Я знаю, чем чреват брак, и я никогда больше не хочу иметь с этим ничего общего!

— Кто говорит о браке?

Её глаза расширились.

— У меня есть моральные принципы!

Он пожал плечами и сделал к ней ещё один шаг.

— Принципы не согревают ночью.

Внезапно её глаза вспыхнули.

— Нет, но благодаря вам, я точно знаю, *что* согреет.

Он расплылся в улыбке.

— Отлично, итак...

— Горячий кирпич, — сказала она с триумфом в голосе и направилась ко входу на кухню.

* * *

Её сын сидел в оловянной ванне, а миссис Барроу немилосердно тёрла его, пока пострелёнок Джим с ликованием за ними наблюдал.

— Ужас, да? — говорил он, но Ники знал, что рот лучше не открывать, пока в руках миссис Барроу мыло.

— Жди-жди, пока она тебе все волосы не отрежет.

Калли открыла было рот, чтобы пресечь такие высказывания, но миссис Барроу опередила её.

— Мне не нужно отрезать волосы этому мальчику, ведь их расчёсывали последние полгода, в отличие от некоторых! А если ты будешь и дальше так сидеть и делать глупые замечания, то завтрак не получишь.

Джим захлопнул рот.

Калли поспешила помочь миссис Барроу смыть пену с Ники. Уже прошло несколько лет с тех пор, когда она сама мыла сына. Когда Руперт узнал, что она сама купает ребёнка, он запретил ей это делать. Купанием занимались дворцовые служанки, а не мать его сына. Такая лакейская рутинная работа не подходила для принцессы.

Калли лила тёплую воду на волосы сына, разглаживая их, наслаждаясь скрипом чистых волос, смеясь над рожицей, которую тот соорудил, точно зная, что Ники скорчил её ради того мальчика, Джима.

Такие минуты близости с сыном были неожиданным следствием этого путешествия.

Ники вышел из ванны, чтобы вытереться. Он неподвижно стоял на месте, зная, что его искалеченную ногу видят все в этой комнате, но не подал и вида, что его это волнует.

Калли подвинулась, чтобы загородить его. Она вытерла маленькое тельце жёстким полотенцем, чувствуя себя защищающей его и злой, хотя никто и слова не сказал. Пусть только попробуют!

— Вот, миленькая, он может надеть это, — миссис Барроу дала ей одежду, которую вынула из небольшого оловянного сундука.

Гэбриэл посмотрел на сундук.

— В нём то, что я думаю?

Миссис Барроу даже не взглянула на Ренфру.

— Просто немного старых вещей Гарри.

— У вас полный сундук старых вещей Гарри? Достаточно маленьких, чтобы быть в пору

этим мальчикам? Сколько времени вы их храните?

— Они были слишком хорошими, чтобы их выбрасывать! — защищалась она.

— Вы бы могли их отдать, — и, повернувшись к Калли, добавил: — Гарри с меня ростом.

— Вот я их сейчас и отдаю, — парировала миссис Барроу. — Теперь, когда Гарри вернулся цел и невредим с войны... а вы, если хотите вкусный и горячий кофе, больше не пророните ни слова, мистер Гэйб.

— Больше ни слова, — поспешно пообещал он.

Калли подавила улыбку. Кажется, угрозы миссис Барроу действовали на взрослых мужчин так же, как и на маленьких мальчиков.

— О, но наш чемодан уже здесь. Не знаю, сколько туда попало морской воды... у Ники есть свои собственные вещи.

Она посмотрела вокруг, но чемодан не увидела.

— Барроу унёс его в вашу спальню, — сказала миссис Барроу. — Почему бы пока не воспользоваться одеждой Гарри? — она подняла кучку грязной одежды с пола и отправилась в прачечную.

Калли кивнула и одела сына в чистую, хотя и поношенную одежду другого мальчика. Никогда в своей жизни Ники не носил такие потрёпанные вещи, но он, казалось, был весьма доволен, а беднякам не приходится выбирать.

— Леди, в той сумке всё мокрое, — сказал Джим.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, надевая рубашку через голову Ники.

— Джим, э-э-э... нашёл наш чемодан, мама, — сказал Ники. Её глаза встретились с глазами Джима. — Он его тащил всю дорогу от пляжа. А это очень трудно и опасно. Тропинка раскисла от дождя.

— Спасибо, Джим, — сказала принцесса.

Джим, смущаясь, потёр пальцы ног друг о друга.

— Ну, я не совсем...

Калли закончила одевать Ники и поцеловала его в лоб. Она отлично понимала, что такой мальчишка, как Джим, будет делать с чужим чемоданом, но глаза Ники молили её принять его друга. У него никогда не было друга. У него не было никого его возраста, а отец считал недопустимым, чтобы его сын играл с обычными детьми. Калли знала, каково это. Она тоже выросла в одиночестве.

— Спасибо, Джим, — она по инерции поцеловала в лоб и сынишку рыбака. Джим скорчился, а кончики его оттопыренных ушей покраснели, но он сделал над собой усилие, чтобы не разулыбаться. Калли сразу представила, как отец и Руперт сейчас бы на неё орали из-за такого грубого нарушения правил. Она улыбнулась. Теперь она была свободна, не подчинялась ничьим правилам.

Некоторое время все молчали, потом со стороны дверного проема, где стоял, опираясь о дверной косяк, Гэйб, послышалось покашливание:

— А я не получу поцелуй? — спросил он.

Калли подняла брови.

— Я принёс чемодан с берега, — напомнил он и сложил губы, предлагая их для поцелуя.

— Спасибо, мистер Ренфру, но благое дело — это уже награда, — мягко ответила она.

Затем, повернувшись к миссис Барроу, добавила:

— Я поднимусь наверх, проверю состояние вещей в чемодане.

— Вы не будете завтракать, мэм?

— О, да, чашка чая и тост было бы замечательно, спасибо.

— А как насчет кусочка бекона, мэм?

Калли задумалась. Бекон. Сколько времени прошло с тех пор, как она ела бекон последний раз? Руперт запретил ей и это.

— Ну, хорошо, ещё немного бекона, спасибо.

Затем через несколько секунд добавила:

— Где будет завтрак?

— Я завтракаю прямо здесь, — Гэбриэл пересёк комнату и перекинул ногу через один из стульев, окружающих длинный кухонный стол.

Калли изумлённо посмотрела на него. Хозяин дома ест на кухне? Она никогда не слышала о подобном. Он, должно быть, прочитал её мысли, судя по тому, что затем сказал:

— Я нарушал посты на кухне у миссис Барроу с тех пор, как был того же возраста, что и Ники, или даже ещё меньше. В семь лет я думал, что здесь лучшее место в мире, не говоря уже о конюшне, — он бросил взгляд на Джима. — Держу пари, Джим тоже так думает, он же уже попробовал стряпню миссис Барроу. А, Джим?

Мальчик, не задумываясь, закивал.

— Я буду завтракать в... — Калли не была уверена, где именно. Она знала только, что не собирается есть на кухне с мужчиной, наблюдающим за ней, и со вкусом его поцелуев на губах.

— В комнате для завтрака, мэм? — предложила миссис Барроу. — Через минут пятнадцать?

— Да, если вы мне скажете, где это, — с благодарностью согласилась Калли.

По полу заскребли ножки стула.

— Я провожу вас.

Гэбриэл протянул руку.

Не в состоянии отказаться, Калли приняла его руку и позволила проводить себя до комнаты для завтраков. Сквозь высокие французские окна² лился солнечный свет. Они выходили на террасу, в саду перед домом. Достаточно маленькая, чтобы быть уютной, но отнюдь не тесная, комната была отделана в нежно-зелёных тонах с бело-розовой обивкой мебели и шторами в тон. Комната казалась продолжением сада.

— О, какая милая комната, — воскликнула Калли, забыв, что она собиралась сокрушить его полным достоинства молчанием.

— Думаю, моей двоюродной бабушке она нравилась. Я никогда ею не пользуюсь, — равнодушно произнёс он, выдвигая для неё стул около овального стола из красного дерева.

Калли направилась к стеклянным дверям и вышла на террасу.

— У меня никогда не было двоюродной бабушки, — сказала она. — Вам нравилась ваша?

Он вышел вслед за ней.

— Да. Она была устрашающей пожилой дамой, но с очень добрым сердцем. Она каждый день мучила меня занятиями, — его губы сложились в скорбной улыбке. — Мальчики, считала она, относятся к человеческому роду, который крайне нуждается в облагораживании, достигаемом дисциплиной, упражнениями и поощрениями.

Он увидел выражение её лица и засмеялся.

— У бабушки Герты была страсть к дрессировке и разведению собак. Так же она обращалась и с мальчиками — ну, кроме разведения, конечно. Только не подумайте, что она была сумасшедшей старой затворницей. Она обожала суматоху светской жизни и ездила в Лондон каждый сезон, чтобы напугать свет, как всегда думали мы с Гарри. Возвращалась она всегда посвежевшей.

Калли улыбнулась и сделала несколько шагов вдоль тропинки.

— А своих детей у неё не было?

— Боже, нет! Сомневаюсь, что в Англии нашёлся бы мужчина, достаточно смелый, чтобы на ней жениться.

— Грустно, — сказала Калли.

Утренние лучи солнца разливали тепло. Пчёлы жужжали над цветками лобулярии и лаванды. Тропинка вела к круглой клумбе с солнечными часами. Принцесса направилась к ним, а Гэбриэл последовал за ней.

— С такими сантиментами как у вас, я удивляюсь, что вы не собираетесь снова выходить замуж.

— Нет, я не выйду ещё раз замуж, — ответила Калли. — Никогда. Ни за кого. Не хочу больше иметь с мужчинами ничего общего.

Он вздохнул.

— Тогда все мои надежды и мечты разбились навсегда.

Они пошли дальше. Нужно сразу расставить все точки над «i», подумала Калли. Лучше заранее всё выяснить и открыто сказать, чтобы не было недоразумений. Теперь он перестанет её тревожить. Он оставит её в покое, и это будет замечательно.

Ей не нужно было, чтобы её... беспокоили.

А мистер Ренфру был очень... беспокойным мужчиной.

Калли метнула на него косой взгляд. Он молчал несколько секунд. Она надеялась, что не сильно сразила его своим объявлением. Не то, что он должен был... О, ради бога, они совсем недавно познакомились.

Гэйб поймал её взгляд.

— Итак, — сказал он. — Вы абсолютно уверены. Планов снова выйти замуж у вас нет?

Женщина решительно покачала головой.

— Никаких.

— И вы не рассмотрели бы вариант стать моей любовницей?

Шокированная, Калли остановилась как вкопанная. Она же сказала ему, что у неё есть принципы. Она повернулась, чтобы взглянуть ему в лицо. Его глаза смеялись над ней, и она поняла, что он дразнил её.

То, как он смеялся глазами — одновременно смеясь и ... лаская... больше всего сбивало с толку.

— Вы шутите, — произнесла она.

— В самом деле?

— Да, потому что отлично знаете, что я уважаемая вдова...

— О, нам не нужно никому об этом *рассказывать*, если это то, о чём вы беспокоитесь...

Принцесса бросила на него строгий взгляд.

— Я же сказала, что у меня нет желания быть под башмаком какого-либо мужчины, больше никогда.

— Но я не о башмаке думал, — сказал Гэбриэл тем игривым тоном, от которого она с трудом находила, что ответить. Поэтому Калли развернулась и пошла прочь.

Ей понадобилось несколько минут, прежде чем, промаршировав по тропинке так быстро, как только ноги могли нести её, она оказалась в состоянии думать вообще, не говоря о том, чтобы найти соответствующий сокрушительный, и в то же время, достойный ответ. Его слова, вместе с этой смешинкой в глазах, были чистым приглашением к греху. Она фыркнула, вспоминая, что произошло в конюшне.

Ничего *чистого* в этом нет!

Калли услышала, что Гэйб приближается к ней, следуя сзади по тропинке. Она прибавила шаг. Он, кажется, не ускорил свой, но всё же нагонял её. Нечестно, что у него такие длинные, сильные ноги, а у неё короткие и полные. Единственным способом отделаться от него, было перейти на бег, но от него можно было ожидать что угодно — она не исключала, что он побежит за ней. Этому негодяю, наверное, доставит удовольствие преследовать её.

Тихий голос внутри робко подсказал, что для неё это тоже может оказаться захватывающим. Она безжалостно задавила этот голос.

Калли умышленно замедлила шаг и остановилась, искренне залюбовавшись цветком. Она не имела понятия, что это был за цветок, ботаника никогда не была её сильной стороной, но, впрочем, ему это знать было необязательно.

Гэбриэл остановился возле неё. Калли почувствовала, как его тёплый взгляд омывает её. И проигнорировала это. Она пристально смотрела на цветок. Он наклонился и через её плечо взглянул на растение.

— Очаровательный, — пробормотала женщина, пытаясь не обращать внимания на близость его большого, мускулистого тела.

— Черезвычайно, — охотно согласился Ренфру. — Вы думаете, этот цветок особенный?

Она нахмурилась, задумавшись над родом этого маленького цветка с голубыми лепестками.

— Вполне мог бы быть, — сказала Калли, надеясь, что он не ботаник.

— Определенно мог бы, — согласился Гэбриэл, — если бы выюнок в Англии не считался сорняком.

Он помолчал пару секунд, а потом добавил:

— Мне дать распоряжение, чтобы его выдернули, или вы сначала зарисуете или сделаете из него гербарий в вашем альбоме «Сорняки Англии»?

Калли пошла дальше в полном достоинства молчании. Гэбриэл шёл рядом с ней.

— Мило, не правда ли? — дружелюбно промолвил он.

Она не ответила.

— Вот так узнавать друг друга, — продолжал он как ни в чём не бывало, — вдыхая утренний воздух. Узнавая о вашем увлечении английскими сорняками... и о вашей боязни башмаков.

— Вы прекрасно понимаете, о чём я говорила, не желая быть под башмаком. Вся моя жизнь прошла под руководством двух чрезвычайно деспотичн мужчин — сначала моего отца, потом мужа. И сейчас я впервые почувствовала вкус свободы, и ничто, ни один мужчина, не может быть слаще, чем свобода.

— Это вызов? — мягко спросил он.

— Нет! Не будьте таким легкомысленным.

— А я и не такой, — сказал он смиренным голосом, но в глазах плясали смешинки.

Всё дело в цвете, подумала она некстати. Она ещё никогда не видела таких голубых глаз. Как море, сверкающее под солнечными лучами. Ещё одна несправедливость. Мужчинам непозволительно иметь такие глаза.

Они продолжали идти. Ещё один поворот и снова показался дом. Как хорошо, подумала Калли. Тропинка под ней должна была быть твёрдой, покрытой гравием, а ей казалось, что она преодолевает болото, полное ловушек для неосторожных путников.

Мистер Ренфру был очень опасным человеком! Она взглянула на него: он наблюдал за ней.

— Теперь я спокоен, — сказал Гэйб.

Калли представить себе не могла, о чем он говорит. Спокоен?

— Что вам не противен мой башмак. Я думаю, что это вполне приличный башмак. Вы так не думаете? — мужчина вытянул ногу, чтобы она оценила, и хоть это и было нелепо, Калли всё же не удержалась, чтобы не посмотреть.

— Что вы думаете? — спросил он.

Принцесса второй раз бросила на него критический взгляд и фыркнула:

— Всё, что я вижу, это то, что ваши башмаки довольно большие, — сказала она уничтожающим тоном.

Он расплылся в улыбке.

— Точно.

Калли понятия не имела, с чего бы ей краснеть, но она залилась румянцем.

— Думаю, завтрак уже готов, — проговорила она и энергично прошагала в комнату для завтраков.

Он шёл рядом с нею.

— Да, я голоден как волк.

По тому, как он это сказал, было ясно, что речь шла не только о еде.

— Ваша двоюродная бабушка дожила до глубокой старости? — Калли решила придерживаться безопасных тем.

— Да, по-моему, ей было восемьдесят или побольше — она никогда не выдавала секрета своего возраста. Мы с Гарри думали, что ей как минимум сто лет, когда были маленькими. Она умерла вскоре после того, как я ушёл на войну, и по какой-то причине оставила дом мне. Понятия не имею почему. Я совершенно этого не ожидал.

Миссис Барроу рассказывала ей, что Гэбриэл провел на войне почти восемь лет, а шторы были как новые, краска на стенах — свежей, словно их недавно покрасили.

— Так вы оставили ту же цветовую гамму в память о ней? Как мило.

— Нет. Про цветовую гамму я ни слова не говорил. Когда я ушёл из армии, мой старший брат привёл в порядок этот дом для меня. Сомневаюсь, что он давал какие-либо распоряжения относительно цвета или материала, так что всё просто обновили.

— Как любезно с его стороны, — заметила она.

— Хмм, — Ренфру издал уклончивый звук. — Полагаю, брат вздохнул с облегчением, что меня есть куда пристроить.

— Пристроить вас? — Гэйб не выглядел, как человек, которого кто-либо *пристраивал* куда-либо.

— Я самый младший из трёх сыновей, в смысле, законных, — объяснил он. — И, следовательно, лишний. Мой старший брат — граф Элверли, средний брат — на

дипломатической службе, а я пошел в армию. Но теперь, когда Бони, наконец-то, разбили, там я тоже стал лишним. А вот и наш завтрак.

Вошла миссис Барроу с подносом в руках, на котором стояли чайник, кофейник и кувшин, скорее всего с молоком. За ней следовали два маленьких, чистеньких мальчика, каждый из которых нёс поднос с серебряными жаровнями. Калли изумлённо смотрела на них. Её сын никогда в жизни не носил подноса.

Наследный принц Зиндарии прислуживает за столом. Отца и Руперта от этого зрелище хватил бы удар.

А её королевское высочество, принцесса Зиндарии Каролина, едва сдерживала смех.

Сын широко ухмыльнулся ей, было очевидно, что он получает от этого удовольствие, а озорной огонёк у него в глазах доказывал, что и ему в голову пришла такая же мысль.

— Я тут вспомнила, мистер Гэйб, — сказала миссис Барроу, — я наняла несколько слуг, когда навещала свою матушку.

Она с глухим стуком поставила поднос на буфет и впилась в Гэйба изучающим взглядом.

— Я уверена, вы не будете иметь никаких возражений против этого. Они приступают завтра. Дайте нам время, и мы наведем здесь порядок. Гарри может приехать в любой момент, и Бог знает, сколько конюхов он с собой привезёт. Я с ног собоюсь, только готовя обед. Да, Джим, поставь горячую посуду на подставки, а то они испортят лаковое покрытие. Осторожно, не обожгись. Молодец. Теперь иди и начинай поджаривать хлеб.

Миссис Барроу, подбоченившись, повернулась к Гэбриэлу и сказала:

— Вот бекон и омлет, и ещё я приготовила вам почки с пряностями, мистер Гэйб, зная, что вы к ним не равнодушны, так что ешьте, пока они горячие. Я наняла трёх служанок для уборки, двух лакеев и одну судомойку, так что в следующий раз завтрак будут подавать лакей или служанка. Барроу говорит, что отец Джима пропадает уже несколько недель, и я подумала, может, взять его и обучить чему-нибудь? Не можем же мы оставить парнишку голодать. Приятного аппетита, мэм. Через минуту я пришлю кого-нибудь из мальчиков с тостами, — и она выскользнула из комнаты.

Калли украдкой взглянула на Гэбриэла, чтобы посмотреть, как он воспринял это превышение обязанностей. Руперт бы взорвался от ярости. Даже отец бы незамедлительно уволил эту женщину.

Ренфру разбирал... беззвучный смех.

Он увидел потрясённый взгляд Калли.

— Знаю, знаю, — сказал Гэйб. — Она видела меня голым в ванне больше раз, чем я могу припомнить.

Глаза Калли расширились, а Гэбриэл закатился от смеха, увидев выражение её лица.

— Не последние двадцать лет или около того, спешу уточнить. Последний раз я был в возрасте Ники, и меня тёрли также беспощадно.

— О, понятно.

Он украдкой посмотрел на неё и добавил:

— Я знаю, что должен бы сделать ей выговор, но, видите ли... — Гэбриэл вздохнул, — я боюсь женщин.

— Ха! Также боитесь, как кошка мышку.

— Любите кошек? Я тоже. Своевольные, чувственные создания. Как женщины, — он усмехнулся. — Нет, миссис Барроу в той или иной степени вырастила меня, и я не буду

наказывать её за простую болтовню, тем более, что она права. Я всю жизнь пользуюсь её добротой. И мой брат Гарри будет здесь на следующей неделе и, бог знает, сколько народа с собой притащит.

Ренфру подошёл к буфету, на котором стояли блюда, и, поднимая крышки, рассматривал содержимое.

— Могу я предложить вам кусочек этого превосходного бекона? Омлет? Почки? Нельзя оставлять без внимания приготовленные миссис Барроу почки с пряностями.

— Только немного бекона, пожалуйста, — ответила Калли. Ей бы следовало выпить чашку чая и съесть тост и на этом остановиться — Бог наградил её пышной фигурой, и она прекрасно сознавала это. Но бекон пах так вкусно, к тому же, прошло столько времени с тех пор, как...

Он наполнил две тарелки и поставил одну, на которой лежал большой кусок бекона и омлет, перед ней. На его тарелке порции были ещё больше, и кроме всего прочего, он добавил себе почки с пряностями.

— Спасибо.

Всего этого слишком много, конечно, но она съест чуть-чуть. Калли блаженно вдохнула запах бекона.

Гэбриэл выдвинул из-за стола ближайший к Калли стул и сел рядом с ней.

— Я думала, вы будете есть на кухне.

— И оставить вас завтракать здесь в одиночестве? — он покачал головой. — Кроме того, нам представляется случай узнать друг друга получше.

Ренфру посмотрел на неё так, что на Калли нахлынули те же чувства, которые она испытала в конюшне.

— Я не желаю узнавать вас получше.

Осознав, как грубо это звучало, она добавила:

— Я уеду отсюда при первой же возможности.

— Правда? Давайте обсудим это позже. Ешьте завтрак, пока он горячий, — посоветовал Гэйб.

Принцесса тихо помолилась и начала есть, ощущая его рядом, всего в паре метров от себя. Его голубые глаза смотрели, казалось, на неё каждый раз, когда она бросала взгляд в его сторону. Она всегда смущалась, когда ела при других.

Голос отца эхом отдавался в её голове, как и всегда, когда она ела. *Леди не ест, как лошадь, Калли, леди берёт еду изящно, как маленькая птичка.*

Под неодобрительным взором отца ей никогда не удавалось в полной мере наслаждаться пищей. Неважно, насколько деликатно Калли ела, неважно, как часто выходила из-за стола голодной, глаза отца буровили её, и Калли всегда *чувствовала* себя похожей на лошадь.

Она отрезала себе немного бекона, крохотный, тонкий кусочек, и остановилась. Она вспомнила сцену в конюшне, не ту, когда он — она метнула взгляд через стол — когда он поцеловал её. Что случилось до этого? Когда она потеряла самообладание.

Отец бы сказал: «Принцесса не повышает голос, Калли. Принцесса — не торговка рыбой. Принцесса остаётся невозмутимой и благородной, что бы ни случилось».

Калли всё-таки *потеряла* самообладание. Она всё-таки *повысила* голос. Насколько она помнила, она даже завизжала, как торговка, и она определенно толкнула его в грудь. Её нельзя было назвать ни невозмутимой, ни благородной.

Это было великолепное ощущение.

Она уставилась на крохотный кусочек бекона на вилке.

«Свинина в любом виде — анафема^[6] для каждой женщины.»

Эти слова Руперта эхом отозвались в ее голове.

— С беконом что-то не так? — низкий голос прервал её мысли. — У меня он очень вкусный.

Калли моргнула, взглянув на мужчину напротив.

— Нет, нет, — задумчиво сказала она. — С беконом всё в порядке.

Она воткнула вилку в бекон и отрезала себе довольно большой кусок. Калли жевала медленно, наслаждаясь вкусом.

Божественно.

Она чувствовала пристальный взгляд его голубых глаз и решила, что ей это безразлично. Принцесса съела ещё один кусочек бекона, потом ещё один, затем немного омлета. Сочного и вкусного. Затем ещё немного бекона.

Гэбриэл усмехнулся.

— Я же говорил, что бекон великолепен. Вы даже представить не можете, как я соскучился по запаху бекона — отличного, домашнего английского бекона. Ничто не может с ним сравниться.

Калли взглянула на тарелку и удивлённо моргнула. Она съела весь бекон. И омлет. И чувствовала себя превосходно. Она была очень голодна.

— Мне нравится смотреть на женщин с хорошим, здоровым аппетитом.

Она, прищурившись, посмотрела на него, не зная, как реагировать на эти слова. Мистер Ренфру, наверное, намекал, что она ест как лошадь, но Калли было всё равно. Не его дело, а кроме того, ему ведь полагалось любить лошадей, верно?

Не то, чтобы она до сих пор беспокоилась, что думают о ней другие. Она никому больше не была обязана подчиняться. Она была свободна, недоверчиво сказала себе Калли. Свободна говорить, что хотела, делать, что хотела, есть, что хотела.

Ощущения были опьяняющие.

Дверь открылась, вошёл Джим с тостами, а за ним Ники с мёдом, мармеладом и маслом.

— Намазать вам тост маслом, пока он горячий? — спросил Гэбриэл, когда мальчики выбежали вприпрыжку из комнаты.

— Нет, спасибо, — Калли сделала глоток чая: некрепкого, чёрного и неподслащённого.

Гэбриэл щедро намазал масло на тост.

— Мармелад? Самый лучший мармелад миссис Барроу.

Калли посмотрела на тост с таящим маслом. Она позволила себе бекон и омлет. Есть, как лошадь, ещё куда ни шло, но уподобиться свинье — это уже совсем другое дело.

— Нет, спасибо.

— Может, мёд? Самый лучший. Вы найдёте, что он интересен так же, как и вкусен. Наши пчёлы собирают нектар с растений на побережье, что придаёт мёду особый вкус.

Он капнул мёд на тост и передал Калли. Ей не следовало. Ей действительно не стоило бы.

Нехотя она взяла тост. Надкусила тёплый, хрустящий хлебец и закрыла от наслаждения глаза, чувствуя, как мёд и тающее масло проскальзывают в горло.

— Говорил же, что он очень вкусный, — сказал Гэбриэл с удовлетворением в голосе. —

Почти такой же вкусный, как и вы.

Её глаза распахнулись от удивления.

— Ваш флирт, сэр, возмутителен. Нельзя бросаться такими заявлениями за завтраком!

Калли моргнула. Она только что сделала выговор человеку за его же столом. Она бросила на него взгляд из-под ресниц.

Его, кажется, это позабавило.

— Здесь, в Грейндже, в меню есть что угодно и всё, что угодно. Поцелуй перед завтраком, флирт на закуску.

А что же он предложит как основное блюдо, задумалась Калли. И поразились направлению своих мыслей.

— Осторожно, у вас мёд стекает по запястью.

Она схватила льняную салфетку и отёрла мёд с руки.

— Я бы мог слизать его...

Женщина бросила на него предупреждающий взгляд.

— Как кошка, имел я в виду, — сказал Гэйб, изображая невинность. — Вам же нравятся кошки, помните? Милые, чувственные создания, кошки.

Калли подумала, что будет благоразумнее заинтересоваться узором на шторах. Она надеялась, что не покраснела. Ей стало как-то жарко.

Он определенно был беспокойным мужчиной.

Гэйб налил себе ещё кофе и откусил хрустящий тост. Она вежливо подождала, пока он закончит, а потом сказала:

— Большое спасибо за ваше гостеприимство и за заботу, но нам действительно пора уезжать.

— Оставайтесь еще на несколько дней.

— Спасибо, но это невозможно.

— Конечно, возможно. Оставайтесь и отдыхайте. Под вашими милыми глазами я вижу лиловые тени.

Калли попыталась не покраснеть.

— Мои тени не ваше дело, — сказала она со смиренным достоинством.

— Пока вы находитесь на моей земле и под моей крышей, это мое дело.

— Я уезжаю с вашей земли и из-под вашей крыши, — напомнила она.

Гэбриэл нахмурился.

— И куда вы собираетесь ехать? Прошлой ночью вы собирались ехать в Лалворт.

Калли кивнула.

— Да. Корабль должен был привезти нас прямо в бухту Лалворт Коув, которая, как я понимаю, является превосходной безопасной гаванью, но когда мы были уже близко, капитан просто отказался вести туда свой корабль!

Гэбриэл пожал плечами.

— Не удивительно, если путешествовать с контрабандистами.

— Они не контрабандисты. Я бы никогда не доверила своего сына контрабандистам!

Ренфру приподнял брови.

— Конечно нет, поэтому-то они и выбросили вас у залива Бренди.

Было очевидно, что Калли не поняла, и он добавил:

— Он назван так в честь контрабандного французского бренди, которое привозят сюда много лет. Место для высадки, хорошо известное людям, занимающимися контрабандой.

— Возможно, но эти люди ничего не перевозили контрабандой.

— Кроме вас и вашего сына.

Калли нахмурилась: ей не нравилось думать о себе и о Ники, как о контрабандном товаре.

— Вы можете думать всё, что хотите. Один из матросов объяснил мне настоящую причину, почему они не могли зайти в бухту Лалворт. Потому, что в гавани слишком много *таможни*.

Он расхохотался.

— И что слово *таможня* могло бы означать, мое милое невинное дитя?

— Не называйте меня так, — сказала она. — Я признаю, что точно не знаю, что именно не даёт зайти в порт, но думаю, это какое-то препятствие, может быть большое и опасное существо...

Гэбриэл усмехнулся.

— Точно. Это существо — стражник закона, нанятый для борьбы с контрабандой.

— О!

— Вот именно — «о»! Так что вы не думаете, что пора сказать мне, в какую переделку вы попали? Уважаемые, замужние дамы, или даже вдовы длительностью не больше года обычно не нанимают контрабандистов.

Калли прикусила губу.

— Нет, простите, но для вас лучше... безопаснее, то есть... если вы ничего не будете знать обо мне.

Гэбриэл посмотрел на неё.

— Я не знаю, из какой страны вы приехали, но вы немного недопонимаете ситуацию. Когда дела принимают скверный оборот, женщина с ребёнком должна искать защиты у взрослого мужчины.

Гэбриэл сложил салфетку и отложил в сторону.

— Итак, что за друг у вас в Лалворте?

Калли обеспокоено посмотрела на него.

— Не уверена, что должна говорить вам.

Он нахмурился.

— Итак, это — мужчина.

Она возмущённо взглянула на него.

— Нет, конечно, нет! Тибби, мисс Тибторп, — моя старая гувернантка.

— В таком случае, вы точно никуда не едете.

Калли оторопела от такого произвола.

— Ещё как еду! Куда я еду, вас не касается.

— Вы — беглецы, к тому же уверены, что находитесь в опасности. Пожилая гувернантка не может защитить вас. А я могу. Вы останетесь здесь.

То, как он спокойно присвоил себе такие полномочия, раздражало Калли. Всю её жизнь ею командовали, игнорируя её желания и чувства. Она отложила салфетку в сторону.

— Спасибо, но нет, — решительно сказала она. — Я уже все спланировала, Тибби ждет меня. Никто не знает, что я еду к ней.

— Кроме, предположительно, Тибби. Предположу, что вы договорились о встрече в письме?

Калли понимала, к чему он клонит, но она не настолько наивна, как он полагает.

— Да, но письма отсылались в тайне через посредника.

Гэйб бросил на неё скептический взгляд.

— Некоторую из своей лучшей информации Наполеон получал из писем, посланных в тайне через посредника.

— Я знаю, что рисковала, но иногда нет выбо...

— Именно! У вас не было выбора. А теперь вы должны остаться здесь, — сказал он, вставая. — Я пошлю мисс Тибторп сообщение.

— Нет, не пошлёте, — Калли уже начала выходить из себя. — Это моя жизнь и мой сын, и я могу делать то, что считаю правильным. Вы были ко мне очень добры, но не вам говорить мне, что делать, а что нет. До вчерашнего вечера я вас не знала, вы не мой отец и не мой муж. У вас нет никакого права приказывать мне. Для меня было бы чрезвычайно предосудительно оставаться в доме неженатого мужчины, не принадлежащего к моей семье, и я этого не сделаю.

Ренфру сел обратно на стул и скрестил руки, явно недовольный таким заявлением.

— Чепуха! Вы забываете про миссис Барроу. Она придаст ситуации благоприличие.

— Кухарки, какой бы доброй и уважаемой она не была, недостаточно.

— Да, но она заполонила дом служанками, — он задвинул свой стул назад под стол и подошел к ней, чтобы помочь встать. — Это самый разумный вариант. Ники будет счастлив, играя с Джимом, миссис Барроу на седьмом небе оттого, что у неё два мальчика-помощника. Вы останетесь здесь.

— Нет, я...

— Здесь вы в безопасности, — добавил он. — Вы и Ники. Никто не знает, что вы здесь. А если узнают, я могу и буду вас защищать.

Она сглотнула.

— Нет, вы не понимаете...

— Мне всё равно, в чём или в ком состоит опасность. Я солдат — был им — и я могу позвать друзей на помощь, если необходимо, — голос Гэбриэла стал более глубоким. — Уверяю вас, что могу и буду вставать между вами и кем бы-то ни было, кто так напугал вас и Ники. Вы не одни.

Калли моргнула: глаза внезапно наполнились слезами. Такая доброта от незнакомца... Кто он, этот человек? То он возмутительно с ней флиртует, то хочет их защитить. А ведь он даже не знает, кто она.

В этом-то и была проблема. Она не могла рассказать ему, потому что, если бы он узнал, сам оказался бы в опасности, и следом все в этом доме. Люди уже погибали ради Калли и ее сына. Больше она не могла выносить этой вины.

Это противоречило её намерениям ехать к Тибби, но Тибби писала, что понимает риск и что никогда не простит Калли, если та не приедет. Тибби знала и любила её с детства, и теперь это — самый близкий и родной ей человек.

И она нужна была Тибби. Тибби тоже была одинока. А для Калли это много значило — быть кому-то нужной. Она и не помнила, что кому-то была нужна, кроме Ники.

— Конечно, — добавил он, переменив тон, — я ожидаю, что в ответ вы меня тоже будете защищать.

— Что? — Калли опешила. — Защитить вас? От чего?

— От гнева миссис Барроу, когда она узнает, что я кормил свою собаку приправленными почками под столом.

Калли не могла сдержать улыбку.

— Нет, вы очень добры, и я вам благодарна, но я больше не могу злоупотреблять вашим гостеприимством. Никто не узнает, что я в Лалворте, а Тибби меня ждет. Мы с Ники уедем, как только представится возможность.

Гэбриэл стиснул зубы.

— Я могу заставить вас остаться.

Она встретилась с ним взглядом.

— Но не будете.

— Нет, — прорычал он. — Хотя это и противоречит здравому смыслу. Я поеду с вами к Тибби, но предупреждаю, это будет не последний раз, когда вы меня видите!

— Это что, угроза? — холодно спросила Калли.

Глаза мужчины внезапно потеплели.

— Нет, обещание.

Калли спускалась по лестнице, застёгивая перчатки. В холле стоял её чемодан, весь в солевых пятнах, от чего он стал светлее, чем раньше. Как она и боялась, морская вода испортила многие из её вещей — некоторые сморщились, а от краски, бежавшей с красного жакета, пятна были на всём, с чем он соприкасался.

— Ники, — крикнула Калли. — Поторопись. Мистер Ренфру не будет ждать.

В этот момент Гэбриэл вышел в холл. Он посмотрел наверх. Она замерла, сразу же почувствовав себя неловко. Смешно, молча отчитала она себя. Как будто она не спускалась по лестнице множество раз под взглядами сотен людей. Она привыкла, что люди наблюдают за каждым её шагом, критично оценивая и обычно считая, что она не на высоте.

В этом-то и состояла проблема. Он смотрел на неё совсем не критично, и это при том, что на ней был старый плащ его двоюродной бабушки, подол которого подшили на скорую руку. Миссис Барроу заставила Калли надеть этот плащ. Она также дала ей одну из шляпок старой леди — чёрную фетровую с фиолетовыми цветами, как раз для вдовы.

Калли заставила себя сдвинуться с места, притворяясь, что опять застёгивает перчатки, чтобы не встречаться с ним взглядом и не видеть тепло в его глазах.

— Ники! — снова позвала она сына.

— Он уже внизу, — сказал Гэбриэл. — В кухне, прощается с четой Барроу и Джимом и держу пари, ест пирожки с вареньем. Миссис Барроу только что испекла свежую партию.

Калли кивнула.

Этот низкий голос заставлял её трепетать, даже когда произносил самые обыкновенные вещи. Она подумала, что предложение Гэйба защитить её очень... трогательное. В другой ситуации она, возможно, рискнула бы и воспользовалась им.

Он сделал шаг вперёд и протянул ей руку, чтобы помочь спуститься по последним ступенькам, как будто она была хрупкой. Она не была такой, ничуть, но она позволила себе взять его под руку. В этот момент Ники и его друг, Джим, вошли в холл, а вслед за ними — супруги Барроу.

— Эй, парень, ну-ка вернись, — сказала миссис Барроу, быстро схватила Ники за воротник и потянула назад. — Я не допущу, чтобы из моей кухни выходили, как из свинарника!

Влажной тряпкой она стерла пятна варенья с его лица, а Джим, предвидя возможное развитие событий, поспешно вытер рот рукавом.

Ники покорился, ошеломлённо посмотрев на свою мать. Никогда ещё с ним не обращались так грубо и бесцеремонно, но, судя по его взгляду, он не возражал. Возможно, ему нравилось, что с ним обращаются, как с обычным мальчиком, а не принцем.

Калли нравились эти люди. Они были очень добры к ней и Ники, но она не могла рассказать им правду. Если бы они имели хоть малейшее понятие, кем она и Ники являлись на самом деле, это непременно бы всплыло где-нибудь, а любые разговоры о них могли привести врагов к порогу дома.

Калли никогда бы не простила себе, если бы с кем-то из этих людей что-нибудь случилось только из-за того, что они предоставили ей с сыном укрытие.

Попрощавшись, Калли ещё раз поблагодарила всех за помощь. Но только они направились к двери, как оттуда послышался топот дюжины копыт, будто надвигалась

маленькая армия.

Граф Антон! Калли схватила Ники.

— Это, наверное, Гарри. Что-то он рано, — сказал Гэбриэл, и прежде чем Калли смогла предупредить его, распахнул дверь. К великому её удивлению, вместо головорезов графа Антона через главные ворота прошла почти дюжина лошадей и закружила возле передних дверей.

Там было три конюха, каждый вёл по две или три лошади без всадника. Темноволосый смуглый человек на грозной чалой лошади, похоже, был за главного. «Это Гарри?» — подумала Калли.

— Доброго вам дня, капитан Ренфру! Сэр, куда прикажете определить этих красавиц? — крикнул он с сильным ирландским акцентом.

— Боже, да это сержант Делани! — воскликнул Гэбриэл. — Через арку, Делани. Там без труда найдешь конюшню.

— Я займусь этим, мистер Гэйб, — сказал Барроу. — Какие великолепные лошади! Добрый день, Итен, — крикнул он Делани.

На лице смуглого мужчины появилась ухмылка:

— Барроу, это ты? Не знал, что ты будешь здесь. Точно как в старые добрые времена! Уверен, ты хорошо позаботишься об этих милашках.

Делани слез с лошади и бросил поводья одному из конюхов.

— Так, парни, уведите их и обустройте там, мистер Барроу — за главного. А я перекинусь парой слов с капитаном.

Табун молодых лошадей, в основном кобыл, пронёсся, огибая дом, и исчез, промчавшись под аркой, ведущей во внутренний двор. Тут же Барроу выскочил через кухню, по короткому пути, во внутренний двор, а за ним — Ники и Джим.

Мистер Итен поднялся по ступенькам, и двое мужчин пожали друг другу руки. Среднего роста, ирландец был коренаст и могуч. Он шёл враскачку, это было так знакомо Калли: походка человека, который, практически, был рождён на лошади. Его грубое на вид лицо и сложение борца странно контрастировало с его нарядом. Несмотря на то, что он был в одежде для верховой езды, выглядел он очень аккуратно и элегантно: сияющие чёрные сапоги, щегольской шейный платок и сюртук отличного кроя из тёмно-синей ткани высшего качества.

— Откуда ты появился, Делани? — воскликнул Гэбриэл. — Последний раз я тебя видел в Саламанке, сплошь залитого кровью.

— Ваш брат наткнулся на меня, ошиваясь на Таттерсолсе^[7], — он покачал головой.

— У меня были не самые хорошие времена в жизни, сэр. Ни один джентльмен в Лондоне не желает брать стареющего ирландца; сейчас дюжина старых солдат не стоит и пенни. Но ваш брат, кажись, подумал, что я могу пригодиться ему для вашего нового плана, и вот назначил меня своим главным наездником.

— Ещё бы! — Гэйб похлопал его по плечу. — Как только джентльмены увидят, как ловко ты управляешься с лошадьми, они попытаются украсть тебя у Гарри.

— Ну, тогда они узнают, что меня не так-то легко украсть, — сказал Делани. — А вы не хотите взглянуть на лошадей, капитан?

Гэйб посмотрел на Калли.

— Делани, это миссис Принн, которая вместе со своим сыном гостит у меня. Я собирался проводить миссис Принн до дома её подруги возле Лалворта, так что у меня не

будет времени взглянуть на лошадей, пока я не вернусь.

— Лалворт, вы сказали? — переспросил Делани после того, как они обменялись приветствиями. — Вы не будете возражать, если я поеду с вами? Прошёл слух, что возле Лалворта продаётся жеребец, и чем быстрее я там окажусь, тем лучше, — а затем, повернувшись к Гэйбу, добавил: — Паренёк по имени Блэксленд, азартен как сам дьявол, вынужден распродать кое-что из своего имущества. По слухам, он продаст Молнию за вполне подходящую сумму...

— Молнию! Победителя Дерби^[8]?

Делани усмехнулся:

— Того самого. Мы с Гарри собираемся сделать Блэксленду предложение.

У Гэбриэла от удивления поднялись брови.

— Вы с Гарри?

Ирландец кивнул.

— У меня есть кое-какие сбережения на чёрный день. Я подумывал, куда бы их пристроить, чтобы обеспечить себе старость, — сказал он, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. — Я буду не просто главным наездником, а младшим партнёром... если вы окажетесь сговорчивым.

Он неуверенно посмотрел на молодого человека. Разница была как в чине, так и в возрасте, заметила Калли.

Гэбриэл пожал плечами.

— Это мечта Гарри и план Гарри, так что решать ему. Но если бы это зависело от меня, я бы сказал «добро пожаловать, Делани». Человек с таким талантом, как у тебя, — ценное приобретение. Ты никогда не уваливаешь от работы, ты — честный человек. Мы хорошо сработаемся.

Лицо ирландца просияло.

— Это благородно, сэр. Гарри сказал, вы не будете против, но я не был уверен. Я имею в виду, что вы — сын лорда, а я — простой бедный ирландец...

— ... и гений во всём, что касается лошадей, — закончил Гэбриэл. — А теперь, я бы не хотел заставлять миссис Принн стоять здесь дольше, чем...

— Я вполне в состоянии ещё немного постоять, — вставила Калли. — Столько, сколько понадобится мистеру Делани освежиться после путешествия. И я вижу, вам не терпится посмотреть на лошадей, так что, может быть, отложить наш отъезд на час или два?

— Вы очень заботливы, мэм, — сказал Делани. — Благодарю вас. Я взгляну, как там устроились мои лошадки, потом быстро умоюсь и приведу себя в порядок. Может, ещё быстро выпью чашку чая.

Он поклонился и поспешно ушел.

Гэбриэл взял руку Калли.

— Спасибо, — сказал он низким голосом, поднял её руку и поцеловал. — В таком случае, мы отъезжаем в Лалворт через час.

Она покраснела, наблюдая, как он сбегает по ступенькам, перепрыгивая сразу через две. Даже через перчатку она всё ещё чувствовала его поцелуй.

* * *

— Вон внизу Уэст Лалворт, а там — Лалворт Коув, — Гэбриэл указал вдаль рукояткой

своего кнута. Они ехали в его каррикле^[9] — щегольском парном двухколёсном экипаже, окрашенном в тёмно-серый цвет с вишнёво-красной отделкой, запряженным двумя лошадьми серой масти.

— Какой прелестный вид, — воскликнула Калли, оглядывая раскинувшуюся водную гладь, по форме идеально повторяющую подкову, по другую сторону разбросанных повсюду крытых соломой одноэтажных домов, из которых и состояло селение. Бухта Лалворт Коув блестела на солнце, отливая голубым. Её покрывали точки небольших рыбацких лодок, и была среди них одна большая точка — ослепительная белая яхта.

— Где именно живёт ваша подруга? — спросил Гэбриэл.

— В доме под названием Роуз Коттедж. Он находится в полумиле на запад от посёлка. Вот что-то вроде карты.

Калли достала письмо из сумочки и подала его Гэйбу.

Итен Делани ехал рядом с экипажем на своей огромной, уродливой чалой лошади. Ему идёт, подумала Калли. Мистер Делани выглядел, как человек, проживший трудную жизнь. У него был большой нос, сломанный не раз, шрамы на лице и руках, сколотый зуб и ухо, которое, по-видимому, кто-то когда-то жевал. Волосы, густые и тёмные, седеющие у висков, были подстрижены немилосердно коротко — чтобы скрыть, что они выются, предположила Калли. И всё же его жилет, ни много ни мало, был великолепен, а сапоги — начищены до блеска.

— Отличная работа, юный Ники, — выкрикнул Делани. — Так управляться с поводами в первый раз!

Ники выпрямился и робко кивнул в знак признательности.

Калли тотчас же почувствовала к этому человеку симпатию. Несмотря на суровый вид, у мистера Делани было доброе сердце. Почти такое же доброе, как у Гэбриэла.

* * *

Гэбриэл решил во время путешествия показать Ники, как управлять парой лошадей, давая разъяснения спокойным, низким голосом. Потом, на открытом участке дороги он передал вожжи Ники, показывая, как их держать, и позволяя ему освоиться. Никаких бесконечных советов, от которых бы мальчик занервничал, никакой суеты. Он просто сидел сзади, доверив Ники свою драгоценную двойку.

— Да, у него дар, — согласился Гэбриэл, внимательно читая письмо. — Так легко держит поводья.

Калли заметила, как её сын метнул взгляд на едущего рядом мужчину, пытаясь понять, искренний это комплимент или нет. Можно было, практически, увидеть, как он раздувается от гордости, когда, нахмутив брови, обратил свой сосредоточенный взгляд обратно на дорогу.

Калли прикусила губу. Почему его отец никогда не давал ему таких обыденных советов и не хвалил его? Калли не могла вспомнить ни одного случая, чтобы Руперт сказал своему сыну, что он что-то сделал хорошо. В глазах своего отца Ники никогда не мог достичь требуемого уровня: он был калекой, а, следовательно, недостойным преемником.

Ирония заключалась в том, что здесь, среди незнакомцев, её сын начал расцветать. Оба этих очень разных человека показали Ники ненавязчивую благожелательность и что-то вроде сдержанной доброты, какую только очень уверенные в себе мужчины могут показать

робкому, нуждающемуся мальчику.

После того, как Гэбриэл внимательно ознакомился с письмом, он взял у Ники поводья и повернул на узкую, изрезанную колеёй, дорогу. Через несколько минут они подъехали к увитому розами дому, который стоял в конце покрытой грязью тропинки, слишком узкой для двуколки. Переднюю дверь нельзя было увидеть, зато они заметили, как в окне шевельнулась шторка.

— В доме кто-то есть, — заметил Гэбриэл.

— Я поеду узнаю, — сказал Делани и направил свою лошадь вниз по тропинке. Сад был аккуратный и ухоженный, как картинка, подумал Итен. Он пошёл по гаревой дорожке, которая вела вокруг дома ко входу.

На передней двери висел хорошо отполированный латунный молоточек. Итен постучал. Он знал, что за ним наблюдают.

Через какое-то время дверь со скрипом открылась. На пороге стояла маленькая бледная, на вид суровая женщина лет тридцати пяти, которая выглядела... злой?

— Могу я вам помочь? — спросила она. Её тон явно противоречил выражению её лица. Она уставилась на него напряжённым взглядом, украдкой вытаскала клочок бумаги из рукава и показала ему.

Итен взглянул на бумагу. Для него содержание записки ничего не значило.

— Добрый день, мэм. Не могли бы вы сказать, это не...?

Она покачала головой, уставившись на него так, что он подумал, её глаза вот-вот выскочат, и сунула ему листок. Ошеломлённый, он взял его.

— И что вы хотите, чтобы я с ним де...?

К его величайшему изумлению она закрыла ему рот рукой.

— Извините, — сказала она ясным голосом, — но место, которое вам нужно, находится на другом конце городка. Вы напрасно проделали такой путь. Вам нужно повернуть и поехать другим путём.

Она упорно выпроваживала его, пристально глядя на него и украдкой бросая взгляд назад то через правое, то через левое плечо.

Итен нахмурился, поняв, что она попала в беду и пытается отослать его отсюда.

Лёгким, спокойным голосом он сказал:

— Чтоб провалиться тому парню и его никудышным указаниям. Простите, что побеспокоил вас, мэм. Видите ли, мы хотели бы осмотреть жеребца, Молнию. Возможно, вы слышали о нем, мэм? Он был чемпионом, а теперь принадлежит мистеру Блэксленду, ферма Роуз Бэй. Спасибо за помощь, я уезжаю.

Он кивнул ей и, присвистывая, медленно зашагал назад по тропинке. Он слышал, как за ним захлопнулась дверь.

Мистер Делани вскочил на лошадь и поскакал к ожидавшемуся его экипажу.

— Так это не дом Тибби? — спросила Калли.

Итен едва заметно покачал головой и махнул рукой, чтоб они ехали вперед.

— Мистер Делани? — допытывалась Калли.

Он не ответил ей, пока они не скрылись за холмом. Только тогда он остановился и повернулся к ней. Через секунду он сказал:

— Ваша Тибби... ей около тридцати пяти лет, небольшого роста, опрятная, у неё каштановые волосы, карие глаза, а на мужчин она смотрит так, как будто они ничтожнее червяка?

— Да! — воскликнула Калли. — Это в точности портрет моей дорогой Тибби. А почему мы тогда уезжаем, если она в противоположной стороне?

— Потому что ваша дорогая Тибби в беде, — сообщил ей Итен Делани. — Она только что отчаянно пыталась избавиться от меня. И дала мне вот это.

И он подал ей записку.

Калли прочла её.

— О, Боже! Это я виновата, — она скомкала клочок бумаги слабыми пальцами, ужасно побледнев.

— Что там написано? — спросил Гэйб, но она ничего не слышала.

Осторожно он вытащил бумагу из её сжатых пальцев и прочитал вслух:

— *«Помогите. Меня насильно удерживают бандиты-иностранцы. Пожалуйста, сообщите властям. Мисс Дж. Тибторп. Роуз Коттедж.»*

Гэйб посмотрел на Калли.

— Вы знаете, что это за бандиты-иностранцы, не так ли?

Она вздрогнула и кивнула.

— Граф Антон и его люди. Он — двоюродный брат моего мужа, — она мрачно посмотрела на Гэбриэла и произнесла приглушённым голосом: — Он... он хочет убить Ники. И меня, думаю, тоже.

— Что ж, у него ничего не получится, — спокойно ответил Гэйб. — Так что нет причины выглядеть так несчастно. Скажите, сколько у этого человека может быть людей?

Она отчаянно покачала головой.

— Я не знаю.

— Предположу, что в доме три или четыре человека, — сказал Итен. — Не переживайте, мэм, — добавил он. — Капитан обязательно придумает план.

Она повернулась к Гэбрилу.

— Правда?

— Да, — сказал Ренфру с едва заметной улыбкой. — Не переживайте, мы вызволим вашу подругу.

Он говорил так спокойно и уверенно, но Калли беспокоилась. Граф Антон был безжалостным, злым человеком, а там, где никто его не знал, ему даже не нужно было притворяться, что он не такой.

Впереди показался перекресток, и Гэбриэл воспользовался дополнительным пространством, чтобы развернуть двуколку.

— Ники, надеюсь, ты помнишь, чему я тебя учил, потому что назад поведешь экипаж ты.

— Я могу править, — сказала Калли. — Не скажу, что получаю от этого удовольствие, но Руперт, мой муж, заставил меня выучиться.

— Отлично, в таком случае, будете править вы. Но сначала, наденьте это, — он снял свой сюртук и кинул ей. — И мою шляпу тоже. Я не хочу, чтобы люди в доме видели, что вы — женщина.

Он снял с неё шляпку и помог надеть сюртук, который оказался слишком велик для неё. Гэйб подвернул рукава и застегнул пуговицы, затем надел свою шляпу ей на голову.

— Я чувствую себя нелепо, — пробормотала она.

Гэйб улыбнулся.

— Вы восхитительно выглядите. Накиньте этот плед на юбки. Хорошо, вот так. Теперь,

езжайте домой — в усадьбу. Расскажите Гарри, что случилось, и он обо всем позаботится.

— А что насчет Ники? — спросила она. — Они и его будут искать.

Она бросила взгляд на отсек для собак сзади каррикля и вопросительно посмотрела на Гэйба. Он угадал её намерения. Сзади экипажа был встроен отсек для охотничьих собак. Он вполне мог бы вместить маленького мальчика и скрыть его от посторонних глаз, подумал Гэйб. Отличная идея.

Повернувшись к Ники он начал:

— Ники, я хочу, чтобы ты... — но внезапно замолчал. Лицо Ники и его огромные зелёные глаза, казалось, застыли, это была миниатюрная копия его матери. Губы мальчика дрожали, но его маленькое, тоненькое тельце держалось ровно, как у солдата, челюсти были сжаты. Ники приготовился смело встретить свою судьбу.

Ничто на земле не могло заставить Гэбриэла велеть этому храброму мальчику спрятаться в коробке-гробу, как напуганному зайцу.

Он бросил на Калли предупреждающий взгляд и сказал мальчику:

— Позаботился о своей матери.

Она неодобрительно посмотрела на него и открыла рот, чтобы возразить, но он незаметно покачал головой.

— Да, сэр! — ответил Ники, как маленький солдат, и Гэйб увидел, как Калли, посмотрев на сына, закусила губу.

— Твоя мама будет управлять лошадьми и не сможет смотреть по сторонам. Ты должен быть её глазами и ушами, смотреть, нет ли на дороге чужестранцев.

— Да, сэр.

— Если кого-нибудь увидишь, ты должен сказать маме, и если она посчитает, что есть опасность, она передаст поводья тебе. Я уверен, ты справишься. У тебя хорошо получалось. Я верю, ты останешься хладнокровным при любых обстоятельствах.

Ники сглотнул, но его грудь раздулась от гордости.

— Да, сэр.

Гэйб помог Калли залезть на место извозчика, потом из потайного отделения рядом достал два пистолета и проверил их.

У Калли расширились глаза.

— Но ведь если вы будете стрелять в людей графа Антона, Тибби может ...

— Я не собираюсь ни в кого стрелять. Это для вас.

— *Меня?* Но...

— Всё, что вам нужно будет сделать, это нацелиться и спустить курок. Они заряжены, — он положил пистолеты рядом с Калли. — Не важно, если вы не попадёте в них. Мы вас услышим и будем знать, что вы в беде, и мы придём.

— Но я не знаю, как...

— Держите крышку тайника открытой. Он предназначен для того, чтобы, не мешкая, выхватить пистолет в случае появления грабителей или разбойников, промышленяющих на дорогах. Всё, что вам нужно сделать, это передать вожжи Ники и вытащить пистолеты.

— Но люди в доме Тибби будут вооружены...

— И я тоже, мэм, — сказал Итен Делани и неуловимым движением, словно из воздуха, извлёк блестящий клинок.

Она посмотрела на мистера Ренфру глазами, полными отчаяния.

— Не беспокойтесь за нас, — сказал он ей. — Мы же солдаты, помните?

— Но вы не знаете, сколько...

Он едва заметно улыбнулся.

— Это не важно.

Она перевела взгляд с одного мужчины на другого.

— Но...

Гэбриэл погладил её руку.

— Не беспокойтесь за нас. Мы с Итенем можем о себе позаботиться. Просто сконцентрируйтесь на том, чтобы довести себя, Ники — и моих лошадей — в Грейндж целыми и невредимыми. И расскажите всё Барроу. Остальное мы сделаем сами. А теперь, позвольте посмотреть, как вы держите поводья.

Она обеспокоено взглянула на него, но обернула вожжи вокруг кистей так, как нужно, и Гэйб кивнул.

Он наклонился вперед и, прежде чем Калли сообразила, что он делает, крепко, быстро и страстно поцеловал её в губы.

— Берегите себя. Теперь езжайте.

Ренфру спрыгнул вниз и хлопнул кобылу по крупу. Лошади резко тронули с места. Он наблюдал за ними, пока Калли не свернула налево, направив повозку по тропинке назад в Грейндж, прочь от посёлка Уэст Лалворт. За ними не следовало ни души.

Он подождал, пока экипаж не скроется из виду, потом повернулся к Итену.

— Сколько их там может быть?

— С ней в доме как минимум двое, может, больше. Я слышал несколько голосов.

Гэйб кивнул.

— Хорошо. Тогда план такой, — сказал он и объяснил ирландцу, что он конкретно хочет, чтобы тот сделал.

Итен присвистнул.

— Дерзкий план, не говоря уже, что рискованный для вас.

Гэйб состроил гримасу.

— Просто делай так, как я тебе сказал, а о себе я побеспокоюсь сам, — он усмехнулся. — Честно говоря, я жду этого с нетерпением.

— Наскучила мирная жизнь, а, сэр?

— Немного, — признался Гэйб. Жизнь была скучной...до того, как приехала она.

Итен усмехнулся.

— Тогда приступим.

Гэйб перелез через каменную стену и украдкой обошёл дом. Он дал сигнал Итену, который открыто вышагивал по дороге, громко насвистывая, а затем снова свернул на тропинку, ведущую к дому Тибби. Ирландец обвязал поводья вокруг куста, затем пошёл по гаревой дорожке, и, всё ещё насвистывая, постучал в дверь.

За дверью послышался шёпот, похожий на спор, и только потом дверь со скрипом открылась, и оттуда выглянула Тибби. Когда она увидела Итена, её глаза расширились от изумления.

Он улыбнулся и подмигнул ей.

На её бледных щеках выступила краска. Но это не был румянец смущения, это была злость.

— Простите, что снова беспокою вас, мэм, — громко сказал ирландец, стараясь, чтобы его акцент был ещё сильнее, чем обычно, и чтобы казалось, что он немного пьян. — Но я

забыл, что у меня с собой есть карта, чтобы избежать неправильных указаний к Роуз Бэй Фарм — ферме, где продают жеребца, вы помните, о котором я вам рассказывал — чемпиона. Ну вот, я подумал, покажу вам карту и посмотрю, сможете ли вы дать мне толковые указания, куда ехать.

Через какое-то время дверь открылась немного шире.

— Покажите мне карту, — процедила она сквозь сжатые в раздражении губы. В образовавшийся проём она вышла наполовину. Только одна из её рук была свободна, и Итен видел, что подол её юбки криво натянут, как будто кто-то его держал.

Он вытащил записку, которую Тибби дала ему прежде, и показал ей. Женщина недоверчиво посмотрела на него, но раздражение сменилось размышлением. Итен снова подмигнул.

Делани громко сказал:

— Вот поместье Роуз Бей Фарм, мэм, не покажете, где мы сейчас находимся?

Он сделал так, чтобы можно было слышать шуршание бумаги, и взял её свободную руку в свою. Она сначала автоматически её отдернула, а потом остановилась.

— Вы здесь, — сказала мисс Тибторп, — а вот место, куда вам нужно добраться, чтобы найти ферму, которую вы ищете.

Итен одобрительно пожал её руку и сказал:

— Ооо, так вот где это. И, мэм, не могли бы вы также показать мне поворот здесь, на карте, а то я совсем не разбираюсь в картах.

— Да, конечно, — она слегка дёрнула руку и, кто бы ни держал её, тотчас же отпустил. Юбка натянулась ещё сильнее. Но почти всё её тело теперь было в проёме между дверью и косяком.

Итен многозначительно посмотрел на неё, затем тихо посчитал: один, два, три. На счет три он резко потянул её из дверного проёма прямо на себя. Послышался треск рвущейся ткани, но Итен не остановился. Он пронзительно свистнул, и тут же сзади дома что-то с грохотом упало.

В тот же момент Итен обхватил Тибби руками. Она запищала и стала нерешительно сопротивляться. Мужчина не придавал этому значения. Он помчался по тропинке и забросил её на лошадь.

Тибби почти свалилась с неё, но всё-таки удержалась в седле.

— Что происходит?

— Тихо! — Делани вскочил на лошадь сзади неё и, обхватив за талию одной рукой, поскакал прочь. Оставляя позади них коттедж, полный криков и грохота.

— Мой дом! Мой котик! Что... кто? — восклицала Тибби, когда наконец-то смогла перевести дух. — Надо предупредить...

— Не волнуйтесь, мисс. Всё в порядке, сейчас вам ничего не угрожает, — ирландец подстегнул лошадь.

— Не угрожает? Д-да, — она вцепилась в седло.

Тибби никогда не доводилось в своей жизни ездить столь быстро. Она попыталась разглядеть хоть что-нибудь поверх его плеча.

— Но что это был за грохот? И кто вы такой?

— Итен Делани, к вашим услугам, мисс.

Тибби запоздало вспомнила о правилах приличия:

— Спасибо, мистер Делани, — сумела пробормотать она. Ей до сих пор не верилось, что действительно удалось сбежать от тех ужасных мужчин в целости и сохранности. В некотором роде. Трястись на лошади, несущейся галопом во весь опор, будучи похищенной незнакомым ирландцем, являлось не самым безопасным поворотом событий.

— Эта сволочь вас ранила?

— Н-нет. Слава Богу.

Его рука так сжала ее талию, что Тибби поморщилась. Она снова попыталась обернуться. Что происходит? Тибби полагала, что бандиты ринутся вслед за ними, но на дороге никого не было видно.

— Нас никто не преследует, — заметила она.

— Они вооружены? Я имею в виду, огнестрельное оружие.

— Нет. Думаю, у главаря было оружие, но он ушёл.

— Сколько их было?

— Четверо. Они просто явились неведь откуда, — дрожа, вспоминала Тибби. Она открыла дверь, чтобы выпустить погулять Кисоньку, как вдруг к ней вломились семеро рослых мужчин.

— Их было семеро, но главарь и ещё двое мужчин ушли после того, как связали меня, — Тибби потёрла запястья.

Он приподнял её руку и осмотрел запястья. Они были ободраны и стерты.

— Вот дьяволы! — пробормотал он.

Она уставилась на его большую грубую лапищу. Вся в мелких царапинах и мозолях, она несла на себе следы нелегкой жизни — определённо не рука джентльмена. Тибби не видела другую руку ирландца, но чувствовала, как крепко та сжимает её талию.

— Они развязали меня только для того, чтобы я приготовила им поесть! — пожаловалась ему Тибби. — И чтобы я открыла дверь.

— Они не причинили вам никакого... вреда?

Тибби понимала, о чем он спрашивает.

— Нет. Скучные старые девы не в их вкусе, слава Богу.

Он странно на неё посмотрел:

— Но они заставили вас готовить?

— Да, они съели всё до последней крошки в доме, — в гневе добавила она. — А потом копались в моих вещах самым неподобающим образом. И к тому же курили! Один из них

пнул моего бедненького маленького Кисоньку ногой, а другие тут же громко расхохотались! — её трясло — гнев, копившийся весь день, вырвался, наконец, наружу. — Спасибо, что спасли меня. Очень храбро с вашей стороны прийти на помощь незнакомому человеку.

— О, в неприятностях, я как рыбешка в воде, мисс. Здорово это вы придумали, как меня предупредить.

Он имел в виду её записку. Тибби понадеялась на его помощь, но и представить не могла ничего подобного. Какой смелый! Как бесстрашно — он просто вырвал её из лап этих жалких негодяев и ускакал с ней, как... как юный Лохинвар. Стихи зазвучали в её голове, в унисон стуку копыт:

*Чуть приблизились к двери, танцуя, они,
Он возьми да ей на ухо что-то шепни.
Вот они на крыльце и вскочили в седло,
И обоих уже словно ветром смело.*

Разумеется, она не была ни прекрасной Эллен из поэмы, ни чьей-то невестой. В своей записке она просила лишь привести представителей власти, а не примчаться на коне и вырвать её из рук злодеев. Он поступил совершенно безрассудно. Храбро, но безрассудно. Но не мешкая ни минуты.

— Я слышала какой-то шум, когда мы...э...отъехали.

— Должно быть, капитан Ренфру малость поразвлекся, пока я вас умыкал.

— Не звучало такой уж «малостью». Надеюсь, мой дом остался цел, — Тибби понятия не имела, как правильно держаться в седле, но, как ни странно, совершенно не боялась упасть. Его рука стальным обручем обвивала её талию, его горячая грудь, казалось, была сделана из камня, а его конь мчался, как ветер.

- Что он там делает? — спросила она, снова стараясь заглянуть через его плечо назад.

Белые зубы мужчины блеснули в кривой ухмылке:

— Задаёт им жару.

Тибби уставилась на его улыбку — прорезь белого цвета на загорелом дочерна лице. Она могла разглядеть до мельчайшей подробности его кожу с неглубокими морщинами, темную от пробивающейся щетины. Улыбка стала ещё шире, и она поняла, что против всех правил приличия, пялится на него.

— Может, нам следует вернуться?

— Зачем?

— Чтобы помочь вашему другу. Их четверо против одного.

— Да он выпутывался из передряг и похуже. Мне приказано перво-наперво позаботиться о вас.

- Со мной всё будет в порядке. Я настаиваю: спустите меня на землю, возвращайтесь и помогите своему товарищу!

Итен помотал головой.

— Капитан приказал доставить вас в безопасное место. Не переживайте за него. Держитесь-ка покрепче. Всё позади, мисс Тибби, — пробормотал он.

Тибби знала, что это еще не конец. Ей надо было как-то предупредить Калли.

— Мы должны поставить в известность представителей вла... — она вдруг оборвала фразу. Он назвал её по имени! Тибби застыла. Итен Делани назвал её мисс *Тибби*. Она

считала его случайным незнакомцем, но, если ему известно её имя, то он таковым не является. *Так кто же он?*

Они выехали на главную дорогу, но вместо того, чтобы повернуть направо в сторону города, мужчина повернул налево.

— Вы едете не туда, мистер Делани, — проговорила Тибби с растущим подозрением.

— Нет, туда. Мы едем в Грейндж.

— Грейндж? Но почему? Я никого не знаю в Грейндже, — она попыталась спрыгнуть с лошади, но он только ещё крепче прижал её к себе.

— Там ведь ваша подруга, миссис Принн.

— Я не знаю никакой миссис Принн, — напряжённым голосом возразила мисс Тибторп.

Тибби почувствовала, как он наклонил голову, пытаясь разглядеть её лицо. Она ощутила на себе его взгляд.

— Она-то вас знает, мисс Тибби. Вместе со своим сыночком она собиралась остановиться у вас.

— Вы имеете в виду, что...? — она оборвала себя. Возможно, это очередная уловка графа Антона. Тибби крепко сжала губы, чтобы не сболтнуть лишнего.

— Мож, я не так имя сказал? — спросил Итен. — Я-то думал, она зовет вас Тибби. Ещё она сказала, что не видела вас с тех пор, как была совсем молоденькой. Миссис Принн — пухленькая девонька небольшого росточка, волосы у нее черные, а глазки красивые такие, зеленые.

Тибби расслабилась.

— Меня зовут мисс Тибторп, — она разрешала называть себя «Тибби» только самым дорогим её сердцу воспитанницам.

— С ума она сходила, как вы там, — продолжил Итен Делани. — Не трясись она так сильно над своим сыночком, сама бы побежала штурмовать коттедж. Кажись, решила, что по ее вине вы оказались в беде.

— О, ей не следует винить себя!

— Не волнуйтесь, милочка, всё как-нибудь образуется, — успокоил мужчину, сжав ее пояс. Ей надо было бы сделать ему замечание, но почему-то Тибби не решилась. Без сомнений, потому что обязана ему своим спасением.

И потому что юные Лохинвары всего мира не поступили бы лучше.

Ты моя! У кого конь найдется такой,

Чтоб догнать нас? — кричит Лохинвар молодой.

Тибби чувствовала жар его тела даже сквозь платье. Она смотрела вперед. Её волосы развевались, задевая его лицо. Раз или два она чувствовала, как мужчина убирал их со своего лица, и, сгорая от смущения, пыталась зачихнуть пряди за воротник платья. Тибби не могла припомнить, когда в последний раз выходила на улицу с непокрытой головой, не говоря уже о распущенных волосах. Она чувствовала себя так... бесстыдно.

Конь начал уставать и перешел на лёгкий галоп. Прямо перед ними из-за угла появился красивый серый экипаж, и рука мужчины сжала Тибби так крепко, что ей стало трудно дышать.

— Что за черт... — воскликнул он, — куда это она собралась! И где паренек?

Услышав, как Тибби что-то сдавленно пискнула, он взглянул на неё:

— Прошу прощения, — он слегка ослабил хватку, — временами силушку свою не чую. С вами всё в порядке?

Тибби кивнула, жадно хватая ртом воздух. И вдруг заметила, что встречным экипажем правит не кто иная, как Калли в мужском пальто и шляпе.

— Тибби, — закричала Калли, как только подъехала ближе. — О, моя дорогая Тибби! Слава богу, с тобой всё в порядке!

Когда экипаж остановился, Итен подъехал сбоку и опустил Тибби на сидение, прервав восторженную сцену воссоединения двух женщин словами:

— Не ведаю, что вы здесь делаете, мэм, и куда паренька своего дели...

— Он в надежном месте! Иначе меня бы здесь не было.

— Капитану это не понравится, мэм. Он ждет, чтобы его приказам подчинялись от и до.

— Ну, так я не один из его солдат. По моей вине вы сами, Тибби и ваш капитан оказались в опасности, и я не собираюсь просто так сбегать с единственным оружием.

— Не единственным, мэм. Со всем к вам уважением, вы ещё не видели капитана в бою. Оружие его — голые руки. Теперь-то я поеду обратно, чтобы помочь, а вы не вздумайте, — отрезал он, как только она натянула вожжи, готовая следовать за ним.

— Но...

— Мэм, вы не можете драться: драка — дело мужское. Мы с капитаном побывали в стольких заварушках, что вам и не снилось....

— Но...

Мятежное выражение не сходило с ее лица.

— Вы только будете мешаться. Лучше бы вам обоим вернуться назад в Грейндж. Отвезите туда мисс Тибби и угостите её хорошей чашкой чая. Расскажите Барроу, что случилось. А я поскачу назад и помогу капитану, — он развернул коня и собрался пустить его в галоп.

— Возьмите пистолеты! — крикнула Калли.

Итен замешкался, но потом произнес:

— Нет, капитан приказал оставить их вам. На всякий случай. Мы и так справимся, не бойтесь, — и ускакал туда, откуда они прибыли.

Женщины проводили его взглядом.

— Иногда мужчины ведут себя, как упрямые тупицы, — раздражённо заметила Калли, — уехал сражаться, оставив пистолеты мне!

Тибби была с ней полностью согласна.

— Да уж, мне понадобится приличная чашка чаю, — она посмотрела на Калли, — а где Ники?

— С ним всё в порядке. Я оставила его с супругами Барроу. Тибби, сколько мужчин было в твоём коттедже?

— Четверо, — ответила та.

— *Четверо против одного!* Капитан Ренфру совершенно безоружен, а у мистера Делани всего лишь нож! — Калли тяжело сглотнула и встревожено посмотрела на подругу, — Тибби, ты не будешь против, если мы вернемся к твоему дому? Я не собираюсь сидеть, сложа руки, когда у меня есть пистолеты, а он там безоружный, и один против четверых! К тому же я — причина всех этих неприятностей.

— Ты ни в чем не виновата, но я ни в коем случае не буду возражать! — тут же ответила

Тибби. — Я хотела вернуться и помочь ему, только мистер Делани не позволил мне, — она презрительно фыркнула. — Я угощу его славной чашечкой *чая*!

Лошади резво тронулись с места.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Пистолеты лежат вон в том ящике, — указала Калли. Она подстегнула лошадей, и те ускорили бег.

Тибби открыла ящик и с превеликой осторожностью проверила один из пистолетов. Коляску трясло и шатало из стороны в сторону, и Тибби поспешно положила оружие обратно в ящик, чтобы оно не выстрелило.

— Кажется, это не так сложно, — оживлённо произнесла Тибби.

— Ты когда-нибудь стреляла из пистолета? — спросила Калли.

— Нет... Я думала, ты боишься лошадей.

— Так и есть.

Женщины переглянулись и залились смехом.

— Тибби, милая, ты ничуть не изменилась. Я обниму тебя, как следует, лишь только всё закончится. Но как же я рада, что ты здесь!

— Моя дорогая, ты превратилась в замечательную женщину — я всегда говорила, что так и будет!

— Мне так жаль, что я втянула тебя во все...

— Чепуха! Я сама себя втянула! — твёрдо сказала Тибби. — Именно я настояла на том, чтобы ты приехала ко мне. Я ведь знала, на что иду.

Калли уже не чувствовала себя такой виноватой.

— Мне стало так страшно, когда я узнала, что они держат тебя в плену. Но ты ведь в порядке, правда?

— Да, совершенно. Мистер Делани так бесстрашно умчал меня оттуда, — заметила она после непродолжительного молчания. — На мгновение я даже почувствовала себя прекрасной Элен.

Упоминание знаменитого стихотворения вызвало неожиданный смешок у Калли.

— Юный Лохинвар?

Любимое произведение Тибби.

Они продолжали гонку. Все внимание Калли уходило на то, чтобы править лошадьми.

— Граф Антон здесь собственной персоной, — неожиданно сказала Тибби.

— Где? — в тревоге огляделась вокруг Калли.

— Я имела в виду, что он в Англии. Он приходил в коттедж. Я уверена, это был он. Они обращались к нему «Ваше превосходительство» — стройный, красивый блондин с отвратительно мягкой манерой речи.

— Точно он, — Калли стало нехорошо.

— Он отлично осведомлен о наших планах, приехал прямо ко мне домой. Он знал, что ты с Ники приедешь ко мне.

— Он, должно быть, читал всю нашу переписку, — предположила Калли. — Но как? Я не заметила ничего подозрительного...

На горизонте показался коттедж, и обе женщины замолкли.

— Нам нужен план, — сказала Тибби.

— Да. Так ты действительно никогда не стреляла?

— Никогда, — Тибби покачала головой.

— Тогда я возьму пистолеты. Я умею стрелять. Руперт научил меня, — на ее лице появилось решительное выражение, — и если там окажется граф Антон или один из его головорезов, моя рука не дрогнет. Ты должна закричать, когда мы ворвёмся в коттедж, чтобы отвлечь их внимание, — Калли глубоко вздохнула. — Остальное я сделаю сама.

* * *

Гэйб уложил двоих, а двое были на подходе, когда появился Итен. Он схватил тяжелую медную вазу и обрушил на голову четвертого бандита. Тот свалился как камень. Гэбриэл нанес напоследок мощный удар кулаком тому, который еще держался на ногах, и в коттедже вдруг наступила тишина.

Мужчины одобрительно заухмылялись.

- Хорошая драка, как погляжу, кэп, — произнес Итен.

Гэйб удовлетворённо вздохнул.

— Да уж, удалась, — он осторожно сгибал и разгибал костяшки пальцев, — хотя давненько я не дрался голыми руками.

— Если бы вы взяли у меня нож... — Итен протёр рукавом вазу и поставил её обратно на каминную полку так, чтобы не было заметно вмятины.

— Нет. Как я уже сказал, убийство ещё более осложнит ситуацию и привлечёт нежелательное внимание к миссис Принн и её сыну. Мы сдадим этих парней властям за попытку ограбления или незаконное удерживание человека, или ещё за что-нибудь. Вряд ли они сознаются в своих истинных целях...

Тут как раз зашевелился один из лежащих на полу мужчин. Итен снова взял вазу, стукнул бандита и вырубил его. Теперь ваза была смята с обеих сторон. Итен поставил её на место, но она жалко накренилась.

— Давай-ка их свяжем, — предложил Гэйб.

Было не так-то просто найти крепкую верёвку в доме, принадлежащем женщине, но они обнаружили в одном из шкафов стопку сложенных простыней и порвали одну из них на узкие полоски, чтобы связать бандитов.

— Я сообщу в магистрат... — начал, было, Гэйб, как вдруг раздался оглушительный треск. В окно влетел глиняный горшок с геранью и разбился вдребезги, ударившись о пол. Земля, герань и осколки горшка разлетелись во все стороны.

В тот же миг распахнулась входная дверь.

— Всем стоять! — раздался громкий женский вопль. — Я вооружена!

— И я тоже, — прокричал ещё один такой же напряжённый голос сзади. — А ещё у меня лопата!

Гэйб тяжело вздохнул. Теперь он понял, почему в армию не брали женщин. Женщины не понимают приказов. Они путают их с советами.

Он наблюдал, как его миниатюрный ангел мщения ворвался в комнату, держа свои пистолеты — точнее, его пистолеты — наготове. Калли выглядела воодушевленной, возбужденной и красивой. Ненавистный ему пучок на её голове растрепался, а самые манящие губы на свете воинственно поджались, что было, на его взгляд, просто очаровательно. И в то же время выводило его из себя. Один длинный шелковый завиток задевал её нос. Калли сдула его и свирепо обвела комнату взглядом.

— Цельтесь в сердце, — посоветовал Гэйб и вышел вперед. Калли посмотрела ему в

глаза, и пистолеты дрогнули в её руках. Затем, оглядев комнату ещё раз, она опустила их.

— О, вы справились и без нас, — в её голосе слышалось разочарование.

— Да, как видите, я справился и без вас, — ему было не очень уютно оттого, что Калли небрежно держала в руках оружие, поэтому он быстро отобрал у неё пистолеты и отложил в сторону. — Где Ники?

— С мистером и миссис Барроу. Он, наверное, уже в Грейндже.

— Где следует быть и вам, — выдавил из себя Гэйб. Сейчас он был в состоянии думать только о том, что бы случилось, если бы он не справился. Она бы примчалась сюда и ворвалась в дом, полный головорезов. С пистолетами или без оных, она бы не продержалась и минуты.

— Ха, — возразила Калли, — у меня были пистолеты, а вы — один против четырех и без оружия.

Ему хотелось придушить её.

Или целовать до бесчувствия.

Гэйб отступил назад и несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Калли вдруг поняла, о чём он думает, и нерешительно прикусила нижнюю губу. Гейб тут же уставился на ее губы. Порозовевшие и нежные, они выглядели такими соблазнительными, к тому же весь день он не мог выбросить из головы их вкус.

Ему все еще хотелось ее задушить.

И как никогда хотелось ее целовать.

Но больше всего ему хотелось оказаться с ней в постели.

Гэйб с усилием оторвал от неё взгляд. Позади Калли стояла стройная, миниатюрная женщина, размахивающая над головой лопатой. Она тоже огляделась вокруг, и лопата выскользнула из её рук, а лицо вытянулось.

— Мой дом! — воскликнула она, — мои вещи!

Все последовали её примеру и оглядели комнату. Гэйб впервые осознал, во что та превратилась: перевёрнутая мебель, разбитый фарфор, осколки которого были разбросаны по всему полу, криво висящие картины, кое-что испорчено безвозвратно...

Взгляд Тибби упал на связанных мужчин, и она прищурилась.

— Я так понимаю, вам пришлось использовать для этого мои новые простыни.

— Ох, — пробормотал Итен, — всё не так плохо, как кажется, — начал он, — почему бы мне...

Она пронзила его взглядом, от которого мужчина послабее упал бы на месте.

— О, почему бы вам не сделать себе чашечку *хорошего крепкого чая*? — выпалила мисс Тибторп и начала наскоро приводить в порядок комнату.

— У вас нет на это времени, — проворчал Итен. Затем повернулся к Гэйбу: — Она сказала, что сперва их было семеро, стало быть, по меньшей мере, трое бродят где-то неподалёку.

— Тогда они могут в любой момент вернуться, — заметил Гэйб. — Мисс Тибторп, у вас три минуты на то, чтобы упаковать вещи, затем вы, леди, покинете этот дом. Здесь для вас небезопасно.

— Я бы предпочла остаться здесь и защищать мой дом, — ответила мисс Тибторп твёрдым голосом. — Предупрежден — значит, вооружен.

— Точно, и я помогу ей, — выступила вперед Калли.

— Не выйдет, — возразил Гэйб. — Мисс Тибторп слишком благоразумна, чтобы не

понимать, какой опасности она подвергнет свою подругу. Она не пойдёт на это, я уверен.

— Но это я виновата в том, что над нами нависла опасность. Эти мужчины пришли за мной.

— Совершенно верно, — подтвердил Гэйб, — и именно поэтому вы обе должны уйти отсюда сейчас же!

Тибби задумалась над словами капитана и посмотрела на Калли.

— Он прав. Твоя безопасность намного важнее всего этого, — она обвела комнату руками и поспешила наверх.

Гэйб повернулся к своей зеленоглазой колючке.

— Отправляйтесь прямо в Грейндж и ни в коем случае не возвращайтесь. Возьмите с собой пистолеты. Это приказ, ясно?

— Да, но... — она открыла свой божественный ротик, и Гейбу на ум пришел только один способ, как его закрыть. Но сейчас ни место, и ни время.

— Не спорьте со мной, женщина! — прорычал он. — Это *приказ!*

— Да, но я ни одна из ваших солдат, и я не подчиняюсь приказам ни одного мужчины, — ответила Калли. И до того, как он сумел что-либо сказать, она продолжила: — Я так и сделаю, поскольку мне кажется это самым разумным, но хочу заметить, что...

— Помолчите, если вам дорога жизнь, — прорычал он.

Калли внимательно посмотрела на него и снова открыла рот, пытаясь заговорить.

— Или собственная репутация, — он остановил свой взгляд на её губах.

Женщина быстро закрыла рот и неодобрительно поджала губы.

Этот рот точно когда-нибудь станет его погибелью, подумал Гейб.

Не говоря ни слова, Калли повернулась и стала подниматься по лестнице с гордо поднятой головой — ни дать, ни взять, королева, отпустившая своих поданных. Её бедра соблазнительно покачивались при каждом движении.

Как только она исчезла из вида, Гэйб повернулся и увидел, что Итен смотрит на него, расплывшись во всё понимающей усмешке.

— Ну что ты стоишь тут, глупо ухмыляясь, — резко бросил Гэйб. — Давай немного приберёмся.

Итен кивнул в ответ и начал ставить на место опрокинутую мебель.

— Да, хорошенько похлопотала, хозяйка, чтобы сделать это местечко красивым. И не спускайте глаз с ее котика. Она беспокоилась о нем, — его передернуло, — Самому-то мне возиться с кошками неважно. Чихаю от них.

Гэйб осмотрелся и понял, что Итен прав. Под разбитым фарфором, комьями земли, геранью и пятнами крови был виден хорошо начищенный и пахнувший воском деревянный пол. Всюду чувствовалась женская рука: в узорах на занавесках, сшитых вручную ковриках, акварелях в рамках, — и всё это было разбито или испорчено.

Гэйб и не заметил. А Итен не упустил этого. Интересно.

Мужчины начали убираться. Сначала они вышвырнули из дома связанных бандитов. Трое из них очнулись и пытались вырваться, ругаясь на неизвестном Гэйбу языке. Один из них умудрился плюнуть в Итена.

— Ну, всё, — пробормотал Итен. Он схватил многострадальную вазу и ударил каждого по очереди по голове, чтобы они отключились.

Гэйб посмотрел на вазу и вымолвил:

— Она, наверное, очень любила эту вазу, Итен.

Итен пожал плечами.

— Всё одно она разбита.

Потом они подняли всё, что свалилось на пол, и смели то, что разбилось.

Гэйб посмотрел на потолок.

— Какого дьявола эти женщины там делают? Сколько нужно времени, чтобы собрать одну единственную поклажу?

Итен снова пожал плечами.

— Женщины, — он поднял с пола книгу и понюхал ее, — кожа. Красивый переплёт.

Он ещё раз провел пальцами по обложке, прежде чем осторожно поставить книгу на полку. Итен просмотрел ещё пару книг, но, заметив, что Гэйб наблюдает за ним, резко закрыл ту, что была у него в руках.

— Картинок нет, — он быстро вернул всё на место и отправился на поиски метлы.

Гэйб как раз расставлял книги, когда дамы спустились.

— Пора бы — э, все готово? — он быстро направился к ним. Мисс Тибторп несла потрепанный саквояж и зонтик, а у Калли в руках была большая закрытая коробка.

Гэбриэл взял коробку у нее из рук.

— Боже милостивый, — воскликнул он, — она весит тонну! Что в ней?

— Вещи Тибби, — Калли произнесла это голосом, не оставляющим сомнений в том, что считала этот вопрос неуместным.

Гэйб усмехнулся. Несколько минут в обществе гувернантки — и его прекрасный ангел мщения превратился в маленькую надменную герцогиню. Гэйб не возражал. Она нравилась ему любой. Он посмотрел на пистолеты и положил их в карман.

— Я собрала достаточно вещей, чтобы хватило на нескольких дней, — сказала мисс Тибторп, — но очень волнуюсь за своего маленького дорогого Кисоньку. Нигде не могу его найти.

Она подошла к задней двери и позвала:

— Кис-кис-кис, — но кот так и не появился.

— Поезжайте в Грейндж, а мы отыщем вашего кота, — сказал ей Гэйб. — И закончим здесь с уборкой...

— О, но я могу сделать это позднее, — мисс Тибторп с сомнением перевела взгляд с него на Итена, который возил по полу мокрой тряпкой, развозя грязь. Он выглядел, как слон в посудной лавке.

— Мадам, мы устроили тут беспорядок, нам с ним и разбираться или — лучше я сам разберусь. Итен сопровождает вас в Грейндж, а я отвезу этих бандитов в местный магистрат.

— Нет, не надо сообщать о них властям! — воскликнула Калли.

Гэйб нахмурился. Всё это ему не нравилось.

— О преступлениях нужно сообщать. Иной путь ведёт к анархии.

— Если вы сообщите о том, что четверо мужчин ворвались в дом к Тибби и удерживали её здесь, поднимется большая шумиха. Граф Антон, наверное, находится неподалёку отсюда. Констебль всё ему расскажет, и граф узнает, кто сообщил о преступлении, где вы живёте, а, значит, и где нахожусь я.

Гэйб посмотрел ей в глаза. И увидел там страх и веру в свои слова.

— Очень хорошо. Это против всех моих принципов, но я не сообщу властям, — он успокаивал себя тем, что ни один мужчина не устоял бы перед взглядом этих зелёных глаз. — А теперь — вперёд, ступайте. Я быстро закончу здесь и присоединюсь к вам.

— А как же мой котик? Кисонька не любит мужчин, — предупредила мисс Тибторп, похоже, кот полностью разделял её взгляды на этот предмет. — И он будет еще более недоверчив, после того как это чудовище ударило его.

— Я найду этого прок... — этого кота, — ответил Гэйб, пытаясь скрыть своё нетерпение. Он выглянул наружу и удостоверился, что горизонт чист. — Кошки любят меня, не беспокойтесь. Но мне будет намного проще, если я буду знать, что вы обе в безопасности.

— И убрались с дороги, — Калли произнесла это так тихо, что только Гэйб услышал.

— Совершенно верно, — сказал ей Гэйб и наградил улыбкой, словно смышленную ученицу.

Калли сердито посмотрела на него.

— Из экипажа удобнее бросать сердитые взгляды. Там можно смотреть свысока, — обнимая её за талию свободной рукой, Гэйб повел Калли к двери.

— Я и сама могу идти, — пробормотала она.

— Да, но пойдёте ли? Вот в чём вопрос, — Гэйб подтолкнул её вперёд. — Итен, проводи мисс Тибторп, — бросил он через плечо, — сейчас же!

— Не нужно пихаться, — отрезала его «герцогиня».

— Ещё как нужно. Представьте, что это не пихание, а нежное подталкивание.

Он вывел Калли из коттеджа, закинул на заднее сиденье саквояж и собственноручно посадил женщину в экипаж. Итен проделал то же самое с гувернанткой, затем забрался сам, втискиваясь на место рядом с ней. Гэйб отдал ему пистолеты. — Ты знаешь, что делать.

— Как и мы, — вставила Калли, поджав губы.

— Как же! Где-то я уже это слышал, — фыркнул Гэйб и ударил лошадей по крупу.

Он смотрел вслед, пока экипаж не исчез из виду. Когда Гэйб убедился, что их никто не преследует, его дыхание выровнялось. Он победил в драке четырёх мужчин и до сих пор стоял на ногах, но Калли сумела нанести ему такой удар, от которого он не мог оправиться.

Когда она возникла на пороге, размахивая пистолетами. Спеша ему на помощь. *Ему*. Она рисковала собой, стремясь помочь мужчине, который в силах и сам позаботиться о себе. Он восемь лет сражался на войне и выжил.

Сумасшедшая женщина. Она не имела понятия, как обстоит дело между мужчиной и женщиной. Это он должен защищать её, а не наоборот.

Гэйб проверил связанных бандитов у задней двери. Они до сих пор были без сознания. Он испытывал большой соблазн сдать этих трусливых наглецов властям, но он дал слово и поэтому не сделает этого. Первый раз в жизни он не мог совершить то, что представлялось ему правильным.

Он осмотрел коттедж. Двери и окна сильно пострадали. Он решил завтра же послать сюда кого-нибудь, чтобы исправить причинённый ущерб. Потом поправил коврики на полу и пару покосившихся картин.

Гэйб не мог выбросить все из головы: ни одна женщина ещё не пыталась защитить его. Он не имел представления, как к этому отнестись. Она знала его всего лишь день, даже меньше.

Он обернулся, услышав какой-то звук. Ничего. Вдруг он заметил какое-то движение около буфета. Он наклонился и, заглянув под него, увидел большого, уродливого, старого, рыжего кота, который, судя по шрамам, побывал во множестве битв и таращился на Гейба одним уцелевшим глазом.

— Ты же не можешь быть тем самым, дорогим маленьким Кисонькой, — сказал

Гэйб. — Тебя надо было бы назвать Циклопом или Одиссеем.

Кот не сводил с него взгляда. Обрубок, который с трудом можно было принять за хвост, воинственно задрался вверх. Кот, хоть и выглядел жалко, чувствовал себя хозяином дома.

— Давай, вылезай, Кисонька, старый негодник, — Гэйб подлез под буфет, пытаясь вытащить кота, но тот сбежал, как следует его исцарапав. Гэйб выругался, вытащил раненую руку и перевязал её носовым платком, и, бормоча что-то успокаивающее, попытался ещё раз. Платок оказался изодран в клочья, а к уже имевшимся на его руке царапинам прибавились новые.

— Послушай, старая образина, я не собираюсь тебя обижать, просто хочу вернуть этой бедной обманутой женщине её милого котика.

— Где принцесса? — раздался над ним голос, и тут же голова Гэйба чуть не раскололась от боли.

— Принцесса? Какая принцесса? — как в тумане произнес Гэбриэл. Вдруг сапог врезался ему прямо в пах. Гэйб сложился пополам, застонав и проклиная свою собственную глупость. Их было, по меньшей мере, трое. Его застали врасплох, с головой под буфетом, как какого-то простака или новобранца.

Их главарь, обутый в сверкающие сапоги для верховой езды с серебряными шпорами, прорычал:

— Не трать моё время, простолюдин! Мне нужна принцесса и её сын!

— Не имею представления, о чём вы говорите. Не знаю никаких принцесс, — Гэйб попытался вырваться, но чей-то другой сапог припечатал его руку. Боль была невыносимой.

— Скажи нам, где они, принцесса и принц!

— Ни разу в жизни не встречал принцесс, — стоял на своём Гэйб, — видал как-то раз короля ещё до того, как он сошёл с ума.

Он попытался рассмотреть лицо говорящего, но ещё один сапог пригвоздил его голову к полу. Он чувствовал себя загнанным в угол и совершенно беспомощным.

Потом ощутил, как сапог надавил сильнее.

— Всё, что нам нужно, — это принцесса и мальчишка.

Гэйб был солдатом, а, кроме того, ещё и реалистом. У него был лишь один выход. И потому он стал осыпать этого человека самыми отборными ругательствами, которые только приходили в голову. Годы службы в армии значительно пополнили его словарный запас.

И он добился желаемого. Бандиты прекратили допрашивать его и стали попросту бить.

Последним, кого увидел Гэйб, был кот, незаметно пробирающийся через лес ног к двери...

— Кэп! Вы меня слышите, кэп? — на лицо Гэйба обрушилось ведро ледяной воды. Он попытался двинуться с места и застонал. На нём не было живого места. Ему удалось приоткрыть один глаз, и он разглядел Итена, который озабоченно смотрел на него сверху.

— Вы сильно ранены, кэп?

Гэйб замотал головой и тут же скривился от боли. Голова словно раскалывалась на части.

— Нет, меня просто избили. Они ушли?

— Ага. Двигаться можете?

— Конечно, — проговорил он и снова выругался. Он провел языком, проверяя, все ли зубы на месте. Слава богу, ни один не пострадал.

— Выпейте это, — Итен поднёс бутылку с бренди к его губам. Гэйб сделал один глоток

и отстранил бутылку, закашлявшись, чувствуя, как огненная жидкость проникает внутрь.

— Какого черта?.. — он попытался вздохнуть.

Итен улыбнулся:

— Капля горной ирландской росы — так мы прозвали наше ирландское виски. От всех хворей подмога.

— Если раньше не прикончит, — пробормотал Гэйб.

Итен подождал пару секунд, пока капитан придёт в себя, затем помог ему встать.

— Снаружи у меня там экипаж. Когда вы не явились, я запереживал. Оставил леди в поместье и поехал обратно. А что здесь случилось?

Гэйб скривил лицо:

— Мерзавцы застали меня врасплох.

У Итена отвисла челюсть.

— Вас, кэп?

— Меня, — ответил Ренфру уныло, — по собственной глупости. Хуже, чем самого неопытного новобранца! Они поймали меня под буфетом, когда пытался достать этого окаянного кота.

Он поднялся с пола, затем, шатаясь, побрёл к входной двери. Там он остановился и посмотрел на подъездную шлаковую дорожку, в конце которой ждал его экипаж.

— У тебя там осталось ещё немного этой проклятой ирландской огненной воды?

Первое, что увидел Гэйб, когда они с Итеном вошли в дом, были потрепанный чемодан и шляпная картонка, аккуратно стоявшие бок о бок в холле.

В конце коридора появилась Калли:

— О, боже, что случилось?! — воскликнула она, устремившись навстречу вошедшим. Она всё ещё была одета в плащ его двоюродной бабушки.

Гэйб покачнулся и ухватился за руку Итена, вынудив последнего с удивлением посмотреть на него.

— С вами всё в порядке? Могу я чем-то помочь? — спросила Калли, нахмутив брови от беспокойства.

Габриэль тотчас же приобнял её за плечи, наградив Итена лёгким толчком.

— Ты можешь пока присмотреть за лошадью, Итен, — сказал он, помещая руку Калли к себе талию. — Благодарю тебя, теперь я отлично справлюсь с помощью миссис Принн.

Ирландец окинул Гэйба весёлым взглядом.

— Ах, я это прекрасно вижу, — пробормотал он.

Калли изо всех сил старалась распрямить плечи под тяжестью руки Гэйба.

Гэйб нашёл эти её попытки отодвинуться от него восхитительными. Тихонько застонав, он позволил своим коленям подогнуться, его рука обвилась вокруг её талии. Рука Калли крепче обхватила талию Гэйба, а другую она прижала к его груди.

— Ой! — невольно вырвалось у него. Она надавила прямо в том месте, где остался отпечаток сапога одного из негодяев.

— О, Господи, простите ради бога! Очень больно? — сказала Калли. — Что случилось? Я полагала, что вы просто наводили порядок. Или тем людям удалось освободиться?

— Нет. Почему вы всё ещё одеты в этот плащ?

Она ответила негодующим взглядом.

— Потому что ждала вас, конечно же! Ох, бедное ваше лицо! — Калли с беспокойством разглядывала его.

Вид его нельзя назвать приятным, уныло предположил Гэйб. Один глаз полностью заплыл. Там, должно быть, образовался дьявольски большой синяк. И судя по тому, как ныло и горело от боли всё его тело, на нём тоже имелось множество ран и кровоподтёков.

С другой стороны, Гэйб находил Калли такой красивой, что это тоже причиняло ему боль, и эта боль была вовсе не от ушибов. Её прекрасные зелёные глаза пристально разглядывали его.

— Ну и каков будет приговор? — тихо спросил он.

Женщина прикусила губу.

— Вы выглядите, выглядите ...

— Как герой? — с надеждой спросил Габриэль. — Отважным? Бесстрашным?

— Ужасно!

— Ох, — обескуражено сказал Гэйб. — Так почему же вы сочли необходимым дожидаться моего возвращения в плаще?

— Не думали же вы, что я уеду, не поблагодарив вас?

Гэйб нахмурился и усилил свою хватку:

— Уедете? Уедете куда? Вы никуда не поедете.

Калли попыталась освободиться от его руки:

— Конечно же, поеду. Граф Антон — мой враг. Он здесь. Те мужчины в коттедже Тибби — это его люди. Я должна уехать прежде, чем они найдут меня.

— Чушь! Оставайтесь здесь. Я защищу вас.

Она одарила его скептическим взглядом:

— Вы?

По выражению её лица, Гэйб сделал вывод, что его вид был менее чем обнадеживающим.

— Они, — Гэйб жестом указал на свои раны, — все несерьезные.

Калли ответила взглядом, говорившим о том, что она не поверила ему, но слишком вежлива, чтобы произнести это вслух:

— Спасибо за ваше предложение, но, по правде говоря, мне необходимо уехать как можно скорее.

Она была весьма решительно настроена на отъезд, не мог не заметить Гэйб.

— Отлично, подождите, пока я приведу себя в порядок. Это не займет много времени.

Калли откинула голову назад и уставилась на него. Его лицо было всего лишь в нескольких дюймах от её.

— Подождать? Зачем мне ждать, если я могу поблагодарить вас прямо сейчас и сразу же уехать?

— Потому что у меня нет привычки отправляться в путь грязным и окровавленным. Вот почему.

В ответ на её смущённый взгляд он добавил:

— Не воображаете же вы, что я позволю вам с Ники путешествовать одним, когда целая банда ужасных головорезов преследует вас?

Калли пристально разглядывала его в течение минуты, а потом покачала головой.

— Нет, благодарю вас. Это очень любезно с вашей стороны, но в этом нет необходимости. Я не могу просить вас...

— Вы и не просите меня. Это я говорю вам, — рука Гэйба крепче сжалась вокруг её талии.

Зелёные глаза принцессы сузились.

— Мистер Ренфру, как я уже указала прежде, у вас нет надо мной власти. С вашей стороны любезно беспокоиться о нас, но это действительно не ваша забота — что я делаю или куда направляюсь. Я не хочу с вами ссориться, поэтому...

— Хорошо. Тогда вам придется подождать.

— Нет. Я — независимая женщина и ...

Габриэль повернул голову:

— Итен, ты всё ещё здесь? Отлично. Возьми этот багаж и запири его в шкафу в холле. Запири всё, что там есть, — и эту шляпку тоже. И отдай ключи мне.

— Вы не сделаете этого, мистер Делани, — незамедлительно возразила Калли. — Это мои вещи, и я намерена уехать как можно скорее.

— Итен, действуй.

Итен ухмыльнулся:

— Да, капитан Ренфру.

Он поднял саквояж, засунул шляпную картонку подмышку и забрал шляпку.

— Немедленно поставьте всё на место!

Приложив некоторые усилия, Калли всё-таки удалось освободиться от Гэйба, и она ринулась вперёд с намерением отнять свои вещи у Итена.

Гэйб ухватился за её плащ, и когда Калли остановилась, развернул её и взял под руку.

— Давайте всё обсудим, — сказал он, увлекая её в направлении гостиной.

Калли воспротивилась.

— Здесь нечего обсуж... — начала она, как вдруг с удивлением обратила внимание на его неожиданную способность передвигаться без посторонней помощи. — Вы притворщик! Вы прекрасно можете стоять и без моей помощи!

Гэйб незамедлительно покачнулся, в результате чего рука Калли оказалась прижатой к её боку его рукой, и одновременно он продолжал надёжно удерживать её другую руку.

— Я ни в малейшей степени не обманута этим, — заявила Калли. — Как вы посмели забрать мои вещи?

— О, Боже! Думаю, что я сейчас потеряю сознание, — прошептал Габриэль и сжал её настолько слабо, насколько было необходимо, чтобы помешать Калли броситься в погоню за Итенем.

— В самом деле? — произнёс ироничный голос позади него. — Тогда это будет впервые.

Обернувшись, Гэйб увидел миссис Барроу, стоявшую подбоченясь и наблюдавшую за происходящей сценой. Маячившие за спиной экономки мисс Тибторп и двое мальчиков, а также собака Юнона смотрели на всё происходящее широко раскрытыми глазами.

Миссис Барроу окинула Гэйба взглядом и фыркнула:

— Вы бы лучше отвели его на кухню, мэм. Ему нужно привести себя в порядок.

Бросив на Габриэля ещё один взгляд, она добавила:

— Желательно несколькими способами^[10].

Итен вернулся и бросил ключ Габриэлю. Поймав ключ, Гэйб посмотрел на свою упрямую разгневанную принцессу и тихо произнёс:

— Дайте мне час. В противном случае я отправлюсь в путь как есть.

Калли открыла было рот, чтобы возразить, и он добавил строгим голосом:

— Я не приму «нет» в качестве ответа. Я буду сопровождать вас окровавленный или же чистый, но вы не покинете этот дом одна, без защиты.

С минуту Калли сердито смотрела на него, затем её лицо прояснилось, и она кивнула, капитулируя.

— Отлично. Я подожду. Дайте мне ключ, и пока вы будете приводить себя в порядок, я соберу свои вещи.

Она протянула руку.

В ответ Гэйб засунул ключ в карман своих бриджей.

— Только после того, как мы побеседуем.

Калли сердито посмотрела на него:

— Вы не доверяете мне?

Гэйб ответил ей с лёгкой усмешкой:

— Я уже говорил, что ваши глаза выдают ваши мысли. Получив свой багаж, вы тотчас же уедете, как только я повернусь к вам спиной. Ну что, пойдёмте?

И протянул Калли руку, с намерением сопровождать её на кухню.

Женщина окатила Габриэля ледяным взглядом. А затем, задрав кверху свой маленький носик, плавно проскользнула мимо него, как самая настоящая принцесса: снисходительная,

величественная... и разгневанная.

Гэйб едва смог сдержаться, чтобы не схватить её в объятия и поцелуями изгнать из неё чопорность. Но в её нынешнем настроении Калли, наверное, надрала бы ему уши. И вполне справедливо. Он был ужасно деспотичен. Но он не мог позволить ей уйти. Без него.

На кухне миссис Барроу сказала мальчикам:

— Джим, тебе известно, где находится самый лучший водоём с пиявками — в ложбине позади рощицы? Возьмите с Ники эту банку и принесите мне несколько хороших больших пиявок. И прихватите с собой эту проклятую собаку — вы же знаете, что ей нечего делать на кухне.

— Пиявок? — с отвращением воскликнула Калли.

— Это самое лучшее средство при синяках и ушибах.

Миссис Барроу повернулась обратно к Джиму:

— Ты ведь знаешь, как надо их ловить?

Джим кивнул.

— Молодец. Тогда ступайте, мальчики, и смотрите не упадите!

— Ники не сможет пойти, — быстро сказала Калли. — Он... он не умеет плавать.

Лицо Ники вытянулось.

— Я буду очень осторожен, мама, — сказал он в своей учливой манере маленького старичка. — Я раньше никогда не ловил пиявок. Это должно быть очень интересно, — его зелёные глаза умоляюще смотрели на мать.

Калли заколебалась в нерешительности. И Гэйб понимал почему. Он обнаружил, что почти невозможно сопротивляться ей, когда она, в свою очередь, смотрела на него такими же, как у её сына, глазами.

Но события в коттедже явно подтвердили всю серьёзность её опасений, и ей не хотелось упускать сына из виду.

В раздумьи она закусил губу. Гэйб наблюдал. Она понятия не имела, насколько эротичным он находил это зрелище. Даже когда находился в переполненной людьми комнате, его избитое и ноющее от боли тело испытывало прилив возбуждения в ответ на это её действие.

— Мне бы очень хотелось принять участие в ловле пиявок, — добавил мальчик с тоской в голосе. Его руки бессознательно ласкали уши Юноны.

— Тогда ты должен пойти, — объявил Гэйб. Ему было необходимо поговорить с Калли с глазу на глаз о вещах, которые она могла не пожелать обсуждать в присутствии своего сына. — Возьмите с собой мисс Тибторп. Для неё это будет... хм, интересно с научной точки зрения.

Мисс Тибторп выглядела удивлённой и слегка возмущённой, но прежде чем она смогла что-либо произнести, Гэйб обратил внимание на Итена, праздно стоявшего на пороге комнаты, и добавил:

— И мистер Делани, конечно же, тоже отправится с вами ради спокойствия мамы Ники.

— Несомненно, — согласился Итен. — Куда ещё я должен отправиться? На ловлю пиявок? — он бросил унылый взгляд на свою безукоризненно чистую форму и сверкающие сапоги. — Это будет... грандиозно.

С мрачной покорностью Итен предложил руку мисс Тибторп. Она поколебалась, но затем приняла её, и через несколько секунд кухня опустела.

Принцесса топнула ногой.

— Как вы посмели! У вас нет никакого права! Это я должна решать — идти или оставаться моему сыну.

— Я знаю, но нам необходимо кое-что обсудить. И с вашим сыном всё будет в полном порядке. Водоём находится всего лишь в нескольких минутах ходьбы отсюда. Они вернутся обратно, самое большее, через полчаса. Позвольте Ники повеселиться. Судя по его словам, в его жизни было не так уж много веселья. Вы держите его под стеклянным колпаком.

Её глаза засверкали.

— Вы несправедливы. Я поступаю так для его же блага.

— Знаю, ради его безопасности. Но вы не можете и дальше убегать.

Калли в отчаяньи всплеснула руками.

— А что мне еще остается делать? Я не в силах бороться с графом Антоном самостоятельно. А больше никто мне не верит.

— Я верю вам. Вы не можете с ним бороться, но я-то могу.

— Каким образом? Вы — один. А у графа Антона, практически, целая армия.

— Сражения не всегда выигрывают одной лишь грубой силой.

— Вы могли бы быть более убедительным, если бы не выглядели похожим на нечто, что выплонула кошка, мистер Гэйб. Поэтому давайте-ка приведем вас в порядок, — прервала их разговор миссис Барроу.

Она принесла горячую воду, чистые тряпки и устрашающее количество горшочков с лекарственными снадобьями.

Калли отступила, чтобы позволить миссис Барроу заняться Гэйбом.

— Каким способом, по-вашему, вы можете победить графа Антона? — спросила Калли, когда миссис Барроу сняла с него сюртук, жилет и рубашку, оставив Гэйба в одних лишь бриджах.

Гэйб поместил руку на пояс брюк, дабы удостовериться, что они остались на месте.

Калли пристально взгляделась. Воспаленные отметины покрывали всё его тело в тех местах, куда пришлись полученные им удары и пинки. На тыльной стороне его левой руки даже остался отпечаток каблука от сапог.

В том, что он получил такие увечья, была её вина. Он пострадал, защищая Тибби от людей графа Антона. Её гнев увял, его сменило чувство вины.

— Не делайте этого, — сказал Гэйб.

— Не делать чего?

— Не кусайте свои губы. Они — произведение искусства, такие губы нельзя кусать и калечить. Нежно покусывать — возможно. Я продемонстрирую вам это чуть позже.

Калли уставилась на него, будучи не в состоянии вымолвить ни слова в ответ. *Произведение искусства?* А потом она осознала, что он только что предложил *нежно покусывать её губы*. Она боролась с подступающим румянцем.

— Довольно озорничать, мистер Гэйб. Девушка вне себя от беспокойства за вас, — сказала миссис Барроу. — А вы, мэм, не волнуйтесь из-за этого, — она указала на избитый мужской торс. — Я лечила его и Гарри с тех пор, как они ещё пешком под стол ходили. Раз он всё ещё такой дьяволёнок — значит с ним всё в порядке.

Калли эти слова утешили. Она заметила дьявольские искорки, пляшущие в синем глазу, который ещё оставался открытым. Пока миссис Барроу промывала порезы и ссадины смесью уксуса и горячей солёной воды, Гэйб объяснил, что же произошло.

Его схватили, когда он наполовину залез под буфет, пытаясь поймать кошку. Какой-то головорез в сапогах и с тощими золотистыми усиками потребовал от него предъявить принцессу.

— Так, словно я спрятал её под буфетом! — усмехнулся Гэйб.

— Это был граф Антон, — призналась Калли. — А я — та самая принцесса, которую он ищет.

— Мне это известно. Каролина, принцесса Зиндарики.

Её глаза широко распахнулись.

— Откуда вы узнали?

Он пожал плечами.

— Наездники Зиндарики и их легендарные дикие кони в течение многих лет интересовали моего брата Гарри. Таким образом, после разговора с Ники, я вычислил, откуда вы приехали. А вы на самом деле — принцесса? Так как, по словам Ники, его отец был важной птицей, то догадаться об остальном не заняло много времени.

У миссис Барроу от удивления широко открылся рот. Через мгновение она шлёпнула Гэйба мокрой тряпкой по груди.

— Если вы знали, что она — принцесса, то вам следовало предупредить об этом и меня! — проворчала она. — Я называла ее *миленькой*! И вам не следовало бы сидеть здесь перед нею полуобнаженным!

— Я не возражаю, — сказала Калли, имея в виду, что не возражает против того, чтобы её называли «*миленькой*».

Губы Габриэля тронула усмешка. Он подмигнул, и Калли залилась румянцем от смущения, осознав, что её слова можно также воспринять в том смысле, что она не возражает против его полраздетого состояния. И хотя она вовсе не имела этого в виду, но и это не было неправдой.

Даже будучи избитым и покрытым царапинами, его тело вызывало у неё восхищение.

Миссис Барроу стукнула Гэйба.

— Не подмигивайте принцессе. Прошу прощения, Ваше Высочество, но его не обучали таким грубым манерам. Это всё из-за того, что он провёл слишком много времени за границей. Поднимайтесь, я проверю, нет ли сломанных ребер, — приказала она Гэйбу.

Он поднял руки, и миссис Барроу произвела тщательную проверку вдоль линии каждого ребра.

Калли с волнением наблюдала за нею.

Миссис Барроу заметила это.

— Не волнуйтесь, Ваше Высочество, — заверила она Калли. — Ничего не сломано. Всё это выглядит страшнее, чем есть на самом деле.

— Но...

— Ему бывало намного хуже, но он выжил, Ваше Высочество. Он — словно кошка. Кроме того, ничто не доставляет ему большего удовольствия, чем ввязаться в какую-нибудь неприятность. До вашего прибытия, Ваше Высочество, он всячески изводил себя. Смертельно скучающий и несчастный от этого. Осуждающий себя за то, в чём не было его вины. Повернитесь.

Гэйб повернулся.

— Я никогда не верил тому, что ваше имя — Принн, — сказал он Калли. — Лгунья из вас никудышная.

— Тогда почему вы ничего не сказали?

— Вы были столь решительно настроены притворяться, что было бы бессердечно вывести вас на чистую воду.

Она нетерпеливо взмахнула рукой:

— Нет, не мне — графу Антону?

Его брови приподнялись.

— Вы имеете в виду: почему я не сказал ему, где вы находитесь?

Она кивнула.

— Это спасло бы вас ... от этого.

Её взгляд скользнул по его израненному, в кровоподтеках и ссадинах телу.

Гэйб довольно долго пристально вглядывался в неё.

— Да, почему же я не подумал об этом? В конце концов, что значит безопасность женщины и ребёнка, когда я мог бы уберечься от пары синяков. Я вспомню об этом в следующий раз.

— Я надеюсь, что следующего раза не будет, — пробормотала Калли, опуская глаза, чтобы не встречаться с его взглядом. Последовало непродолжительное молчание.

— Вы понимаете, что столкновение неизбежно, — сказал Габриэль.

Она покачала головой.

— Я и так уже доставила немало неприятностей Тибби, а теперь ещё и вам. Я должна уехать.

— А дальше?

— Спрятаться.

— Снова? И когда он опять обнаружит вас... уж если он смог проследить ваш путь через всю Европу от Зиндари, он не упустит вас здесь! И тогда что? Спасаться бегством и снова прятаться? И опять? И опять? Такой жизни вы хотите для маленького Ники?

И вновь короткое молчание. Миссис Барроу посмотрела на Калли. Она ничего не сказала, но Калли поняла, что та согласна с Габриэлем. По правде говоря, Калли тоже так думала, но что еще она могла предпринять?

— По крайней мере, мой сын будет жив. Если бы я осталась в Зиндари, Ники был бы уже мёртв!

Гэйб кивнул:

— Да, яд.

Калли была потрясена.

— Как вы узнали об этом?

— По тому, как вы оба отреагировали на горячее молоко прошлой ночью.

Калли бросила взгляд на дверь. Мальчики всё ещё были возле пруда.

— В последние пару месяцев было совершено несколько попыток убить Ники, — сказала принцесса. Для неё было облегчением поговорить об этом с кем-то, кто, кажется, серьёзно воспринял её слова. — Я уверена, что смерть моего мужа тоже не была несчастным случаем, хотя у меня нет доказательств.

Гэйб кивнул.

— Щенок стал последней каплей. Я подарила Ники щенка — его первого щенка, — она взглянула на Гэйба. — Он любит собак, но его отец никогда не позволял ему завести собаку. До тех пор, пока он не сможет... в общем, не важно.

Руперт пообещал Ники щенка, когда тот научится ездить верхом без седла. Только Ники

не смог бы этого сделать, не с его искалеченной ногой. Руперт сажал маленького мальчика на одну из своих диких лошадей, вручал Ники поводья и шлепал лошадь по крупу.

Лошадь трогалась с места, и Ники пытался удержаться на ней, но в его ноге не было силы, и после нескольких подпрыгиваний он падал. Его отец поднимал его и сажал обратно на лошадь, и вновь Ники падал, и отец сажал его, и он падал, опять и опять, до тех пор, пока его маленькое тельце целиком не покрывалось синяками, и он едва мог ходить.

Ничто из сказанного ею Руперту не произвело на того ни малейшего впечатления. Калли просила и умоляла, бушевала и бранилась, но и это не помогло. Она была всего лишь глупой напуганной женщиной, а он был принцем: его слово было законом.

Это продолжалось годы, до тех пор, пока Ники не начал бояться лошадей, зная, что ему причинят боль. Но он никогда не отказывался. Каждый раз он подвергал испытанию свое маленькое сердечко, и, несмотря на боль, ни разу не заплакал.

Его отец не смягчился, он даже ни разу не похвалил Ники за бесстрашие. Принц Зиндари не имеет права на неудачу.

Ники перестал просить о щенке. В этом не было смысла. Он никогда бы не смог ездить верхом без седла.

Так что год спустя после смерти Руперта Калли подарила сыну щенка.

— Ну и, конечно же, он взял его в свою спальню.

Она печально улыбнулась.

— Вы видели, как он отнёсся к вашей собаке. Любовь с первого взгляда.

Он кивнул.

— Со щенком было то же самое. Даже более того, учитывая, что тот был у него первым.

— Я всегда приносила ему перед сном горячее молоко. Тем вечером вместо того, чтобы выпить молоко самому, Ники отдал его щенку.

Она попыталась сохранить спокойствие, когда произнесла:

— Щенок умер. Это было ужасно. На руках у моего маленького мальчика.

Её лицо сморщилось при воспоминании о безутешном горе Ники, и о том, как он винил себя в смерти щенка.

Калли вытатила носовой платок и высморкалась. Она не будет из-за этого плакать. Она была разгневана.

— Кто готовил молоко? — спросил Гэйб, когда она справилась с собой.

Она ответила ему безрадостным взглядом.

— Я. Я сама подогрела его и принесла Ники. Никто к нему не прикасался, как и не прикасался к чашке, после того, как я вымыла её.

Он нахмурился.

— Как же они это сделали?

— Они отравили весь кувшин с молоком. Одна из служанок добавила этого молока себе в чай. Ей стало очень плохо, но она выпила всего лишь несколько капель молока, а не целую чашку.

Калли вздрогнула и обхватила себя руками.

— Его не заботило, сколько людей погибнет по его вине, при условии, что Ники тоже умрёт.

— Графа Антона?

— Да, он — следующий в линии наследования после Ники.

Миссис Барроу прищёлкнула языком.

— Какое злодейское преступление!

Калли кивнула:

— Он — сущий дьявол.

— Поэтому вы сбежали.

— Да, я уже в течение какого-то времени думала о бегстве, но после того случая, я поняла, что пора действовать.

— Вы не пытались добиться ареста графа Антона? — спросил Гэйб.

Она в расстройстве опустила руки.

— Конечно же, пыталась. Я говорила об этом с графом Забором — дядей Отто. Он дядя им обоим — моему мужу и графу Антону. Сейчас он — регент, правит от имени Ники, до восемнадцатилетия моего сына.

И вновь жест отчаяния:

— Дядя Отто считает, что я — всего лишь глупая женщина. По его мнению, я слишком избаловала Ники и «забываю свою маленькую головку всякой ерундой», — она скопировала голос графа. — Меня так злит, что все они полагают, что лучше меня разбираются в происходящем.

— Кого вы подразумеваете под словом «они»?

Она ухмыльнулась:

— Мужчин, конечно же.

— Конечно. Полагаю, что вы показали им отравленное молоко.

— Нет, потому что, когда девушка, работавшая на кухне, заболела, другие слуги вылили плохое молоко. Мне ничего не удалось доказать. И хотя я знаю, что за всем этим стоит граф Антон, в то время его даже не было во дворце. Кроме того, яд — это такое нехарактерное для него оружие. Он известен своим наводящим страх необузданным нравом.

Пожав плечами, Калли процитировала: «Молоко иногда портится, и людям становится от него плохо, принцесса. А слишком рано разлучённый со своей матерью маленький щенок может умереть. Это печально, принцесса, но такова жизнь».

Она взглянула на Габриэля и яростно добавила:

— Но щенок *не был* слишком мал для разлуки с матерью. И это молоко *было* отравлено. Поэтому, да, я буду бежать, бежать и бежать, если это сохранит жизнь моему сыну. Разве у меня есть выбор?

— Вы не можете все время находиться в бегах. Графа Антона надо остановить.

Она кивнула:

— Да, знаю, мне следовало бы застрелить его, но не думаю, что способна хладнокровно убить человека. Если бы он напал на Ники, я могла бы, конечно, но...

Его губы дёрнулись:

— Я не это имел в виду.

— Вы подразумеваете, что я могла бы нанять кого-нибудь, чтобы его убить? Но это сделало бы меня такой же безнравственной, как и граф Антон. Я не хочу, чтобы у моего сына была мать-убийца, — она нахмурилась и с возмущением посмотрела на Габриэля: — Кроме того, я не желаю *быть убийцей*.

— Очень рад это слышать, — развеселившись, произнёс он. — И не смотрите на меня так, словно я предложил вам кого-то убить.

— Тогда, что же вы имели в виду?

Он пристально посмотрел на неё.

— У меня есть план, — начал он.

— А у нас есть *целая куча* пиявок! — заявил с порога наследный принц Зиндари. — И некоторые из них всё ещё на мне! — на его лице появилась широкая ухмылка. С его одежды ручьями стекала грязь. Он был невероятно чумаз и счастлив. Таким счастливым Калли не видела его уже ... никогда.

— Ники, ты только посмотри на себя! — воскликнула Калли. — Я думала, что Тибби... Тибби ступила на порог. Она тоже была невероятно грязной.

— Я пыталась не дать ему упасть, действительно пыталась. Но я поскользнулась, — она встретила взглядом с Калли и захихикала: — Никогда в жизни не была такой чумазой.

Итен шагнул в комнату. И он, также как и остальные, был покрыт грязью с головы до пят.

— Мой новый сюртук, — сказал он, печально глядя на свою заляпанную грязью одежду. — Мисс Тибби упала, стараясь спасти Ники, а я свалился, пытаюсь спасти её.

— А я вовсе не падал, — с гордостью сообщил Джим. — Я просто собрал с них пиявок. Во всяком случае, тех, которых я смог заметить. Они здесь. И он протянул банку с чёрным месивом из извивающихся пиявок.

Взглянув на них, Калли испытала приступ тошноты.

— Что ты имел в виду говоря «тех, которых смог заметить»? — внезапно спросила Тибби. — Ты подразумеваешь, что некоторые из этих ужасных созданий всё ещё могут находиться на мне?

— Наверняка, — весело заявил Джим. — Вы так сильно бултыхались, а они это любят. И вы не позволили мне осмотреть ваши ноги, помните?

— Она и мне этого не позволила, — проворчал Итен.

Тибби окинула его суровым взглядом.

— Ну, разумеется.

Она повернулась к Калли.

— Я должна немедленно подняться наверх. Пожалуйста, вы не могли бы мне помочь?

Отдирать с кого-то этих ужасных скользких тварей? С кого-то, к чьей плоти они прилепились, чью кровь они пили? При этой мысли Калли опять затошнило.

Но кто-то же должен помочь бедной Тибби. Это могли сделать только она сама или миссис Барроу. Калли посмотрела на занимавшуюся ранами Габриэля миссис Барроу.

Она, глазом не моргнув, перенесла бы вид любого количества крови, но эти ужасные извивающиеся чёрные скользкие существа... Её подташнивало даже при одной мысли о них.

Повернувшись к миссис Барроу, Калли в своей самой любезной и величественной манере произнесла:

— Миссис Барроу, не могли бы вы помочь мисс Тибторп? А я бы позаботилась о ранах мистера Ренфру.

— Да, конечно же, мило... Ваше Высочество, — согласилась миссис Барроу. — Вы что-то побледнели. Мисс Тибби, поднимайтесь-ка наверх и снимите с себя мокрые вещи. И прихватите с собой эту мазь.

Она взяла у Джима маленький горшочек и вручила его Тибби.

— Пиявки ненавидят этот запах. И они отпадут от вас безо всякого вреда для себя или для вас. Я позабочусь здесь о мистере Гэйбе, а потом поднимусь к вам и проверю те места, которые вы сами не сможете увидеть.

Она обернулась к мальчишкам.

— А вы, мальчики, ступайте наверх с мистером Делани. Переоденьтесь в чистую одежду и удостоверьтесь, что на вас не осталось пиявок. Она вручила Итену другой маленький горшочек и окинула их взглядом, вынудившим всех троих смиренно удалиться.

— Будь миссис Барроу генералом, мне бы не пришлось провести на войне восемь лет, — сказал Гэйб, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Ну что же, займемся теперь вами, — сказала миссис Барроу. Она протянула руку к кувшину и вытащила оттуда несколько пиявок. Они были похожи на темных слизких червей.

Желудок Калли сжался, когда миссис Барроу поместила пиявок на опухшую и обесцвеченную плоть под поврежденным глазом Гэбриэла. Существа незамедлительно прилепились к нежной плоти.

Калли вздрогнула и отвернулась.

— Это больно?

— Вовсе нет. В действительности, ничего не чувствуешь, — оживленно ответил Гэйб.

Через несколько минут миссис Барроу заявила:

— Ну, так-то вот. Теперь, мистер Гэйб, вы знаете, что делать дальше. Вы же видите, что Её Высочество не может вынести такого зрелища. Мне известно, что некоторые люди так на это реагируют. Когда пиявки выполняют свою работу, положите их снова в банку. На хороших пиявок имеется спрос, и юный Джим сможет выручить за них несколько пенни. Я пойду проверю, что там делают остальные и вернусь обратно, чтобы закончить с вами.

— Я вполне способна позаботиться о его ранах, — сказала Калли, испытывая чувство стыда из-за слабости своего желудка. — Скажите мне, что нужно сделать после того, как эти существа закончат свою работу.

— Если вы действительно не возражаете, Ваше Высочество, — миссис Барроу передала Калли кувшинчик. — То вотрите эту мазь в порезы и ушибы на его спине. Спереди он может сделать это сам, но он не в состоянии дотянуться до своей спины.

— Конечно же, не возражаю. Он ведь получил эти увечья по моей вине.

— Вотрите её хорошенько. Это моя собственная особая смесь. Она снимет напряжение и поможет ему побыстрее поправиться. Но её следует наносить только после того, как пиявки выполнят своё дело — они не переносят этого запаха.

Пожилая женщина поспешно вышла, и они остались одни.

— Меня не пугает вид крови, — оправдываясь, сказала Калли, не обращая внимания на то, что Гэйб не произнёс ни слова, а сама она стояла к нему спиной и не могла видеть выражения его лица. Но она была уверена, что он смеётся над ней.

— В самом деле?

— Я хладнокровно ухаживала за больными с вполне серьёзными травмами. И рвота... Мне приходилось иметь с нею дело. Меня это не пугало. Совсем.

— Боже мой.

— И гной. Я справлялась с гноем и не испытывала от этого ни малейшей тошноты.

Неправда. Она почувствовала себя дурно, в тот раз когда гной хлынул из опухшей ноги её папá. Но она не могла допустить, чтобы Гэбриэл думал о ней как о слабой женщине, которой становится плохо при виде маленькой чёрной пиявки.

— Даже гной, вот как? Ну-ну.

Он смеялся над нею, решила Калли по тому, как подрагивал его голос. Она обернулась, чтобы сердито взглянуть на него, но была вынуждена вновь быстро отвернуться.

Червеподобные существа, прилепившиеся у него под глазом, наполнившись его кровью,

набухли подобно личинкам. Существа кормились, усеяв его торс и крепко прилипнув к каждому крупному синяку.

— Я не знаю, почему это срабатывает, — сказал Гэйб, — но это так, и это совершенно безболезненно. Видите? И мазь действует — один вдох, и пиявки отваливаются.

— Поверю вам на слово.

Наступило непродолжительное молчание.

— Итак, — через минуту или две произнес Гэбриэл, — пока мы сидим здесь в ожидании, когда эти существа закончат свой пикник, может, расскажете мне: как девушка, родившаяся в Англии, стала принцессой Зиндарики?

— Мой отец был англичанином, а мама — принцессой. Отец был весьма честолюбив. Он унаследовал солидное состояние, но его происхождение было просто благородным, поэтому он и женился на принцессе...

— Вот как? И как же он это устроил? — спросил Гэйб. — У меня есть друг, который хотел бы жениться на наследнице.

— Ох, мама не была наследницей, она всего лишь принадлежала к королевскому роду. Она была младшей дочерью дома Бленстин — потомственных правителей крошечного и очень бедного княжества Бленстин до того, как оно было поглощено Австрийской империей. Но она была принцессой, и именно это и имело значение для отца.

— И вы родились здесь.

— Да, в Кенте.

— И каким же образом вы вышли замуж за принца Зиндарики? — спросил он, добавив: — Пиявки уже закончили, они отваливаются, вдоволь насосавшись крови. Можете обернуться.

Калли осторожно обернулась:

— О, господи!

Опухший глаз больше не был таковым. Гэйб почти нормально мог им видеть, а синяк значительно посветлел. В тех местах, где были пиявки, осталось по два маленьких кровавых пятнышка.

— Это поразительно, не правда ли, — согласился Гэйб. — Вся эта дурная кровь сейчас внутри них, — сказал он, протягивая руку. На его ладони лежали две раздувшихся пиявки, каждая размером с гигантского слизня.

— Кровопийцы, — Калли отвела взгляд и дождалась, пока он опустил всех пиявок обратно в банку.

— На самом деле нет никакой необходимости в том, чтобы вы сопровождали меня, — сказала она. — Если мы быстро уедем отсюда, то граф Антон ничего не узнает. Мы с Ники вполне способны позаботиться о себе сами. Вам известно, что я безо всякой помощи провезла его через всю Европу.

— Известно, и это поразительно. И, тем не менее, я буду сопровождать вас. Не нужно делать вид, что вы не одобряете дополнительную охрану для сына.

Она и не могла. Калли была бы счастлива заполучить какую-либо охрану. Она просто не хотела, чтобы этим защитником был он. Гэйб нарушил её душевное спокойствие. То, как он смотрел на неё, поддразнивал, обращался с нею как — с чем-то хрупким и драгоценным. Тогда как самой ей было известно, что она вовсе не была хрупкой. И никто никогда не думал о ней, как о чём-то драгоценном.

Было очень соблазнительно, когда с тобой обращались подобным образом, но у Калли

не было желания быть соблазненной в любом смысле этого слова.

Раньше она уже попадала в такую ловушку. *Сгорел на обмане — стыдится пусть лжеец. Попался вторично — лей слёзы глупец.*

Было достаточно сложно сопротивляться поцелуям на конюшне, и проживи она хоть сто лет, ей не удастся забыть тот поцелуй, которым Гэйб одарил её, когда уходил, чтобы спасти Тибби.

Требовательный. Собственнический. Страстный.

Ей не хотелось многочасового пребывания в тесном экипаже с мужчиной, которому ничего не стоило поцеловать женщину, которую он едва знал. С мужчиной, чьи поцелуи заставили Калли ощутить слабость в коленках и растерять всю свою решимость.

Кроме того, он был властным. Очень властным. Всю её жизнь ею командовали мужчины, её желания игнорировались, её мнение с презрением отвергалось. Наконец-то она обрела свободу. В качестве вдовы она не обязана была подчиняться ни одному мужчине.

И ни один мужчина никогда больше не лишит её свободы. Даже этот голубоглазый дьявол, чьи поцелуи сводят женщину с ума.

Но нельзя было забывать о сыне. Габриэль также предложил защитить и Ники. Калли знала, что он защитит её и Ники, даже если это будет стоить ему жизни. Никто бы не мог просить о большем.

Но она не считала возможным просить об этом мужчину, особенно когда ничего не предлагаешь ему взамен.

— Вы не можете рисковать безопасностью своего сына только лишь потому, что сердитесь на меня, — тихо сказал Гэбриэл.

В удивлении Калли взглянула на него. Этот мужчина умел читать мысли? Но он был прав. Несмотря на все её сомнения он был сильным и благородным воином. И было бы преступно и глупо отказаться от предложенной им защиты.

— Я принимаю вашу охрану, спасибо, — сказала принцесса.

Гэбриэл защитит её сына от графа Антона.

А она защитит себя от Гэбриэла.

— Отлично. Ну а теперь займемся мазью.

Гэйб поднял чистую ткань и прикоснулся к маленьким кровавым отметинам от укусов пиявок. Багровые следы ушибов по всему телу посветлели и казались менее воспалёнными. Заметив, что Калли наблюдает за ним, он предложил:

— Может, перейдём в гостиную? В дневное время она залита солнечным светом, и полагаю, что Барроу уже разожёт там огонь. Таким образом, в ней должно быть приятно и тепло, и вы сможете наложить мне мазь в приватной обстановке.

Калли ненадолго задумалась: почему это Габриэлю столь внезапно понадобилась приватность? Особенно после того, как он так долго, бесстыдный и непринужденный, сидел обнажённым по пояс перед нею и Тибби. Но он уже вышел, прихватив с собой мазь и большую зелёную жестянку. Она последовала за ним.

В зелёной жестянке оказались пирожки с вареньем, которые Габриэль жевал, стоя посреди комнаты в лучах солнечного света, струившихся сквозь эркерное окно. Его тело было крепким, хотя и не таким мускулистым, как у Руперта.

Оно было гибким, ухоженным и сильным... Гэйб был похож на греческую статую, освещенную лучами солнца, с той лишь разницей, что он был тёплым, из плоти и крови.

Взглянув ему в лицо, Калли обнаружила, что Гэйб наблюдает, как она разглядывает его

обнаженный торс, и почувствовала, что жар прилил к щекам.

— Я просто смотрела: куда необходимо наложить мазь, — пробормотала Калли. — Повернитесь.

— Вам понадобится это, — тихо произнёс Гэйб и протянул ей горшочек с мазью. Калли взяла его, и он опять повернулся к ней спиной.

Прежде у Калли никогда не было возможности по-настоящему разглядеть обнажённую мужскую спину на таком близком расстоянии. Руперт был единственным мужчиной, которого она видела хотя бы частично раздетого. Но Руперту была свойственна некая телесная скромность, поэтому он никогда не снимал перед нею своей ночной рубашки.

Это было ... необычно. Широкая и мощная спина с гладкой золотистой кожей, словно он часто снимал рубашку на солнце. Недавние царапины и кровоподтеки располагались поверх других более старых шрамов: отметины от клинка, круглого морщинистого рубца от пули. Свидетельства его участия в многочисленных битвах. Закалённый, опытный воин.

«Я буду защищать вас», — сказал он.

Калли откупорила горшочек с мазью и осторожно принюхалась. Запах был резким, но приятным. Вязкое непрозрачное вещество зелёного цвета. Ей удалось распознать запахи мяты, камфары, ноготков и возможно, — горечь мяты болотной, а также и другие травы. Она принюхалась ещё раз. Возможно, мирра тоже.

— Из чего она состоит, вам известно?

Гэйб пожал плечами:

— Я не вполне уверен, но думаю, что там присутствуют гидрастис, подорожник и зверобой, а также корень окопника. Миссис Барроу имела обыкновение посылать нас собирать травы, когда я был мальчиком. Эти знания оченьгодились мне во время войны.

Осторожно и нежно она смазывала мазью ободранную кожу. Прохладная мазь, нагревавшаяся под ладонью Калли, впитывалась в его тело, растекаясь по неровностям спины.

— Расскажите мне о Тибби, — через некоторое время сказал Гэбриэл. — Полагаю, что у вас с нею более близкие взаимоотношения, чем бывает у большинства женщин с их старыми гувернантками.

— Да, Тибби — замечательный человек. Во многих отношениях она была для меня матерью. Мой папа был очень... он очень привередливо относился к моему образованию. Он вынашивал планы о блестящем браке для меня.

— И он в этом преуспел.

— Да.

Калли окунула палец в горшочек и зачерпнула ещё мази. Она отказывалась думать о своем удачном блестящем замужестве. Она испытывала необъяснимый комфорт, массируя и растирая крепкое тёплое тело.

— Как же это случилось?

— Первоначальный план отца состоял в том, чтобы я вышла замуж за принца-регента. Но тот женился на принцессе Каролине Брансвик, когда я была ещё маленькой девочкой, поэтому папа́ был вынужден обратить свой взор на европейские дворы в поисках подходящего для меня мужа. Он отправился в турне к различным европейским дворам, оставив меня в Англии с Тибби — расти и получать образование.

— Он оставил вас? Почему? И что вы почувствовали при этом?

Калли задумалась, продолжая растирать крепкие мускулы его спины:

— Полагаю, он думал, что заранее сможет договориться о лучшем для меня браке.

То, какой она стала, явилось сокрушительным ударом для её папá. Он не делал тайны из своего разочарования от того, что внешнею Калли пошла в его родственников, а не в высоких спокойных блондинок, какими были женщины в роду её матери. Будь Калли красавицей, она могла бы выйти замуж за представителя одной из великих королевских династий, а не за принца небольшого малоизвестного княжества.

— Я не возражала против того, чтобы остаться, — сказала она. — В некотором смысле, это было облегчением.

— О боже, но почему?

— Мне никогда не удавалось сделать что-то, что доставило бы радость моему папе. Я была источником его постоянного раздражения. В самом деле — во мне не видно ни капли королевской крови. Я невысокая, полная, моё лицо слишком круглое с непримечательным курносом. И в моём характере тоже слишком много изъянов.

— Например, каких?

— О, я — любительница поспорить, упрямая...

— Я это заметил.

Она шлёпнула пригоршню холодной мази ему на спину.

Гэйб тихонько рассмеялся:

— Знаю-знаю, я сам напросился.

— И я не могу притвориться, что интересуюсь *важными* вещами.

— И что же подразумевалось под важными вещами?

— О, ну знаете, такими как этикет, дипломатия, различные женские добродетели... я имею в виду, например, беседа на тему: «В чём смысл *вышивки*?» — Калли закатила глаза. — Дворец был полон разнообразных предметов, украшенных отличной вышивкой: диванные подушки, портьеры, ширмы и тому подобное, поэтому не имелось никакой нужды вышивать что-либо ещё. Но нет, я должна была вышивать.

— Значит, вы ненавидите шитьё.

— Нет, мне до некоторой степени нравится шить, просто я предпочитаю делать что-то полезное. Но принцесса не должна делать ничего полезного. Или интересного, — она криво усмехнулась, думая об этом. — Не знаю, кто был более разочарован мною — отец или Руперт?

Счастливейшим временем в её жизни было время, когда она жила с Тибби, подумала Калли, не считая, конечно, рождения Ники. Тибби никогда не требовала, чтобы Кали менялась. Она нравилась Тибби такой, какой была. И Тибби интересовалась самыми различными вещами, которые другие могли бы счесть неподобающими, и она поощряла Калли быть такой же.

Спасение Ники было той самой причиной, из-за которой Калли сбежала из Зиндари, но к Тибби она отправилась не только ради сына, но и ради себя. Она тоже надеялась начать новую жизнь. Жизнь, в которой они с сыном не будут подвергаться постоянной критике.

Тибби всегда хотелось иметь ребёнка. Калли знала об этом. Так же, как она имела обыкновение в глубине души притворяться, что Тибби — её мать, так и Тибби притворялась, что Калли — её дочь.

А теперь граф Антон разрушил и эту мечту. Она никогда не смогла бы вернуться жить к Тибби теперь, когда графу Антону стало известно, где её дом. Калли надавила сильнее.

Гэйб выгнул спину в чувственном удовольствии, которое он испытывал и задумался о

том, что Калли рассказала ему.

— Таким образом, в то время как Наполеон пытался поглотить всю Европу, ваш папá устроил большое турне и опрашивал потенциальных зятьёв королевской крови? Разве Бони не стеснял его перемещения?

— Ну, конечно же, да. Наполеон продолжал отнимать власть у королевских домов Европы и делать своих родственников королями и королевами. Папа был в ярости из-за этого. Как известно, Наполеон не может похвастаться происхождением. Он не принадлежал к высшему обществу. И его завоевания лишили меня нескольких неплохих возможностей, поэтому папá был вынужден искать дальше за границей. Он находил все это ужасно неудобным.

Гэйб что-то бессвязно пробормотал, услышав такую оригинальную точку зрения на завоевание Европы. Он почти сожалел, что ему не довелось встретиться с папá.

— Отец испытал облегчение, когда он договорился обо мне с принцем Рупертом. Руперта не интересовали внешность и состояние — только родословная. Семья моей мамы была бедной, но очень знатной. Руперт относился к родословной очень серьёзно... Он был коннозаводчиком.

У Гэйба вырвался смешок:

— Романтичный парень, я так понимаю.

Калли внезапно замерла.

— Нет, он не был романтичным, — тихо сказала она и через мгновение продолжила втирать мазь.

Он явно затронул болезную тему. Гэйб обернулся, чтобы взглянуть на принцессу. Опустив голову, она размазывала холодную мазь и продолжала массировать, избегая его взгляда.

Гэйб знал не так уж много молодых девиц, но для всех тех, с кем он был знаком, замужество с загадочным иностранным принцем было бы вершиной их девических мечтаний.

Что-то заставило его спросить:

— Сколько лет вам было, когда вы вышли за него?

Калли пожала плечами, избегая встречаться с его глазами:

— Почти шестнадцать.

Гэбриэл нахмурился:

— Вы были слишком молоды.

Женщина пожала плечами и почти сердито шлёпнула ему на спину ещё порцию мази.

— Руперт полагал, что молодая невеста будет более плодovитой. Понимаете, я была его второй женой. А первая жена оказалась бесплодной, — Калли яростно растирала спину Гэйба. — Совершенно неожиданно папа объявился после нескольких лет отсутствия, и заявил мне, что мы отправляемся в Зиндарию и что я выйду замуж за принца.

Она растирала отметины на его коже так, словно это были пятна, которые во чтобы то ни стало было необходимо оттереть. Гэйб не вздрагивал и не издавал ни звука.

Слишком много для девических мечтаний подумал он. Если раньше он не считал этого мужчину законченным болваном, то теперь думал о нём именно так. Законченный болван.

Как этот человек мог не заметить, какое сокровище ему досталось?!

Гэбриэл взглянул на маленькую, круглолицую, курносую темноволосую принцессу, свирепо хмурившуюся и втиравшую в его спину количество мази, достаточное, чтобы

сделать лодку водонепроницаемой.

Мысленно пребывая в далёком прошлом, Калли пристально уставилась на грудь Гэбриэла, продолжая втирать мазь в его соски.

Он мог молча переносить боль, но это было выше его сил. У Гэйба вырвался тихий стон. Не обратив на это внимания, Калли продолжила совершать круговые растирания его сосков с усердной сосредоточенностью и отсутствующим выражением на лице. Он вновь застонал и непроизвольно выгнулся.

Моргнув, Калли вернулась к реальности.

— Мне жаль, что вы так пострадали...

— Ш-ш... — Гэйб приставил к её губам палец, вынуждая сомкнуться эти мягкие шелковистые губы. — Нет нужды беспокоиться. Миссис Барроу была права. Я действительно наслаждаюсь хорошей дракой.

Калли посмотрела на лоснящиеся от мази отметины на его коже:

— Как вы можете этим наслаждаться? Как вообще кто-то может?

— Это э-э-э... это такой вид облегчения, — увидев, что она не поняла, Гэйб добавил: — Немного похоже на ... хм, на конгресс.

— Конгресс? — она ответила озадаченным взглядом. — На Венский конгресс?

— Нет, на супружеское общение^[11]. В спальне.

— Ох, — Калли опустила взгляд. — *Это*. Да, я понимаю.

На минуту воцарилось молчание. Она уставилась на многочисленные синяки на его груди, тщательно втирая в них успокаивающую мазь долгими ласкающими движениями и нежными прикосновениями. Ощущения были соблазнительными и одновременно мучительными.

Гэйб наблюдал за эмоциями быстро сменявшими друг друга на лице Калли и понял, что она ни о чём не догадывается.

У неё не было ни малейшего понятия о том, насколько соблазнительными были для него её прикосновения, о том, что ему приходилось прилагать значительные усилия, дабы не потерять контроль над собой. Что напряжение в его теле под её пальцами было оттого, что он боролся со своим возбуждением, а вовсе не с болью.

Для него было очевидно, что Калли была весьма чувственным созданием. Интенсивность, с которой она втирала едкую мазь в его тело, её глаза — тёмные и завораживающие, её полные, сосредоточенно сжатые губы, нахмуренные в задумчивости тёмные шелковистые брови. Гэйб готов был побиться об заклад, что в мыслях она унеслась сейчас далеко отсюда.

Она начинала возбуждаться, Гэйб был в этом уверен. Её дыхание участилось, бессознательно Калли облизывала губы. Влажность её губ вызвала у него желание застонать. Если бы он на несколько дюймов наклонил голову, то смог бы ощутить их вкус, насладиться ею. И Калли могла бы насладиться им.

По-настоящему чувственная.

Гэйб воскресил в памяти то полусмущённое, полунепокорное удовольствие, с которым Калли смаковала кусок бекона нынешним утром, то, как она боролась с наслаждением, когда он вытирал её ноги, а затем всё-таки отдалась этому соблазну.

И, несмотря на это, казалось, что ей ничего неизвестно о чувственных наслаждениях между мужчиной и женщиной.

Гэйб с недоверием уставился на её соблазнительный рот. После девяти лет замужества

она всё ещё не могла представить, каким образом хорошая драка может дать тот же вид облегчения от сдерживаемых ощущений, как и ... как она выразилась? *Это*.

Чувственная, но пуритански воспитанная. Если бы Калли имела хоть малейшее представление о том, как на него действуют её прикосновения, то она была бы уже на другой стороне комнаты.

— Вы не имеете представления, не так ли? Ваш муж был монахом?

— Конечно же, нет. Я же говорила, он был принцем. И что вы имеете в виду, говоря, что я не не имею представления? Не имею представления о чём?

— Об этом, — сказал Гэйб и притянул её в свои объятия.

Гэйб застал ее врасплох, и Калли покачнулась. Её дыхание сбилось, и она попыталась было отодвинуться, но Гэбриэл крепко обнял ее. Калли уперлась ладонями ему в грудь. И почувствовала, как бешено бьётся его сердце.

Одна рука Гэйба обхватила ее за талию, другая медленно скользила по спине, вызывая жаркую дрожь, пока наконец не замерла у основания шеи. Пальцем он легко и ритмично стал поглаживать чувствительный затылок, отчего по всему телу принцессы побежали мурашки.

— Ч-что вы делаете? — сумела выдавить Калли.

— Показываю вам кое-что, — голос Гэйба был низким, ласковым, уверенным.

— Показываете мне что?

Он не ответил, но Калли почувствовала, как он поменял положение, и внезапно ощутила его твердые сильные бедра. Тепло его тела проникало сквозь тонкую ткань. Смешанные запахи мази на его коже запахи сильнее. Мазь наверняка оставит пятна на платье, мелькнула у нее мысль, но Калли не смогла заставить себя пошевелиться.

Вблизи она разглядела, что глаза у Гэйба не просто голубые, а еще с золотыми крапинками и темно-синим ободком по радужной оболочке глаз. Именно благодаря этим крапинкам казалось, что в его глазах вечно плясали смешинки, подумала она. Сейчас же смешинок не было. Радужки потемнели, а зрачки расширились и, казалось, притягивали ее все ближе, как середина водоворота.

Под ладонями Калли бешенно билось сердце Гэйба. Его стук отдавался в ее разуме и теле. Женщина чувствовала это биение в его бедрах, груди, в мускулистых руках, удерживающих ее, сквозь жар его тела, прижатого к ее животу.

Калли зачарованно смотрела в его глаза. То, как Гэйб взирал на нее, волновало и вызывало странную слабость. Она едва могла дышать. Дыхание вдруг стало неглубоким и прерывистым.

Губы пересохли. Она обвела их языком, и его взгляд переключился на ее рот.

И с мучительно невыносимой медлительностью он наклонил голову и слегка лизнул ее губы. Это едва ощутимое прикосновение дрожью отозвалось в ней, словно утянуло в омут и болезненно потрясло до самой глубины души.

- Ваши губы такие нежные, как шелк, — прошептал Гэйб, покрывая ее рот легкими соблазнительными поцелуями, — удивительно, учитывая то, как вы с ними обращаетесь.

- Я ничего с ними не делаю, — сумела выговорить Калли, очаровательно дрожа, пока он прокладывал дорожку из поцелуев вдоль линии ее подбородка.

— О, еще как делаете, — выдохнул Гэбриэл, и она почувствовала его теплое дыхание на своих влажных губах, как эхо его поцелуя, словно лунный свет после солнечных палящих лучей, — вы вечно жуете или кусаете их.

Калли была не в состоянии придумать ответ. Все, что она могла — лишь молча стоять, уцепившись за его плечи, чтобы не упасть. Широкие, гладкие и твердые, как камень. Ее рука соскользнула по липким остаткам мази.

— И если уж вам так нужно их кусать, — продолжил Гэйб, вибрация его низкого голоса прошла волной по ее коже, — вот как следует это делать.

Он покусывал ее губы, пока те не раскрылись, потом нежно прихватил нижнюю губку

зубами и мягко прикусил ее, снова и снова, облизывая и посасывая в перерыве между укусами.

С каждым покусыванием ощущения захватывали тело Калли, накатывая волна за волной. Колени подогнулись, и она почувствовала, как дергается и беспомощно дрожит в его объятиях, словно что-то завладело ею. Или кто-то.

В тот момент, как Гэбриэл освободил ее губы, она отпрянула, потрясенная своим поведением. Калли толкнула его в грудь, и он отпустил ее. Пошатываясь, она отошла, что-то случилось с ее коленями. Женщина нашла кресло и с размаху рухнула в него, стараясь отдышаться и прийти в себя.

Гэйб тихо застонал.

Она посмотрела на него.

— Я причинила вам боль?

— Да, — его грудь тяжело вздымалась, голос охрип. Взгляд темных, полуночно-синего цвета глаз, не отрывался от неё.

Калли окинула его взглядом с ног до головы. Кто знает, что она ему сделала? Она ведь совсем потеряла голову.

— Что я натворила?

— Остановились.

Калли не поняла.

— Как это могло причинить вам боль? — ее чувства были в беспорядке. Что же только что произошло?

Гэйб провел пальцем по ее щеке.

— Он ведь не был вам хорошим мужем, верно?

Принцесса моргнула, удивленная внезапной сменой темы, и отстранилась. Даже всего лишь прикосновение пальца вызывало в ней трепет.

— Руперт? Нет, он был хорошим мужем. Он подарил мне Ники. И защищал нас, — она глубоко вздохнула, собрав остатки самообладания.

— Вы не были счастливы.

— Разумеется, я была счастлива. Я была наследной принцессой, самой высокопоставленной леди в стране. Каждая девушка мечтает об этом.

Теперь она стала гораздо спокойнее, вернувшись на знакомую территорию. Пока не смотрела на него. И не касалась его. Или не чувствовала запаха мази. Она вытерла руки с юбку — та все равно была испорчена.

— Только не вы. Для вас это и выеденного яйца не стоит.

— Откуда вам знать? — Калли хотелось, чтобы он перестал ее разглядывать. И хотя она отвернулась, но всё еще чувствовала тепло его взгляда.

— Девушка, которая заботилась бы лишь о положении, не позволила бы кому-то, подобному миссис Барроу, называть себя «милочкой». Не разрешила бы своему драгоценному сыну подружиться с грязным сыном рыбака. Не оставила бы всё позади, не оглянувшись.

Калли ничего не ответила. Она обрела спокойствие и пришла в себя. Она никогда не должна позволять ему снова сотворить с ней такое.

— Положение принцессы не принесло вам счастья, как, полагаю, и муж.

— Вы неправы, — возразила Калли, — я была счастлива. И на самом деле любила своего мужа.

Она обещала это в день свадьбы и сдержала обещание. Всем своим глупым сердечком шестнадцатилетней девушки.

— Понимаю, значит, то была любовь — мечта юной девы?

Ее губы задрожали, и она повернулась к нему спиной. Затем подошла к камину, схватила кочергу, и резко помешала угли. Дым хлынул в комнату. Несколько минут спустя она положила кочергу.

— Мы уедем на рассвете, — заявила она.

Гэйб вздохнул.

Калли нахмурилась.

— Что?

Он покачал головой.

— Ничего. Просто я надеялся, что буду здесь, когда прибудет Гарри. Послезавтра, — он искоса бросил на нее взгляд.

Калли уставилась на него, не в силах поверить в наглость этого мужчины. Без сомнения, именно поэтому он так ее целовал, — чтобы наперед смягчить.

— Давайте кое-что проясним, — сказала она, — сначала вы заперли мой багаж, чтобы заставить отложить отъезд, потом навязались в сопровождающие — без приглашения! — а теперь у вас хватает дерзости предложить мне ждать еще пару дней?

Гэйб кивнул, в синих глазах плясали смешинки.

— Так и есть, в двух словах.

— Потому что вы хотите встретиться с братом.

— Да.

Она сердито смотрела на него.

Через минуту Гэйб добавил:

— Он очень хороший брат. Я питаю к нему самые нежные чувства.

Он не выказывал никакого смущения.

— Я не удивлена, что вы уцелели на войне, — наконец произнесла Калли.

Гэйб скривил рот.

— И почему же?

— Потому что вам явно на роду написано быть повешенным, — ответила Калли, — или задушенным. Меня изумляет, что до сих пор никто вас не удушил. Вот то, что вы избежали повешения, мне вовсе не удивительно — власти, как я понимаю, редко действуют успешно. Вы можете ждать брата столько, сколько пожелаете. Мы с Ники уедем утром.

* * *

Гэбриэл смотрел, как она удалялась из комнаты, во рту стало сухо при виде ее покачивающихся бедер. Тело было возбуждено до боли, и он чувствовал одновременно расстройство и веселье.

Натянув рубашку, Гэйб устроился за письменным столом в углу, вытащил перо и начал затачивать его ножиком с перламутровой рукояткой. Его мысли всё еще были заняты поцелуем, но он заставил себя подумать о том, что ему стало известно о Калли.

Он не собирался расстраивать ее, не собирался вызывать болезненных воспоминаний. Но на свои вопросы он получил весьма неожиданные ответы, поэтому не пожалел, что задавал их. Самым интересным был ее ответ на невысказанный вопрос. Она с такой

горячностью заявила: «я на самом деле любила своего мужа».

Было ли это правдой? Или, перефразируя слова Барда: не слишком ли Калли протестовала^[12]?

* * *

А не всё ли равно? Ведь этот человек уже умер.

Странно, подумал Гэйб. Он так недолго и столь мало знал Калли, но она каким-то образом стала важна для него. И дело вовсе не в похоти, хотя его и охватывало возбуждение всякий раз, когда он находился рядом с ней. Уж этот ее рот точно станет когда-нибудь причиной его гибели!

Он застонал, просто вспомнив о том, какова она на вкус, о ее сладком трепетном отклике.

Калли едва не растаяла в его объятиях. Если бы они не стояли, она бы уже стала его.

Впрочем, Гэйб не раз прежде испытывал вожделение, но никогда оно не ввергало его в панику при одной мысли о том, что женщина покинет его. Он ни разу в жизни не тревожился ни из-за одной женщины. Но это ощущение в его груди, когда она объявила о своем отъезде... он был совершенно уверен, что испытал некое подобие паники.

Солдат в нем отреагировал незамедлительно, спасая свое положение: он взял в залог ее багаж. И не отдавал, пока Калли не пообещала ему остаться. Это, безусловно, не являлось одним из его наиболее выдающихся военных маневров.

И только потом Гэбриэл осмыслил свои действия. Но ничего не поделаешь, для него стало потрясением сознание того, что это имеет столь же огромное значение, как вопрос жизни и смерти. После такого краткого знакомства ему не следовало допускать какие-то мысли или строить определённые замыслы. Но, казалось, его ничто не могло остановить. Гэйб не владел собой. Незаметно подкравшись, словно стрелок в ночи, она попала ему точно в сердце.

Он понятия не имел, что это может произойти вот так. Признаться, он никогда не намеревался остепениться, никогда не думал о браке.

Брак? Ну, разумеется, Гэйб ни о чем подобном и не думал. Не мог даже представить.

Брак придуман для другого рода мужчин, старших сыновей, которым необходимы наследники, для мужчин, нуждающихся в богатых наследницах, или для влюбленных глупцов.

Гэйб вовсе не являлся семейным человеком; он не знал своего отца, никогда не жил в семейном гнезде. Насколько помнится, он видел своих старших братьев всего дважды в жизни. Может, трижды. И эти встречи проходили неловко и натянуто и вовсе не способствовали желанию видеться теперь, когда они стали взрослыми.

Его отец умер, когда Гэйб был на войне, а братья даже не подумали известить его. Вскоре пришла весть о смерти матери, которую он не видел с тех пор, как вырос. Больше всего его поразила кончина двоюродной бабушки Герты: то горе, которое он испытал, узнав о смерти суровой старухи, потрясло его своей мощью. Будучи самой дальней родственницей по крови, она стала самым близким членом семьи, не считая Гарри. Так что — нет, семейным человеком он не был.

Он также не нуждался и в наследнике. Будучи третьим сыном, Гэбриэл мало на что мог претендовать, а его наследники претендовали бы еще на меньшее.

Ему не было нужды жениться на наследнице или зарабатывать себе на пропитание. Двоюродная бабушка Герта оставила ему Грейндж и большую часть своего состояния, правда, с оговорками, да благословит Господь старушенцию-тираншу. Но в этих оговорках о женитьбе не было ни слова.

Что касается глупой влюбленности, то он никогда не представлял, что это может случиться с ним. Гэбриэл не намеревался допускать подобного. Влюбленные способны вытворять ужасные вещи друг с другом, а в результате страдали невинные. Он и Гарри испытали это на своей шкуре, хотя и по-разному. Плохо уже то, что люди ломали друг другу жизнь, но то, что дети становились заложниками неудачного брака...

Гэйб вытащил несколько листков писчей бумаги, слегка пожелтевшей, так как ее не трогали со времен бабушки Герты. Он наблюдал за тем, как другие раз за разом влюблялись, и считал, что его минует сия стезя в силу неуязвимости. Он даже сейчас не был уверен в случившемся.

Гэйб лишь знал, что каждый раз, глядя на Калли, он хотел прикоснуться к ней, целовать ее, обнимать. И внутреннее чутье подсказывало, что он не должен ее отпускать.

Он потряс чернильницу. Это чутье позволило ему пережить восемь лет войны. И теперь Ренфру не собирался сбрасывать его со счетов.

Последние солнечные лучи коснулись восьмиугольного полукруглого окна и погасли. Скоро стемнеет. Калли пока не сдалась, но дала ему отсрочку. У него впереди целая ночь. Ему нужно, по меньшей мере, еще две. Именно столько времени понадобится остальным, чтобы добраться сюда.

В пути Калли гораздо уязвимей. Гэйб не хотел пугать ее еще сильнее, но если бы он был графом Антоном, и его добыча ускользнула бы из-под носа, он поставил бы людей на всех главных дорогах, ведущих из Лалворта, и на нескольких основных постоянных дворах по пути в Лондон. Одинокую женщину и хромого мальчика легко выследить.

Когда она отправится в Лондон, решил Гэйб, её будет сопровождать четверка лучших — Архангелы Герцога или, как некоторые называли их, Всадники дьявола: Рейф, Гарри и Люк. И, разумеется, он сам.

Гарри уже ехал сюда, перегоняя лошадей.

Рейф гостил в Элдершоте, пытаясь заставить себя сделать то, что от него ждала семья, — нет, то, к чему его принуждали, как бы мысль об этом ни стояла у Рейфа поперек горла, — жениться на наследнице.

Что же до Люка, то тот был в Лондоне, но, Бог знает, чем там занимался, — всем, чем угодно, чтобы стереть воспоминания о Монастыре Архангелов. Бедняга Люк. Из них всех его больше всего преследовало прошлое. Гэйб опасался, что если его друг не научится справляться с ним, то обезумеет. Лучше пусть Люк сейчас побеспокоится о настоящей проблеме, о чем-то, происходящем здесь и сейчас, о женщине и ребенке, которых он может защитить.

Гэйб обмакнул перо в чернила и стал писать.

* * *

Ужин тем вечером подали в маленькой комнате для завтраков, и вновь миссис Барроу отрядила мальчиков помогать носить блюда, на сей раз спросив разрешения у Калли. Она сначала накормила мальчишек на кухне, приговаривая:

— Манеры юного Джима не подходят для общества, ваше высочество. А ваш Ники такой правильный юный джентльмен, прям больно смотреть, потому полагаю, Джим вскоре научится, как себя вести.

Калли не удивилась словам миссис Барроу. Ники был до боли правильным, это стало еще заметнее здесь, в более вольной обстановке.

Дома, когда они ужинали *en famille*^[13], Руперт всё время поучал и критиковал сына: его манеры, поведение, то, как он разламывал кусок хлеба, попыткам ответить на обращенные к нему реплики отца.

Руперт был неплохим человеком, печально подумала Калли, но он решительно ковал из сына принца, достойного его имени. Его методы подавляли маленького чувствительного мальчика. И ей следовало это исправить.

Может быть, то, что манеры Ники за столом послужат примером для Джими, придаст ее сыну уверенность, которой ему не хватало.

— Очень хорошо, — согласилась Калли, зная, насколько Ники понравилось утром прислуживать за столом, — но после ужина пришлите его, пожалуйста, ко мне в гостиную.

День был длинным, и она хотела поговорить с сыном, узнать его мысли, и, если необходимо, утешить его.

Ее немного беспокоило, как Ники принял ее заявление об их отъезде. Он ничего не сказал — Ники неизменно был послушен и хорошо себя вел, — но на его лице отразился настоящий испуг.

Калли знала, что это тяжело для него. Ники чувствовал себя здесь как рыба в воде и даже, казалось, получал удовольствие от бесцеремонной властности миссис Барроу. Он охотился за пиявками, впервые подрался, и в результате приобрел верного друга, — мужчины все же странные создания.

Он даже ездил верхом, и впервые такая поездка не закончилась болезненным падением, за которым обычно следовал смех или, что было унижительнее, напряженное молчание.

И, проживи Калли хоть сто лет, никогда не сможет забыть, как он приветствовал ее тем утром, весь в грязи, улыбаясь со спины огромной лошади, где сидел впереди Гэбриэла, и едва дыша от радости и триумфа. И от растущей уверенности.

Он был счастлив здесь, счастливее, чем когда-либо, и ей было больно увозить его. Но пора выбрать что-то одно: его счастье или его безопасность. Граф Антон не последовал бы за ними в такую даль, чтобы так просто сдаться и мирно отправиться восвояси.

* * *

Калли намеревалась поговорить с сыном наедине после ужина, но Ники привел с собой Джима, а потом и мужчины удивили ее тем, что не стали пить портвейн, а присоединились к ней, Тибби и мальчишкам.

— Ну, мальцы, вы в шахматы играете? — спросил мистер Делани, вытаскивая маленькую деревянную коробку, которая, раскрывшись, превратилась в шахматную доску. — Знатная игра, чтобы скоротать прохладный вечерок.

Джим рвался научиться играть, поэтому Ники пристроился рядом, молча наблюдая. Тибби подошла, чтобы тоже посмотреть. Калли улыбнулась. Даже папа считал Тибби достойным противником.

Гэйб пододвинул свое кресло к Калли. Он какое-то время ничего не говорил, просто

время от времени посматривал на ее притворную увлеченность шитьем да следил за уроком игры в шахматы.

— Ваш сын уже знает, как играть в шахматы, — заметил Гэйб.

Принцесса удивленно посмотрела на него.

— Как вы узнали?

Он пожал плечами.

— Он наблюдает за действиями игроков, а не старается выучить правила игры. И, так как он любознательный мальчик, предполагаю, что ходы он уже знает.

Калли слегка кивнула.

— Да. Мои отец и супруг были хорошими шахматистами.

— И, могу поспорить, относились к этому очень серьезно.

Она кивнула.

— Словно снова наблюдаю за собой и Гарри, — сказал Гэбриэл через некоторое время, — Гарри был таким же необузданным, как Джим, а я, наверное, таким же нуждающимся, как Ники.

Нуждающимся? Гэйб поймал себя на этом слове. Он никогда не считал себя нуждающимся.

Но, глядя на сдержанное умное лицо мальчика, слушая его быстрые застенчивые ответы на остроумные замечания Итена и Джима, Гэйб внезапно вспомнил, как это было: сидеть в стороне, желая, чтобы тебя приняли. Быть благодарным за любой намек на одобрение.

Он забыл это ощущение.

Гэйб посмотрел Калли в лицо. Его слова привели ее в раздражение.

— Ники — хороший живой мальчик. Он это перерастет, — успокаивающе заметил мужчина. Ведь он сам это перерос.

— Мой сын ни в чем не нуждается, и я сомневаюсь, что вы знаете значение этого слова, — бросила она ему.

Это должно было стать упреком, но она, сама того не подозревая, предоставила Гэйбу возможность вернуться к событиям дня, и он не смог устоять перед искушением.

— О, уверяю вас, я отлично понимаю, что значит «нуждаться», особенно после сегодняшних событий, — прошептал он, понизив голос. Его взгляд метнулся к ее рту, и он многозначительно вздохнул. И пусть он лишь поддразнивал Калли, при воспоминании об их поцелуе ему пришлось сражаться с собственным телом.

Калли покраснела.

— Будь вы джентльменом, не стали бы вспоминать то происшествие.

Гэйб не спускал глаз с ее рта.

— Весьма милое происшествие. Как ваши губы.

— Прекратите здесь флиртовать со мной! — приказала она ему, понизив голос.

— Здесь? — он посмотрел на нее с деланно-невинным изумлением. — Тогда, куда нам пойти, чтобы пофлиртовать?

Калли прищурила свои восхитительные глаза.

— Мы никуда не пойдем.

— Вы не хотите отправиться куда-нибудь?

— Нет, я не сдвинусь с этого места.

— Превосходно, а я-то думал, что вы собирались утром уехать, — внезапно заметил Ренфру. Повысив голос, он сказал: — Слушайте все, принцесса сказала, что всё-таки никуда

не уедет. Она решила остаться здесь.

Калли открыла было рот, но до того, как она успела опровергнуть его дерзкое неверное толкование ее слов, Ники подбежал к ней и обнял.

— О, мама, спасибо тебе, спасибо! Я так хотел остаться, а Джим рассказал мне о месте, куда мы могли бы пойти на рыбалку, и, возможно, я смог бы поймать рыбу тебе на ужин. Мама, я ведь знаю, как ты любишь рыбу!

Над головой сына Калли встретила взглядом с Гэйбом, который надеялся, что не выглядел настолько самодовольным, как себя чувствовал. Она попала прямо в его ловушку, и он заполучил, по крайней мере, еще день. И даже больше, если ему удастся убедить ее. Его письма уже на пути к адресатам.

— Здесь совершенно безопасно, — напомнил он ей, — никто вас не знает, и ничто не связывает это место с мисс Тибторп.

Гэйб заметил, что она раздумывала над его словами, задумчиво закусив губу. Он смотрел, вновь переживая ощущения, охватившие его, когда он покусывал эту самую губу. Гэбриэл всё еще чувствовал вкус дикого темного меда. Его тело пульсировало от воспоминания. И жажды.

Калли тоже вспомнила, Гэйб понял это по тому, как внезапно она перестала кусать губу и смущенно посмотрела в его сторону. Калли увидела, что он наблюдает за ней, и покраснела еще сильнее.

Он также распознал ее молчаливую ярость, как он обвел ее вокруг пальца, но Калли всё-таки сказала сыну, что они могут остаться еще на день. И согласилась отпустить Ники на рыбалку, если с мальчиками отправится мистер Ренфру, который проследит за их безопасностью.

— С удовольствием, — ответил Гэйб.

Ники выпрямился.

— Спасибо вам, мама, сэр, — он едва мог сдерживать волнение, но всё же сумел поклониться, согласно правилам приличия и побежал обратно к шахматной игре.

Калли искоса посмотрела на Гэйба.

— Надеюсь, вы насладитесь рыбалкой.

Он рассмеялся.

— Нет, вы так не думаете.

— Какая невоспитанность, — возмутилась женщина. — Откуда вам знать, о чем я думаю?

— Уверяю вас, все мысли у вас на лице написаны.

— Чепуха! — возразила Калли. — Никто до сих пор не указывал ни на что подобное.

— Я точно знаю, о чем вы думаете, — прошептал он.

Ее брови скептически приподнялись.

— О? Умоляю, скажите.

Гэйб наклонился вперед, заставив ее занервничать, поэтому она настороженно отодвинулась. Он пристально взгляделся в лицо Калли. Потом улыбнулся.

— Именно сейчас вы надеетесь, что я свалюсь в холодную грязную воду, кишашую пиявками.

Калли холодно посмотрела на него.

— И множеством склизких водорослей, — Калли оглядела комнату в поисках новой темы для разговора. Чего-то безвредного и скучного. Без скрытых подтекстов. На стенах

висело несколько картин: пейзажи, темные и мрачные, и несколько старомодных портретов.

Над каминной полкой висел портрет, привлечший ее внимание. На нем была изображена женщина средних лет с резкими чертами лица и суровым взглядом. Яркосиние глаза взирали сверху на обитателей комнаты, нос напоминал клюв.

Бедняжка, иметь такой нос — одни страдания. При виде его Калли возблагодарила судьбу за собственный курносый носик.

— Моя двоюродная бабушка Герта, — произнес Гэйб, заставив ее подпрыгнуть

— Это она вырастила нас с Гарри и оставила мне этот дом, — он поднялся. — Теперь, раз уж вы не позволяете флиртовать с вами, я спасу свою гордость и удалюсь поиграть с вашим сыном. Он, кажется, немного заскучал, а в шкафу есть еще один набор шахмат. Не желаете ли к нам присоединиться?

— Нет, благодарю, у меня есть шитье, — вежливо ответила Калли. Она наблюдала, как он прошел через комнату и предложил ее сыну партию в шахматы. Как взрослому. Затем посмотрела на портрет женщины с резкими чертами лица над камином и задумалась, как получилось так, что старой бабушке довелось воспитывать двух младших сыновей графа, но не двух старших. И почему Гарри был сводным братом. И вырос без присмотра.

* * *

На следующее утро после завтрака верный своему слову Гэйб взял Джима и Ники на рыбалку. Завтрак был незатейлив: тем утром к работе приступили четыре новых горничных, и миссис Барроу с головой окунулась в заботы, стремясь внести порядок в веселое сумасшествие хлопот по дому.

Калли и Тибби удалились в восьмиугольную комнату, взяв с собой шитье. Ники нуждался в новых рубашках, а Калли — в большем количестве нижнего белья, так что две женщины сидели в теплом солнечном помещении, занимаясь шитьем и восполняя годы разлуки, разговаривали и обсуждали будущее.

Около одиннадцати часов в дверь просунул голову мистер Делани.

— Мисс Тибторп, я тут подумал... собираюсь вот отправиться на ферму Роуз Бэй, взглянуть на жеребчика, и, раз уж домик ваш по пути, так я, стало быть, подумал, что мож вам захочется зайти да посмотреть, вдруг этого, то есть вашего, кота найдете. Если только вы не против подождать, пока я осмотрю жеребца.

— Не против ли я подождать? Разумеется, не против, — Тибби отложила рубашку, которую она шила для Ники, и вскочила.

— Спасибо, мистер Делани, это так чутко с вашей стороны. Я очень волнуюсь за Кисоньку. Он такое милое маленькое создание, и у него была такая непростая жизнь, — она повернулась к Калли, — ты не возражаешь, не так ли, Калли?

Принцесса улыбнулась.

— Нет, разумеется, нет, Тибби, дорогая. Ступай. Надеюсь, ты отыщешь Кисоньку.

Тибби поспешила уйти, оставив Калли одну.

Она продолжала шить. Сказать по правде, она наслаждалась покоем — последние восемнадцать дней она провела в дороге, редко останавливаясь, почти без сна. Замечательно просто посидеть и не волноваться из-за возможной погони, не надо быть постоянно настороже; где она — никто не знает, и Ники находится в безопасности.

Калли знала, что с Гэбриэлом Ники опасаться было нечего. На такого мужчину можно

положиться, по крайней мере, когда речь идёт о защите. Какая удача, что она оказалась под его охраной, и ей выпала передышка перед дальней дорогой.

Но это лишь передышка. Калли не для того столько вынесла, чтобы вырваться из тюрьмы и тут же оказаться в другой. А это будет тюрьмой, она разглядела предупреждающие знаки. Безопасной и удобной, но всё равно тюрьмой, которую она создаст себе сама.

У нее частенько проявлялась склонность совать голову в петлю.

Первый жизненный урок ей дало собственное замужество. Даже после стольких лет она чувствовала унижение при воспоминании об этом. Какой дурой она показала себя с Рупертом. Просто всенародной дурочкой.

Калли считала, что с этим покончено, но поцелуй в восьмиугольной комнате... Тот изумительный сногшибательный и пугающий поцелуй сильно настораживал. Этот предупредительный знак высотой футов десять так и лез в глаза.

Больше никогда она не отдаст свое счастье в руки мужчины. Теперь она стала старше и мудрее.

Она уедет. Защитит Ники, защитит себя.

Калли воспользовалась уединением, чтобы достать несколько драгоценностей, зашитых в плотную нижнюю юбку, — не самых ценных, просто рубиновую булавку и жемчужные серьги, — маленькие предметы, которые легко продать и добыть денег на путешествие.

Вопрос лишь в том, отправиться ли в какую-нибудь глухую деревушку и тихо жить там, или затеряться в Лондоне.

«Вы не можете все время находиться в бегах. Графа Антона надо остановить». Она знала, что Гэйб прав, но как ей прекратить посягательства графа Антона? Единственное, что остановило бы его — смерть, а она не уверена, что смогла бы убить кого-либо.

Калли пыталась составить перечень вариантов, но тот неизменно сводился лишь к двум способам: бежать или убить графа Антона... бежать или убить графа Антона.

Если бы Ники мог отречься... но это было невозможно, пока ему не исполнится восемнадцать. К тому же она не хотела, чтобы сын отрекался. Он по праву рождения был принцем Зиндари.

Планы и возможности прокручивались в ее голове. Сквозь восьмиугольное окно светило солнце. Блаженное тепло. Она сложила шитье на коленях и закрыла глаза, чтобы просто насладиться минутку теплотой солнца.

— Мама, мы замечательно провели время! — в комнату ворвался Ники, болтая без умолку. — Мы поймали много рыбы, зажгли костер на берегу, приготовили ее и съели — руками. Мама! И это была самая вкусная рыба, которую я когда-либо ел в своей жизни. И мы выкопали ракушки из песка, сварили и также съели их. И потом встретили еще двух мальчиков, знакомых Джима, они отличные парни, а я упал и промок, но теперь я сухой, потому что один из тех мальчиков живет в странной маленькой хижине на берегу, и он одолжил мне одежду. Пока моя сушится. О, мама, если бы ты была там!

К тому времени, как он остановился, чтобы вздохнуть, Калли безудержно смеялась.

— А для меня припасти рыбку ты не подумал, мой смелый рыбак?

— Конечно, мама. Я же обещал.

— И, конечно же, ты сдержал обещание, дорогой. Спасибо, — она посмотрела на высокого мужчину, с легкой улыбкой на губах глядевшего на них с порога.

— Спасибо, мистер Ренфру, — улыбнулась она ему, — я не видела Ники таким счастливым с... никогда. А это многого стоит.

— Даже того, что я заставил вас отложить отъезд?

— Да, даже этого, хотя... — Калли окинула взглядом его длинное стройное тело, — полагаю, вы-то в воду не падали, верно? — с надеждой спросила она.

Гэйб рассмеялся.

— Нет уж.

— И пальцы вам краб или омар не прищемил?

— Не-а.

Она насмешливо вздохнула.

— Ну, ладно, полагаю, нельзя иметь всё сразу. Мы должны довольствоваться тем, что Ники отлично провел время, — она попыталась сохранить серьезный вид, но всё-таки улыбнулась.

Калли нежно пробежала пальцами по волосам Ники. И что-то увидела. Она нахмурилась и пригляделась.

— Что? Это, это...

— Гнида. Вошь, — подсказал Гэбриэл, глядя поверх ее плеча, — вообще-то, даже несколько. Видите, вот еще одна.

— Вши? — воскликнула Калли. — У моего сына — вши?

Он, казалось, находил ее ужас забавным.

— Не волнуйтесь, они его не съедят.

Калли посмотрела на него в безмолвном возмущении.

— У вас нелады со всем, что извивается и ползает, верно? — заметил Гэйб. — С пиявками, вшами...

— Да, нелады! — резко ответила принцесса, раздраженная его весельем. Вши — ужасные, грязные создания. У ее сына никогда не было ничего подобного.

— Ники, как же ты... — запнулась Калли. Это случилось, когда он взял у того мальчика одежду. Она посмотрела на Гэбриэла: — Как вы позволили такому случиться?

Мужчина спокойно пожал плечами.

— От вшей не умирают. Вы сами сказали, что у мальчика был замечательный день. К тому же ему это только на пользу.

— На пользу? — содрогнулась она.

— Ники ведь когда-нибудь станет принцем Зиндари, и скажите мне, кто будет лучшим правителем: человек, не имеющий понятия о повседневной жизни и трудностях простого народа, или человек, который еще мальчиком отирался среди сыновей бедняков?

Калли закрыла глаза.

— Ладно, полагаю, что понимаю вашу точку зрения.

— Не волнуйтесь насчет вшей, жуков, царпин, грязи, блох...

Она открыла глаза.

— Блох? — чуть слышно произнесла Калли.

В его голубых глазах плясал смех.

— Должны быть и блохи. Миссис Барроу прекрасно управляет с мальчиками и насекомыми, которых те могут притащить домой. Она посадит Ники и Джима в ванну, пройдетя расческой с крепкими зубцами, и вотрет свою особую мазь против вшей им в волосы — она мерзко воняет, но весьма действенна. Обещаю вам. А потом прокипятит их одежду в котле.

— Откуда вы столько знаете о... — она посмотрела на вшей в волосах сына и

содрогнулась.

— У меня раньше были вши. Это постоянная проблема в армии — да, даже у офицеров они есть. И в детстве мы с Гарри подхватывали всяких насекомых. Мы тоже бегали с местными мальчишками.

Калли подтолкнула сына.

— Давай, Ники, иди и покажи миссис Барроу, что еще ты поймал сегодня, кроме рыбы.

Ники встал.

— У меня были пиявки, а теперь — вши! — воскликнул он.

И Калли, и Гэйб рассмеялись от того, с какой явной гордостью он говорил о своих достижениях.

— Несомненно, Ники, опыт сделает тебя когда-нибудь самым лучшим принцем, — произнес Гэйб, взъерошив проходившему мимо мальчику волосы.

Калли смотрела на него и улыбалась.

— Рад видеть, что вы это спокойно приняли, — сказал Гэйб после того, как Ники ушел.

— Боже упаси меня встать на пути превращения сына в принца, — ответила она, пытаясь не улыбнуться. — Вы ерошили волосы моего сына. И вот уже несколько минут почесываетесь. Может, вам тоже лучше повидаться с миссис Барроу.

Калли скучала. Все утро она провела за шитьем, и теперь ей хотелось переменить занятие. Интересных книг в библиотеке не нашлось — видать, двоюродная бабушка Герта презирала легковесное чтение, которое так обожали Калли и Тибби, поскольку в библиотеке не водилось ни единого романа, — писать письма ей было некому, поболтать тоже было не с кем.

Она даже предложила миссис Барроу помочь в руководстве горничными, что та восприняла с откровенным ужасом. Принцесса, взявшая на себя заботу следить за работой стаи бесполезных негодных девчонок? Боже упаси! И миссис Барроу заспешила прочь.

А принцесса, почувствовав определенное родство со стаей этих самых бесполезных негодных девчонок, уныло вернулась к своему шитью.

Крики и лязг лошадиных подков во дворе заставили ее вскочить и подбежать к окну. По кругу ходили две лошади, цокая копытами по булыжникам. В середине стоял Гэбриэл, наблюдая и давая указания.

Словно маленькая обезьянка к спине первой лошади прилепился Джим, его оживленное личико выражало восторг. Ее сын сидел на второй лошади, бледный, прямо держа спину, с застывшим от тревоги лицом, устроив руки, как положено.

Калли прижала ладонь ко рту. Сколько уже раз она наблюдала эту сцену, прелюдию к моменту, когда Ники на ходу сверзится на землю и будет лежать там, съездившийся и сгорающий от стыда после еще одной неудачной попытки.

Гэбриэл что-то произнес, и она увидела, как Ники замер и натянул поводья, остановив лошадь. Его личико застыло в ожидании, пока через двор к нему шагал, нахмутив брови, высокий мужчина.

Если он посмеет закричать на ее сына... Калли стояла, еле сдерживаясь, готовая лететь на защиту Ники.

Гэбриэл встал сбоку лошади, делая что-то руками, и тут она поняла, что он поправляет стремяна. Калли моргнула. Она даже не заметила седло. В предыдущие разы сын садился на неоседланную лошадь.

Гэйб что-то сказал и отступил назад. Ники послал ему испуганный взгляд, затем усмехнулся. Он сделал какое-то движение, и лошадь пошла.

Калли внимательно наблюдала.

Пока лошади шли по кругу, напряженность Ники постепенно проходила. С лица пропало застывшее выражение, и он даже начал подавать реплики Джиму. Калли хотелось бы послушать, что они говорят, но она не могла оторваться от восьмиугольного окошка.

Гэбриэл что-то еще сказал, и мальчики пустили лошадей рысью. В какой-то напряженный момент Ники подпрыгнул, потеряв равновесие, вцепился в поводья, личико его побелело в ожидании падения, но Гэбриэл выкрикнул указание, и вдруг Ники воспрянул и попал в ритм бега лошади.

Калли почувствовала, что до боли в суставах сжала пальцы. Даже с такого расстояния она могла бы прочесть гордость в осанке сына. Он ехал верхом. В седле, не очень быстро, но один и без посторонней помощи.

Ники посмотрел на окно и увидел, что она наблюдает за ним. Глаза его светились. С превеликой смелостью он поднял руку и быстро помахал ей, его личико сияло радостью.

Калли помахала в ответ, надеясь, что сын не видит слезы в ее глазах. Ники вернулся к урокам с еще более рьяным стремлением.

Взгляд Калли устремился к высокому мужчине в центре двора. Он смотрел на неё с непонятым выражением на лице.

Она одними губами беззвучно произнесла «спасибо», и Гэйб одарил ее медленной улыбкой, прежде чем повернуться к мальчикам.

Калли так и осталась наблюдать у окна. В горле встал комок, грудь стеснило. Защититься от Гэбриэла будет гораздо труднее, чем она думала.

Он исподтишка проник сквозь все ее оградительные барьеры.

* * *

Внезапно поднялась шумная суматоха и беготня, когда экипаж, которым правил Итен Делани, стремительно въехал под арку и во двор. Лошади испугались, мальчики вцепились в гривы, забыв все наставления, но, к счастью, никто не пострадал.

Гэбриэл подоспел вовремя, снял первым Ники, потом спустил на землю Джима, вручил мальчикам поводья лошадей и приказал отвести их в конюшню. Калли видела, почему он так поступил.

Итен был мрачнее тучи. Рядом с ним сидела Тибби, чопорно выпрямившись, вытянувшись, как стрела, с бледным и измученным выражением на лице.

Случилось что-то ужасное. Калли выбежала из комнаты.

Ее первоначальный страх, что мистер Делани сделал что-то чудовищное с Тибби, развеялся, стоило ей увидеть, как бережно тот помогает сойти Тибби с шаткого экипажа, словно Тибби ребенок или инвалид.

Лицо Тибби было мертвенно бледным, но она и виду не подала, когда большие ладони ирландца обхватили ее за талию. Она машинально пробормотала ему слова благодарности и встала, безучастно глядя перед собой.

— Тибби, что случилось? — спросила Калли, спеша к своей подруге.

Тибби попыталась что-то сказать и не смогла выдать ни слова. Потом сглотнула и сделала еще одну попытку.

— Мой коттедж, — прохрипела она, — все сгорело. Сгорело до основания. Ничего не осталось, только уголь и зола.

А затем она ударилась в слезы. Калли, обняв, повела ее в дом.

— Неужели ничего не осталось? — спросил Гэйб Итена, когда женщины удалились.

— Совсем ничего.

Что, исходя из их обоюдного опыта, было очень подозрительным даже для коттеджей, крытых соломой.

— Так это умышленный поджог?

— Да, точно так, — подтвердил Итен, лицо его помрачнело. — Я ведь проверил дом перед тем, как мы ушли оттуда. Ничегошеньки не оставили, от чего могло загореться. Даже искры в камине — все чисто вымели, как есть.

— Вот ублюдки! Думаешь, месть? Они хотели застать принцессу, а она ускользнула из их лап, тогда они сожгли дотла дом ее подруги.

Итен кивнул.

— Наверно. Мож, понадеялись, что выкурят ее так вот. Дескать, приведет она их

обратно к принцессе. Ничегошеньки-то нет обыкновеннее, как услышать, что домик твой огнем занимается, так прибежать да и посмотреть. И так уже задала мне мисс Тибби чертову работенку, как бросилась-то выпрыгивать из экипажа. Все-то волновалась о бедном котике и книжках, то бишь.

По тону Итена можно было судить, что он не понимает, как кто-то о таком может беспокоиться.

— Этот бедный котик — самая уродливая образина, которую я когда-либо видел, — проговорил Гэйб, — побывавший во всех переделках старый рыжий бродяга с перебитым хвостом и... — он посмотрел на Итена, — ... ушами, чуть-чуть похожими на твои.

Итен стал седлать свежую лошадь.

— Куда это ты собрался? — спросил Гэйб.

— Поеду-ка назад, проверю.

— Что проверишь?

Итен одарил его неопределенным взглядом.

— Да так, кой-чего.

Он вскочил на лошадь и поехал тем же путем, откуда вернулся.

* * *

Часом позже Калли спустилась вниз.

— Тибби сейчас отдыхает, — сказала она Гэйбу. — Бедняжка. Она потеряла все.

Калли повесила голову.

— Мне не следовало писать ей и приезжать сюда.

— Вы не виноваты, — решительно заверил её Гэйб.

— Нет, это моя вина. Я знала, что собой представляет граф Антон, — смесь вины и ярости промелькнула на ее лице, — ему не впервой сжигать чье-либо жилище. У него ужасный нрав, и он не терпит, когда ему перечат. Но уверяю вас, я никоим образом не могла ни на минуту представить, что он сотворит нечто подобное здесь, в Англии, где он не является членом правящей династии, — голос ее сорвался, задохнувшись от всхлипа, — на моей совести то, что случилось.

— Это совсем не так.

Калли смотрела в сторону. По щекам ее катились слезы. Она сердито смахнула их. Гэйб взял ее за подбородок.

— Ну-ка, посмотрите на меня. Вы ни в чем не виноваты.

— Я в ответе за это. Тибби моя подруга. Сейчас она стала бездомной, потому что пыталась помочь мне. Вы же не думаете, что я просто уйду и предоставлю ей самой заботиться о себе?

Да, Гэйб не мог такого представить. Ни на минуту. Его Калли ... его Калли была одной на миллион.

Он притянул ее в свои объятия и долго держал. Потом мягко поднял ее залитое слезами лицо и поцеловал. Поцелуями он стирал слезы с ее щек и разглаживал горестную складку у губ. Это не было похоже на их прошлый поцелуй, в нем было ободрение. А также утешение. И нежность.

* * *

Вернувшись, Итен вошел в дом через кухню.

— Вы знаете, где может быть мисс Тибби? — спросил он у миссис Барроу.

Та кивнула.

— Бедная душечка, точно выжатая тряпка. Сидит себе в зимнем саду, хотя отчего кому-то хочется сидеть в таком мрачном обветшалом месте, понятия не имею.

— Точно, — согласился Итен и направился в зимний сад.

— Но она сказала, что хочет побыть одна, — бросила ему вслед миссис Барроу. На что тот не обратил внимания.

Зимний сад находился на задворках дома. Его стены состояли главным образом из окон. Должно быть, их поставил тот, кто построил восьмиугольное окно-эркер, подумал Итен, поскольку стиль был тот же, да и возраст, похоже, тоже, впрочем, все это казалось заброшенным. Окна покрылись налетом морской соли, а немногочисленные растения внутри давно приказали долго жить.

Он мог понять, почему мисс Тибби выбрала это место для уединения. Хорошее местечко, чтобы предаться горю. Итен нашел ее, тихо сидящей на скамье между засохшей пальмой в кадке и большим бурым папоротником.

— Мисс Тибби, — обратился он к ней и чихнул.

Она подпрыгнула и обернулась.

— О, мистер Делани, вы напугали меня.

— Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

— Да, разумеется, — сказала она печально, — боюсь только, что из меня сейчас не очень хорошая компания.

— Оно и понятно, — произнес Делани, лавируя между горшками с мертвыми растениями. Добравшись до места, где сидела Тибби, он просто встал перед ней.

Глаза у нее покраснели и опухли. Она взглянула на Итена, потом посмотрела вниз. Тибби, должно быть, понимала, на что она сейчас похожа, подумал он, и была чрезвычайно этим озабочена.

И тут Тибби, опустив взгляд, раскрыла от удивления рот.

— Мистер Делани, ваши руки! Они все исцарапаны и в крови.

Итен скривился.

— Знаю.

И снова чихнул.

— Но как... — глаза ее зорко уставились на его пальто, которое странно топорщилось и шевелилось.

— У меня тут есть кой-чего для вас, — произнес Итен и бережно расстегнул пальто. Его жилет вздулся, и из него раздался вой. Итен осторожно расстегнул пуговицы, залез внутрь, чертыхнувшись, отдернул руку, украшенную свежими царапинами, потом сунул ее снова и вытащил шипящего и рычащего кота.

— Кисонька! — радостно закричала Тибби и забрала животное из его рук.

— Будьте осторожны, это злой дикий ко... — голос его замер. Злое чудовище, в кровь исцарапавшее его руки так, что живого места не осталось, уютно прижалось к груди мисс Тибби, урча, как кофейная мельница, и тыча хозяйке в подбородок своей большой уродливой башкой. Единственный желтый глаз кота дьявольски подмигивал Итену, пока его хозяйка ворковала над ним, как над маленьким ребёнком.

— О, мистер Делани, как же я вам благодарна! Я уже думала, что потеряла его навсегда.

Слезы сверкнули на кончиках ее ресниц, но это были слезы счастья. На щеках заиграл румянец, а не та мертвенная бледность, что до этого пребывала на ее лице. Тибби непрестанно целовала кота в голову, зарывалась носом в его шерсть, глядя и лаская уродливое чудовище. Словно это было самое прекрасное создание в мире.

Странные эти женщины, не впервой подумал ирландец.

— Я знал, что вы о нем беспокоитесь, вот и...

— Конечно, беспокоюсь, и не могу выразить словами, как я благодарна. Но как же вы нашли его? Он обычно не идет к мужчинам.

Да он и к Итену не подошел. Итен заманил кота в сарай кусочками ветчины, которую купил на ферме, потом загнал в угол и набросил пальто. Кот принялся отчаянно драться, но Итен одержал над ним верх ценой собственных рук, наполовину разорванной рубашки, поврежденного жилета и заляпанного грязью пальто.

— О, я знаю подход к животным, — скромно заметил Итен. И вовсе не соврал, подумал он. Он вправду знал подход к большинству животных — только не к исчадиям ада.

Какое-то время они сидели в молчании: мисс Тибторп, глядя кота, а Итен — наблюдая и поражаясь. Она была истинной леди, такой маленькой, изящной и воспитанной. Он мог бы понять, если бы она завела кошечку — маленькое пушистое создание с изящными манерами и деликатными привычками. Но не эту огромную, уродливую, страшную старую образину, побывавшую в переделках — просто уму непостижимо.

Через какое-то время Итен осознал, что Тибби молчит. Уж слишком притихла. Он не мог разглядеть ее лица, оно было закрыто котом. Он наклонил голову и заглянул сбоку. По ее щекам катились слезы. Ему хотелось сказать что-нибудь утешительное, но ничего не приходило в голову. Раздалось хлопанье. Итен вытащил платок и вручил женщине. Тибби отстранила кота и взяла платок, невнятно поблагодарив. Она вытерла щеки и высморкалась не по-женски основательно. Кот месил лапами и впивался коготками в ее ноги.

— Простите, — пробормотала она, — вы спасли Кисоньку, а он для меня важнее всего на свете. Я понимаю, что мне повезло, и стараюсь стойко держаться. Вот поэтому я и пришла сюда. Не хотела, чтобы Калли видела меня такой. Она во всем винит себя, я знаю.

— Не она же сожгла коттедж.

— Знаю. Но Калли знает кто это сделал и ... Она несет всю тяжесть мира на своих плечах, эта девочка. Всегда все близко принимает к сердцу. В этом ее сила, но также и слабость.

— Сдается мне, вам бы со своими плечиками разобраться, собственными. Не о ней бы вам переживать. Это ведь вы все потеряли.

— Я все не потеряла. Просто вернулась к тому, с чего начинала после смерти папы. За исключением того, что у меня тогда были... были книги.

Эти слова вызвали новую борьбу с вернувшимся приступом слез.

Ее решение принять ситуацию так безропотно неожиданно тронуло Делани. В порыве души Итен похлопал ее по плечу. Ему больше были знакомы другие женщины, которые слишком явно выказывали свои чувства. Его последняя любовница Долорес швыряла вещи и громко и драматично рыдала. Такое Итен понимал.

Спустя несколько мгновений Тибби справилась с собой и еще раз основательно высморкалась.

- Простите. Книги — вот потеря, которая тревожит меня больше всего.

— Книги? — осторожно переспросил Итен. Она ведь потеряла дом со всеми этими милыми мелочами, такими чистенькими, сияющими и явно любимыми, а убивается лишь по книгам?

— О, да. Мои книги — самое дорогое, что у меня было. Некоторые из них принадлежали папе. Он был прекрасным учителем, знаете ли, и у него были редкие и незаменимые книги. А другие ... некоторые из них были, как друзья, они так поддерживали меня.

— А, — сочувственно протянул Итен. Он понятия не имел, о чем она толкует. Друзья-книги? Поддерживали ее?

Единственная книга, пригодившаяся Итену, была та, которую он с парой товарищей сжег одной холодной ночью в горах Испании. Кто-то нашел ее в разграбленном доме. Большая книга. Она согревала их час или два.

Он не понимал, не знал, что сказать, чтобы утешить ее. Кроме лошадей, он не имел собственности, только одежду, да так, несколько мелочей. Ничего такого, чего нельзя было не сунуть в ранец. Итен выглянул в покрытое солью окно. Снаружи почти стемнело.

— Коттедж всегда можно отстроить, — произнес он.

— Я не могу себе это позволить. У меня была отложена небольшая сумма денег, но только лишь, чтобы кое-как сводить концы с концами вместе с моими курочками и садом. Коттедж был моей единственной собственностью. Это имущество позволяло мне сохранять независимость — оно да еще мизерная плата, которую я получала, давая уроки музыки.

— Так что вы будете делать?

Тибби вздохнула.

— Полагаю, мне вновь придется пойти в гувернантки.

— А вам это не по душе, мэм?

Она не ответила. Просто снова взяла кота и зарылась лицом в его шерсть.

Итен понял, что значит ее молчание. Он снова похлопал ее по плечу. Под его огромной нескладной лапой словно трепыхалась хрупкая маленькая птичка.

Кот послал ему злобный взгляд. Итен чихнул.

* * *

После ужина Калли поцеловала Ники, пожелав ему спокойной ночи, и спустилась вниз. Что это был за день. Впрочем, по мнению Ники, это был лучший день в его жизни.

Она не сомневалась, что для Тибби это был самый худший день в ее жизни.

Калли присоединилась к остальным в гостиной. Тибби сидела у камина с котом на коленях, разговаривая с Гэбриэлом. Мистер Делани устроился рядом за столиком и играл сам с собой в карты.

— Я объясняю мистеру Ренфру и мистеру Делани, что решила вернуться к своему бывшему занятию. Я снова буду гувернанткой, — обратилась к ней Тибби. — Если ты не возражаешь, Калли, я попросила мистера Ренфру взять меня в Лондон вместе с тобой. Нужно будет купить кое-какую одежду, и к тому же Лондон — лучшее место, чтобы обеспечить меня работой.

— Нет нужды искать работу, — тут же заявила Калли, — я найму тебя в качестве гувернантки для Ники.

Тибби затрясла головой.

— Нет, моя дорогая. Это очень любезно с твоей стороны, но я недостаточно образована для того, что требуется Ники. Я вполне обучена, что касается воспитания молодых девиц, и немного смыслу в математике, но что до греческого, латыни и всего прочего, то этого и в помине нет.

— Тогда я найму тебя в качестве моей компаньонки.

Тибби прямо посмотрела на нее и заявила твердым голосом:

— Принцесса Каролина, вы не несете ответственности за то, что мой коттедж разрушен, И я не буду у вас на содержании.

Калли одарила ее несчастным взглядом. Она отвечала за пожар в коттедже. Если бы она не искала убежища у Тибби, этого бы ничего не случилось. Но у Тибби имелась своя гордость.

Гэбриэл наклонился вперед.

— А не согласитесь ли вы послужить у меня, мисс Тибторп?

Тибби нахмурилась.

— В какой должности?

— В должности гувернантки. Мне нужно, чтобы кто-нибудь научил юного Джима читать и писать.

— Что? — воскликнул Итен Делани. Гэбриэл холодно взглянул на него, и тот вернулся к карточной игре.

— Видимо, скорей всего отец Джима не вернется, а миссис Барроу настойчиво стремится ввести чертенка в мой дом. Мне ничего не остается, как заняться его воспитанием.

Калли испытала восхищение от этого решения, как, впрочем, и недоумение, и в немалой степени подозрительность. Взять осиротевшего сына рыбака и платить кому-то за его воспитание крайне не соответствовало принятым в обществе правилам.

Тибби нахмурила брови: конечно же, ее одолевали те же сомнения, что и Калли. Но она осталась без дома и нуждалась в заработке. И поскольку она не примет милостыню от своей бывшей ученицы, то было бы неразумно отклонять вполне законное предложение должности.

— Если вы уверены, мистер Ренфру, то, безусловно, я принимаю ваше предложение, премного благодарна. Я буду обучать Джима до тех пор, пока он не достигнет достаточного уровня, чтобы занять место в деревенской школе наравне с другими мальчиками своего возраста. После этого я больше не буду злоупотреблять вашим великодушием.

— Думаю, это могло бы стать подходящей платой, — он вручил ей полоску бумаги, на которой была написана цифра.

Тибби взглянула на нее и зарумянилась.

— Это очень щедро, — с запинкой произнесла она.

— Чепуха, с этим парнишкой хлопот не оберешься, я уверен. Острый, как клинок, но с зазубренными краями. Полагаю, он всю жизнь рос сам по себе.

Тибби улыбнулась.

— О, я не против им заняться. Мне нравится Джим и его зазубренные края. У него смелая и любознательная натура. В данное время я стану учить обоих мальчиков вместе. Имея столь разное происхождение, они многому могут научиться друг у друга.

Итен оторвался от карт.

— Чему может наследный принц научиться у такого парнишки, как Джим, который

даже имя свое писать не умеет?

Тибби повернулась к нему и сдержанно произнесла:

— Только из-за того, что Джим не имел возможности учиться, не следует предполагать отсутствие у него здравого смысла и преуменьшать ценность его существования для общества, мистер Делани. Чуть подучившись, кто знает, что Джим сможет осуществить в своей жизни? Люди рождаются в нищете и невежестве, но не обязаны пребывать в них вечно.

Она сложила свое шитье и отложила в сторону.

— Наверное, я подхватила несколько радикальных идей от своего отца, но я верю, что люди могут многому научиться, если встанут на место других.

Итен уставился на нее.

— Помимо прочего, — продолжила Тибби, — я полагаю, что большая часть знаний Ники будет черпаться из книг. С другой стороны, у Джима, хотя и совсем неграмотного, имеется обширный запас познаний об окружающем мире. И превосходство в их практическом применении.

— Мисс Тибторп, какая досада, что вы никогда не встречались с моей бабушкой Гертой, — заметил Гэбриэл, — думаю, вы бы нашли с ней общий язык.

Он кивнул в сторону портрета женщины с суровым взглядом.

Тибби нахмурилась, словно только что вспомнила кое-что.

— Как я могу учить Ники с Джимом, когда вы забираете его завтра в Лондон?

Гэбриэл выглядел удивленным.

— Вы поедете с нами, конечно. Вы же сами сказали, что вам требуется пройтись по магазинам.

— Да, я так думаю... но, что насчет Джима?

— Он тоже поедет. Мне кажется, ему придется по вкусу поездка в Лондон. И в долгом путешествии у Ники будет товарищ.

— Но как мы узнаем, в самом ли деле его отец скончался? Мы не можем просто так взять ребенка, словно какого-то потерявшегося щенка, и увезти его из прихода.

Гэйб задумался.

— Вы правы. Разузнаю-ка я побольше об этом деле.

Он повернулся к Калли.

— Принцесса, могу ли я заинтересовать вас игрой в карты? И, Итен, может, мисс Тибби предложит тебе сыграть в шахматы. Прошлым вечером я заметил, что, кажется, она весьма неплохо знакома с этой игрой.

Несколько мгновений спустя Калли оказалась с картами в руках, хмуря брови в попытке вспомнить правила игры в безик. Без видимых усилий Гэйб все устроил: работу для Тибби, будущее Калли, обучение ее сына и Джима, и к тому же нашел им развлечения на весь вечер.

— Почему вы взяли на себя заботу о воспитании первого попавшегося осиротевшего мальчика? — спросила его Калли, пойдя картой наудачу.

Гэйб взглянул на портрет.

— Это все наследие бабушки Герты. Она частенько подбирала беспризорных, никому ненужных мальчишек. Полагаю, что именно так миссис Барроу и стала на нее работать — они с бабушкой оказались родственными душами, находящимися на противоположных концах общественной лестницы. Бабушка Герта пригрела меня, а миссис Барроу дала приют Гарри.

Он сделал ход.

— Бабушка Герта устраивала наше будущее, а миссис Барроу по-матерински заботилась о нас.

— Но я думала, что Гарри — ваш брат.

— Единокровный брат, — поправил ее Гэйб, — родился не на той стороне одеяла. У нас один отец, но мать Гарри была служанкой. Когда она обнаружила, что ждет ребенка, мой отец заплатил деревенскому кузнецу, чтобы тот женился на ней.

— О, — произнесла Калли, не зная, что сказать, поскольку затруднялась спросить, а не родился ли он тоже не на той стороне одеяла. Она выложила еще одну карту.

— Моя матушка была замужем за отцом, — уточнил Гэйб, — но в то время они ужасно ссорились, и к тому же оба изменяли друг другу, поэтому, когда она заявила отцу, что я не его сын, он ей поверил.

— Но это же чудовищно! — воскликнула Калли. — Как она могла так поступить с ним? И с вами?

Гэйб пожал плечами.

— Полагаю, их брак был хорошо известен своими бурными сценами. Или следует сказать: печально известен?

— Что означает: вы полагаете? Разве вы не знали?

— Нет, не знал. Они мирились, когда мне было три года, и снова, когда мне исполнилось шесть, но отец не позволил моей матери привезти меня домой ни в один из этих случаев. Меня воспитывали в Лондоне. Он терпеть меня не мог и отказывался видеть, хотя она настаивала, что я его законнорожденный сын, — Гэйб пожал плечами, — он так ей никогда и не поверил.

— Но это же ужасно.

— Вообще говоря, нет. У него не было оснований верить ей, ее супружеские измены стали столь же притчей во языцех, как и его собственные.

Калли нахмурилась.

— Тогда откуда... — начала принцесса, но замолчала. У нее чуть не вырвался неуместный вопрос. Она прикусила губу.

— Откуда я знаю, что действительно прихожусь сыном своему отцу? — продолжил за нее Гэйб. — А я ведь предупреждал вас насчет прикусывания губок — вы делаете все не так. Хотите, чтобы я снова показал, как надо?

Калли почувствовала, как запылало лицо.

— Прекратите! — зашипела она. — Не перед всеми же!

Гэйб тяжело вздохнул.

— Суровы же вы с мужчинами, знаете ли. Так на чем мы остановились? Ах, да. Вас интересует, почему я уверен, что не являюсь незаконнорожденным? — напомнил Гэбриэл и, прежде чем она сообщила ему, что не столь невоспитанна, чтобы интересоваться такими вещами, продолжил: — У нас с Гарри лишь несколько месяцев разницы, но между нами заметно сходство. Разве это не служит объяснением?

Да, это так. Очевидно, при разных матерях сходство они получили от его отца.

Впрочем, это не объясняло, почему они с Гарри выросли вместе, и почему его воспитывала бабушка Герта, а Гарри рос как трава в поле. Ей не составило труда понять, почему он говорил о себе, как о нуждающемся ребенке. В столь ужасной ситуации таким бы стал любой.

— Вы говорили, что росли вместе с Гарри.

— Да, бабушка Герта взяла нас под свое крыло, — Гэйб резко кивнул головой в сторону женщины на портрете, — незамужняя тетушка моего отца, наглая фурия, которую большинство людей боялось до смерти.

Глядя на портрет, Калли могла хорошо себе это представить.

— В один прекрасный день она заявила в лондонский дом моей матери, решительным шагом прошла в детскую и просто-напросто конфисковала меня. Заявив матушке, что та неспособна вырастить дитя, не говоря уже о наследнике Ренфру, и что она, тетушка Герта, с настоящего момента займется этим сама. Потом сграбастала меня — в буквальном смысле, думаю, мне было около семи, — вручила кучеру, как посылку, и умчала нас в своей карете.

Калли была потрясена.

— И ваша матушка не боролась с ней?

Гэйб чуть покачал головой.

— Матушка ни слова не вымолвила. Наверно, ей стало легче, что я убрался с дороги.

Калли не могла понять беспечность, с которой он рассуждал об этом.

— А я бы убила каждого, кто попытался бы отнять у меня сына.

Гэйб улыбнулся.

— Охотно верю. Впрочем, бабушка Герта была не из тех, кому смели перечить. Большинство окружающих боялось ее.

— И неудивительно, судя по ее поведению. Бедный малыш. Вы, должно быть, сильно боялись.

Он побил козырем ее карту.

— Поначалу так и было. Впрочем, прошло совсем немного времени, и я понял, что под внешностью этого Аттилы в женском облике скрывается воистину золотое сердце. Бабушка Герта была просто-напросто само очарование.

Он взглянул на портрет и поднял бокал, провозгласив тост:

— За бабушку Герту, сделавшую из меня человека, каков я на сегодняшний день.

И выпил.

Калли наблюдала, как пришло в движение его мощное горло, пока он пил. Бабушке Герте было чем гордиться.

— А Гарри воспитывался сам по себе? — спросила она чуть погодя.

Гэйб отставил бокал в сторону.

— Гарри был сильно похож на Джима, когда я впервые встретил его — дикий маленький оборвыш. Но бабушка Герта выучила его — она обучала нас вместе и, к ярости отца, послала в школу, где он когда-то учился. В конечном счете, он нас оттуда забрал, тогда взамен она отправила нас в Харроу, чем разозлила отца почти в той же степени, — вспомнив, он усмехнулся, — бабушка Герта была радикалкой и не придерживалась правил вежливости и манер аристократии. И в то же время она была превеликой снобкой, считавшей, что Ренфру — даже незаконнорожденные — превыше всех на свете. Она завещала мне свое состояние, но Гарри она тоже оставила наследство, а моя доля имеет дюжину оговорок. Принятие на службу мисс Тибторп будет удовлетворять одной из них. Бабушке Герте доставило бы удовольствие обучение сына рыбака совместно с наследным принцем. И ей бы очень понравился ваш мальчик. Больше всего она восхищалась храбростью.

Им предстояло отправиться в Лондон сразу же после завтрака. Калли и Тибби упаковали свои скудные пожитки, и сундуки ждали своего часа в холле. Кисонька сердито завывал внутри плотно сплетенной ивовой корзинки, одна его рыжая лапа яростно норовила зацепить каждого, кому посчастливилось проходить мимо в пределах досягаемости. Рядом сидела Юнона, изредка принюхиваясь к корзинке и с интересом наблюдая, как рыжая лапа кота безуспешно пытается шлепнуть по ней.

Завтрак проходил спокойно. Миссис Барроу оказала им честь и приготовила горы бекона, яиц, острые почки, копченую рыбу, кучу ломтиков хлеба и горячий ароматный кофе, но, казалось, ни у кого не было желания хорошо подкрепиться, кроме Гэбриэла.

— Мистер Гэйб! — миссис Барроу ворвалась в столовую. — По дороге едет сэр Уолтер Тинкнелл с парой своих людей, и с ним еще солдаты — с полдюжины — иностранцы, полагаю, и все верхом.

Все поспешили к окну. Действительно, по дороге спускалась небольшая кавалькада. Во главе ехало двое мужчин. Один — краснолицый, пожилой и толстый, облаченный в тесное синее пальто с большими золотыми пуговицами — ехал верхом на смирном гунтере. Другой был красивым и изящным блондином и являл собой безупречный мужской образец. Стройный, гибкий, с уверенной властью, он скакал на великолепном черном жеребце, словно родился в седле. Тонкие золотистые усики подчеркивали его верхнюю губу. Его форма, черная, богато украшенная золотом, хорошо смотрелась на нем. Увенчанный бубенчиком кивер с золотым гербом и загнутым пером красовался на голове.

Калли почувствовала, как все внутри похолодело.

— Это граф Антон!

— Столько мундиров я не видел с тех пор, как принц-регент осматривал наши войска, — тихо проговорил Гэйб. — Какая великолепная лошадь!

— Лучше бы он упал с неё и сломал себе шею! Ники! — Калли огляделась вокруг. — Где Ники? Он ведь не на улице? Если граф Антон увидит...

— Он с Джимом на кухне, завтракает, — заверила её миссис Барроу.

— Сейчас же приведите его ко мне! Мы должны немедленно уехать отсюда!

Гэйб взял её за руку.

— Калли, вы не можете сейчас бежать от него. А если попытаетесь, он нагонит вас на этой своей огромной лошади.

Он взглянул на миссис Барроу:

— Всё-таки приведите сюда обоих мальчиков.

Калли попыталась высвободить руку.

— Но если он нас найдет, он увезет нас назад и потом...

— Я не позволю ему никуда вас увезти, — заверил её Гэбриэл. Но, судя по выражению лица Калли, ему не удалось её убедить. Он крепко сжал её руки, поглаживая их пальцами, и добавил:

— Ему будет трудно похитить вас в присутствии местного судьи.

Принцесса нахмурила брови.

— Зачем он привёз с собой судью? Он, должно быть, думает, что это даёт ему какие-то преимущества? — она с опаской посмотрела на Гэйба. — Мне это не нравится.

— Мне тоже, — Гэбриэл выглянул из окна. — Присутствие судьи предполагает законное действие.

— Ники! Он хочет законную опеку над Ники.

Гэбриэла это не убедило.

— Как он может получить законную опеку над вашим сыном, у него же есть мать?

— Потому что законы Зиндании варварские, вот почему. По этим законам у женщины нет никакого статуса. Если наследник мужского пола — ребёнок, то старший мужчина в семье становится её главой, пока ребёнок не достигнет совершеннолетия. Сейчас главой семьи является дядя Отто, но если он умрёт, — а он уже в годах, — то граф Антон станет главным, пока Ники не исполнится восемнадцать.

Калли схватила его за плечи:

— Что если дядя Отто умер? У Антона развяжутся руки.

Гэйб мрачно посмотрел на неё.

— Это блеф. Он может *подозревать*, что вы здесь, но он не может *знать* этого наверняка. Уведите Ники наверх и спрячьтесь там. Я избавлюсь от графа Антона и его судьи.

— Дайте мне оружие, на всякий случай. Те дуэльные пистолеты.

Он сжал её руку:

— Нет времени, они в каррикле. Кроме того, здесь нужна стратегия, а не сила.

В это время вошли миссис Барроу и мальчики, и Гэйб быстро объяснил им их роли. Они стояли, как громом поражённые.

— Из этого ничего не выйдет, — пробормотала Калли.

— Доверьтесь мне, — мягко сказал мужчина. — Я сделаю всё, чтобы вы с Ники были в

безопасности. А теперь, идите!

Едва он успел это сказать, как у парадной двери послышался глухой звонок. Калли бросила на неё короткий взгляд и помчалась с Ники наверх.

Глаза Джима засверкали от возбуждения.

— Мы будем дурачить таможенников, мистер Гэйб?

— Что-то вроде того, — ответил Ренфру.

Все разошлись по своим местам. Миссис Барроу наблюдала за Гэйбом:

— Они далеко не таможенники, мистер Гэйб.

— Нет, но этот человек, приехавший с судьёй, несёт ответственность за пожар в доме миссис Тибторп. Он преследует принцессу и Ники и желает им зла.

Миссис Барроу рас свирепела.

— Негодяй. Его арестуют, сэр?

Гэйб покачал головой.

— У нас нет доказательств. А у него, не сомневаюсь, имеются документы, обеспечивающие ему дипломатическую неприкосновенность в Англии.

В дверь снова позвонили.

— Принять этого таракана?

— Да. Скажите, что меня нет.

Миссис Барроу направилась к двери, а Гэйб помчался вверх по лестнице. Он остановился на лестничной площадке и услышал, как миссис Барроу, открыв дверь, объяснила вошедшим, что хозяина дома нет.

— Нет дома! Как удобно, — произнёс ровный, спокойный голос со слабым акцентом. Гэбриэл узнал этот голос. Последний раз, когда он его слышал, голос принадлежал паре ботинок, пинающих Гэйба.

— Я должен настоятельно вас просить, — объявил судья. — У графа Антона, принца-регента Зиндари, имеются весьма серьёзные обвинения против капитана Ренфру.

Принц-регент, подумал Гэйб. Дядя Отто, должно быть, и, правда, умер.

— Наверняка достаточно серьёзные, чтобы побеспокоить сына английского графа в *его собственном доме!* — парировала миссис Барроу воинственным тоном.

Судья прокашлялся.

— Граф Антон заверяет, что молодой наследник престола его страны был похищен и... эээ...

— *Что?*

— Он заверяет, что наследника престола держат здесь.

— Здесь? — удивлённо повторила миссис Барроу. Через какое-то время послышался уже её повышенный голос: — Эй, Барроу, тут местный судья, который утверждает, что здесь где-то прячется наследный принц. Ты его не видел?

— Не-а, в кухне его нет, — послышался в ответ голос Барроу.

Гэйб ухмыльнулся.

— Довольно этой чепуки, — граф Антон оттолкнул со своей дороги миссис Барроу, — Мы обещем дом!

— Вы этого не сделаете! — заявила ему женщина. — Сэр Уолтер, и вы позволите этому чужестранцу силой зайти в дом английского джентльмена? А вы! Немедленно отойдите назад! — добавила она сопровождающим графа Антона людям.

Гэбриэл решил, что настал черёд его выхода. Он неспеша спускался вниз по лестнице.

— Какого дьявола здесь происходит? — подчёркнуто медленно протянул он. — Миссис Барроу, я же говорил вам, что не желаю, чтобы меня беспокоили.

Увидев судью, он пресёк её извинения словами:

— А, сэр Уолтер, отлично. Вы задержали преступников?

Сэр Уолтер, казалось, удивился.

— Преступников? — осторожно повторил он. — Каких преступников?

— Тех, что напали на миссис Тибторп и сожгли её дом.

Брови судьи приподнялись от удивления, и Гэбриэл кивнул.

— Ужасно, не так ли? Куда катится страна, в которой бандиты нападают на одинокую женщину и сжигают её дом? — он бросил презрительный взгляд на графа Антона и добавил: — Кто ваш друг, сэр Уолтер? Не узнаю униформу. Надеюсь, не английская. И это даже не Принни, он бы не придумал такую неле... такую униформу.

Граф осмотрел Гэбриэла с выражением надменного презрения на лице. Он и в самом деле дьявольски красив, подумал Гэйб, но это была отталкивающая красота. И глаза у него странные, какие-то бесцветные. Сверкнув ими, он отдал Гэйбу резкий поклон по-военному:

— Я, сэр, граф Антон, принц-регент Зиндари, и требую, чтобы вы отпустили принцессу Зиндари и её сына, наследника престола принца Николая.

Гэбриэл удивлённо посмотрел на судью и через пару секунд спросил:

— Вы имеете хоть малейшее понятие, о чём он говорит?

Румяное лицо местного судьи стало ещё краснее.

— Капитан Ренфру, сэр, — начал он, явно находясь в замешательстве, — граф настаивает, что этих людей держат здесь. У него с собой уведомления о полномочиях от правительства...

— Я и есть правительство в моей стране, — резко оборвал его граф Антон. Он внимательно изучал раны на теле Гэбриэла и взглянул на руку с отметиной от каблука его сапога.

— Возможно, но это — Англия. Здесь у вас нет полномочий, — Гэйб одарил его холодной улыбкой.

Губы графа сжались:

— Я требую...

— Ваши требования ничего здесь не значат! — слова Гэбриэла, как удар плетью, резанули слух. — И я не потерплю нахальных громил, вламывающихся в мой дом и выдвигающих требования.

Сэр Уолтер замахал руками, пытаясь успокоить их.

— Джентльмены, джентльмены, я уверен, нет нужды ругаться. Граф Антон, капитан Ренфру — джентльмен, которого я давно знаю, сын графа Элверли и отличный офицер, несколько раз упоминавшийся при награждениях. Как я уверял вас раньше, он никак не может быть связан с похищением вашего наследного принца.

Он умоляюще посмотрел на Гэйба:

— Капитан Ренфру, всё можно уладить за минуту, если вы позволите нам обыскать дом...

Гэйб бросил на него взгляд, который мог заставить сдаться целый батальон закалённых в бою солдат.

— *Обыскать мой дом?*

Местному судье было неловко, но он стоял на своём.

— Выдвинуто весьма серьёзное обвинение, сэр, причём вовлечено правительство. Я уверен, это ошибка, но, как ни посмотри, для всех будет лучше, если мы рассеем сомнения.

Гэйб видел, что сэр Уолтер находится в замешательстве. Он уже был наполовину убеждён, что это пустая затея. Гэбриэл едва заметно кивнул.

— Хорошо, объясните, — он скрестил руки на груди в ожидании.

— Мы зря теряем время, — начал граф.

Гэйб твёрдо посмотрел на него:

— Я в любой момент мог бы просто вышвырнуть вас отсюда.

— Капитан Ренфру, граф, позвольте, — снова вступил сэр Уолтер. — Графу доложили, что последние два дня у вас живет странная женщина и маленький мальчик.

— Действительно? — сказал Гэйб. — Какое его дело, чёрт побери, кто у меня живет?

— Шивёт! Признайте это! — прорычал граф.

Гэбриэл безразлично уставился на него.

— Капитал Ренфру, пожалуйста, — умолял судья.

Гэйб пожал плечами:

— У меня остановилась дама с мальчиком, сэр Уолтер, и если этот мальчик — наследный принц, я буду крайне удивлён. Хотя, его могли украсть при рождении цыгане...

— Его украли вы!

Гэбриэл разомкнул скрещённые на груди руки:

— Вы становитесь чрезвычайно утомительным, друг мой. Вам не помешала бы хорошая порка и урок манер.

Судья встал между ними:

— Джентльмены, джентльмены, пожалуйста. Капитал Ренфру, если бы я мог увидеть ту даму, всё бы уладилось.

Гэйб задумался.

— Хорошо, но вы... — он ткнул пальцем в графа, — ведите себя прилично. Я не желаю, чтобы дама стала свидетельницей вашего грубого поведения.

Он повёл их в гостиную, открыл дверь и сказал:

— Видите, сэр Уолтер? Никакого похищенного принца или принцессы.

Граф Антон оттолкнул их и вошёл в комнату.

— Ага! — воскликнул он с триумфом в голосе и указал на женщину, сидящую перед камином к ним спиной. — Вот она!

Тибби повернулась к ним лицом, с поднятыми от удивления бровями.

— Прошу прощения, — произнесла она, холодно и неободрительно взглянув сначала на Гэйба, потом на сэра Уолтера, потом на графа. — В чём заключается цель данного вторжения?

Гэбриэл повернулся к судье.

— Это миссис Тибторп, чей дом вчера сожгли дотла. Я приютил её у себя на неопределённый срок.

Судья поклонился:

— Миссис Тибторп, примите мои искренние соболезнования по поводу вашей утраты. Шокирующее известие...

— Действительно, шокирующее, когда поджигают чей-то дом, — Тибби бросила гневный взгляд на графа. — Меня успокаивает только уверенность, что виновный будет гореть в аду!

Граф направился в её сторону с угрожающим видом. Гэйб встал между ними и ледяным голосом произнёс:

— Ещё один шаг...

Итен подошёл к Тибби и встал возле неё. Он ничего не сказал, но всем своим видом ясно дал понять, что слышал о подмене.

Граф зарычал на Тибби:

— Где она? Где принцесса?

— Какую принцессу вы имеете в виду? — спокойно спросила Тибби. — Я знакома с несколькими.

От отчаяния он издал звук, похожий на рык, и подозрительно посмотрел вокруг. Обнаружив пару ботинок за шторами, он выпалил:

— Аха!

Он отдёргнул штору и вытащил оттуда маленького мальчика.

— Ой, ты чё делаешь? Отпусти, ты, обезьяна! — Джим сыпал такими выражениями, услышав которые при обычных обстоятельствах, миссис Барроу бы достала кусок мыла, чтобы оттереть им его язык. Сейчас же она сияла от гордости.

— Похищенный наследник престола, полагаю, — сказал Гэйб сэру Уолтеру. — Он, несомненно, научился таким выражениям у цыган.

— Фу! Да это просто мальчишка-попрошайка!

— Ты кого назвал попрошайкой... — начал было Джим, но его успокоила миссис Барроу.

Граф ткнул пальцем в Тибби.

— Эта шенщина знает принцессу Каролину!

Сэр Уолтер вытащил платок и вытер лоб.

— Это так, мадам? — спросил он.

Тибби бросила на него холодный взгляд.

— Каролину, принцессу Зиндари? Да, конечно, я знаю её. Она была одной из моих самых выдающихся учениц. Я также имела честь обучать графиню Морей и леди Хантер-Стенли, а также почтенную миссис Чарльз Сэндфорд, — она любезно улыбнулась сэру Уолтеру.

— Где же она? — выдавил из себя граф.

Тибби пренебрежительно взглянула на него:

— Принцесса Каролина не находится под моей опекой с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать лет.

— Но вы обменивались письмами, — заявил граф.

Тибби удивлённо приподняла бровь:

— Разумеется. Я регулярно переписываюсь со всеми моими девочками.

Граф хлестнул плёткой по своему сапогу.

— Она направилась сюда, к вам! Так она писала в своих письмах.

Тибби подняла обе брови:

— Читать чужие письма? Как непорядочно.

— Не укодите от ответа. Она планировала приехать сюда с мальчиком.

Тибби едва заметно ухмыльнулась:

— Правда? Она планировала?

Граф Антон нахмурился:

— Что вы имеете в виду?

Тибби спокойными движениями разгладила юбки. Мышка, дразнящая тигра. Гэйб прикусил губу. Он видел, что она получает от этого удовольствие. Это была маленькая месть за то, что ей пришлось пережить из-за него. Граф Антон стегал плёткой о свой сапог, сильнее и сильнее, теряя самообладание, он буквально сверлил её глазами.

В конце концов, она сказала:

— Часто то, что пишут, и то, что делают — совсем разные вещи, — она посмотрела на судью. — А если люди, которые читают письма, им не адресованные, едут потом искать вчерашний день, то... — она обнажила зубы, изображая улыбку.

Граф в раздражении уставился на неё. Его тонкие пальцы согнулись, как будто ему не терпелось вцепиться ей в глотку. Итен не сводил с графа взгляда. Он скрестил руки на груди, челюсть его сжалась, как в бою.

Гэйб шагнул вперед:

— Довольно. Если принцесса писала письма и планировала навестить своих старых друзей, а вы их читали, какого дьявола вы говорите всем, что я её похитил? Я намерен привлечь вас к суду за клевету! Сэр Уолтер, вы мой свидетель.

Сэр Уолтер прокашлялся:

— Капитан Ренфру, я уверен, что в этом нет необходимости. Граф Антон не это имел в виду, поверьте. Нет так ли, граф?

Последовало напряжённое молчание. Граф понимал, что он стоит на тонком льду. Через секунду он неохотно ответил:

— Возможно, мой осведомитель сделал ошибку.

— Да, да, ошибку, — судья с благодарностью ухватился за это оправдание. Он повернулся к Гэйбу. — Видите ли, это все из-за лошадей. Графу сказали, что принцесса в каррикле, запряжённым парой серой масти, а как все знают, поблизости ни у кого, кроме вас, нет таких лошадей. Произошла ошибка. Должно быть, какие-то другие лошади проезжали мимо. Другая женщина.

Гэйб бросил на графа суровый взгляд.

— Несомненно.

Жители Зиндари — прирожденные наездники: конечно, они бы заметили его пару серых.

Судья был благодарен за предоставленный предлог, чтобы уйти.

— Примите мои извинения за это недоразумение, капитан Ренфру, миссис Тибторп, — за беспокойство. После вас, граф.

Он указал на дверь. Граф помедлил секунду, затем с гордым видом и лицом, бледным от злости и чувства поражения, направился в холл.

Джим проскользнул вперёд, открыл перед ним дверь и в тот момент, когда граф проходил мимо него, дерзко бросил:

— Скатертью дорожка! Ты, склизкая крикливая змея!

Упустив свою добычу, граф сильно ударил мальчишку плетью по лицу. Джим ударился о стену и взвизгнул от боли.

* * *

Наверху Калли сидела на кровати, обняв Ники. Она старалась не терять спокойствия,

уверяя своего сына, что ничего страшного не происходит, просто внизу находится граф Антон, а она не хочет с ним разговаривать.

Казалось, Ники поверил в это: он тихо сидел — послушный и смирный.

Чтобы отвлечься от того, что происходит внизу, она спросила сына о его уроке верховой езды. Но Ники не ответил. Через какое-то время он задумчиво произнёс:

— Граф Антон хочет меня убить, правда, мама? И вместо меня стать принцем.

Потрясённая, принцесса пристально вглядывалась в сына. Она пыталась скрыть это от него. Давно ли он узнал?

Ники добавил:

— Поэтому мы спрячемся здесь, в твоей спальне. Мистер Ренфру и другие спасут нас, правда?

— Да, дорогой, спасут.

— А мы будем ждать здесь, пока не будет безопасно спуститься вниз.

Она увидела, как он побледнел, и глаза его наполнились тревогой.

Внезапно Калли поняла, что она делала. Она сидела здесь, прячась, как трусливый кролик.

Приучая своего сына прятаться, как кролик.

Посылая других людей рисковать жизнью ради них.

Дом Тибби сожжён дотла. Она потеряла всё из-за Калли, и, несмотря на это, она внизу, лицом к лицу с человеком, который силой удерживал её в её же впоследствии сожжённом доме.

Она не пряталась, как кролик.

В последние несколько дней Ники сиял от уверенности в себе, сейчас же он снова выглядел зажатым и обеспокоенным.

Калли стало стыдно. Она позволила страху возобладать над собой. Она посмотрела на своего маленького сына и вспомнила разговор на кухне о той жизни, которую она ему собирается дать — жизнь, где нужно бежать, бежать и бежать.

Она убежала из Зиндари. Сейчас она в стране, где влияние графа Антона не настолько сильно.

Здесь было меньше шансов, что служанки и конюхи либо подкуплены, либо верны ему, либо запуганы им. Здесь он чужой, а она — нет.

Здесь люди ей верят. От её слез не отмахиваются, как от женской глупости. Её воспринимают всерьёз. И здесь у неё есть поддержка. Так почему же она прячется здесь, как кролик? Заполняя сердце своего сына страхом и приучая быть беспомощным перед лицом опасности.

Это должно прекратиться здесь и сейчас.

— Мистер Ренфру однажды сказал кое-что интересное, — обратилась она к Ники. — Он сказал: «Не всегда битву выигрывает сильнейший».

Ники, подняв голову, посмотрел на свою мать, обдумывая эти слова.

— Ты хочешь сказать, что мы не можем разбить графа Антона в обычном бою, но есть другие способы победить его?

Она улыбнулась:

— Когда ты стал таким смышлённым? Да, дорогой, именно это я и хочу сказать.

Она встала и задумчиво осмотрела комнату. У неё не было оружия, чтобы защищать себя и сына. В Зиндари у неё был маленький пистолет — ей его дал Руперт и научил, как

им пользоваться после покушения на жизнь Ники, когда ей вырвали серёжку из уха. Пистолет исчез после смерти Руперта.

Возможно, она не в состоянии сражаться с графом, но она наверняка сможет блефовать. А для блефа у неё было вполне подходящее оружие.

Она открыла коробку и достала из потайного отделения на дне круглый свёрток.

— Зачем это тебе, мама? — прошептал Ники.

— Когда тебе нечем отбиваться, сын мой, — сказала она ему, — вспомни, кто ты и откуда. Силы придут.

Она развернула свёрток и вытащила оттуда бриллиантовую тиару. Это единственное, что у Калли осталось от матери, и она нежно любила эту вещь. Встав перед зеркалом, она надела её на голову. Вместе с дорожной одеждой тиара выглядела нелепо, но, тем не менее, Калли ощущала её на себе, и это придавало молодой женщине силы.

— Я буду отбиваться вот этим, — сказал ей Ники и показал длинную чёрную палку с серебряным наконечником. Палка была размером почти с Ники. — Я нашёл её в гардеробе.

Она улыбнулась и, на цыпочках подкравшись к двери, прислушалась. Она не хотела выдавать себя, если только её к этому не вынудят.

Как только Калли подошла к двери, она услышала:

— Скатертью дорожка! Ты, склизкая крикливая змея!

Вслед за этими словами послышался детский крик от боли.

Ники подпрыгнул:

— Это Джим. Он ударил Джима!

И прежде, чем Калли смогла его остановить, Ники вышмыгнул из комнаты. Он побежал к лестнице, крича во все горло на зиндарийском:

— Оставь его в покое, ты, громила! Я *приказываю* тебе отойти от него!

Одной рукой Ники размахивал — мать Божья, подумала Калли, это была шпага! Где, во имя всех святых, он взял шпагу?

Она побежала вслед за ним. Ники с криком нёсся вниз по лестнице, и она увидела, что граф Антон обернулся. В его глазах сверкнула злоба, он вытащил нож с длинным лезвием и повернул его к маленькому мальчику, бросившись к нему навстречу.

— Ники, неет! — закричала принцесса.

Гэбриэл повернулся, услышав крик Ники. За полсекунды он подался вперёд и поймал юного принца в полёте за шаг от основания лестницы. В считанные секунды он вырвал шпагу из рук мальчика, передал Ники Итену и приставил шпагу к горлу графа Антона. Нож в руке графа дрогнул, затем упал на пол.

Ники был спасён. Калли споткнулась и почти упала. Она схватилась за перила и удержалась. Но её сын ещё находился в опасности. Гэбриэл спас его от ножа, но ещё был закон, с которым придётся иметь дело. Её колени подкосились. Это ещё не конец.

Граф зарычал:

— Видите, она всё-таки здесь! Пропавшая принцесса Зиндари, как я и заявлял. Я требую, чтобы вы оттащили этого бешеного пса и передали её и мальчика мне.

Этим бешеным псом был Гэбриэл, который отреагировал на прозвучавшие слова тем, что немного сильнее надавил концом шпаги на горло графа.

Калли не отводила взгляда от графа Антона, расправляя платье трясущимися руками, поправляя тиару и плавно спускаясь по оставшимся ступенькам. Никто не проронил ни слова. Все глаза были устремлены на Калли.

Она дошла до нижних ступенек и направилась к графу. Проигнорировав шпагу, приставленную к горлу своего родственника по мужу, она обратилась к нему с самым царственным видом:

— Граф Антон, как вы смеете врываться в этот дом, крича и запугивая детей?

Её губы двигались в беззвучной презрительной усмешке, она сильно ткнула пальцем ему в грудь.

— Вы невоспитанный олух, мне стыдно признать, что вы сын Зиндара. Как вы смеете заявлять, что я пропала. По-вашему, я выгляжу пропавшей?

— Он сказал мне, что капитан Ренфру похитил вас и вашего сына, — сообщил ей сэр Уолтер.

Калли не повернула головы.

— Похитил. Меня. В самом деле? — произнесла она, акцентируя каждое слово и сопровождая его толчком пальца графу в грудь. — Никто не похищал меня и моего сына. Дела приняли скверный оборот в Зиндари, если женщина не может свозить сына в страну, где она была рождена, — а я была рождена в Англии, — пояснила принцесса специально для судьбы, — чтобы никакой олух не кричал на весь мир, что её похитили, — она прищурила глаза. — Если принять во внимание, как вы обращались с моей подругой миссис Тибторп и другом моего сына, Джимом, не говоря уже о том, что вы направили обнажённое лезвие на наследного принца, я уже подумываю о том, чтобы просить мистера Ренфру одолжить мне этот клинок, чтобы получить возможность пронзить вас им здесь и сейчас.

— Эээ, ваше высочество, это не разрешено в Англии, — сказал судья, явно нервничая. — Суммарная казнь^[14] здесь нелегальна — должен быть соответствующий процесс, судебное разбирательство, проведённое должным образом и так далее. Капитан Ренфру, вы же знаете это.

— Я под командованием принцессы, — отозвался Гэбриэл.

Граф побледнел и дёрнул головой, когда Гэбриэл быстро передал рукоять шпаги Калли, не убрав лезвия от его горла, по которому через мгновение полилась струйка крови. Калли смотрела, замороженная. Она не сделала ни одного движения, он сам это сделал.

Она пристально глядела на длинный клинок, упирившийся в горло её врага. Одним нажимом она могла навсегда уничтожить угрозу для своего сына. Её мускулы напряглись. Она, как загипнотизированная, смотрела вдоль блестящего серебристого лезвия. А горло графа судорожно пульсировало.

Это так легко. Один нажим — и всем неприятностям придёт конец.

Но она не могла заставить себя сделать это. Он человек, живое существо. У него глаза Руперта. Он двоюродный брат Руперта, самый близкий родственник её сына. Она с удовольствием бы увидела его мёртвым, но это должна сделать не она, не так хладнокровно.

Граф прочитал всё в её глазах и ухмыльнулся:

— Ты трусиха, как и твой хлюпик-сын.

— Ни в одном из них нет ни капли трусости, — Гэбриэл положил свою руку поверх её и забрал шпагу. — Но она не хладнокровная убийца.

Ренфру замолчал на мгновение, а потом вкрадчиво добавил:

— В отличие от меня, после восьми лет, проведённых на войне.

— Принцесса, капитан Ренфру, не надо, — умолял сэр Уолтер. — Это же будет считаться убийством, хладнокровным убийством.

Гэбриэл посмотрел на Калли:

— Ради вас я сделаю всё, что угодно. Скажите только слово.

Взгляд его голубых глаз был таким твёрдым.

Калли зажмурилась на короткое мгновение, а затем неохотно покачала головой.

— Не могу, — прошептала она.

— Боже милостивый, что это? Комитет по организации торжественной встречи? — в открытую дверь вошёл высокий мужчина в штанах из оленьей кожи, элегантно, хотя и пыльном, сюртуке и высоких чёрных сапогах. Он бросил шапку с волнистыми полями из меха бобра на стол, поднял лорнет и осмотрел всех собравшихся в зале. Лорнет немного задержался на тиаре Калли, затем двинулся дальше. Закончив свой осмотр, мужчина едва заметно улыбнулся и сказал:

— Если ты хочешь пронзить парня, Гэйб, то не мешкай. Я проскакал всю дорогу от Олдершота и умираю от жажды.

— Хорошо сказано, Рейф, — сказал второй джентльмен, который выглядел лучше первого, но не так элегантно. Стягивая перчатки, он также оглядел застывшую сцену и, нахмутив брови, добавил: — Но не в присутствии дам и детей.

Он грациозно поклонился Калли и Тибби.

— Да, немного расчёта, брат мой, — заявил третий мужчина. — Выведи парня на улицу и там пронзи его, чтобы не испачкать чистый пол миссис Барроу.

Он встретился с взглядом миссис Барроу и подмигнул ей.

«Должно быть, это Гарри», — подумала принцесса. Это был портрет Гэбриэла — высокий, смуглый, широкоплечий, только волосы вместо чёрных были тёмно-каштановыми, а глаза — серыми. Он перевёл взгляд с брата на Калли, потом обратно на брата. Когда он увидел тиару, его глаза блеснули, а бровь слегка приподнялась.

— Вперёд, мистер Гэйб, не обращайтесь на меня внимания, — крикнула миссис Барроу. — Я с радостью вытру кровь этого негодяя, и я совсем не прочь присутствовать при всём этом. Более того, я с удовольствием понаблюдаю!

— Я тоже, — сказал Джим. — Вонючке... — миссис Барроу заглушила его, закрыв ему рот рукой.

Гэбриэл посмотрел на одеревеневшее лицо графа, затем повернулся к Калли:

— Последний шанс.

Она покачала головой.

— Отпустите его.

Он опустил шпагу и резким кивком указал на дверь.

— Проваивай.

— У меня есть право...

— Просто уйдите, сэр! Не делайте еще хуже, чем уже сделали, — сказал судья графу, пихая его к двери.

— Я всё не всё сказал, — проворчал граф Антон.

Судья схватил его за руку и потащил на улицу со словами:

— Плохо уже то, что вы ударили этого оборвыша, но наставлять сталь на ребёнка, который к тому же не кто иной, как ваш наследный принц! Я потрясён, граф, потрясён! Что-то в вас, несомненно, есть дьявольское!

Калли посмотрела на улицу, где неподвижно стояли люди графа, ожидая его. Потом она увидела стоящего неподалеку Барроу, у которого в каждой руке было по серебряному пистолету, направленному на людей графа. Калли узнала эти пистолеты.

— Я только провожу их, — сказал ей Гэбриэл и последовал за сэром Уолтером и графом на улицу.

— Пойдём? — сказал элегантный мужчина по имени Рейф, и, не дожидаясь ответа, вышел из дома, а за ним и его друзья. Калли заметила, что каждый из них тоже держал по пистолету.

Гэбриэл отвёл судью в сторону и говорил с ним минуту или две. Сэр Уолтер повернулся, одарил графа строгим пристальным взглядом, затем кивнул.

После того, как граф и его люди исчезли из вида, у Калли подкосились ноги, и она рухнула на ступеньки лестницы.

Гэбриэл тут же обернулся и спросил:

— С вами всё в порядке?

Калли посмотрела на него. Всё ли в порядке с ней? Да, больше, чем в порядке — она себя превосходно чувствовала. Только немного дрожала. Она взглянула на мужчину, который предлагал убить её врага ради неё, и спросила:

— У вас есть бренди?

— Да.

— Можно мне большой стакан, сейчас же?

— Я тоже пропущу стаканчик, — заявил мужчина по имени Рейф.

— И я, — вторил его друг.

Гэбриэл, смеясь, протянул ей руку.

— Тогда идёмте, я думаю, мы все заслуживаем стаканчик-другой.

Ники взял другую руку Калли.

— Мы показали графу Антону, мама, правда?

— Да, дорогой. Мы ему показали.

Она не могла выкинуть из головы то, как Гэбриэл смотрел на неё, когда говорил: *«Ради вас я сделаю всё, что угодно. Скажите только слово»*.

Они перешли в восьмиугольную комнату, где наполнили бокалы, и все — для тех, кто не присутствовал — приступили к рассказу о том, что произошло ранее этим утром.

Когда Гэбриэл рассказывал ту часть истории, в которой Тибби отчитывала графа за чтение чужих писем, в комнате разразился смех. Тибби, обычно сдержанная и чувствующая себя неловко в присутствии мужчин, радостно засмеялась и залилась румянцем, когда Гэбриэл предложил тост за двух героинь. Калли до сих пор не могла смотреть на него. Что-то случилось там, возле лестницы, что-то, в чём она не была уверена и не знала, что с этим делать. Ей нужно было обдумать это, а она не могла думать вообще, когда находилась под его взглядом.

— Но скажите, принцесса, — спросил высокий, элегантный Рейф Рэмси, повернувшись к Калли, — вы всегда носите тиару?

Руки Калли взметнулись вверх. Она забыла, что у неё на голове была тиара. Она смущенно улыбнулась, чувствуя себя довольно неловко.

— Нет, я понимаю, что это выглядит глупо. Просто... Это моей мамы... Я надела её, чтобы набраться храбрости.

Она думала, что они засмеются в ответ, но вместо этого, Рейф Рэмси просто кивнул.

— Я так и думал.

— Как униформа, — добавил Люк Риптон. — Или флаг.

Она удивилась их одобрению. Ведь они все солдаты. Она думала, что солдаты

пренебрежительно относятся к таким уловкам.

И тут она вспомнила про шпагу.

— Где ты взял шпагу? — спросила она Ники, затем повернулась к остальным и объяснила: — Сначала он размахивал чёрной тростью, а через минуту — нёсся вниз по лестнице со шпагой в руке.

— Шпага была в трости, — сказал ей Ники. — Я повернул рукоятку, и вдруг она снялась, а внутри оказалась шпага.

— Шпага-трость бабушки Герты, — одновременно сказали Гэбриэл и Гарри.

Калли была ошарашена.

— Ваша бабушка носила шпагу-трость?

Гэбриэл улыбнулся так, как будто что-то вспомнил.

— Без неё никуда не ходила. Она была весьма храброй старушкой. Насколько я знаю, она никогда не использовала по назначению лезвие, а вот трость однажды положила конец одному разбойнику с большой дороги. Паренёк вёл себя весьма дерзко, думая, что имеет дело с хилой старушонкой, пока эта хилая старушонка так саданула его по голове, что он свалился замертво.

Все засмеялись. Он поднял бокал:

— За бабушку Герту и её верную шпагу-трость.

Все выпили.

— Мы всё ещё едем в Лондон, мам? — спросил Ники, когда они осушили бокалы.

Калли бросила беглый взгляд на Гэбриэла.

— Не сегодня, Ники, — ответил он. — Мы подождём и посмотрим, припрятаны ли у графа Антона козыри в рукаве. У него есть привычка поджигать дома, так что я выставлю охрану, и мы подождём. Я перекинулся словом с сэром Уолтером о поступках графа, и он собирался его допросить. Большая белая яхта, которую мы видели пришвартованной в бухте Лалворт Коув, должно быть, принадлежит графу Антону.

— А если граф Антон не приедет? — настаивал Ники.

Гэбриэл посмотрел на Калли.

— Решать твоей матери. Всё зависит от того, чего хочет она.

Калли не встретилась с ним взглядом. *Чего хочет она.* Это было в точности так же, как он произнёс раньше: *«Ради вас я сделаю все, что угодно. Скажите только слово».*

Это звучало как обещание, как клятва.

Калли не хотела думать об этом. Отказывалась думать об этом. Теперь она была старше и мудрее, теперь она была не настолько глупа, чтобы верить благородным словам или поступкам. Но галантность — вторая натура мужчины. Некоторые мужчины такие.

Она не могла здесь оставаться. Она всё-таки была непрошеной гостьей, несмотря на то, что хозяин более чем гостеприимен. Настало время начать свою собственную жизнь. Бегство было только кратковременным решением. Ей необходимо придумать что-то более продолжительное, более долговременное.

А пока она организует защиту для Ники, хотя мистер Ренфру уже сделал это. Какая защита может быть надёжнее, чем четверо бывших солдат, точнее, пять, считая мистера Делани.

А Лондон? Она пока не была уверена, что хочет сделать со своей жизнью, но в планах определенно был Лондон.

— Да, Ники, мы поедem в Лондон, — решила она. — Тибби и мне необходимо пройтись

по магазинам.

— Все? — спросил Ники. — И Джим тоже?

Калли колебалась. Вмешался Гэбриэл:

— Вначале мне нужно перекинуться словом с Джимом наедине. Джим?

Он махнул рукой, показывая на дверь, и Джим с видимым беспокойством вышел из комнаты.

* * *

— Так, Джим, я думаю, ты был с нами не до конца честен, — начал Гэйб, как только отвёл Джима в библиотеку.

Джим, маленький, тощий и напуганный, сидел на стуле напротив. Багровая отметина от плети графа делила пополам его опухшее лицо. Она блестела из-за мази миссис Барроу. Мальчишка, как бы защищаясь, втянул голову в плечи. Уши торчали, из-за ужасной стрижки они выглядели больше, отчего его лицо казалось ещё более уязвимым. Он молчал.

Гэбриэл сказал мягко:

— Ты говорил, что твоего отца не будет неделю-две.

Джим кивнул, затем сплотнул, что было особенно сильно заметно из-за его тощего горла.

— Миссис Барроу попросила своего мужа спрашивать людей в округе, — сказал Гэйб. — Никто не видел твоего отца как минимум шесть или восемь недель.

— Вы ведь не собираетесь отправить меня в приют или сиротский дом, а, сэр? Потому что, если собираетесь, то я не пойду. Я убегу.

Джим с отчаянием на лице огляделся по сторонам, все его мышцы напряглись, как будто он приготовился спастись бегством.

— Нет, мы не отправим тебя в приют, — заверил его Гэйб.

Джим не отводил взгляда от глаз Гэбриэла.

— Вы обещаете?

— Я обещаю. Но ты должен сказать мне правду.

Джим напряженно всматривался в его лицо. Вероятно, оно выражало уверенность, потому что тело мальчугана расслабилось.

— Моего папы нет уже больше месяца. Бьюсь об заклад, он умер. Он раньше никогда не оставлял меня так надолго, больше недели никогда не оставлял.

Он шмыгнул носом и вытер его рукавом. Гэйб протянул мальчику носовой платок. Джим поблагодарил, сложил платок и осторожно засунул его в карман, так и не воспользовавшись.

— Я позабочусь о тебе Джим, если ты согласишься. Но ты всегда будешь говорить мне правду.

Мальчик обеспокоено посмотрел на него:

— Что вы хотите, чтобы я делал?

— Не уверен, — ответил Гэйб. — Пока я хочу, чтобы ты составил компанию Ники.

Джим нахмурился.

— Вы хотите сказать, присматривать за ним, потому что ублюдки, как тот тощий склизкий граф, гоняются за ним?

Гэйб улыбнулся.

— Что-то в этом роде. Я хочу, чтобы ты составил ему компанию. Ты должен будешь заниматься с мисс Тибби вместе с Ники. И делать всё, что скажет тебе миссис Барроу. А когда мы все через день-два поедem в Лондон, мы, может быть, возьмём тебя с собой. Если согласишься.

Глаза Джима округлились.

— В Лондон? Вы ведь не разыгрываете меня, сэр?

— Не разыгрываю, Джим.

Глаза мальчугана загорелись.

— Здорово! Я поеду в Лондон! И я присмотрю за Ники, и буду делать уроки, и буду таким хорошим, как золото, сэр, вот увидите!

Гэйб рассмеялся.

— Хорошо. Теперь, я думаю, нам следует провести поминальную службу по твоему отцу, ты так не думаешь?

Джим нахмурил брови.

— Вы хотите сказать, вроде церкви?

Гэйб кивнул.

— Да, точно.

— Мой папаша ненавидел церковь и священников, если вы не против, я скажу нет, сэр. Не хочу я ему никакую службу, — он посмотрел на Гэйба с мучительным выражением лица. — Если вы передумаете оставлять меня, сэр, я пойму, но... Не могу я так поступить с папой. Он был хорошим папой.

Он снова шмыгнул носом и снова использовал свой рукав.

Гэйб был тронут. Он потеревил торчащие в разные стороны волосы Джима.

— Нет, ты совершенно прав, что уважаешь желания своего отца. Но я думаю, ты должен что-нибудь сделать, чтобы попроситься с ним. Как ты думаешь, что он бы захотел, чтобы мы сделали?

* * *

Вечером, перед закатом, все собрались на пляже возле дома Джима. Миссис Барроу приготовила вкусный пирог с мясным паштетом и поминальную еду. Барроу пустил слух, и около двадцати друзей отца Джима пришли на пляж. Казалось, они отлично знали, чего бы он хотел.

Они развели костёр на пляже, принесли камни на вершину утёса и сложили пирамиду, смотрящую на море. Потом они вытащили на берег разбитый ялик, древний и не пригодный к плаванию, с большой пробоиной с каждой стороны. Рыбаки немного подлатали его, прибив доски на каждое отверстие и законопатив их горячей смолой, чтобы он хоть ненадолго стал пригоден к плаванию.

Джим кое-что принёс из дома. Он распределил вещи отца между рыбаками: его одежду, инструменты, всякую всячину, которой любой мужчина пользуется в повседневной жизни.

Вещей было ничтожно мало.

Он каждому подарил что-нибудь. Калли он подарил красивый камень с окаменелым изображением папоротника, а Тибби — с рисунком изящной раковины.

Отец Джима был талантливый резчик — среди его вещей нашлось несколько прекрасных экземпляров резных украшений. Джим вручил Ники зуб кита, на котором было

вырезано морское чудовище.

— Не показывайте это миссис Би, — прошептал Джим Барроу, протягивая ему нож с рукояткой из кости. Барроу взглянул на нож и подмигнул. На ручке оказалось непристойное изображение русалки.

Миссис Барроу Джим подарил чудное ожерелье из отполированного зелёного морского стекла.

— Это мамино, — пролепетал Джим и тотчас же отвернулся. Миссис Барроу смахнула с глаз слезу.

Гэйбу он презентовал другой нож с рукояткой из китового уса. И, наконец, он подарил маленькую деревянную коробочку Итену. Итен открыл её и его глаза широко открылись от удивления. В коробочке лежал великолепный шахматный набор из китового уса.

— Тебе лучше оставить это себе, парень, — сказал он.

Джим пожал плечами.

— Я не умею играть в шахматы. Я хочу, чтобы они были у вас.

Итен положил руку на плечо мальчика, когда тот отвернулся.

— Я сохраню это для тебя, пока ты не сможешь побить меня в шахматном турнире, — сказал Делани Джиму. Мальчик смущённо ухмыльнулся и вернулся к своим обязанностям.

После того, как основные пожитки отца были розданы, Джим положил остальное в старую лодку.

— Теперь заполните её плавником [\[15\]](#), — приказал он, и все начали собирать плавник, пока лодка не наполнилась до краев. Под руководством Джима они подталкивали старый ялик в море до тех пор, пока тот не поплыл. После этого Джим вытащил горящую головешку из костра и повернулся лицом к собравшимся.

— Как вы почти все знаете, моему папе никогда не нравилась церковь, — обратился он к собравшимся. — Но как-то он рассказал мне историю о людях, которых называют викингами, и о том, как они хоронят своих. Он говорил мне, это был бы грандиозный способ для ухода из жизни. Так что, пап, это для тебя.

Он бросил факел в лодку, дерево подхватило огонь и вспыхнуло.

— Толкай! — скомандовал он, и горящая лодка поплыла в море. Они молча наблюдали, потом один из рыбаков достал скрипку и начал играть медленную заунывную мелодию, а через мгновение какая-то женщина запела:

*Дуй, ветер, с севера,
С севера, с севера,
Тяжкие волны, вздымайтесь в ночи.
Дуй, ветер, с севера,
С севера, с севера,
Парус любимого к берегу мчи.*

*Вчера мне сказали, что видели парус,
Я кинулась к морю, смотрела, ждала —
Лишь ветер да тучи, лишь буря да ярость.
Лишь белая пена да синяя мгла.*

Когда мы простились с тобою на взморье,

*Я долго стояла вблизи маяка,
Пока не растаял твой парус в просторе,
Пока не погасли в выси облака.*

*Мне только услышать бы пение бриза,
Что весело мчится по синей волне,
И парус увидеть за дымкою сизой,
И знать, что мой милый вернулся ко мне,
И знать, что мой милый вернулся ко мне*

— Это любимая мамина песня, — всхлипнула миссис Барроу.
Рейф, Гарри и Люк стояли рядом, наблюдая.

— Однажды мальчик превратится в мужчину, — сказал Рейф.
Гарри обернулся и взглянул на Джима:

— Он уже мужчина.

На следующий день рано утром сэр Уолтер прислал весточку, что яхта графа ночью отчалила, посему чуть позже вся честная компания отправилась в Лондон. Они пустились в путь на двух экипажах. Гэбриэл правил своим карриклом, а Итен — дорожной каретой, принадлежащей двоюродной бабушке Герте. Остальные джентльмены ехали верхом. Поскольку никто особенно не спешил, лошадей они взяли своих собственных и разнообразили путешествие частыми небольшими остановками, чтобы время от времени размять ноги и дать отдохнуть животным. От случая к случаю Гэбриэл подвозил кого-то из друзей в двуколке или давал им править, а сам ехал верхом, или же кто-нибудь присоединялся к Калли, Ники, Джиму и Тибби в карете.

— Забавно, правда? — заметила Калли, обращаясь к Тибби. — Как все меняются местами.

— О да, и к тому же нас сопровождает такой лихой эскорт, — вторила Тибби. — Какое великолепное собрание мужчин — оно заставляет трепетать моё сердечко. Воистину они все необычайно красивы, как считаешь?

Калли улыбнулась:

— Да уж, несомненно.

Карета накренилась, и Калли мельком увидела Ники, восседавшего рядом с Джимом и Гэбриэлом, которые обучали его, как править лошадьми.

Тибби проследила за направлением её взгляда:

— Он так добр, не так ли? Мальчишки просто боготворят его.

— Ммм. Я предвкушаю наш пикник в Нью-Форесте, — весело защебетала Калли. — Никогда не видела столько еды.

Ей не хотелось обсуждать добрые качества Гэбриэла. Уж доброта-то была куда опасней, чем красивая внешность.

Тибби взглянула на неё:

— Должна сказать, что граф Антон совсем не оправдал моих ожиданий.

— Знаю. В этом-то и проблема. Он кажется слишком приятным, чтобы подозревать в нём дьявольские наклонности. Из-за этого люди с трудом верят в самое худшее о нем.

— Между ним и твоим мужем сильное семейное сходство?

Калли утвердительно кивнула:

— Глаза Руперта в точности, как у графа Антона — того же цвета бледно-серого льда. Волосы же Руперта более тёмного золотистого оттенка, сам он был выше и мощнее, эдакий огромный красивый великолепный лев.

— Твое описание Руперта звучит весьма привлекательно, — Тибби произнесла это с мягкой вопросительной интонацией.

— Да, разумеется. Очень.

— Я так беспокоилась за тебя. Ты была такой молоденькой, такой незащищенной, а принц был намного старше тебя. В то время я очень сожалела о своей бедности, о том, что не в состоянии позволить себе совершить с тобой путешествие и присутствовать на свадьбе. Ты, должно быть, была очень одинока.

Калли уставилась на проносящийся за окном пейзаж:

— Не стоило переживать, Тибби. День моей свадьбы был самым счастливым днём в

моей жизни.

— О, моя дорогая, я так рада.

— Я до безумия была влюблена в Руперта, если не с первого взгляда — как ты уже упоминала, я была скромна и наивна — то спустя несколько недель после свадьбы. Он ухаживал за мной, осыпая драгоценностями и дорогими подарками.

Большая часть которых сейчас зашита в подкладку её платья. По крайней мере, о них она жалеть не будет. Они позволят ей с Ники начать новую жизнь.

— Руперт был очаровательным, заботливым и внимательным.

Она вздохнула, погружившись в воспоминания. У неё почти шла кругом голова от всего этого, от постоянного внимания, которое оказывал ей такой блистательный, красивый мужчина. Ему было сорок лет, но она никогда не думала о нём как о человеке значительно старше её, разве, что он обаятелен и искушён. Подобен Богу.

— Всё было, словно в сказке про Золушку. Ежедневно мы выезжали на улицы города, и принц дарил мне цветы, а люди махали и приветствовали нас. И он при этом обнимал и целовал меня, и, о, Тибби, все было так, как мы когда-то с тобой загадывали, всё, как я мечтала. Он был Галахадом и юным Лохинваром в одном лице — ну, ты понимаешь, что я имею в виду — и таким романтичным.

— Моя милая девочка, я рада слышать об этом. Ты не представляешь, какие страдания я претерпела, когда твой отец забрал тебя и увёз прочь. Выйти замуж за мужчину гораздо старше тебя — в душе я была уверена, что такой союз счастливым быть не может.

Калли сочла правильным промолчать, глядя в окно.

Спустя несколько мгновений Тибби отважилась заговорить снова:

— Так ведь? Если он воплощал всё, о чем ты мечтала...

— Нет. Не так. Это было лишь в моём воображении.

— О.

— Со временем я обнаружила, что он совсем не любит меня. И никогда не любил. Я ему даже не очень нравилась. Это всё было сплошь показное, и поскольку он был таким красивым и очаровательным, был столь искушенным, а я была всего лишь глупым, мечтательным, романтичным, доверчивым ребёнком... — она оборвала фразу, знакомая горечь стыда подкатила к горлу.

Тибби накрыла руку Калли своей:

— Мне жаль, моя дорогая, мне так жаль.

Калли затрясла головой и попыталась улыбнуться:

— Сейчас уже все осталось далеко в прошлом. Теперь я совсем другой человек.

Она испытала облегчение, что Тибби не спросила, как она открыла, что Руперт не любил её. Этот секрет она не могла поведать даже Тибби. Хотя прошло столько времени, но некоторые шрамы заживают долго. И всё ещё могут причинять боль.

— Ты ещё молода, — начала Тибби. — И можешь попытаться снова...

— Нет! Я больше не вынесу этого!

Калли выровняла дыхание и продолжила более спокойным тоном:

— Я больше никогда не совершу ошибку, снова выйдя замуж. Ты даже не представляешь, с какой надеждой я смотрю в будущее, чтобы самой распоряжаться своей жизнью, выбирать самой, чем заниматься, что носить, есть или читать. Ни за что не откажусь от своей независимости.

Она одарила Тибби сияющей улыбкой.

Лишенная иллюзий Тибби только пожалала руку Калли.

Калли смотрела в окошко, прилагая все силы, чтобы вернуть спокойствие. Она не заплачет. Она даром растратила столько слёз по вине Руперта.

Больше этого не случится никогда. Ни из-за Руперта, ни из-за любого другого мужчины. Каким бы добрым он ни был.

Она заметила мелькнувший впереди каррикль. Руперт тоже был добр с животными и детьми. В том, как он обращался с сыном, не было недоброжелательности, просто нечувствительность. Он был суров с Ники ради блага мальчика. И считал, что поступает правильно.

В основе неспособности Руперта скрыть свое разочарование сыном лежало обыкновенное бездушие.

Не говоря уже о его жене.

Они въехали в Нью-Форест. В лесу было тише, древесная растительность покрылась и зеленела свежей листвой. Деревья стояли не так часто, как ожидала Калли. Местами даже были широкие поляны, на которых паслись без присмотра кони.

В Зиндарии лес был гуще и темнее. Охотничий домик Руперта располагался далеко, в самой чаще лесных угодий. Она побывала там лишь однажды.

Чем совершила самую большую ошибку в своей жизни.

Руперт часто отправлялся на охоту, почти каждую неделю. Временами пропадал там ночь или две, иногда больше. Зависело, как он говаривал, от игры.

Она-то думала, что он имеет в виду животных.

Женщинам не дозволено, предупреждал он. В те дни она не могла выносить разлуку с ним. И скучала по нему до боли, которая приносила почти телесные страдания.

Тогда он уехал на неделю и собирался остаться еще на одну.

Но в начале второй недели она узнала просто замечательные новости. Её месячные всегда были регулярны, как часы, но в этот раз у неё случилась двухнедельная задержка. Грудь приобрела чувствительность и слегка побаливала. И три утра подряд она просыпалась с ощущением тошноты.

Она было решила, что больна, но её горничная пришла в великое возбуждение, когда как-то утром Калли стошнило.

Калли помнила испытанную ею радость, когда она узнала, что ждёт ребёнка.

Калли была так взволнована, что не могла дождаться, когда же придет домой Руперт. Она знала, что муж отчаянно желал иметь сына. Приказав заложить карету, она отправилась в лес, в его охотничий домик. Калли помнила каждое мгновение этой поездки. Тогда тоже была весна, и так же всё вокруг пышно расцветало. Ей попадались белоснежные крошечные ягнята с длинными болтающимися хвостиками, длинноногие изящные жеребята рядом со своими мамами. В лесу ей удалось мельком заметить олениху, обнюхивающую пугливого малыша на тонких ножках. Это зрелище почти до слёз растрогало её.

Калли ощущала радостное единение с этим новым драгоценным миром, плодовитым, щедрым, счастливым: ведь она собиралась сама стать матерью.

Она загодя не послала в охотничий домик слуг, чтобы предупредить Руперта. Хотела сделать ему сюрприз. И сделала.

Он лежал полураздетый на толстой шкуре у камина. На нём верхом восседала женщина, сладострастное воплощение валькирии, с водопадом струящихся по спине и пышной груди золотистых локонов. Она склонилась над ним и тёрлась своим бюстом о его обнажённую

грудь, приговаривая с придыханием девчоночьим голоском:

— О, Уюпет, Уюпет, мой любимый уси-пуси Уюпет.

Дамочка говорила на зиндарийском, но Калли не составило труда распознать передразнивание своего английского акцента, и предмет жестокого подражания.

Её саму.

Калли застыла, как вкопанная, не в силах пошевелиться, а женщина все продолжала и продолжала болтать этим ужасным детским голоском, подобием голоса Калли.

Она смутно вспоминала, как подумала в тот момент, что никогда не называла его «Уюпет», сроду не произносила ничего подобного этому «уси-пуси» и уж тем паче не разговаривала этим ужасающим детским голосочком. Зато всё остальное — акцент, слова, чувства — было страшно, стыдно и точно. Она ведь именно эти фразы говорила Руперту — но только наедине.

Так что эта женщина могла услышать их единственным образом — от Руперта. От боли и унижения в душе Калли всё перевернулось.

Чем дальше изгалялась в этом приторно сладком передразнивании Калли женщина, тем больше Руперт от души смеялся, такого хохота от своего мужа Калли прежде никогда не слышала. Пока, наконец, он не приказал той женщине прекратить, говоря, что наслушался этого тошнотворного лепета дома, и напомнил Валькирии: он приехал сюда, чтобы сбежать от всего этого. Ему хотелось женщины, а не общества унылого до слепоты влюблённого дитя.

А унылое слепо-влюблённое дитя решило прочистить горлышко, чем привлекло их внимание и вызвало потрясение. Они не двинулись с места, чтобы прикрыться, только, уставившись, глазели на неё со своей шкуры.

Каким-то образом — она не имела представления, как — ей удалось сохранить внешнее самообладание. Кое-какие обрывки фамильной гордости придали жёсткость её прямой осанке шестнадцатилетней девушки. Калли не желала устраивать сцену. Она скорее умерла бы, чем выказала боль и душевное страдание перед ними: перед мужем, который так безжалостно предал её, перед этим голым великолепным бесстыдным созданием, которое так омерзительно передразнивало её.

Тихим холодным голосом Калли соизволила объявить, дескать, она приехала сообщить Руперту, что ждёт ребёнка, а поскольку дело сделано, то сейчас же возвращается во дворец. Они всё ещё не шелохнулись, когда она повернулась и покинула их.

Она вышла, пребывая в том же отстранённом застывшем состоянии — она не имела понятия, как добралась до кареты. И стоило ей благополучно оказаться внутри, стоило карете без промедления отправиться через лес, как хлынули слёзы.

Всю дорогу до дома она безутешно рыдала, удушливые всхлипы обжигали горло и раздирали ей грудь, и плакала она чуть ли не до тошноты.

Снова и снова она слышала голос женщины, презрительно произносящий дорогие её сердцу нежности, которые Калли нащёптывала на ухо мужу. Память жгло воспоминание о том, как от души хохотал Руперт. *Тошнотворный лепет*, вот как он это называл.

Калли всё плакала и плакала. Лес становился всё более дремучим, тёмным и старым, этот лес впитывал её боль, как забирал тысячелетиями людские страдания, и к тому времени, когда карета добралась до дворца, слёз у Калли уже не осталось.

Многие ли во дворце знали, что Руперт не любит её? Она решила, что все. Она ведь и не пыталась скрывать свои чувства. Её переполняли любовь и счастье, и по глупости Калли

считала, что весь мир разделяет её радость.

Она выставила себя перед Рупертом полной дурой.

Никогда больше этого не будет, поклялась Калли. Никогда.

И клятву она сдержала. К тому времени, когда Руперт вернулся во дворец — а произошло это спустя два дня — и заговорил с ней, она заковала себя в броню, отгородившись от него, от стыда, глубоко запрятанного в душе и угрожающего вырваться наружу.

Муж преподнес ей то, что посчитал извинениями: он оповестил её о своём сожалении, что она застала его с любовницей, но ведь её предупреждали о приватном статусе охотничьего домика. Ей не следовало ни в коем случае туда приезжать. Посему-то затруднительное положение или неловкая ситуация, в которую она попала, — её же собственная вина. Калли согласилась. Тихо и спокойно. Затем возобновила шитьё, ясно дав понять, что разговор закончен. Казалось, он испытал облегчение.

С тех самых пор она обращалась с ним с прохладной вежливостью. Спустя два месяца после того ужасного дня в охотничьем домике, муж поздравил её с тем, что она, наконец, выросла. Он приписал это зрелости, пришедшей с беременностью. Сказал, что гордится ею.

Когда родился Ники, Калли излила всю свою любовь на сына.

Полгода после рождения Ники Руперт не приходил в её постель. В конце концов, его главной целью было завести потомство. Они совокуплялись быстро, тщательно и более или менее в молчании. Он посещал её раз в месяц, но больше у Калли никогда не было детей.

Позже она слышала, как он уверял людей, что, не считая её неспособности дать ему больше детей, она стала идеальной супругой.

Калли пристально рассматривала в окно Нью-Форест. Это был не дремучий и безмолвный лес Зиндари, а она больше не жалкая молоденькая беременная женщина, почти дитя, с которого будто содрали кожу по безрассудству собственных чувств. Она уравновешенная, достигшая зрелости вдова, свободная в выборе той жизни, которую желала для себя и своего ребенка.

И в этой жизни нет места ни одному мужчине — ради её же спокойствия.

* * *

Они выбрали место для пикника на солнечной поляне у журчащего ручья. Вокруг них простирался лес, тихий и пронизанный солнцем.

Тибби с Калли расстелили покрывала и салфетки и распаковали корзинки с едой, пока мужчины и мальчики присматривали за лошадьми. Гэйб вручил Ники повод и дал указание сводить коня к водопою. Он взглянул на Калли. Когда взоры их встретились, она отвела глаза. Она не смотрела на него в упор с тех пор, как он предложил ради неё убить графа.

Он явно ее отпугнул. Вне всякого сомнения, она восприняла серьёзно его утверждение, что он хладнокровный убийца. Он решил, что надо быстро что-то с этим делать.

— Миссис Барроу превзошла саму себя, — заметил Гэйб, обводя взглядом развернувшуюся картину.

— Да, нам никогда со всем этим не управиться, — подтвердила Тибби.

Тут были варёные яйца, бутерброды, большой пирог с яйцами и беконом, домашняя дорсетская колбаса, запечённые цыплята. Присутствовали также красные и зеленые яблоки, пирожки с джемом, сливовый торт, украшенный кучей фруктов, и вершина всего —

яблочный пирог миссис Барроу, столь любимый Ники. Были и эль, имбирное пиво, вино и холодный сладкий чай в бутылках. Миссис Барроу предусмотрела всё.

Гэйб засмеялся:

— Вы не поверите, мисс Тибби. Здесь пятеро мужчин, которые слишком долго жили в армейских условиях, чтобы дать пропасть даром лакомствам миссис Барроу.

Он присел рядом с Калли и стал разливать напитки, пока остальные появлялись один за другим. Она не отодвинулась, хотя незаметно убрала юбку, чтобы та не касалась его ноги.

Решив проверить, Гэйб как бы случайно подвинул ногу и коснулся её юбки. И вновь, даже не взглянув в его сторону, она отодвинулась. Ну, ладно, принцесса стесняется. И стесняется больше, чем при первой встрече.

Лишь Гарри, Рейф, Люк, Итен и Ники присоединились к ним, мисс Тибби вознесла благодарственную молитву, и все приступили к еде.

Это была трапеза, лишённая церемоний, а позже мисс Тибби поведала мальчикам историю Нью-Фореста, как лес здесь стоял вечно, и как Вильгельм Завоеватель решил устроить тут заповедник для ланей, на которых любил охотиться, и посему выдворил многих жителей, ценя животных тварей выше людей.

— Это принесло ему и его семье только несчастье, — вмешался Рейф. — Его сын, Вильгельм Руфус, требовал неукоснительного выполнения законов и ужасно калечил тех, кто их нарушал. Его убили прямо здесь, в этом лесу.

Люк добавил:

— В него попала стрела, когда он охотился с товарищами. Его приятели бросили его тело там, где оно упало. Позже его нашёл угольщик и привёз в своей тележке.

— А мораль сей истории, юный Ники, такова, — закончил Рейф, — удостоверься, что завёл настоящих друзей в жизни. — Все мужчины, как один, подняли свои кружки и провозгласили тост за верную дружбу.

— Как вы все, — заметил Ники.

— Мы и в самом деле друзья, — подтвердил Гэбриэл. — В горниле войны куётся дружба. Я попросил Гарри, Рейфа и Люка о помощи, когда вы с мамой оказались в затруднении, и они явились, в чем я лично не сомневался.

— Мистер Делани рассказывал мне, что в армии вас называли Всадниками дьявола, потому что вы все скачете на лошадях, как дьяволы. И даже чёрт вам не брат.

Гэйб пожал плечами:

— Люди любят поболтать. Мы просто любим быстрых лошадей — вот поэтому-то и устраиваем эти рискованные скачки.

Но Ники не дал себя увести в сторону:

— Мистер Делани также говорил, что вас ещё величали Архангелами Герцога, — добавил Ники.

— Верно, герцог Веллингтон однажды обронил такую фразу — в тот раз он послал нас с депешами — и прозвище с тех пор прижилось. Тогда нас было пятеро, но беднягу Майкла убили, — поведал мальчику Гэбриэл. Все молча выпили за Майкла.

— А почему ангелы? — спросил Ники.

— Возможно, из-за их имён, Ники, — подсказала мисс Тибби. — Архангелов звали Михаил, Гавриил, Рафаил и ... — она заколебалась.

— Люцифер, который был падшим ангелом, — объяснил Люк. — Меня нарекли при крещении Люцианом, что довольно близко по звучанию.

Ники огорченно взглянул на Гарри:

— Так вы не ангел, мистер Морант?

Быстро же Ники стал одним из преданных поклонников Гарри, подумал Гэйб. Гарри мог бы обскакать любого из них, и только за маленьким мальчиком ему не угнаться.

— Ладно, Гарри был одним из архангелов герцога, — произнес Рейф. — Разве не так, Гарольд?

Гарри криво ухмыльнулся:

— А то как же.

Ники выглядел озадаченным:

— Разве в Англии есть ангел по имени Гарольд? Что касается нас, то в Зиндарию такого нет.

Мисс Тибби нахмурилась:

— Нет, у нас в Англии тоже нет такого ангела.

Она повернулась к Рейфу:

— Никогда не слышала об ангеле по имени Гарольд.

Мужчины, все как один, изобразили удивление, и Гэйб в свою очередь тоже. Шутка была стара как мир.

Итен наклонился вперед:

— Наверняка вы слышали, мисс Тибби. Разве вы не поёте о нём каждое рождество?

Тибби нахмурилась еще больше:

— Что-то не припомню.

Итен добавил:

— Так вы не знаете гимн «Ангелы Гарольды весть нам воспоют»^[16]?

Мисс Тибби запыхтела в притворном негодовании, а затем присоединилась к всеобщему веселью.

Даже Калли рассмеялась, отметил Гэйб. На мгновение её лицо просветлело. Он решил увлечь её в укромный уголок и выяснить наедине, что за беспокойство её гложет.

После пикника Гэбриэл пригласил Калли покататься в каррикле с ним и Ники.

— О да, мама, — восторженно принял предложение Ники. — Поедем, ты посмотришь, как я правлю лошадьми. Это так здорово.

Она казалась пойманной в ловушку. Желание доставить сыну удовольствие боролось в ней с намерением избегать Гэйба. Как он и рассчитывал, победил Ники, и Калли, притворившись весёлой, направилась к экипажу.

Женщина держалась неприступно, пока Гэйб подсаживал её в экипаж. Он уже совсем было усадил и Ники, и тут, точно по уговору, подъехал Гарри и спросил:

— Ники, ты не желаешь прокатиться немного со мной на лошади?

Глаза мальчика широко распахнулись.

— Да, пожалуйста, сэр, — горячо откликнулся он, как и рассчитывал Гэйб, и прежде чем мать Ники успела вымолвить хоть слово, Гэбриэл поднял мальчика и передал брату.

— Он любит быструю езду, — предупредил он Гарри, который подмигнул ему и отправился прочь.

Гэйб ловко забрался в экипаж, устроился рядом с принцессой и взял в руки поводья.

Мгновение она не произносила ни слова, потом промолвила:

— Полагаю, вы весьма довольны собой.

— Так и есть, — согласился Гэйб, в глазах его блеснул огонёк. — Моя стратегия

сработала в совершенстве. Ваш сынишка занят, а я остался наедине с вами. Что может быть лучше?

Она ничего не ответила.

— Вы думали, я буду отрицать, верно?

Калли засмеялась:

— Ничто не убедит меня, что вы заранее не сговорились со своим братом. Что ж, последние несколько минут я только и делала, что придумывала ругательство позабористей, а вы попросту выбили почву у меня из-под ног.

— Давайте, ругайтесь сколько душе угодно, если это сделает вас счастливой, — предложил Ренфру. — Обещаю, я буду, как полагается, сокрушён и подавлен.

Калли скептически выгнула брови:

— Подавлен до такой степени, чтобы остановить экипаж и позволить мне вернуться в карету?

— Нет, не до такой степени. К несчастью, я совсем не восприимчив к брани. Вините в том мой военный опыт: в армии наслушаешься самой громогласной и отборной ругани. Эти грубияны напрочь подорвали мою способность ощущать себя подавленным.

— Сомневаюсь, что вы вообще когда-либо были чрезвычайно удручены.

Гэйб ухмыльнулся, глядя на неё:

— Видите? Я знал, что вам понравится бабушка Герта. Здесь она бы с вами согласилась. Заметьте, она бранилась лучше всех в мире, и раз или два близко подходила к тому, чтобы довести меня до несчастного состояния.

Калли вновь засмеялась.

— Вот так, уже лучше, — заметил Гэбриэл. — Вы выбирались из кареты с таким изнурённым и унылым видом, что я забеспокоился, не заболели ли вы. Впрочем, хорошая еда, немножечко свежего воздуха, чуток шуток — и мир покажется вам краше. На ваших щеках опять цветут розы. И, взгляните, с мисс Тибби творится то же самое.

Они оба посмотрели в ту сторону, где на облучке рядом с Итенем восседала мисс Тибби. Гэйб надеялся, что Итен отдаёт себе отчёт в том, что делает, поощряя такое знакомство. Должно быть, Итен предложил мисс Тибби такой порядок расположения сидячих мест: леди, подобной Тибби, никогда бы и в голову не пришло проехаться рядом с возницей.

Гэйб помрачнел. Не похоже, чтобы Итену приходилось часто иметь дело с уважаемыми леди. Согласно своему положению, эти двое находились на противоположных концах общественной лестницы.

Он знал, что в Итене было определённое грубое очарование. Испанские и португальские леди явно оценили его по достоинству. Но то было военное время, а война заставляет людей совершать поступки, которые они бы себе не позволили, сложились обстоятельства иначе.

Сейчас все изменилось. Гэйб надеялся, что Итен об этом помнит.

Они подъехали к поляне, и Гэйб вдруг натянул поводья, придержав лошадей.

— Взгляните, — произнёс он, указывая на ланей, пасущихся на нежной травке у опушки леса. Они наблюдали за животными, пока те не скрылись в лесу.

— Кажется, они подумали, что мы будем в них стрелять, — высказала свое мнение Калли.

— Я вовсе не хладнокровный убийца, — тихо произнес Ренфру.

Калли бросила на него удивлённый взгляд:

— Я не имела в виду...

— Речь не о ланях, а о том утре, когда появился граф. Вы с тех пор едва ли достаиваете меня взглядом.

Калли, поражённая, уставилась вдаль. Он подумал, что она презирает его за содеянное. Как он был неправ. Ведь всё было совсем наоборот.

Гэбриэл продолжил:

— Раз уж мужчина начинает жечь дома женщин и пытается убить детей, его необходимо остановить. Признаюсь, я бы предпочёл, чтобы этим занялся закон, но если наступит решающий момент, я без колебания убью подонка. И нисколько не буду об этом жалеть, — он помолчал немного и взглянул на неё: — Но я никогда не обижу вас или Ники, или любую другую женщину или дитя.

— Вы думаете, я этого не понимаю? Конечно, я знаю, что вы не причините нам боль. Вы сама доброта, и ничего больше.

Если бы хоть один человек в Зиндании выслушал её, поверил бы, как этот мужчина... но люди не прислушались. Она вынуждена была пересечь континент и переплыть Ла-Манш, чтобы найти его, единственного человека, который ей поверил и без колебаний объявил себя её защитником.

Самым настоящим сэром Галахадом.

Но как Калли могла сказать ему это, не открыв своё сердце? То есть то, что она думала, могло быть у неё в сердце, если бы только она отважилась в него заглянуть. Но она не смела, просто не могла. Не могла пройти через всё это снова.

Он сказал о себе, что защитил бы любого ребёнка, любую женщину. Так поступал и Галахад.

— Простите, я неосознанно избегала вас, — солгала Калли. — Это всего лишь потому, что я так занята своими мыслями.

— Я понимаю, — Гэйб взял её за руку и сжал пальчики. — Я просто беспокоился, что мои действия тем утром вызвали у вас отвращение.

— Отвращение? — воскликнула Калли. — Нет, я подумала, что вы герой!

— Я бы не зашёл так далеко, — произнёс Гэбриэл. — Только не затем, чтобы вы пугались меня.

Это зависит от того, что понимать под словом «пугаться», подумала Калли.

То утро перевернуло всю её жизнь. Противостояние графу Антону вернуло ей маленькую частицу гордости. Она совершила нечто, чего никогда раньше не делала: повела себя как правящая принцесса. И люди поверили ей. Даже граф Антон поверил ей.

Это была весьма важная мысль.

А когда Гэбриэл сказал, что убьёт ради неё графа Антона, он предложил ей самый серьёзный выбор из всех существующих: право на жизнь, или смерть. Ради того, чтобы защитить её сына.

Калли не сомневалась, что он это сделает. И Гэбриэл принял бы на себя ответственность, взял бы этот грех на душу.

Он отдавал себе полный отчёт в том, что делал. А как иначе он мог — вояка, офицер с восьмилетним стажем? С судьёй под боком, предостерегающим его о последствиях. Что, дескать, это преступление, за которое полагается повешение.

В лучшем случае ему бы пришлось покинуть страну и жить в изгнании.

И он бы всё это сделал ради неё, ради Калли.

Так тщательно построенная стена, которую она возвела вокруг своего сердца с тех пор, как прогулялась в охотничий домик восемь лет назад, оказалась под угрозой.

Стать вновь такой уязвимой перед мужчиной?

Да, Калли боялась его. Он напугал её до смерти.

* * *

В дороге они останавливались несколько раз на ночлег. В первую ночёвку Итен подошел к Тибби и спросил, нельзя ли перемолвиться с ней словечком наедине. Та согласилась.

— Мисс Тибби?

В комнате было совсем не жарко, но Итен обливался потом.

— Да, мистер Делани?

— Я вот тут подумал...

— Да? — она вопросительно наклонила голову.

Итен попытался пальцем ослабить воротник. Тот был слишком тесен. Он потратил часа полтора, чтобы повязать шейный платок, как полагается, а теперь чертова штукавина душила его. Итен прочистил горло.

— Мисс Тибби, как вы знаете, я собираюсь заняться торговлей вместе с мистером Морантом. И с мистером Ренфру, конечно, — запоздало добавил он. В этом рискованном предприятии движущей силой был Гарри Морант.

— Да, я знаю. Звучит как весьма волнующее начинание.

— Так и есть. Беда в том, мисс Тибби... тут такое дело... в общем, мне нужно учиться. Если я хочу быть партнёром наравне со всеми, то есть. И дело не в деньгах. Или в чутье на лошадей. Или в работе.

— Разве?

— Да.

Ему хотелось разорвать шейный платок. Он сделал круг по комнате:

— Мисс Тибби, я хочу нанять вас для одного дела.

— Но, мистер Делани, я ничего не знаю о лошадях и лошадиных скачках. И не понимаю в торговле.

— Нет. Не за тем.

Итен вытащил платок и промокнул лоб:

— Как партнеру в делах, мне необходимо знать кое-какие вещи, чтобы быть на одной ноге с людьми, с которыми придётся иметь дело.

Тибби выглядела озадаченной, потом её лицо просветлело:

— Вы имеете в виду, что хотите обучиться с моей помощью, как вести себя в обществе?

— Нет, — Делани махнул рукой. — Я достаточно вращался среди офицеров, чтобы усвоить, как корчить из себя джентльмена, если понадобится.

— Мистер Делани, — тут же произнесла Тибби с упрёком. — Вам нет надобности «корчить из себя джентльмена», как вы сказали. Вы самый настоящий джентльмен, лучше многих в обществе. Уж поверьте мне, я-то знаю.

— Спасибо, — произнес Итен после секундной паузы. Неожиданный комплимент сразил его — а ему и так уже было не по себе. Он вернулся к главной теме. Пора покончить с этим делом, даже если это убьёт его: — Скажу вам правду, мисс Тибби, у меня отнюдь нет

желания быть тем, кем я не являюсь, но есть вещи, которые я хотел бы узнать. И хочу нанять вас, чтобы вы обучили меня им.

— Но, мистер Делани, чему я могу научить вас?

Итен сделал глубокий вздох.

— Книги, — прохрипел он. Вот, выложил, наконец-то.

— Книги? Какие книги?

— Всякие книги. Все, какие есть.

— Я не понимаю.

Итен выпрямился, словно стоял перед расстрельной командой, и выдал:

— Я не умею читать, мисс Тибби. И писать.

Она не вымолвила ни слова.

Через мгновение он взглянул на неё. Карие глаза мисс Тибторп широко распахнулись и смотрели прямо ему в лицо.

— Мистер Делани, — произнесла она тихо. — Я почти за честь научить вас читать и писать.

Лондон оказался больше, чем она его помнила. Больше, шумнее, грязнее и производил захватывающее впечатление. Калли стало немного тревожно.

Она поссорилась с Гэбриэлом за завтраком. Он повел себя весьма неблагоразумно. Калли просто попросила его порекомендовать отель, а он недвусмысленно заявил ей, что она не остановится ни в одной гостинице. Она должна остановиться у его тетушки, леди Госфорт, и точка. Он заранее написал тете Мод, и она уже ожидала их приезда.

Калли заметила, что ничего не имела против его тети и ее гостеприимства. Его тетя будет очень рада, подчеркнул он, и на этом покончим. Калли не понимала, как может обрадоваться любая тетя навязанным ей незнакомым людям. Он издал нечленораздельный звук и сказал, что знает свою тетушку куда лучше, чем она.

Маленькая кавалькада подъехала к внушительному дому на Маунт-Стрит. Гэбриэл помог Калли и Тибби выйти из фаэтона и сопровождал их по лестнице до входных дверей. Двери плавно открылись, как только они оказались перед ними.

— Добрый день, Спроттон. Надеюсь, чувствуешь себя хорошо?

Дворецкий с достоинством поклонился.

— Добрый день, мистер Гэйб, надеюсь, ваше путешествие было приятным и прошло без приключений. Позвольте мне выразить радость по поводу того, что вижу вас здесь, сэр! Леди, — он поклонился Калли и Тибби, — леди Госфорт просила меня сопроводить всех вас наверх, чтобы вы умылись и привели себя в порядок...

— Да, я так сказала, — прервала его высокая, изысканно одетая матрона с римским носом, — но потом решила, что не могу дожидаться встречи с вами.

Она проплыла вперед, раскинув руки в теплом приветствии, что совершенно не соответствовало строгому выражению ее лица.

— Знаю, что верх невнимания — приветствовать вас, мои дорогие, сразу после долгой и утомительной дороги, но, надеюсь, вы меня простите за это. Как поживаете? Вы Прин... — нет, — миссис Принн, конечно. Я знаю, Гэбриэл, видишь? И я очень осторожна... Какие у вас потрясающие глаза, моя дорогая! А вы?.. — она повернула свой длинный нос в сторону Тибби.

Калли встрепенулась, ища возможные варианты объяснения.

— Мисс Тибторп — моя... моя фрейлина! — она не хотела, чтобы кто-то смотрел на Тибби свысока. — И мой, э-э, конюший ждет снаружи с... с компаньоном моего сына. Прощу прощения, я не хотела доставить вам беспокойство, но ваш племянник...

— Глупости, никакого беспокойства. Мой племянник был абсолютно прав, когда решил привезти вас сюда. Предполагаю, ваши горничные и лакеи последуют за вами. Им всем окажут гостеприимство. Я счастлива, что принимаю таких гостей, ведь сезон уже закончился и, кстати, был весьма утомительным, к тому же мой дом слишком пуст.

Она протянула руку Тибби и сказала:

— Добро пожаловать, мисс Тибторп. А вы, разумеется, Николас.

— Николай, — поправил принц, затем вежливо поклонился и щелкнул каблуками.

— Какие замечательные манеры, Николай! Прощу заметить, Гэбриэл, это дитя поприветствовало меня, а ты — нет.

Гэбриэл иронично поклонился и усмехнулся:

— Я ждал, пока вы переведете дух, тетя Мод.

— Чепуха, ты прекрасно знаешь, что в любом случае не смог бы вставить и слова. Теперь, все идите наверх. Спроттон проводит вас до ваших покоев и позаботится о горячей воде. Вы сказали, ваши горничные следуют за вами?

— Нет, — неловко призналась Калли. Ни одна леди не станет путешествовать без горничной.

— Она потеряла горничную, лакея и пару грумов во время шторма, — объяснил Гэйб своей тете, — их смыло за борт по пути в Англию. Ужасная трагедия. Когда я встретил миссис Принн, она и ее сын только что выбрались из моря и были промокшими до нитки.

Леди Госфорт округлила глаза.

— Какой ужас, мои милые. Как вам повезло, что вы с Божьей помощью выжили. Полагаю, то же самое несчастье случилось и с вашими вещами. Не беспокойтесь, моя горничная поможет вам, а завтра мы обеспечим вас новой одеждой. Чай подадут через полчаса. Гэбриэл, куда ты идешь?

Гэбриэл, который уже шел к парадным дверям, обернулся:

— Я остановлюсь в моем клубе...

— Глупости, ты останешься у меня, и так же поступит твой отчаянный брат. И не пытайся убедить меня, что его с тобой нет, потому что я своими глазами видела, когда выглядывала в окно, что он сидит на довольно хорошей гнедой и выглядит при этом, как всегда, прекрасным и задумчивым. И он с тем привлекательным юношей Рэмси и еще с тем, другим — ты знаешь, как его зовут? — тот, по которому сохнут все девицы. Божественно красивый с губительно притягательным выражением трагизма на лице.

— Люк Риптон, — подсказал Гэбриэл, стараясь не улыбаться.

— Вот именно, сын Риптонов! И там есть еще один мужчина, который выглядит, как настоящий боксер. Тот, который с маленьким мальчиком, сидящим рядом с ним, — он ведь не грум, не так ли? Он не похож на грума.

— Нет, это, э-э, конюший миссис Принн и товарищ ее сына.

— Он выглядит весьма интересным. Пойди туда и скажи, что все приглашены на чай, и я не принимаю возражений! Повар испек лимонные пироги с творогом, имбирные пряники и немного новомодных сахарных вафель, которые он начиняет взбитыми сливками. Мне это совершенно определенно кажется извращением. А вы с Гарри не останетесь в своем клубе, — она властно посмотрела на Гэйба поверх длинного носа, — ну что ты, Гэбриэл, шевелись. Отведи лошадей в стойло, иначе они замерзнут на этом ужасном ветру.

Гэбриэл иронично поклонился, затем подмигнул Калли, которая старалась не рассмеяться.

— Теперь вы знаете, почему я боюсь женщин.

Обе — Калли и леди Госфорт — недоверчиво фыркнули. Леди Госфорт с улыбкой повернулась к Калли.

— Моя дорогая, вижу — вы все, что только нужно моему племяннику.

— Но я не... — начала было Калли.

— О, и, Гэбриэл, — позвала леди Госфорт, — твой брат Нэш был здесь. Он искал тебя. Лицо Гэйба напряглось.

— Ко мне это не имеет никакого отношения.

Леди Госфорт закатила глаза.

— Это имеет отношение к тебе... и к твоим гостям тоже, — она кивнула в сторону

Калли и Ники и одарила Гэйба взглядом, который не пристало демонстрировать перед ребенком, — Нэш пообедает с нами сегодня и все объяснит.

Она повернула к нему свой острый длинный нос:

— Но сначала чай. Передай остальным молодым людям, что я жду их. Теперь поторопись и позаботься о лошадях!

Он иронично отдал ей честь.

— Слушаюсь, генерал Госфорт.

* * *

Нэш Ренфру приехал за час до обеда.

— Есть один парень, иностранец, — сказал он Гэйбу, когда они остались наедине, — граф из какой-то непонятной маленькой страны, заявляющий, что мистер Ренфру, сын графа, незаконно удерживает главу его государства у себя. Министерство иностранных дел думало, что он имеет в виду меня, но это очевидная чепуха, поэтому все теперь указывает на тебя, хотя лично я думаю, что его история просто небылица. Он говорит, ты удерживаешь у себя наследного принца Зан... Зендар...

— Зиндари, — подсказал ему Гэйб.

Глаза Нэша сузились.

— Ты хочешь сказать, что знаешь, о чем он говорит?

— Да. Леди, которая в настоящее время занимает лучшую спальню тети Госфорт, приходится наследному принцу матерью. А тот парень, которого ты встретил, белокурый щеголеватый очаровашка по имени граф Антон.

— Боже мой. Но это же ужасно.

— Это он ужасный тип.

Нэш сделал нетерпеливый жест.

— Это серьезно, Гэбриэл. Это государственные вопросы. Он утверждает, что наследный принц был незаконно увезен из страны и его должны вернуть.

Гэйб пожал плечами.

— Мать увезла наследного принца из страны, потому что его пытались убить. Ему только семь лет, и, будучи его матерью, она естественно постаралась защитить его.

Нэш нахмурился.

— Я бы хотел, чтобы ты был более серьезным. Все это ведет к тому, что разразится международный скандал.

— Я чертовски серьезен, — заверил Гэйб, — жизнь ребенка действительно в опасности.

— Этот граф Антон является регентом. Он бы нес полную ответственность за безопасность мальчика.

— Он именно тот тип, который пытается убить принца. Он ведь следующий по линии наследования, кто займет трон.

— Ах, да, понимаю, — Нэш нахмурился, — какая запутанная ситуация, однако.

— Ничего запутанного в этом... — начал было Гэйб.

Нэш покачал головой.

— Ситуация очень деликатная. Граф Антон направил официальную жалобу на самом высоком уровне, и это означает, что наше правительство будет вынуждено действовать.

Гэйб подался вперед.

— Ты ведь не хочешь передать ребенка...

— Не я, а правительство. Я всего лишь незначительный служащий государства.

— Ребенок принадлежит матери...

— Только не по законам Зиндари. Как наследный принц он принадлежит своей стране. И в любом случае он — гражданин Зиндари.

— Его мать англичанка.

Нэш покачал головой.

— Нет. Когда она вышла замуж за принца Руперта, то стала гражданкой Зиндари. Последние два дня я только и делал, что изучал все аспекты этого вопроса.

— Хотя ты и не верил, что это имеет ко мне какое-то отношение.

Брат окинул его испепеляющим взглядом.

— Даже из того малого, что я о тебе знаю, странная подоплека этого случая, мне показалось, очень тебе подходит.

Гэйб сухо улыбнулся.

— Ты знаешь меня куда лучше, чем я предполагал.

Нэш наклонился вперед, и его лицо внезапно стало серьезным.

— Гэбриэл, мне бы очень хотелось развеять семейную отчужденность. Теперь, когда наши родители мертвы, мы можем оставить позади их жалкую глупость, все их деяния и наконец вести себя как подобает настоящим братьям.

Гэйб приподнял бровь.

— Настоящие братья? — саркастически изрек он. — Когда я... э-э, как ты и твой брат меня называли? Узаконенный ублюдок. А Гарри был незаконным ублюдком. Воображали себя такими умниками.

Нэш покачал головой.

— В то время мне было одиннадцать, Гэбриэл, а Маркусу — тринадцать, и мы оба повторяли только то, что наш отец говорил о вас, и я признаю — это было глупо и жестоко. Я давно принес свои извинения и готов сделать это снова столько раз, сколько потребуется, чтобы ты меня простил, потому что я сильно раскаиваюсь в этом. Если бы отец когда-нибудь увидел тебя, он бы понял, что ты наш настоящий брат.

— А Гарри?

Нэш тщательно выбирал слова.

— Я признаю его как своего незаконного единокровного брата.

Гэйб фыркнул.

— Как благородно с твоей стороны. Я отношусь к нему, как к настоящему брату, и не признаю меньшего. Он такая же жертва безумия отца, как и я. И Гарри единственная семья, которую я когда-либо знал: Гарри, двоюродная бабушка Герта, и с последних школьных дней — тетя Госфорт. Гарри — мой брат, мой школьный друг, товарищ по оружию. А ты и твой брат незнакомцы для меня.

— Не говори «твой брат» таким тоном. Маркус и твой брат.

Гэйб скрестил руки на груди и сменил тему.

— Ты говорил о наследном принце Зиндари. Ты не отдашь им мальчика. Я этого не позволю.

Нэш откинулся назад с задумчивым выражением лица.

— Я не откажусь от тебя, Гэбриэл. Что же касается того, чтобы вернуться к разговору с наследным принцем... Если граф желает ему зла, я согласен с тем, что мальчика надо

защитить. Но как?

— Пинком выпроводить этого ублюдка из Англии.

Взгляд Нэша говорил Гэйбу, что он может бросаться словом «ублюдок» сколько угодно, он все равно не станет реагировать на это.

— К сожалению, правительство не может, — сказал он, — Зиндария хоть и маленькая, малоизвестная и удаленная страна, но является союзником австрийцев, и мы не можем позволить себе спровоцировать международный скандал.

Он разжал пальцы и задумчиво уставился на них.

— Что нам сейчас нужно, так это какие-либо затруднения. Что-нибудь для Министерства иностранных дел, требующее обсуждения, дебатов, чтобы получить отсрочку. Отсрочка может быть самым полезным оружием правительства.

Гэйб фыркнул. Отсрочки причинили ему много проблем в армии. Отсрочка финансирования, поставок провизии. Он терпеть не мог отсрочки правительства. Он посмотрел на Нэша. Но возможно, в данном случае он прав, отсрочка могла бы помочь.

Гэйб поддался вперед, как только в голове вспыхнула идея.

— Если бы принцесса была замужем за англичанином, это изменило бы ход событий?

— Да, это здорово бы запутало ситуацию, но она не замужем.

— Она могла бы выйти замуж. За меня.

Нэш уставился на него.

— Ты с ума сошел? Ты едва ее знаешь.

— Это не важно. Что действительно имеет значение, так это то, что она будет замужем не просто за англичанином, а за англичанином с превосходными семейными связями. Тетя, задающая тон в высшем обществе, брат, непосредственно участвующий в принятии решений правительством...

— И другой брат, заседающий в Палате лордов, который поднимет скандал, если кто-нибудь попытается отнять сына у его невестки. И кроме того, ты — герой войны, — Нэш откинулся на спинку стула и посмотрел на брата восхищенным взглядом: — Блестяще. Это будет превосходным решением поставленной задачи... но ты уверен, что хочешь сделать это?

Гэйб кивнул.

— Уверен.

— Она соблазнительная кобылка, не так ли?

Гэйб строго посмотрел на него.

— Нет, — отрезал он.

— Она не соблазнительная?

— Не твое дело, *брат*.

Неистовая гневная реакция удивила Гэйба. Одна мысль о том, что его брат думает о Калли как о «соблазнительной кобылке», заставила его желать избить Нэша до полусмерти. Хотя тот еще даже не встречался с принцессой.

Взгляд Нэша похолодел.

— Будь по-твоему. Она станет моей невесткой в конце концов. Но пойдут пересуды и разговоры.

— Я рассчитываю на это, — сказал Гэйб, — чем больше людей узнает о нашей свадьбе, тем труднее будет выкрасть и увезти ее сына за границу.

«Правильно, — подумал про себя Гэйб, — продолжай напоминать себе, что все дело в

ребенке». Это ничто по сравнению с примитивными эмоциями, которые иногда так внезапно охватывали его. В тот же миг, как идея озарила его, он захотел осуществить ее, захотел, чтобы Калли стала его женой. Прямо сейчас, без отсрочек и задержек. Его жена.

Женщина, которая неоднократно клялась, что никогда больше не выйдет замуж.

Нэш кивнул.

— Да, ты прав. Мы немедленно займемся организацией задуманного.

Но тут Гэйб нахмурился, поскольку понял, что есть довольно большой изъян в придуманной схеме.

Брат заметил его выражение лица:

— Ты подумал о чем-то еще, не так ли?

— Нет, это не то...

— Если ты беспокоишься о специальном разрешении, я прослежу за этим. А тетя Госфорт, без сомнения, будет счастлива организовать один из ее «маленьких» приемов.

— Да, — проговорил Гэйб рассеянно, — чем больше свидетелей, тем труднее правительству будет действовать.

А для нее будет намного труднее увильнуть.

Нэш согласно кивнул.

— Я рад, что ты наконец признаешь ценность семьи.

— Для пользы дела, да. Но пока не обольщайся по поводу того, что принятое нами решение сработает.

— Почему? В чем проблема?

Гэйб медленно проговорил:

— В нашей бочке меда застряла муха.

— И что это за муха?

— Невеста.

— Невеста? Она и есть та самая муха в бочке меда? Ты думаешь, ей не понравится наша затея?

— Мягко говоря, да.

— Не волнуйся, я поговорю с ней, — уверенно произнес Нэш, — я хорошо умею объяснять обстоятельства и убеждать людей. В конце концов, это моя работа. Приведи ее сюда.

* * *

— Выйти замуж за Гэбриэла Ренфру? Конечно же, нет! — Калли посмотрела сначала на человека, который был представлен ей как «достопочтенный Нэш Ренфру, кто-то там в правительстве», а затем на Гэбриэла. Семейное сходство было достаточно сильным: нос, подбородок и эти впечатляющие голубые глаза. Не говоря уже о плечах, росте и приводящей в бешенство убежденности в том, что лучше для нее.

— Я не пойду на это! — повторила принцесса. — Это смехотворная идея. Должен существовать другой способ.

Нэш покачал головой.

— Мы достаточно долго думали обо всем. Это единственный выход, который поможет предотвратить передачу моим правительством правительству Зиндарии вашего сына.

— Не правительству Зиндарии, — вспыхнула Калли, — а графу Антону, змее, которая

планировала убить его с помощью заговора!

Нэш пожал плечами.

— Я знаю. Гэбриэл рассказал мне. К несчастью, у вас нет доказательств — а Гэбриэл уверил, что их у вас нет, — и наше правительство не станет иметь дело с голословными утверждениями. Граф предоставил соответствующие документы.

— *Документы!* — воскликнула она. — Какие люди поставят документы выше безопасности ребенка?

Нэш посмотрел на нее очень типичным для Ренфру взглядом.

— Принцесса, для правительства документы — все.

Она впилась в него взглядом и сердито сделала пару шагов по комнате.

— В таком случае я возьму сына и сбегу.

Он пожал плечами.

— Это только отсрочит неизбежное. Они найдут вас и вернут, а потом обвинят в нарушении закона и разлучат с сыном.

— Но я — *англичанка!* Я вернулась на родину, чтобы быть в безопасности!

Нэш выглядел опечаленным.

— К сожалению, принцесса, ваше подданство изменилось, как только вы вышли замуж. Вот почему...

— Нет! Я даже не собираюсь рассматривать ваше предложение! Это абсолютно смешно.

— Это не так, знаете ли, — вмешался Гэйб, — в нем есть большой смысл. И я — прекрасный кандидат.

Калли фыркнула.

— Да, это так, — поддержал его Нэш, — вы не смогли бы найти человека, более подходящего для этой цели, не теряя попусту время, которое сейчас очень важно. С такими семейными связями, как у Ренфру... Наш старший брат граф, как вы знаете, и мы можем устроить грандиозный скандал, если кто-то попытается отнять у вас вашего сына или разлучить вас с вашим мужем.

— *Муж!* — воскликнула женщина с ненавистью. — Я не хочу мужа.

— Даже если это спасет жизнь вашего сына?

Она вымученно посмотрела на него.

— Как бы это помогло?

— Если вы выйдете замуж за Гэбриэла, вы снова станете подданной Англии. И так как у него есть превосходные семейные связи, — он прямо посмотрел на брата, — мы воспользуемся ими, чтобы оказать давление на правительство и добиться отсрочки.

— *Отсрочка!* — воскликнула она. — Что хорошего в отсрочке? Если я вас правильно поняла, в конце концов вы все же передадите моего сына этому убийце!

Нэш изумленно посмотрел на нее.

— Принцесса, уверяю вас, хоть английское правительство и может иметь недостатки, но когда вопрос касается того, чтобы отсрочить какое-то дело, в этом нам нет равных.

Она прикусила губу и все же приняла его утверждение.

— На какой срок вы можете обеспечить нам отсрочку?

— До конца жизни, — с гордостью проговорил Нэш.

Калли с сомнением посмотрела на него.

— До конца жизни?

Он сделал небрежный жест.

— По крайней мере до тех пор, пока ваш сын не достигнет соответствующего возраста.

— Или пока граф Антон не умрет? — спросил Гэйб.

Нэш наклонил голову.

— Действительно, — он сузил глаза, глядя на брата, — но не в том случае, если бы его убил ты,

Гэбриэл. Это бы чрезвычайно усложнило дело.

Калли с тревогой обернулась к Гэйбу.

— Я не хочу, чтобы вы совершали убийство.

— В таком случае у вас только один выбор: брачная церемония, — ответил Гэйб.

Она бросила на него обиженный взгляд, загнанный и безнадежный.

Гэйб понял, что Калли сдается. Почти. Он был твердо намерен убедить ее. Теперь, когда они находились в Лондоне, он не позволит ей просто исчезнуть. Ее желание остановиться в отеле так подействовало на него, что он до сих пор чувствовал потрясение.

Он должен заставить ее пообещать выйти за него замуж. Обещание удержит ее.

— Ради Ники, есть ли у нас какой-нибудь другой выбор?

— Не знаю. Я не могу думать. Мне нужно время, — несчастным голосом проговорила Калли.

Гэйб заглянул вглубь ее глаз и увидел в них страх.

Он снова задался вопросом, что же ее муж сделал с ней, если она приходила в ужас только лишь от одной мысли о новом замужестве. Он должен переубедить ее. Он не обидит ее, он будет с нежностью ухаживать за ней...

— Это исключительно ради удобства, — заговорил Нэш, и у Гэйба снова возникло желание задушить его.

— Если это именно то, чего бы вы хотели, — поспешно поправил Гэйб, жестко глядя на брата.

Нэш приподнял брови и холодно проговорил:

— Не думайте об этом как о браке, думайте об этом просто как о юридическом маневре, наподобие шахматного гамбита. Брак между вами и моим братом помешает удовлетворить прошение графа Антона забрать мальчика, и отказ будет основан на законных аргументах, что даст нашему правительству оправдание для отсрочки, — он выждал момент и добавил: — Это мое личное мнение, но это единственный способ оставить вашего сына с вами.

Нэш поднялся.

— Гэбриэл, ты был прав, когда говорил о мухе, застрявшей в бочке меда. Я оставлю вас, чтобы вы обсудили все с глазу на глаз. Мне кажется, между вами двумя есть дело, которое лучше прояснить до того, как что-то будет решено. Жду вас за обедом через... — он сверился со своими карманными часами, — через пятнадцать минут.

— Что он имел в виду, говоря о мухе, застрявшей в бочке меда? — потребовала Калли ответа, как только за Нэшем закрылась дверь.

— Ничего. Просто все дело в прекрасной мухе с очень красивыми зелеными глазами. И в бочке самого сладкого меда, — проговорил Гэйб успокаивающе, — вы помните вкус того меда? У нас есть приятные воспоминания на этот счет, — она строго посмотрела на него, — ну, по крайней мере, я его помню, — торопливо закончил Гэйб свою речь.

Калли была, очевидно, не в настроении и не реагировала на его попытки соблазнить ее.

— Видите? Вот поэтому я и испытываю сильные сомнения относительно любого соглашения, которое мы бы могли заключить, — сказала она, — вы не воспринимаете

женщин всерьез.

— Я действительно воспринимаю женщин серь...

— Вы воспринимаете всерьез таких женщин, как миссис Барроу. Или как ваша двоюродная бабушка Герта, но только не меня. Вы никогда не слушаете меня.

— Я воспринимаю...

— Вы игнорируете мое мнение и помыкаете моими желаниями, а я не могу и не собираюсь терпеть все это.

Гэбриэл был потрясен.

— Но все совсем не так.

— Нет, так. А когда я замечаю, что вы дразните меня и играете в обольстительные игры, вы притворяетесь, что ничего не случилось. Как сейчас. У меня серьезные неприятности, — а я неоднократно говорила вам до того, как все это произошло, что не намерена вступать в повторный брак, — и после всего вы говорите со мной о мёде! И называете прекрасной мухой! Как будто мои проблемы — глупый женский вздор. Что ж, там, в Зиндари, мужчины также говорили мне, что мои страхи по поводу возможных попыток убить моего сына глупый женский вздор, но они ошиблись, а я оказалась права и не собираюсь мириться с тем, что со мной обращаются, как с дурочкой!

Калли прошествовала к окну и повернулась к Гэйбу спиной. Она тяжело дышала, ее спина неестественно выпрямилась от напряжения.

Она была близка к тому, чтобы разрыдаться. И она права. Гэйб почувствовал угрызения совести и раскаяние. Он не собирался принижать ее умственные способности, а только старался поднять ей настроение.

Неужели он действительно властный задира? Гэбриэл не хотел казаться таким. Он честно делал то, что считал верным.

Но он мог понять, как на все это смотрит Калли.

— Это все отголоски тех лет, когда я был офицером, — сказал Гэйб с сожалением, — ты должен принимать решения за всех, кто находится под твоим командованием. Это становится привычкой, — он сглотнул, — и поддразнивание... Я ни в коем случае не хотел унижить вас. Я просто всегда так поступаю. Моя двоюродная бабушка Герта обычно говорила, будто я «склонен проявлять неуместное и никудышное легкомыслие». Кажется, от этого только хуже, — мужчина сделал глубокий вдох и решительно продолжил: — Но я хотел бы измениться. Не знаю, смогу ли, — признался он, — но если вы выйдете за меня замуж, обещаю, что попробую.

В комнате повисла долгая тишина.

— Временами мне нравится ваше легкомыслие, — наконец заговорила Калли, — вы заставляете меня смеяться, а я знаю, что слишком серьезна. Но иногда я думаю, что вы используете легкомыслие для того, чтобы скрыть что-то глубоко в себе, — она повернулась и посмотрела на него, — в этом заключается ваша способность иметь дело с темной стороной жизни, не так ли? Словно вы смеетесь над опасностью или ходите вокруг пропасти вместо того, чтобы заглянуть в бездну.

Он сглотнул, чувствуя себя подобно насекомому на булавке. Столкновение с бездной.

— Возможно. Иногда. А иногда просто... я ничего не могу поделать с собой. Сожалею, если это вас раздражает.

Калли пристально посмотрела на него, затем слабо улыбнулась.

— Иногда это вызывает во мне желание ударить вас!

— Тогда ударьте меня, — откликнулся Гэйб не колеблясь, — у меня очень прочная голова и... — он оборвал себя и добавил с сожалением: — Я снова делаю это, не так ли?

Принцесса широко улыбнулась.

— Да, но я не возражаю. Мне все равно, что вы ведёте себя легкомысленно до тех пор, пока слушаете меня. А вы слушаете меня, не так ли?

— Да.

Господи, да, он ее слушал!

Калли пересекла комнату и снова села, поправляя складки юбки, затем сложила руки на коленях, прежде чем начать говорить.

— Вы были честны со мной, так что я попытаюсь объяснить вам свою точку зрения. Я знаю, что не всегда принимала мудрые решения, но это для меня совершенно новый и потому драгоценный опыт. Всю мою сознательную жизнь решения за меня принимал отец: что мне делать, что одевать, что учить, есть, с кем встречаться. И так каждый час моей жизни. А потом, когда мне исполнилось шестнадцать, я вышла замуж за принца Зиндари Руперта, который контролировал мою жизнь еще жестче, чем папа. Затем они оба умерли в течение двух месяцев друг за другом, и почти год я оставалась в ловушке тщательно спланированного ими мира, пока жизни моего сына не стала угрожать опасность. Я не знала, кому могу доверять, и поэтому была вынуждена самостоятельно решать, что делать, так как на свете не осталось ни одной души, которой я могла бы доверить свою защиту. И я приняла решение — первое и, возможно, самое важное в моей жизни, — не очень мужественное решение, я признаю это, но оно было моим, и мы последовали ему: мы убежали. И каждый день из последующих восемнадцати дней я принимала решения за себя и своего сына. Некоторые были хорошими, некоторые — ошибочными, но их тоже принимала я. И благодаря этому училась, — она посмотрела на него, — в этой жизни очень мало вещей, действительно являющихся моими. Но я кое-что поняла за это время: принимать решения самостоятельно — пугающе. Но это также и волнующе. Мы прибыли сюда, Гэбриэл. Я привезла сюда своего сына, сама и без посторонней помощи, проследовав через всю Европу. И я горжусь этим. Так что не обращайтесь со мной, как с ребенком. Меня вели по жизни сначала мой отец, потом муж, и я поклялась больше никогда не возвращаться к такому положению. Я планировала больше никогда не выходить замуж, поклялась не давать обетов и не подчиняться ни одному мужчине, — у нее оборвался голос.

Калли расстроила ее речь. Она встала со своего места и возбужденно сделала пару шагов по комнате. Гэйб наблюдал за ней, не зная что сказать, как переубедить. Единственное, о чем он подумал, что мог бы сделать, это сгрести ее в охапку и целовать, целовать до тех пор, пока она не согласится выйти за него.

Но что-то говорило ему, что сейчас она не станет приветствовать такой подход.

Затем Калли снова заговорила:

— Я понимаю, почему замужество с англичанином необходимо...

Гэйб затаил дыхание.

Женщина прикусила губу, обеспокоено взглянула на него и продолжила:

— Возможно, мне придется попросить вашего брата найти мне другого кандидата в мужья.

— Другого кандидата? — Гэйб был ошеломлен. — Какого еще кандидата?

Она нетерпеливо взмахнула рукой.

— Не знаю. Кого-то, кого не заботило бы, что я делаю, кто не пытался бы управлять

моей жизнью, кто позволил бы мне идти своей дорогой. Это не так уж и важно, кого, не так ли? Ведь речь идет о фиктивном браке. Ваш брат также мог бы рассмотреть это предложение. Жениться на принцессе, у которой есть связи более чем в половине королевских домов Европы, означало бы для начинающего дипломата хорошее продвижение по службе.

— Вы не выйдете замуж за моего брата! — взорвался Гэйб.

— Хорошо, нет. Я просто привела его в пример, — попыталась объяснить Калли.

— Вам совершенно не за чем приводить примеры. У вас есть я!

Она нахмурилась.

— Но вы же только что говорили, что имеете привычку командовать.

Гэбриэл дико посмотрел на нее. Как она может думать о браке с кем-то еще?

— Я изменюсь, — наконец сказал он.

— Нет, не изменитесь.

Гэйб сглотнул.

— Возможно не так, как вам бы хотелось, но обещаю, что постараюсь измениться.

Она была озадачена и встревожена его очевидным желанием жениться на ней.

— Это звучит так, словно вы на самом деле хотите жениться на мне. Почему?

Он моргнул.

— Почему? — повторил Гэйб сдавленным голосом.

— Да, почему? Вы знакомы со мной не более десяти дней. С какой стати вам захотелось вступить в фиктивный брак с женщиной, которую вы едва знаете, которая не желает выходить замуж и которая не обещала любить и подчиняться вам?

Это был хороший вопрос. Гэйб провел пальцами по воротнику. Прочистил горло. В голове было совершенно пусто.

— Ну...

Прозвучал гонг, призывающий к обеду.

— Обед, — объявил он с облегчением и указал на дверь, — тетя Госфорт не любит, когда опаздывают на обед.

Калли не сдвинулась с места.

— Только, когда вы ответите на мой вопрос.

Гэйб пытался найти ответ, который бы удовлетворил ее. Правда, вероятно, отпугнет Калли, заставит убежать далеко-далеко. Он знал это наверняка, потому что правда и его пугала чуть ли не до полусмерти.

Он услышал, как за дверью все спускаются, вняв призыву на обед.

— Благородство, — наконец сказал Гэбриэл, — все дело в благородстве. Я не могу безучастно смотреть на женщину и ребенка, попавших в беду. И я не планировал жениться на ком-то еще. Если фиктивный брак — цена за вашу безопасность, то это слишком низкая цена. Я готов ее заплатить.

Ее глаза пристально наблюдали за ним.

— И вас не волнует, что я не обещаю любить и подчиняться вам? Что брак для меня всего лишь... шахматная стратегия?

— Меня это не волнует, — солгал Гэйб, убежденный, что это так.

Калли помедлила, затем протянула свою руку.

— Тогда пожмем руки, скрепляя эту сделку. У нас будет фиктивный брак, брак на бумаге, и мы должны быть полностью честны друг с другом, во всем.

— Во всём полностью честны, — согласился Гэйб, снова пустив в ход ложь.

Он не собирался оставить этот брак только на бумаге. Он чувствовал легкую вину за то, что солгал ей, но подавил это чувство. Потому что это было почти правдой.

По какой-то причине Калли боялась оказаться в объятиях мужчины. Очевидно, в этом есть вина принца Руперта.

Она должна научиться принимать тот факт, что с ним, с Гэйбом, она в полной безопасности.

Положение Гэйба также было целиком и полностью определено. Он попытается изменить свои властные замашки или, по крайней мере, начнет прислушиваться к ее суждениям. Он станет защищать ее и ее дитя ценой собственной жизни. И он женится на ней.

Гэбриэл едва мог подавить разбушевавшиеся в нем эмоции. Его жена.

Он взял ее протянутую руку и пожал.

— Только не таким способом нужно закрепить сделку, — заметил он, — я придерживаюсь традиций.

И потянул ее прямо в свои объятия. Калли со страхом напряглась и откинула голову назад.

— Что это вы делаете?

— А что вы думаете, я делаю? Как вам выражение: закрепить сделку поцелуем?

— Но мы ведь уже обменялись рукопожатиями.

— Да, а теперь мы обменяемся поцелуями.

Он мог бы просто поцеловать её, он знал это, но до их пор все их поцелуи удивляли и злили Калли, потому что были украдены. А теперь Гэйб вдруг захотел простого искреннего поцелуя от нее, поцелуя, который закрепит сделку, заставит сдержать свое обещание.

— Нам не нужно обмениваться поцелуями, — настаивала женщина на своем. Ее спина напряглась и неестественно выпрямилась, когда он обхватил ее за талию.

Гэбриэл все еще удерживал ее правую руку в своей — рукопожатие, пойманное между ними. Его пальцы задели ее грудь. Он не думал, что она это заметила. Но он заметил. Львиная доля его внимания была сосредоточена на мягком дразнящем поглаживании тонкого хлопка, под которым скрывалась ее теплая податливая грудь.

Он слегка сменил положение и почувствовал, как тыльная сторона его руки коснулась восставшего и отвердевшего соска.

Дрожь прокатилась по всему ее телу, и, опустив голову, Калли посмотрела на их сплетенные руки. Наконец она это заметила. Ее глаза потемнели и замерцали, глядя на него. Она провела языком по губам, которые вдруг пересохли.

Тело Гэйба мгновенно отреагировало. Как и ее.

Калли подвинулась, пытаясь убрать свою руку, но он не отпустил ее, и ее движение привело лишь только к тому, что его рука снова прижалась к ее саднившему соску. Женщина почти задышалась.

— Вы ведь хотите во что бы то ни стало добиться поцелуя, не так ли? — Калли тяжело дышала, ее грудь ритмично поднималась и спадала.

— Да, — легкое дразнящее дыхание, коснувшееся тыльной стороны его ладони, чуть не свело его с ума. Гэйб с трудом боролся со своими чувствами, пытаясь изо всех сил сдерживать себя.

— Зачем? Вы же согласились с тем, что это будет фиктивный брак.

— Для всего мира он должен выглядеть как настоящий, — напомнил Гэйб, — если мы на самом деле хотим добиться всеобщей поддержки в борьбе с графом Антоном законными методами, мы должны завоевать симпатию света.

Она сдвинула брови, обдумывая его слова.

— Будет много разговоров по поводу такой поспешной свадьбы. Мнения разделятся на два лагеря. Люди решат, что ты или беременна, и я поступил как честный человек, или мы так безумно влюблены друг в друга, что не можем ждать. В любом случае наш брак будет воспринят как союз по любви, а свет обожает влюбленных.

Не осознавая этого, Калли расслабилась в его руках, признавая правоту его суждений. И Гэбриэл продолжил:

— Однако, как только всем станет известно о прощении графа Антона вернуть вашего сына — а об этом в любом случае станет известно, — острые умы светского общества начнут гадать о нашем поспешном и таком своевременном браке. Так что мы должны убедить их всех без исключения — я имею в виду тетю Мод и моих друзей, а также всех остальных, — что на самом деле мы влюблены друг в друга. Кстати, история любви, к которой примешивается опасность, кажется еще более романтической. У графа Антона не будет ни единого шанса против нас.

— Вашему брату известно, что это ложь.

— Нэш дипломат. Он сможет держать рот на замке, — произнес Гэйб, надеясь, что это правда. Он едва знал своего брата, но неплохо разобрался в людских характерах. Несмотря на их горькую историю, взрослый Нэш произвел на него удивительное впечатление.

Принцесса прикусила губу, и он попытался не застонать.

— И из этого следует, что мы должны притворяться, будто влюблены друг в друга? — спросила Калли.

— Думаю, это хорошая идея, — сдержанно проговорил Гэйб, хотя его тело изнывало и болело от желания.

— И мы начинаем с этого момента? С поцелуя? Чтобы закрепить сделку?

— Да, это поможет нам привыкнуть к новым отношениям, — подтвердил он, поражаясь, насколько незаинтересованно прозвучал его голос. И именно сейчас, когда его тело постепенно плавилось от желания немедленно взять ее!

Она сглотнула.

— Хорошо, — Калли облизала пересохшие губы и встала на цыпочки. Гэйб опустил голову, чтобы встретить ее на пути, но, хотя ему стоило невероятных усилий не завладеть ее губами немедленно, он не коснулся ее рта. Он хотел, чтобы она первая коснулась его.

Женщина колебалась, ее губы были всего в дюйме от его. Гэбриэл ощущал ее мягкое дыхание на своей коже. Она слегка задыхалась. Калли заглянула в его глаза, ища чего-то, удивляясь, неуверенная в чем-то. Она была возбуждена, он чувствовал это, но она не понимала этого.

Калли мягко коснулась губами его губ. И тут же отступила, ожидая его реакции. Гэйб не двигался, но и не отпустил ее, выжидая. Он пытался вспомнить, как надо дышать.

Она снова коснулась его губ и на этот раз не стала торопиться. Он почувствовал легкое прикосновение языка и открылся ей. Калли не была готова к чему-то большему и не смогла откликнуться на его приглашение, но поцеловала крепче, лаская. Губы к губам. Дыхание, смешанное с его дыханием. Тело к телу.

Этого было достаточно. Более чем достаточно, учитывая, что он не мог взять ее здесь и

сейчас.

Рука Гэйба все еще находилась между их телами, прямо напротив ее груди. Он поцеловал Калли в ответ, прикладывая огромное усилие, чтобы не потерять самообладания. Его пальцы слегка сдвинулись, а затем сомкнулись вокруг ее затвердевшего соска, и тут она, задрожав, отпрянула и отступила назад.

Он немедленно отпустил ее. Калли покачнулась, и он поймал ее за талию, помогая удержать равновесие. Она уставилась на него широко раскрытыми глазами, выглядя при этом ошеломленной, словно находилась на грани паники.

— Вот и все, — произнес Гэйб сухим и почти скучающим голосом, — сделка заключена. У нас будет фиктивный брак, и мы сделаем все возможное, чтобы одурочить весь свет, утверждая, что любим друг друга.

Она заметно расслабилась, услышав его спокойные слова. Да, вот что ее пугало, подумал он. Страсть. Должно быть, принц Руперт был просто бесчувственным болваном, если не относился к этой женщине, как к сокровищу!

Гэйб не такой дурак. Он знал, какой она бесценный дар, когда поймал ее на вершине утеса. Он будет заботиться о ней.

Как только Калли станет его, он попробует соблазнить ее всеми известными ему способами. Он сделает все возможное, чтобы превратить этот чертов брак на бумаге в истинную страсть, в нечто драгоценное и устойчивое.

Калли должна научиться любить его. И он научит ее этому.

Потому что, да поможет ему Бог, он любил ее.

— Пойдемте, пора объявить всем нашу новость. — Гэбриэл протянул руку, чтобы проводить ее в гостиную, где все уже собрались перед обедом.

Калли почувствовала в желудке пустоту, словно он вдруг сделался невесомым. Ей не следовало скреплять сделку поцелуем. Это было ошибкой. Огромной ошибкой.

Она не хотела никому объявлять эту новость, она вообще не желала делать что-либо, чтобы воплотить эту безумную, фантастическую идею в грубую реальность.

Обручены! Она выходит замуж. За Гэбриэла Ренфру.

Притворяться перед всеми, что они влюблены друг в друга. Она не может. Не сможет.

Но она должна, одернула Калли себя. Ради Ники.

И, прежде всего, она должна вернуть себе спокойный, невозмутимый вид. Забыть те чувства, что пронзили ее насквозь во время поцелуя Гэбриэла. Этого не должно было случиться. Предполагалось, это был поцелуй скрепляющий сделку.

Калли не могла появиться перед всеми смятенной, дрожащей и разгоряченной. Ей требуется ванна, успокаивающая и продолжительная. И холодная.

Но их ждали, пора было идти на обед. Калли задержалась на мгновение перед зеркалом, проверяя, в порядке ли прическа. Даже в таких условиях горничная леди Госфорт превосходно справилась с поставленной задачей — из прически не выбилась ни одна прядка. Леди Госфорт также подарила ей изысканную кашемировую шаль темно-красного цвета с золотой вышивкой.

— Я обожаю темно-красный, дорогая, но, увы, он не отвечает мне взаимностью, — заявила она.

Это было правдой, цвет был слишком ярким для дамы средних лет, но идеально подходил Калли. На ней он смотрелся роскошно и элегантно, прекрасно дополняя платье темно-серого оттенка.

В голове Калли настойчиво вертелись извинения, к которым можно было бы прибегнуть в последний момент. Она решительно отбросила их.

Брак обезопасит Ники. Только это имеет значение.

Она справится. Все это показное, игра. В прошлый раз проблема заключалась в том, что она не прислушалась к доводам отца об удобном браке. Она влюбилась в красивое лицо Руперта и позволила одурачить себя, приняв за взаимность его галантность и внимательность. Она убедила себя в том, что их брак был заключен по любви.

Второй раз она на это не попадет.

Кто предупрежден — тот вооружен.

Если бы она не влюбилась, ей бы не причинили боль. Все, что от нее требуется — не влюбиться в Гэбриэла. С этим она справится.

Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду.

Просто удивительно, сколько придумано замечательных пословиц, которые могли бы предостеречь ее. Она уже наломала столько дров. Почему она прежде не обращала внимания на эти мудрые изречения?

— О чем ты думаешь? — тихо спросил ее будущий муж.

— Семь раз от... — начала Калли, но тут же спохватилась. — Просто проверяю, в порядке ли прическа.

— Ты выглядишь прекрасно.

Ха! Изысканный комплимент номер один, — фыркнула она про себя. Женщина снова бросила взгляд в зеркало — на свое круглое лицо, непримечательный нос, обычные, аккуратно причесанные каштановые волосы, легкий румянец. Да, все просто прекрасно. При виде покрасневших щек она нахмурилась, подумав, что красная шаль, возможно, оказалась плохим выбором.

— Пойдем, ты не можешь всю оставшуюся жизнь прятаться здесь и надеяться, что все само уладится. Обед стынет, а я, глядя на тебя, начинаю испытывать страшный голод. — Голос Гэйба зазвучал глуше, когда он добавил, — в этой красной штучке ты похожа на сладкую конфету в заманчивой обертке, так что если ты не хочешь, чтоб я начал с тебя...

Калли быстро метнулась к двери. Он взял ее под руку и повел в гостиную. Под ее ладонью его рука была теплой и сильной. В вечернем костюме Гэбриэл выглядел неотразимым.

Не то чтобы ее заботило, как он выглядит.

Он улыбнулся, его глаза смотрели на нее с теплотой. Калли улыбнулась в ответ — невозмутимо и любезно. Спокойно. Вежливо. Сдержанно. Так, как ей и следует вести себя впредь.

Ей хотелось надеть мамину тиару — для храбрости и на удачу, но для неофициального семейного обеда это было бы совсем неуместно. В зал она вошла с высоко поднятой головой. Все глаза тут же устремились на них.

Мистер Гарри Морант, мистер Рейф Рэмси, мистер Люк Риптон и мистер Нэш Ренфру дружно встали со своих мест. Калли моргнула. Она впервые видела их всех в парадной одежде. Итен Делани, скорее всего, наверху, обедает вместе с мальчиками, — подумала Калли. Гэбриэл позаботился, чтобы с Ники все время был кто-нибудь рядом.

— Вот и вы, моя дорогая, — леди Госфорт, одетая в оливково-зеленый шелк и бриллианты, устремилась навстречу вошедшим. — Когда видишь их всех вместе и при полном параде, дыхание перехватывает, не правда ли? Вам стоило бы посмотреть на них в форме. Моя дорогая, они повергают в трепет всех дам от девятнадцати до девяноста! А теперь пойдете, обед ждет. — Выбрав в сопровождающие Нэша, она направилась в сторону гостиной.

— Я знаю, мне следовало пригласить еще несколько дам для ровного счета, — щебетала леди Госфорт, в то время как лакей обходил стол, разливая черепаший суп из серебряной супницы. Она удовлетворенно оглядела стол. — Но к чему их так раззадоривать? Дразнить всей этой мужественной красотой? Вы со мной согласны, мисс Тибторп?

Тибби, которая никогда раньше не задумывалась о таких вещах, но сейчас, судя по ее заалевшим щекам, задалась этим вопросом, была избавлена от необходимости отвечать, благодаря Гэбриэлу, невозмутимо направившему беседу в другое русло.

— Думаю, вам всем будет интересно узнать, что мы с принцессой Каролиной собираемся пожениться в следующую пятницу. Разумеется, вы все приглашены.

Калли, только что заставившая себя проглотить немного черепахового супа, поперхнулась. Гэбриэл хлопнул ее по спине и предложил глоток вина из своего бокала, успев шепнуть между делом: — Разве я не предупреждал вас? Нам нельзя медлить. Время играет немалую роль.

Она сделала большой глоток и попыталась вернуть утраченное самообладание.

— Да, в пятницу, — как можно тверже произнесла она. Калли заметила, как ошарашено

смотрит на нее Тибби, и послала той сияющую улыбку. Тибби вскочила и расцеловала подругу, но легкие морщинки между бровями выдавали беспокойство. В отличие от всех остальных Тибби знала истинное отношение Калли к браку.

Со всех сторон посыпались поздравления. Все мужчины поднялись со своих мест, чтобы подойти и поцеловать ей руку. Леди Госфорт разрывалась между радостным волнением и ужасом: приближающееся бракосочетание племянника вызывало приятное возбуждение, но выбранные сроки повергали в ужас.

Она распорядилась подать лучшее шампанское и тут же принялась выговаривать Гэбриэлу за спешку: дескать, он «так торопит бедную девочку, что у той совсем не остается времени даже на покупку свадебного платья, не говоря уже об организации мало-мальски приличного приема».

Гэйб улыбнулся Калли и прикоснулся губами к ее руке — само воплощение нетерпеливого возлюбленного. Губы его были теплыми и твердыми. — Это будет небольшая, скромная церемония, — ответил он тетке.

Глаза леди Госфорт широко распахнулись от изумления:

— Небольшая и скромная? — она повернулась к Калли и заявила: — Не может быть, чтобы вы желали себе небольшую и скромную свадьбу!

— Нет, напротив, — уверила ее Калли, — поскольку я почти никого не знаю в Лондоне, небольшая и скромная церемония идеально подойдет. — Чем меньше, тем лучше. — Она старалась игнорировать покаяние, которое все еще ощущалось в том месте, где Гэбриэл поцеловал ее руку. Калли незаметно протерла ее салфеткой, словно таким образом могла стереть поцелуй и вернуть утерянное самообладание.

«*Не будь идиоткой*», убеждала она себя. Это всего лишь поцелуй.

— А прием? — настаивала леди Госфорт.

Гэбриэл задумчиво покусал губу и пошел на уступки.

— Хорошо, возможно, *очень* маленький прием.

Нэш добавил:

— Только в кругу близких друзей и ближайших родственников.

Леди Госфорт согласно кивнула:

— Что ж, отлично, небольшой званый вечер в следующий вторник, но предупреждаю, Гэбриэл, без предварительного уведомления он будет весьма скромным. И, разумеется, проведем мы его здесь.

— Скромный — звучит чудесно, спасибо, тетя, — ответил Гэбриэл. Калли удивленно заметила, что его глаза подозрительно заблестели. Тот же блеск она увидела и в глазах Нэша. Даже Гарри, который почти все время молчал, казался чем-то позабавленным.

Видимо, это какая-то семейная шутка.

— И такое скромное мероприятие действительно сделает вас счастливой? — спросила леди Госфорт Калли.

— О да, спасибо, — на лице Калли засияла улыбка. — Очень счастливой. — Видя легкую складку между бровей Тибби, она улыбнулась еще шире, стараясь убедить подругу, что тревожиться не о чем. — У меня уже была пышная свадьба, когда я выходила замуж за принца Зиндари, — пояснила она, — Мне хотелось бы, чтобы эта свадьба была совсем другой.

Леди Госфорт фыркнула:

— Разумеется, она будет другой.

Было произнесено несколько тостов за жениха и невесту, и затем, наконец-то, разговор перешел на другие темы. Калли съела почти все, что ей было предложено, но вкуса не почувствовала. Гэбриэл был очень внимательным, предлагая ей самые лакомые кусочки.

Игра, напомнила Калли себе. Это все игра.

К счастью, никто не ждал от нее речей. Они все строили планы. Планы на ее свадьбу.

Леди Госфорт объявила, что утром отправится вместе с Калли и Тибби по магазинам. А «мальчишки» займутся сыном Калли и Джимом.

Калли вспомнила, что ей нужно будет кое-что сделать, перед тем как отправиться по магазинам.

— Не могли бы мы увидеться с тобой наедине после обеда? — шепнула она Гэбриэлу.

Его глаза потеплели.

— Конечно, в любом месте, где тебе будет удобно. — Он произнес это глубоким низким голосом, словно назначая свидание.

— Может, в библиотеке, когда джентльмены после портвейна присоединятся к дамам? — предложила Калли тихим, но деловым тоном. Не было необходимости притворяться, раз их никто не слышит.

Он приподнял ее руку и снова поцеловал.

— Буду с нетерпением ждать встречи. — его взгляд ласкал ее. Место, где его губы соприкоснулись с ее кожей, казалось, горело. Женщину пронзила дрожь.

Галантный жест номер четыре, сказала себе Калли. Или уже пять? Или шесть?

После того, как леди оставили джентльменов с их сигарами и портвейном, или что там обычно положено делать мужчинам после обеда, Калли удалось перекинуться парой слов с Тибби.

Леди Госфорт, вся в счастливых планах, умчалась обговаривать нюансы предстоящего мероприятия с дворецким, шеф-поваром, экономкой и секретарем. Калли чувствовала себя немного неловко оттого, что позволила почти незнакомому человеку взять на себя все заботы по организации ее собственной свадьбы. Она предложила свою посильную помощь, на что леди Госфорт ответила, что не нужно ни о чем беспокоиться.

В скуке однообразной жизни организация светского мероприятия была для леди Госфорт словно поток свежего воздуха, и единственное, о чем леди сожалела, так это о том, что ее талантам слишком редко находится применение.

— Предоставьте это мне, дорогая. Я знаю, что делать. Все, что от вас требуется, это быть счастливой невестой, — и она умчалась, оставив Калли и Тибби одних.

Ну да, конечно, быть счастливой невестой, подумала Калли и заметила внимательный взгляд Тибби. Слабо улыбнувшись подруге, Калли сказала:

— Ты, наверное, удивлена, как так получилось.

— Не могу сказать, что сильно удивлена, — отозвалась Тибби, — я заметила, что вы заметно сблизились с мистером Рэнфру.

— Сблизились?

— Наверное, мне следовало сказать, что вы сдружились. Я не имела в виду ничего недопустимого, — поспешно поправилась Тибби.

— Между нами нет близости. Это не брак по любви, — торопливо пояснила Калли, стремясь избежать какого-либо недопонимания между ней и Тибби. Плохо уже то, что ей приходится изображать счастливую невесту перед родными и друзьями Гэбриэла. Ей очень хотелось, чтобы хоть один человек знал правду.

Два человека, поправились она. Три, если считать и мистера Нэша Ренфру. Остальные могут догадываться, что этот поспешный брак играет какую-то роль в защите ее сына от графа Антона, но Гэбриэл всю изображал счастливого жениха, и меньше, что она могла сделать в ответ, это поддержать игру и тоже сделать вид, что счастлива. Но не перед Тибби.

— Мне не хотелось бы, чтобы это стало общеизвестно, по понятным причинам, но ты моя самая близкая подруга, и я хочу, чтобы ты знала. Граф Антон официально обратился в английское правительство с тем, чтобы вернуть Ники в Зиндарию и установить над ним регентство.

— О, моя дорогая! — Тибби в ужасе заломила руки.

— Да, и мистер Нэш Ренфру, он служит кем — то вроде дипломата в правительстве, сказал, что если мы с Гэбриэлом — мистером Ренфру — поженимся, это поможет мне сохранить Ники. Именно поэтому такая спешка.

Тибби задумчиво сказала:

— Я понимаю, чем это обусловлено, и, разумеется, нужно сделать все, чтобы защитить Ники, ... но задумывалась ли ты, как это все отразится на тебе в будущем?

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю о том, что мы на днях уже обсуждали с тобой... о том, что происходило между тобой и принцем Рупертом.

— Нет. Это совсем другое. — Она не допустит повторения. — Тибби, дорогая, эта свадьба всего лишь уловка, такой... шахматный ход. Здесь все ясно с самого начала.

Взгляд Тибби выражал обеспокоенность.

— У тебя нежное сердце, дорогая, а мистер Ренфру — очень привлекателен, и может быть чрезвычайно очаровательным и убедительным.

— Знаю. И это знание — каким очаровательным и убедительным он может быть — поможет мне избежать повторения прошлых ошибок. Он такой с каждым — когда не ведет себя, как тиран.

Тибби не выглядела убежденной.

Калли продолжила.

— Я уже не та глупая девчонка, какой была. Я была замужем девять лет. Сейчас я взрослая женщина двадцати пяти лет и оставила в прошлом всю эту чепуху.

— Разве мы когда-нибудь оставляем всю эту чепуху в прошлом? — с легкой грустью спросила Тибби.

— Конечно, я не могу говорить за всех женщин, — заявила Калли с убежденностью, которой не чувствовала, — но за себя — вполне. Теперь я на самом деле поняла, что такое удобный брак, и смогу избежать любых ловушек. И я смогу справиться с мистером Гэбриэлом Ренфру.

* * *

Вскоре после того, как джентльмены присоединились к дамам, Калли встала и извинилась. Мужчины тут же поднялись, и она почувствовала себя смехотворно смущенной, словно у нее на лице было написано, что она торопится на свидание.

Тибби тоже незамедлительно подскочила, сообщив, что если леди Госфорт не возражает, она хотела бы заняться подготовкой к урокам. Леди Госфорт ответила, что прекрасно понимает, и что у нее тоже есть дела.

Это стало для всех сигналом расходиться. Нэш и остальные джентльмены откланялись, и Гэбриэл не спеша вышел их проводить.

Калли торопливо поднялась в свою спальню, схватила небольшой матерчатый сверток и спустилась в библиотеку ждать. Несколько минут спустя открылась дверь, и вошел Гэбриэл.

Он помог ей устроиться в кресле и сам присел рядом.

— Итак, что вы хотели обсудить?

— Если мы завтра отправимся по магазинам, мне потребуются деньги.

— Да, конечно. — Гэйб вытащил из кармана несколько банкнот.

Калли широко распахнула глаза.

— Нет, я не имела в виду, что вы должны дать мне денег. Я хотела, чтобы вы помогли мне их получить. Папа оставил мне деньги под опекой, но потребуется время, пока я получу к ним доступ. И пока адвокаты занимаются оформлением, мне нужна какая-то сумма на текущие расходы.

Гэбриэл выглядел ошеломленным. И заинтригованным.

— И что вы думаете предпринять? — Он не убрал банкноты обратно.

— Я бы хотела, чтобы вы продали для меня кое-какие драгоценности. — Принцесса развернула ткань и показала ему камни, надеясь, что их хватит.

Гэйб очарованно склонился над свертком.

— Это то, что я думаю?

— О чем именно вы говорите?

— Вот об этом. — Он схватил ткань и поднял ее таким образом, что она развернулась. Калли удалось перехватить рассыпающиеся драгоценности, пока они не упали на пол.

— Точно! — воскликнул Гэйб. — Это нижняя юбка!

Калли выхватила ткань у него из рук.

— И все-таки вы занимались контрабандой, — заявил он. — Драгоценностей. Я женюсь на прекрасной контрабандистке.

— Я не контрабандистка, — раздраженно возразила она, в замешательстве сворачивая нижнюю юбку. — Я спрятала их, чтобы уберечь от воров.

— Кое-кто назвал бы налоговую политику таможенного и акцизного управления своего рода воровством, но мы не будем придирааться. — Он изучающе оглядел оставшуюся горку вшитых драгоценностей. — Это одна из причин, по которым граф Антон преследует вас?

— Нет! Все это моя собственность. Ни один из этих камней не принадлежит королевскому дому Зиндарии — и не смотрите на меня так, словно это неправда.

— Я просто размышлял о том, что в праведном гневе ваши глаза сверкают ярче любых изумрудов.

Калли предпочла проигнорировать это замечание. Он мастерски умел отвлекать внимание.

— Это все подарки — от папы или Руперта: на помолвку, на свадьбу, на дни рождения и другие праздники. Мой муж всегда четко разделял то, что принадлежит мне и то, что является семейными драгоценностями, собственностью короны. Я взяла только свои собственные украшения. Эти жемчуга, к примеру, папа подарил мне на шестнадцатилетие. Я одевала их на свадьбу.

— Тогда вы, разумеется, ни в коем случае не должны их продавать.

Женщина бросила на него расстроенный взгляд. Только сегодня он пообещал не игнорировать ее решения, а теперь спорит с ней.

— Они мои, и я собираюсь их продать.

— А если у вас будет дочь?

Она изумленно уставилась на него.

— Не будет. — Девять лет супружества подарили ей только одного ребенка, а сейчас она собиралась вступить в фиктивный брак. Откуда, по его мнению, возьмется еще один ребенок?

Гэбриэл упрямо стиснул зубы.

— Не зарекайтесь. Но даже если и не будет, когда Ники женится, разве вы не захотите передать его невесте свои жемчуга, чтобы она надела их на свадьбу? Или если однажды у него появится дочь, и она будет готовиться к своему первому выходу в свет, разве не будет для нее чем-то особенным надеть бабушкины жемчуга?

Калли заколебалась. Ей никогда раньше не приходило в голову, что Ники могут потребоваться ее драгоценности. Она всегда думала о них как о капитале для начала новой жизни.

— Почему вас это волнует?

Гэйб пожал плечами и отвел взгляд.

— Просто я знаю, что для женщин обычно важны такие сентиментальные вещи. Вроде вашей тиары. Она очень дорога вам, так как принадлежала вашей матери.

— Да, верно.

— Поэтому вам никогда не придет в голову продать ее.

Калли засмеялась.

— Нет, не придет, но вовсе не по той причине, что вы подумали.

— Почему нет?

— Потому что бриллианты в маминой тиаре — поддельные.

У Гэбриэла отвисла челюсть.

— Я говорила вам, что моя мать была из знатной, но очень бедной семьи — все их драгоценности были поддельными. Но это были подделки высокого качества, они могли обмануть всех, кроме настоящих экспертов. — Принцесса усмехнулась. — Как говорила мама «в конце концов, мы королевской крови, и если уж мои камни поддельные, это должна быть лучшая подделка в Европе».

Гэбриэл рассмеялся:

— Мне нравится ваша мать.

— Да, она была восхитительной.

— Когда она умерла?

— Когда я была совсем маленькой. Несчастный случай во время верховой прогулки. Папа женился на ней, потому что она была принцессой, но мне кажется, потом они влюбились друг в друга. Во всяком случае, мне нравится так думать.

Гэйб промолчал, но она чувствовала на себе его пристальный взгляд.

— Папа всегда хотел поменять их на настоящие камни, но я отговаривала его, так как тогда это была бы уже не мамина тиара.

Калли сделала глубокий вдох и вернулась к главному вопросу.

— Но мне надо продать часть драгоценностей, и мне потребуется ваша помощь, поскольку я плохо знаю Лондон.

— Зачем вам нужны деньги? — спросил Гэбриэл.

Она вскинула на него глаза.

— Что за глупый вопрос! Потому что нужны. Я собираюсь завтра пройтись по магазинам, для начала.

— Для этого вам не потребуются деньги. Пусть пришлют счета на мой адрес. А на всякие безделушки, вот. — Он начал отсчитывать банкноты.

— Нет, постойте, — Калли остановила его. — Это неправильно. Почему вы должны платить за мою одежду?

Гэбриэл процедил сквозь стиснутые зубы:

— Потому что вы будете моей женой, а мужчина заботится о своей жене.

— Я буду вашей женой только на бумаге, — начала Калли, но увидев, как подозрительно заблестели его глаза, поспешно воскликнула, — и если вы попытаетесь продемонстрировать мне, что я из плоти и крови, Гэбриэл, я вас стукну! Я говорю совершенно серьезно, и вы обещали мне сегодня, что не будете игнорировать мое мнение.

— Я и не игнорирую, я слушаю.

Она закатила глаза.

— Я просто рассматриваю с вами разные варианты, — пояснил он.

— Хорошо, тогда слушайте: я и так многим вам обязана, и не хочу чувствовать себя должницей еще и из-за одежды, которую ношу. У меня есть своя гордость, как и у вас.

— Вижу, — тихо произнес Ренфру.

— И точно так же как мне потребуются деньги на одежду для меня, Ники и Тибби, мне будут нужны средства на покрытие расходов, связанных со свадебным приемом.

Он снова скрестил руки на груди.

— Вы не должны об этом беспокоиться.

— Должна, — расстроено возразила Калли. — Если бы это была нормальная свадьба, мои родные заплатили бы за организацию приема и церемонию бракосочетания. Это традиция: платит семья невесты.

— Да, но вы вдова, у которой нет близких родственников. В любом случае, с тетей случится приступ, если кто-либо — вы или я — попытается что-то возместить ей. Для нее это удовольствие, это ее подарок нам. — Он упрямо выпятил подбородок.

— Нет никаких «нас».

— Разве? — возразил Гэйб. — Очень похоже на то, что для меня «мы» есть. Это самое главное в нашем браке.

Она задалась вопросом, действительно ли он имел в виду то, что сказал. И почему он упорно называл это браком, когда речь шла всего лишь о свадьбе. — Но...

— Нет, вы совершенно правы, в данный момент мы каждый по отдельности, — сердито выпалил он. — Вот они «мы». — И поцеловал ее. Глубоко. И очень собственнически.

Калли освободилась из его объятий опьяненной, но не желающей показывать этого. Она справится с этим — и с ним.

— Прекратите, вам не удастся отвлечь меня от главного. Если вы не поможете мне с драгоценностями, я обращусь к кому-нибудь еще.

Гэбриэл бросил на нее долгий пристальный взгляд.

— Вы возмутительно упрямая женщина, — произнес он, наконец. — Что ж, давайте сюда, эти чертовы камни. Потребуется какое-то время, чтобы продать их, а пока пусть все ваши счета присылают мне на этот адрес — и да, ваши счета будут храниться отдельно, если вы настаиваете, и вот, возьмите немного карманных денег.

Калли убрала банкноты, которые он протянул ей, в сумочку и передала ему

драгоценности. В том числе и жемчуг. Она знала, что за них могут дать хорошую сумму. Женщина, которая фиктивно выходит замуж по политическим мотивам за мужчину, спустя всего, без малого, две недели после знакомства, не имеет права на сентиментальность.

Гэбриэл заметил жемчуг и его лицо потемнело. Он тщательно отделил камни от остальных украшений и бросил их ей обратно на колени.

— Я согласился продать некоторые из ваших безделушек, но только не эти, — прорычал он. — Всему есть предел.

— Разве вы не слышали, что я говорила? — начала Калли.

— Я все слышал, — отрезал Гэйб. — И я продам остальные чертовы штучки, раз вы так настаиваете, — хотя это совершенно дурацкая затея. Но жемчуга, подаренные отцом в день шестнадцатилетия, не продаются. Они для вашей дочери или внучки. Вы не будете жертвовать всем, черт побери!

И он покинул комнату, оставив ее с комком в горле и россыпью драгоценных жемчужин на коленях.

* * *

Утро встретило их морозящим дождем. Погода не могла сорвать планы покупательниц, но верховая прогулка в парке для Ники и Джима была отменена. Впрочем, мальчики не расстроились, так как вместо этого было решено сначала посетить лондонский Тауэр и посмотреть на диких зверей, а затем отправиться в амфитеатр Астли.

Леди Госфорт послала за Жизель, ее собственной портнихой, чтобы та сняла мерки с Калли и Тибби, и помогла выбрать фасоны для свадебного наряда и других платьев.

Жизель, элегантная француженка с кислым выражением лица, в ужасе всплеснула руками.

— *Mais milady, ce n'est pas possible*^[17] — в столь короткие сроки!

Леди Госфорт вскинула бровь.

— Даже для королевской свадьбы, Жизель, — тайной королевской свадьбы принцессы Зиндари? — она небрежно повела плечами. — В таком случае мы позовем Мадам...

Жизель заметно оттаяла.

— *Королевская свадьба? Non, non*^[18].

Я сказала, не подумав, — торопливо поправилась она, ее черные глаза окинули Калли быстрым оценивающим взглядом. — Я только что вспомнила, что один заказ был отменен. И я распределю между помощниками остальные заказы. — Она щелкнула пальцами, и помощница с мерной лентой быстро выступила вперед. — Все мое внимание будет принадлежать принцессе.

Калли и Тибби закружило в вихре планов и предложений. Калли пришлось проявить твердость, чтобы отказаться от того числа нарядов, которое Жизель и Леди Госфорт сочли для нее необходимым.

Жизель вскоре начала сожалеть о своем решении, так как принцессу совершенно не заинтересовали последние модные новинки.

— Слишком много украшений, — настаивала Калли, — Посмотрите, эта модель больше похожа на свадебный торт, чем на платье.

После продолжительной дискуссии они все-таки выбрали фасон ее свадебного платья. Атласное, цвета кофе с молоком, простого покроя, немного кружев на рукавах и вокруг шеи.

Жизель горячо настаивала на дополнительных атласных оборках и окантовках белого и кофейного цвета по кромке платья, вокруг шеи и по рукавам, но Калли твердо стояла на своем. Она согласилась на окантовку кромки, но не на оборки.

— Я не хочу выглядеть бедно и немодно одетой, — втолковывала она, — но мое платье — это мой выбор. Оно не должно быть вычурным. Это не мое.

Жизель фыркнула, что означало, что она наконец-то сдалась. Это не был комплимент. Особа королевской крови не была тем, чем должна быть, говорило это фырканье.

Вместе с Жизель они обошли несколько магазинов тканей, где выбрали множество рулонов для платьев. Калли и Тибби перепробовали их все, перебирая один материал за другим — шелк и атлас для Калли, бомбазин, хлопок и шерсть для Тибби, на которых та упорно настаивала.

Они прихоращивались как юные девушки среди всего этого великолепия цветов. Калли заставила Тибби примерить синее шелковое платье со словами: — Оно подходит под цвет твоих глаз, Тибби, — и неосторожно добавила, — Итену оно очень понравится!

Бедняжка Тибби густо покраснела и отложила платье. Калли заказала его втайне от подруги.

Калли чувствовала себя ужасно из-за этой оговорки. Она знала, что Тибби испытывает *нежность* к большому ирландцу, но обе понимали, что не может быть и речи о браке между столь непохожими друг на друга людьми, с таким разным происхождением. С ее стороны было легкомысленно и жестоко намекать, что между ними что-то может быть.

Калли заказала платья ярких, сочных цветов. Она выбрала несколько утренних платьев розовых, зеленых и персиковых тонов; два прогулочных, одно из зеленого и золотистого батиста, другое — цвета небесной синевы. Заказала изумрудно-зеленую мантилью с алой и белой отделкой, голубой корсаж с белой атласной шнуровкой, от которого сжималось сердце, настолько он был красивым.

Фаворитом среди ее покупок стал алый шерстяной плащ с капюшоном и черной бархатной оторочкой. Она выбрала его взамен того, что ей пришлось оставить на судне. Изучая в зеркале свое изображение в новом плаще, она словно наяву услышала: «*в этой красной штучке вы похожи на сладкую конфету в заманчивой обертке*».

Калли вспыхнула и уже собралась выбрать другой плащ, зеленого цвета, но передумала. Никогда раньше она не носила красный. Почему его слова должны были ее останавливать? К тому же, ей нравилось чувствовать себя сладкой конфетой.

Они купили шелковые и хлопковые чулки, заказали новые корсеты, приобрели новые сорочки, нижние юбки, панталончики и ночные рубашки.

— Вы же не собираетесь купить *это*! — в какой-то момент воскликнула леди Госфорт.

— А почему нет? — Калли выбрала несколько хлопковых ночных сорочек и одну фланелевую. — Они теплые и не скоро изнасятся.

Леди Госфорт была так шокирована, что целую минуту не могла вымолвить ни слова.

— Никто не покупает ночные рубашки ради тепла и прочности! Не в вашем возрасте, и не тогда, когда готовятся к свадьбе!

— Я покупаю, — твердо заявила Калли и оплатила выбранные сорочки.

Звук, который издала леди Госфорт, превзошел фырканье Жизель в адрес королевской особы, но Калли было все равно.

Ей хотелось бы закупить той одежды, о которой она мечтала, но Калли осознавала, что такие вещи требует особого ухода, а ей нужен более легкий и простой гардероб, который

всегда можно быстро собрать. Она наслаждалась. Ей не нужно было больше «соответствовать». Это было упоительное чувство.

* * *

Накануне свадьбы Калли не спалось. Она проснулась в полночь, и лежала, прислушиваясь к монотонному стуку дождя в оконное стекло.

Ее разбудил не дождь. Ее разбудили сны. Сны о поцелуях. Жарких, волнующих поцелуях, от которых она проснулась в сбившейся ночной сорочке, обвинившей ее тело.

Было очень трудно оставаться вежливой и невозмутимой от поцелуев Гэбриэла.

Ей хотелось бы, чтобы он целовался как Руперт.

Нет, не хотелось бы.

Она сама не знала, чего хочет.

Нет, знала. Но этому не бывать. Это будет фиктивный брак, брак на бумаге, уловка, тактический ход. Как только граф Антон потерпит поражение, все закончится. Они пойдут разными путем, будучи женаты, но живя каждый своей жизнью.

Будет ли граф Антон когда-либо побежден?

Калли выскользнула из постели. Она не будет думать о плохом. То, что сейчас ночь и идет дождь, вовсе не значит, что она должна впасть в уныние. Принцесса обула большие тапочки, оставшиеся еще от миссис Барроу, и подошла к окну. Раздвинув шторы, выглянула наружу.

Ливень стихал. Сейчас дождь неспешно моросил, оставляя на оконном стекле причудливые полосы. Струи воды сходились и вновь разбегались в разные стороны. Совсем как люди.

Однажды Гэбриэл тоже пойдет своим путем. Бескорыстное благородство не может простираться так далеко.

Уличные фонари сквозь призму дождя были похожи на золотые ореолы, пылающие в темноте. А капли, отскакивающие от карниза, в свете фонарей казались ниткой золотых жемчужин.

Она бросила взгляд на свой жемчуг, который сейчас лежал на туалетном столике — там, где она оставила его. Калли подошла к столику и взяла ожерелье. Оно было таким длинным, что его можно было обернуть вокруг шеи несколько раз. Безупречные, идеально подобранные жемчужины. Она перебирала их между пальцев, наслаждаясь их сиянием и блеском, погружаясь в воспоминания.

Впервые она одела его на прием в честь дня ее рождения, когда ей исполнилось шестнадцать. И снова несколько дней спустя, когда выходила замуж за прекрасного принца, воплощение всех ее одиноких девичьих мечтаний.

Долгие годы она не носила свой жемчуга. Ни разу, после той встречи с Рупертом в лесу.

Но они были прекрасны. Калли вспомнила слова Гэбриэла: *«жемчуга, подаренные отцом в день шестнадцатилетия, не продаются. Они для вашей дочери или внучки»*.

Он был прав, согласилась она. Ни ее отец, ни жемчуг не виноваты в том, что Руперт не любил ее. Она сохранит их для своей будущей внучки. А пока она будет носить их сама, начиная с завтрашней свадьбы, как знак веры в будущее.

Калли сделала глубокий вдох и вошла в церковь.

И в ужасе остановилась.

Церковь была переполнена. Не то, чтобы яблоку было негде упасть, но там было не меньше сотни человек. Большая часть гостей сидела на стороне жениха.

Предполагалось, что это будет небольшая, скромная церемония.

Теперь же у Калли оказалось больше сотни свидетелей того, что она собиралась сделать. Всё утро у неё сдавали нервы. И сейчас она начала дрожать.

Зазвучала органная музыка, всё громче и громче. Волна предвкушения прокатилась по собравшимся, и сто лиц обратили свои взоры на неё.

Калли захотелось тотчас же выскочить из церкви.

— Пойдём, мама, — сын потянул Калли за руку. Её маленький мальчик в своём парадном костюме выглядел таким привлекательным, серьёзным, и решительным. Ники вёл невесту к жениху.

Тибби, подружка невесты, одетая в голубое платье, сделала шаг вперёд.

— Калли, в чём дело? — спросила она шёпотом.

— Я не могу через это пройти, только не тогда, когда здесь так много людей, — прошептала в ответ принцесса.

— Почему? Это будет то же самое и тогда, когда на тебя будет смотреть один человек, и тогда, когда их будет сто, — резонно возразил Ники.

Невеста принужденно рассмеялась. Мужчины начинали так думать с юных лет. Они вели себя рационально, в то время как проблема была эмоционального характера. Это заставило её решиться. Таким же снисходительным голосом сын объяснил Калли, что запад находится там, где заходит солнце. Это случилось тогда, когда они среди ночи оказались в море.

— Мой разумный, чудесный сынок, — сказала Калли и наклонилась, чтобы поцеловать его в лоб. Ники мужественно перенёс это испытание, а затем твёрдо взял её руку в свою и повёл мать по проходу.

Ники был счастлив оттого, что его мать выходила замуж за Гэбриэла, — так он сказал ей, когда Калли впервые заговорила с сыном на эту тему. Несколько минут он размышлял по поводу услышанного, а затем заявил, что мистер Ренфру станет очень хорошим отчимом.

Слова сына повергли Калли в шок. Ей было очень больно, когда пришлось объяснять Ники, что это замужество ничего не значит, что это простая формальность, всего лишь способ остановить ходатайство графа Антона. Словно ход в шахматной партии.

Ники очень хорошо играл в шахматы, и Калли была уверена, что сын понял, что она пыталась ему объяснить. Малыш кивал с серьёзным видом всё то время, пока мама, аккуратно подбирая слова, излагала ему сложившуюся ситуацию, а потом Ники ненадолго задумался над услышанным. Затем его напряжённое личико оживилось, и малыш принял решение: он одобрил мамин поступок.

И вот теперь Калли выходила замуж за Гэбриэла Ренфру. Он стоял у алтаря, ожидая её, высокий, серьёзный и невероятно привлекательный, неотрывно следя за своей невестой. Мужчина, который мог с лёгкостью похитить сердце девушки, если она не будет осторожной.

Калли твёрдо решила быть осмотрительной.

Она окидывала взглядом лица собравшихся, идя по проходу.

Единственным человеком, которого Калли узнала среди гостей со стороны жениха, был мистер Нэш Ренфру, который стоял рядом с высоким не улыбочивым мужчиной. Родственник Гэйба смотрел на неё холодно, оценивающе, такими же глазами, как у всех Ренфру; без сомнения, это был переставший поддерживать с Гэбриэлом отношения старший брат, граф.

Её заинтересовало, кем были те немногочисленные приглашённые, которые сидели на стороне невесты, и, когда Калли поравнялась с их скамьями, эти гости повернулись, чтобы взглянуть на неё. Она почувствовала комок в горле, увидев их лица. Мистер Рэмси, мистер Риптон и мистер Делани стояли вместе — лучшие друзья жениха, показывавшие всем, что невеста — член их семьи. Скамейку позади них занимали мистер и миссис Барроу, одетые в свои лучшие воскресные наряды, на голове у женщины красовалась великолепная соломенная шляпка, щедро отделанная цветами. Она радостно улыбнулась Калли и разразилась слезами. Барроу достал носовой платок и протянул жене; миссис Барроу прильнула к мужу и пыталась сдержать свои судорожные вздохи, глядя на невесту. Должно быть, это было замечательно — состоять в таком браке, любить всю жизнь.

Женщина в изумительном пурпурном тюрбане обернулась: это была леди Госфорт, прижимающая кружевной платок к глазам и улыбающаяся Калли. Она выглядела такой гордой и счастливой, словно была матерью невесты.

Рядом с леди Госфорт сидела целая группа других леди — её близких подруг. Калли узнала их лица. Она встречала этих женщин раз или два за последние несколько дней. Хотя не могла вспомнить их имён.

И, несмотря на это, вот они, эти леди, *сливки светского общества*, — пришли посмотреть, как она выйдет замуж, сидят на её стороне скамеек в церкви и улыбаются со слезами на глазах, глядя на невесту, словно Калли была не какой-то незнакомкой без семьи, а одной из них.

Невеста сумела послать им слабую улыбку. Глаза её наполнились слезами. Такая доброта... Они были так добры к ней...

И вот уже Калли с сыном оказались в конце прохода, где стоял он, Гэбриэл Ренфру: вытянув руку, жених смотрел на неё, ожидая, когда сможет заявить на Калли свои права.

Взгляд Гэйба ласкал её, затем он взглянул на Ники и еле заметно кивнул тому в знак одобрения. Грудь мальчика раздулась от гордости, когда он кивнул в ответ и сделал шаг назад.

На ресницах у Калли блесло всё больше слезинок. Из Гэйба получится отличный отчим. Но ведь это невозможно. Её будущее, в конечном счёте, было связано с Зиндарией, поскольку она была матерью принца. Владение, друзья и семья Гэбриэла находились здесь.

Позади жениха стоял его брат Гарри — его дружка, и выглядел он угрюмо. У Гарри тоже были глаза, как у всех Ренфру, только его были серыми, как у графа. Брат жениха поймал взгляд Ники и подмигнул мальчику. Калли почувствовала прилив благодарности оттого, что эти мужчины так легко приняли её сына.

Гэбриэл взял её дрожащую руку в свою, и они сделали шаг вперёд. Церемония венчания началась. Рука Гэбриэла была тёплой и чуть влажной. Калли взглянула на своего жениха. Не могло же такого быть, чтобы он тоже нервничал?

— Возлюбленные братья и сёстры, мы собрались здесь...

Все мысли Калли исчезли.

— Прежде всего, браком предписывается деторождение...

Дети. В этом союзе не будет детей. Брак на бумаге. Бумажные дети.

— Второе — ему было предопределено стать средством исцеления от греха и способом избежать прелюбодеяния...

Невеста смотрела на ладонь, которая так крепко держала её собственную: большим пальцем Гэйб поглаживал кожу Калли.

Она услышала, как Гэбриэл произносил слова своей клятвы:

— ...Беру в жёны... чтобы заботиться...любить и лелеять...

Ей не хотелось этого слышать. Бумажные клятвы, лживые обещания.

А затем наступил черёд Калли повторять за священником:

— Я, Каролина Серена Луиз, беру тебя, Гэбриэл Эдвард Фитцпейн Ренфру, в свои законные мужья, чтобы заботиться отныне и впредь, на радость и горе, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, чтобы... ммм... лелеять, и... ммм... пока смерть не разлучит нас, согласно святой Божьей воле; и в этом я даю тебе своё слово.

Священник посмотрел на неё и нахмурился. Калли так нечётко произнесла слова «любить» и «повиноваться», что их было сложно разобрать.

Она посмотрела на Гэйба с сожалением. Губы его были плотно сжаты. Калли предупредила своего жениха, что не собирается обещать любить его и подчиняться ему. И отнеслась к своим обещаниям серьёзно. Даже в клятвах на бумаге.

Однажды Калли уже исполнила своё обещание любить мужа — и это разбило её сердце; она не собиралась повторять ту же ошибку. Особенно в браке, который был всего лишь одним из ходов в шахматной партии.

Не её вина, что более сотни собравшихся здесь людей видят, в какое неловкое положение она ставит своего нового мужа. Калли не собиралась выслушивать никого, кроме Гэбриэла и священника. Невеста надеялась, что и они не будут разговорчивыми; она произнесла свои клятвы тихим голосом.

Священник молча посмотрел на жениха, в глазах его читался вопрос.

Гэйб слегка кивнул, и служитель церкви еле заметно пожал плечами, продолжая церемонию. Он быстро завершил торжественный ритуал. Калли почувствовала такое облегчение, что чуть не пропустила слова «Можете поцеловать невесту».

Гэбриэл повернулся к ней, и одно мгновение, которое, казалось, длилось вечно, смотрел на Калли со странным, напряжённым выражением лица. Затем он обнял её и приподнял, так что ноги невесты оторвались от пола, и поцеловал Калли, накрыв своими губами её рот, в присутствии зрителей. Это был поцелуй гордости, обладания, публичное предъявление своих прав, обещание.

Невеста испытала потрясение оттого, что Гэйб так целовал её — свободно, страстно — в церкви, на глазах у сотни свидетелей.

Предполагалось, что это будет фиктивная свадьба.

Или нет?

* * *

По окончании церемонии жених, как и невеста, с удивлением узнал, что все присутствующие приглашены в Элверли-Хаус на свадебный завтрак^[19] — даже несмотря на то, что уже приближался вечер. Все, кроме невесты, жениха и его дружки, брата Гэйба

Гарри, знали об этом. Выяснилось, что всё это организовали леди Госфорт, граф Элверли и его брат Нэш Ренфру. Они решили между собой, что необходимо пригласить на свадьбу некоторых особо влиятельных людей Лондона.

Нэш объяснил Калли, зачем это было нужно: чем больше соберётся влиятельных людей, которые смогут оказать давление на правительство против притязаний графа Антона, тем будет лучше.

Этот день был полон сюрпризов, и Калли пришлось смириться. Её план о небольшой, приватной церемонии полностью изменили, и с этим она ничего не могла сделать. Кроме того, всё это шло на пользу Ники, поэтому кто бы стал препираться или сопротивляться такому чудесному проявлению доброты?

Несколько раз Калли поймала себя на мысли, что хотела бы, чтобы всё происходящее было настоящим. От такой мысли она даже топнула ногой.

Гэйб и Гарри были в ярости оттого, что граф перехватил инициативу и исполнял роль хозяина приёма.

— Типичное надменное высокомерие, — раздражённо говорил жених Нэшу. — Скажи ему, что мне не нужна его опека, и будь я проклят, если стану танцевать под его дудку.

— Это предложение мира, Гэбриэл, — попытался убедить его Нэш. — Извинение за то что в прошлом он был не прав.

— Мне не нужно его...

— Это публичное заявление о поддержке твоей жены. Все присутствующие в церкви придут, чтобы встретиться с принцессой.

Гэйб закрыл рот и уставился на Нэша. Чёртов скользкий дипломат. Он высказал единственно верную мысль, которая могла остановить жениха и не дать ему публично выказать графу своё пренебрежение.

Гэбриэл взглянул на Гарри, но тот только пожал плечами.

— Выбора нет, Гэйб. И ты это знаешь. Тебя обошли с фланга и победили более мощным оружием, — дружка повернулся к Нэшу и продолжил:

— Но это не значит, что я должен там присутствовать.

Гэйб крепко ухватил его за локоть.

— О нет, ты там будешь, чёрт тебя побери, Гарри. Если я должен подавить свою гордость, тебе тоже придётся это сделать.

Дружка рванулся, чтобы улизнуть, но встретившись взглядом с Гэйбом, вздохнул и смирился с судьбой.

* * *

К тому времени, как последние гости покинули Элверли-Хаус, было уже довольно поздно. Прислуга привела дом в надлежащий вид и благоразумно скрылась с глаз. Остались только друзья Гэйба, его братья и тётушка Мод. Чуть раньше мисс Тибторп и Итен увели мальчиков в дом тетушки Мод. Гэбриэл посмотрел на свою молодую жену. Она явно выглядела сонной. Он встал и предложил ей свою руку.

— Не пора ли нам уезжать, дорогая?

— Нет, Гэбриэл, — прервала его тётка. — Вы двое останетесь здесь. Этот дом в вашем распоряжении: слугам дали выходной на вечер, но они вернутся утром. Маркус предоставил дом в ваше распоряжение на неделю — но, на самом деле, вы можете оставаться тут так

долго, как захотите.

— Что? — Гэйб огляделся, ища глазами графа. Кроме формального приветствия и чопорного «спасибо за поддержку моей жены», жених едва ли обменялся словом со своим старшим братом.

Нэш пояснил:

— Маркус уже уехал. Он такой же, каким был отец: ненавидит города, предпочитая оставаться в Элверли. Но прежде он распорядился, чтобы всё было готово к тому, чтобы вы здесь остановились. И я думаю, что это отличная идея. Считай, что вы двое отправились в свадебное путешествие.

— Что значит «считай»? — сказала тётя Мод. — Они *и так* в свадебном путешествии.

— Я имею в виду, вместо того, чтобы уезжать из города, — учтиво поправился Нэш. — Принцесса же не захочет расстаться с сыном.

— Нет, — подтвердила Калли. — Я не оставлю Ники одного.

— Вздор, вам необходимо несколько дней побыть наедине с мужем, — заявила тётя Мод. — Это отличный вариант. Вы совсем близко от сына, и со мной он в полной безопасности: за Ники постоянно присматривают мисс Тибторп и мистер Делани. Кроме того, ребёнку нет места в свадебном путешествии. Обычно дети появляются потом.

— Но...

Если тётка разошлась, её уже было не остановить.

— Я распорядилась отнести все вещи Калли к лестнице, ведущей наверх, в розовую спальню, и оставить там, наверху, на лестнице, мой дорогой. Весь дом заново отделали с тех пор, как ты был тут в последний раз, поэтому у тебя не должно возникнуть никаких неприятных воспоминаний, Гэбриэл. Твои вещи тоже здесь. Любезно прими это предложение, мальчик мой, и мы уедем, — она поднялась на ноги, поцеловала Гэйба в щёку, тепло обняла Калли и вышла из комнаты.

Ему пришлось оставить все свои возражения при себе. Больше всего Гэбриэл хотел остаться наедине со своей женой, с большой неохотой решившейся на свадьбу, и начать осуществлять наяву привлекательный план её соблазнения, но он видел по лицу Калли, что она чувствовала себя неуютно, оставаясь с ним наедине. Малейшая причина — и его жена вернётся в дом тёти Мод; в этой ситуации казалось маловероятным, что он её соблазнит. Просто Гэйбу казалось, что это не должно происходить в Элверли-Хаус, доме его одинокой юности.

И всё же он мог сделать так, чтобы воспоминания были более счастливыми...

Они с Калли прошли в парадный зал рука об руку и проводили своих доброжелателей. Гэбриэл крепко держал жену за руку. Он не был уверен, что она не побежит за уезжающими и не запрыгнет в карету. Калли снова дрожала.

Перед самым отъездом Нэш сказал Гэйбу:

— Я сообщу чиновникам, что принцесса теперь является английской подданной. Это сразу же застопорит всё дело. О, ещё этим вечером я сделал несколько намёков на то, что вы отбыли в Брайтон на медовый месяц и что малыш поехал с вами. Я подумал, что один-два ложных следа помогут избавиться от любых заинтересованных лиц, по крайней мере, до приёма, который планирует организовать тётя Мод.

Гэйб кивнул. Это была хорошая стратегия. Он протянул брату руку.

— Я хочу поблагодарить тебя за всё, что ты для меня сделал и делаешь. Ты замечательный человек, Нэш, и я должен извиниться перед тобой за...

— Чепуха, — Нэш пожал брату руку. — Во всём этом есть вина наших родителей, и теперь прошлое осталось позади. Жаль, что ты не даёшь Маркусу шанса...

— Не дави на меня, брат. Я постараюсь забыть старые обиды, но нужно подумать и о чувствах Гарри.

Нэш кивнул.

— Я знаю.

Гарри рано уехал из Элверли-Хаус. И Гэбриэл точно знал, почему. Это было место одного из самых больших унижений Гарри.

Но сейчас не время думать о прошлом. Гэйбу предстояло построить своё будущее с женщиной, которая абсолютно в нём не нуждалась.

Или думала, что не нуждается.

* * *

Калли вошла в розовую спальню. Это была прелестная просторная комната, выдержанная в оттенках кремового и розового. Над камином висело большое овальное зеркало. Атласные портьеры в тёмно-розовые и кремовые полосы обрамляли большие окна, а на полу лежали толстые персидские ковры. В камине горел огонь, а постель была приготовлена.

Новая одежда Калли была разобрана и висела в гардеробе, а остальные её вещи лежали в комод.

Она присела на кровать, оказавшуюся восхитительно мягкой, с толстым матрасом, набитым перьями. Калли откинулась на постель и, услышав, как что-то хрустнуло, посмотрела вниз. На кровати лежал завернутый в ткань пакет. В записке просто значилось: «С любовью от Тибби».

Заинтригованная, Калли взяла свёрток в руки. Он был лёгким и податливым.

Она развязала ленточку и развернула подарок. Там было что-то из белого шёлка. Калли взяла это в руки, подняла, и глаза её расширились. Внутри свёртка оказалась ночная сорочка, но она не была похожа ни на одну из тех, что когда-либо надевала Калли. Сорочка была красивой, с изящной вышивкой на горловине, но такой тонкой и прозрачной, что ей даже можно было разглядеть свои пальцы сквозь ткань.

И Тибби подарила Калли эту вещь? Здравомыслящая, незамужняя *Тибби*? Калли не могла в это поверить.

Она улыбнулась и вновь завернула сорочку. Та была абсолютно непрактичной, но, тем не менее, это был чудесный подарок. И, должно быть, стоил Тибби целое состояние. Калли отложила свёрток и обнаружила, что зевает. Она так устала.

Над кроватью висел колокольчик на шнурке, за который Калли потянула и стала ждать. Прошло несколько минут, и она снова потянула за шнурок. Тишина.

Неожиданно Калли вспомнила фразу леди Госфорт о том, что всем слугам дали выходной вечер. Это же не означало на самом деле «всем», так ведь? Только не горничным!

Ей была необходима помощь служанки, чтобы снять свадебное платье. Оно было застёгнуто на спине на невероятное количество крошечных перламутровых пуговиц, и хотя, в случае необходимости, Калли и могла справиться с ними, под платьем на ней был специально сшитый корсет, туго зашнурованный на спине. Она бы никогда не смогла снять его в одиночку.

Калли открыла дверь и сделала шаг в коридор.

— Прошу прощения, — сказала она.

— Да? — раздался позади неё глубокий голос.

Калли чуть не подпрыгнула.

— Гэбриэл, вы напугали меня.

Это его позабавило.

— А кого ещё вы ожидали увидеть?

— Служанку, — ответила Калли с надеждой в голосе.

Гэйб покачал головой.

— Полагаю, вам нужна помощь, чтобы снять платье?

Она кивнула, тогда Гэйб продолжил:

— Тогда пойдёмте, — и прежде чем Калли поняла, о чём он, Гэбриэл проводил её обратно в спальню, развернул и начал расстёгивать пуговицы.

Она отскочила и повернулась к нему лицом.

— Ч... что вы делаете?

— Расстёгиваю пуговицы. Горничной в доме нет, а в этом платье вам не удастся уснуть.

— Но вы же мужчина!

Гэбриэл улыбнулся одной из тех ленивых, лукавых улыбок, которые так сильно её волновали.

— Я знаю, — он снова развернул Калли спиной к себе и сказал: — Не будьте такой чувствительной — это всего лишь пуговицы, а я ваш муж.

И он был прав. Пусть это был всего лишь фиктивный брак, но она была зрелой женщиной и могла мыслить здраво в таких ситуациях. Как Гэйб сказал, это были всего лишь пуговицы.

Две минуты спустя Калли уже решила, что не было никаких «просто пуговиц». Она ощущала малейшее движение Гэбриэла, его длинные пальцы, расстёгивающие одну крошечную пуговицу за другой. В комнате повисла тишина, слышалось только потрескивание огня и дыхание Гэйба. Она почти чувствовала его дыхание на своём затылке, у самой шеи, хотя это и было глупо. Он стоял не настолько к ней близко.

Калли бросила взгляд в сторону красивого зеркала, висевшего над камином. Ей был виден профиль Гэбриэла, нахмурившегося, сосредоточенно расстёгивающего пуговицы, его лицо наполовину скрывалось в тени, наполовину было освещено.

Кончиками пальцев он коснулся кожи Калли, и она затрепетала.

— Вам холодно?

— Немного, — уклончиво ответила она. Эта дрожь не имела ничего общего с холодом, а была связана только с... Гэйбом. С его прикосновением.

— Тогда давайте встанем ближе к огню.

Они подошли к камину, и теперь Калли могла видеть Гэбриэла в зеркале ещё отчётливее, когда он склонился к ней, продолжив трудиться над пуговицами.

Он наклонялся всё ниже, и она почувствовала, как платье сползает с неё. Калли подхватила его у груди, чтобы удержать на месте.

— Мне помочь вам снять его через голову или вы предпочтёте опустить платье вниз и переступить через него?

— Ни то, ни другое, благодарю вас. Я сниму его позже. Если бы вы ещё помогли мне расстегнуть крючок и расшнуровать...

Калли увидела, как рот Гэйба изогнулся в медленной улыбке, которую она находила такой неотразимой, но он ничего не сказал, а приступил к расшнуровыванию корсета.

— Не знаю, почему вы, женщины, делаете это, — пробормотал Гэбриэл. — Должно быть, эта вещь чертовски неудобная.

— Вовсе нет, — заверила Калли. — Этот корсет был сшит для меня, особенно для случаев, когда нужно надевать вечерние платья, в частности, моё свадебное платье.

— Вы выглядите в нём привлекательно, — заметил он и встретил её взгляд в зеркале. Тогда Калли поняла, что всё это время Гэйб знал, что она за ним наблюдает.

— Но без него вы выглядите ещё более привлекательной, — прошептал он и развёл в стороны половинки корсета. Не отводя взгляда от отражения Калли в зеркале, Гэбриэл медленно провёл своим длинным пальцем вниз по спине, от основания шеи до поясницы. Даже несмотря на то, что на ней всё ещё была сорочка, Калли изогнулась от прикосновения его пальца, словно они соприкоснулись плоть к плоти.

Она поспешно отошла от Гэйба и повернулась к нему лицом, сжимая своё провисшее свадебное платье и корсет, прикрываясь ими, словно щитом.

— Благодарю вас за помощь, — сказала Калли Гэбриэлу. — Теперь я справлюсь сама.

Она не могла разглядеть выражения его глаз, их скрывала тень. На мгновение она подумала, что он не собирается двигаться с места, но затем Гэйб просто отвесил ей поклон и сказал:

— Тогда я оставляю вас одну.

Дверь за ним закрылась, и Калли выдохнула, почувствовав громадное облегчение. «По крайней мере, — призналась она самой себе, — это было облегчение». Внутри неё появилась частичка... пустоты.

Калли выронила платье и корсет, переступила через них, затем подняла и бережно расправила платье, повесив его на кресло. Она потянулась и провела руками по бокам. Корсет не был неудобным, но он был тугим, и как же чудесно освободиться от его давления.

На маленьком столике стоял кувшин с чуть тёплой водой, и Калли воспользовалась ею, чтобы быстро обтереться мягкой мочалкой с мылом, стоя у огня. Она бы предпочла принять ванну, но, так как слуг в доме не было, это не представлялось возможным.

Калли поискала в комодe свою ночную сорочку. Она купила несколько, когда ходила за покупками, но ни одной из её сорочек в ящиках не было. Калли дважды проверила все ящички. О нет, тот, кто упаковывал её вещи, забыл про ночные сорочки!

Ей придётся спать в своей рубашке шемиз^[20], решила она. Взгляд Калли упал на шёлковую ночную сорочку, которую подарила ей Тибби. Та была возмутительно тонкой, но кровать была такой мягкой и тёплой, и, кроме того, раз сорочку подарили, то стоило воспользоваться ею по назначению. Калли выскользнула из рубашки и надела шёлковую ночную сорочку Тибби. Та плавно скользнула вниз по телу Калли, словно прохладный водный поток.

Ощущения были чудесные. Калли взглянула на своё отражение в зеркале. О Боже! Она выглядела практически голой. Ей было видно тёмное пятно между ног. Калли снова пристально посмотрела на своё отражение. Казалось, что груди её слегка изменились в размерах. Конечно же, нет! Она скосила глаза, и — да, действительно! — не намного, но разница, определённо, была. Калли посмотрела на свою грудь. Как же она этого не замечала? Или это произошло не так давно?

На самом деле, Калли никогда не рассматривала себя обнажённую в зеркале. Во дворце

из всех её комнат зеркала были только в гардеробной, а там при ней всегда находилась хотя бы одна горничная, которая одевала и раздевала принцессу. И хотя Калли могла, если бы захотела, рассматривать себя в зеркале, её смущало то, что за ней будет кто-то наблюдать в такой момент.

Теперь же она была одна, и никто не мог помешать ей смотреть на себя, и она смотрела, поворачиваясь кругом, оглядываясь через плечо, чтобы увидеть своё отражение со спины. Калли решила, что она слегка полновата, особенно сзади. Однако принцесса не выглядела такой полной в платьях. Вероятно, во всём была виновата эта ночная сорочка. Решившись удостовериться в этом, Калли приподняла подол сорочки и посмотрела в зеркало на свои голые ягодицы. «Определённо, полная», — подумала она. И, конечно же, не «привлекательная», как назвал её Гэйб. Она вздохнула. Галантный комплимент номер восемьдесят семь.

Неожиданно в дверь постучали, и Калли подпрыгнула от испуга, с виноватым видом уронив подол сорочки и прикрыв себя руками.

— Кто там?

— Конечно же, Гэбриэл, — ответил знакомый глубокий голос.

Несомненно. В доме же больше никого не было.

— Что вам нужно? — спросила она.

К её ужасу, дверь открылась. Калли схватила с кресла своё платье и использовала его, чтобы довольно прилично закрыть своё тело.

— Что, по вашему мнению, вы делаете? — задыхаясь, потребовала она ответа.

— Ложусь спать, — ответил Гэйб. Он снял свой френч и жилет, а его шейный платок был развязан и свободно свисал с шеи. Несколько верхних пуговиц рубашки Гэбриэла были расстёгнуты.

— Что? Здесь?

— Да, здесь, — он пересёк комнату, подойдя к большому гардеробу на противоположной стороне комнаты, и открыл дверцу, сказав:

— Мои вещи висят здесь, разве вы не заметили?

Нет, она не заметила.

— Но здесь и мои вещи, — отозвалась Калли.

— Наверное, именно поэтому в этой комнате два гардероба и два комода, — предположил Гэйб. Он опустился в низкое кресло и продолжил снимать свои башмаки и чулки.

— Вы имеете в виду, что мы оба будем тут спать?

— Совершенно верно, — Гэбриэл поднялся и застыл на месте.

— Нет, — заявила Калли, размышляя, чем он занимался. Гэйб внимательно смотрел не прямо на неё, а на что-то поверх её плеча.

Он улыбнулся.

— Просто прелестно, — приглушённым голосом сказал Гэбриэл.

Она взглянула через плечо, но всё, что Калли удалось увидеть, — это огонь в камине и зеркало. Затем она поняла. Зеркало! Он смог разглядеть её со спины в зеркале. В прозрачной ночной сорочке.

— Перестаньте!

— Не могу, — просто признался он.

Калли начала поворачиваться, но затем осознала, что, так или иначе, ему будет видно её

в зеркале, поэтому она медленно отступила к кровати и с некоторыми трудностями проскользнула между покрывалами. Натянув их до подбородка, Калли приказала Гэйбу уйти.

— Не могу, — отозвался он. — Нам необходимо сделать наш брак законным.

— Он и так законный. Вы утверждали, что Нэш договорился по поводу разрешения.

— Да, с этой стороны всё официально и честно, но теперь нам нужно завершить начатое.

— Завершить? Но вы же говорили...

— Да? — насмешливо отозвался Гэйб, приподнимая бровь.

— Вы говорили, что это будет брак на бумаге. Стратегия. Эээ... шахматный ход.

Он приподнял обе брови.

— Вы хотите сыграть в шахматы? Сейчас?

— Вы знаете, что я имею в виду.

— Верно, — слегка дразнящее выражение во взгляде Гэбриэла постепенно исчезло. — Это то, каким, как я вас уверил, будет наш брак, но граф постарается испробовать все варианты, уверен в этом, а этот вопрос — единственная лазейка, которую он непременно проверит. Если я буду спать в другой комнате, а вас позже попросят присягнуть, что вы разделили со мной постель в первую брачную ночь, сможете ли вы убедительно солгать?

Калли закусила губу, понимая, что Гэйб прав. Она совсем не умела убедительно врать.

— Значит, мы должны сделать этот брак по-настоящему законным? — шёпотом произнесла она.

Гэбриэл вздохнул.

— Если вы этого не желаете, то нет. Если мы будем спать в одной кровати, тогда вы сможете сказать любому судье или правительственному чиновнику, который будет достаточно дерзок, чтобы задать подобный вопрос: «Да, мы спали вместе». А они уже сделают свои предположения.

Калли обдумала сказанное Гэйбом. С этим она могла справиться. Но им придётся делить постель. Калли сглотнула.

Единственным человеком, который когда-либо делил с ней постель, был её сын, и это началось только тогда, как они в спешке покинули Зиндарию. Руперт никогда не оставался с ней после своих ежемесячных супружеских визитов. Он предпочитал спать в своих собственных апартаментах.

Калли внимательно осмотрела кровать. Та была большой, достаточно большой, чтобы вместить двух человек.

— Ну хорошо, — неохотно сказала она. — Но только для того, чтобы обеспечить законность этому браку. И только если вы пообещаете мне, что не будете набрасываться на меня.

Гэбриэл удивлённо посмотрел на неё.

— Набрасываться? Я никогда не набрасываюсь ни на кого. Я достаточно искшён для этого, — он снял свою рубашку, а затем начал расстёгивать пуговицы бриджей на талии.

— Что вы делаете? — Калли чувствовала себя, как натянутая струна скрипки.

— Раздеваюсь. Я не сплю в штанах.

— На вас есть панталоны? — потребовала ответа она.

— Да.

— Тогда останьтесь в них, — приказала Калли. Она улеглась в постель и крепко зажмурила глаза. У неё получится, она справится с этим. Это же всего на несколько часов,

не больше. Всего лишь сон, и ничего больше. И это поможет обеспечить Ники безопасность. Всё, что ей было необходимо сделать, — это защититься от своего мужа. Единственный способ осуществить это — держать его на расстоянии.

Калли было слышно, как Гэбриэл снимает бриджи. Она украдкой приоткрыла один глаз и увидела, как он расхаживает по комнате, задувая свечи и гася масляные лампы, и из одежды на нём, кроме пары светлых хлопковых панталон, ничего нет.

Гэйб наклонился и добавил немного угля в огонь. Свет от камина окрасил его мускулистое тело в оттенки бронзы, золота и чёрного дерева. Он был худой, крепкий и очень красивый.

Всё, что ей придётся сделать, — это держать Гэбриэла на расстоянии.

Кровать скрипнула, когда он улёгся в постель рядом с Калли.

Огонь в камине чуть слышно шипел. От языков пламени на потолке возникли танцующие тени. Калли лежала на спине, прямая как палка, с руками, сложенными на груди, и жалела, что на ней сейчас была не толстая розовая ночная рубашка из фланели, которую миссис Барроу одолжила ей в ту первую ночь их знакомства.

— Это была довольно милая свадьба, не правда ли? — спросил у Калли Гэйб, приглашая её к разговору.

— Да. Доброй ночи, — кратко ответила она. Ей не хотелось с ним разговаривать, только не тогда, когда они делят постель и в камине танцует огонь. Это было слишком интимно.

— Вы казались слегка расстроенной из-за количества присутствовавших во время венчания гостей.

— Да, я расстроилась. Но позже Нэш мне всё объяснил. Не знаю, почему никто не сделал этого раньше. Но сейчас не время для обсуждения таких вещей. Прошу вас, я бы хотела уснуть. Доброй ночи.

— Да, доброй ночи. И приятных снов, миссис Ренфру.

Калли мгновенно распахнула глаза. Миссис Ренфру. Никто так её не называл до этого момента. Во время свадебного завтрака все обращались к ней «Принцесса». Миссис Ренфру. Ей понравилось, как это звучит. Так просто. Обыденно. Мило.

Калли закрыла глаза и попыталась уснуть. Уснуть. У неё чуть не вырвался смешок. Она чувствовала себя так, словно лежала в клетке с тигром и пыталась вздремнуть.

Минуту спустя Гэбриэл произнёс:

— Я подумал, что мисс Тибторп выглядела необычайно милой в своём голубом платье, как вы считаете?

— Да. Да, вы правы, — Калли пришлось по душе его замечание. Это она уговорила Тибби выбрать голубой цвет, и тот, в самом деле, очень шёл подружке невесты. Калли лежала в постели, думая о Тибби.

— Знаете, прежде чем я снова её увидела — я имею в виду, до того как я вернулась в Англию — я полагала, что она уже немолодая. Но, когда мы встретились по прошествии девяти лет, я поняла, что Тибби, должно быть, была в том же возрасте тогда, когда учила меня, что и я сейчас. Я думала, что она была старой или, по меньшей мере, женщиной средних лет, однако ей теперь, должно быть, всего лишь лет тридцать пять.

Калли прервала себя на полуслове, осознав, что непринуждённо разговаривает с Гэйбом, хотя предполагалось, что она будет держать его на расстоянии, в физическом и метафорическом смысле.

— А теперь я собираюсь уснуть, — заявила Калли решительным голосом.

Она лежала, слушая дыхание Гэбриэла, тихие звуки пламени, отдалённый грохот, создаваемый какой-то каретой, шумно едущей по булыжной мостовой, лай собаки.

Гэйб изогнулся, чтобы устроиться поудобнее, и она почувствовала, как её кожи что-то коснулось.

— Уберите ваши руки! — воскликнула Калли.

— Почему? — его голос был ясным, мягким, провоцирующим, словно тёмно-красное вино.

— Не хочу, чтобы они везде блуждали, — ей было видно, что Гэйб лежит головой на подушке, повернув голову в её сторону, наблюдая за ней. В глазах его мерцали отблески огня в камине.

— Не беспокойтесь, — сказал он с улыбкой, которая заставила бы Калли растаять, если бы она не была так решительно настроена сопротивляться ему. — Мои руки могут блуждать... но они никогда не заблудятся.

Она сглотнула.

— Я всегда точно знаю, где они находятся...

Калли крепко зажмурила глаза и пожалела, что нельзя по собственной воле так же закрыть и уши.

— А в конце они всегда находят дорогу домой, — закончил Гэбриэл бархатным тоном.

Она затрепетала.

— Вам холодно, — заметил он.

— Нет, мне не... что вы делаете? — из горла её вырвалось что-то, больше похожее на писк, чем на возмущённый протест.

— Согреваю вас, — Гэбриэл повернулся на своей стороне кровати и развернул Калли лицом от себя на её половине. Она пыталась сопротивляться, но его руки просто обняли её, и Калли оказалась прижатой к нему по всей длине своего тела: спина её прижималась к груди Гэйба, ноги и руки были спрятаны под его руками и ногами, а попка Калли плотно прижималась к тому, о чём она даже боялась подумать.

— Мне не холодно.

— Вы дрожали, и неудивительно: в такой совершенно очаровательной вещице вы не вполне одеты. Вы надели её для меня?

— Нет. Я надела эту ночную сорочку только потому, что ничего больше не было.

А дрожала Калли оттого, что Гэбриэл был в её постели и заставлял её испытывать определённые чувства. Чувства, которые она не хотела пробуждать.

— Мм-гмм, — отозвался он, словно не поверил ей на слово. — Хорошее описание для такого предмета одежды, «ничего больше». Не вполне голая, но и не совсем одетая. Не то чтобы я возражал против этой сорочки, напротив. То, что мне удалось разглядеть, было великолепно. Когда-нибудь вам придётся дать мне её рассмотреть как следует.

— Я не стану этого делать.

— На ощупь словно шёлк. Это шёлк? Говорят, что шёлку следует быть таким тонким, чтобы его можно было продеть сквозь обручальное кольцо. Вы думаете, что ваша сорочка пройдёт сквозь ваше обручальное кольцо? Вы могли бы снять её и проверить. Я не почувствую никакой разницы.

— Перестаньте. Я не намерена снимать сорочку. Вы говорили, что этот брак будет... — Калли никак не могла подобрать слово, — словно шахматная партия! — сердито прошептала

она.

— Шахматы — отличная игра, — тихо произнёс Гэйб ей на ухо. Дыхание его согревало кожу Калли.

— Отпустите меня, — она попыталась оттолкнуть его.

— Успокойтесь, дорогая, — сказал ей Гэбриэл. — Я не собираюсь ничего делать с вами. Но вы лежали, словно труп, такая неподвижная, с руками, скрещёнными на груди, и дрожали, а так вы не сможете сомкнуть глаз.

— А вы полагаете, что так я усну? — спросила Калли.

— Может быть, и нет, но так будет намного удобнее, чем лежать, словно труп, — он прижал её к себе ещё плотнее. — Разве вам не нравится так лежать?

— Нет, — солгала она. — Мне очень неудобно.

Это была ошибка, поскольку Гэбриэл посчитал её слова предлогом для того, чтобы придвинуться ближе и прижать Калли ещё сильнее к своему изогнутому телу.

— А теперь засыпайте.

Она лежала в постели, напряжённая, сердитая, понимая, что ни за что не уснёт, только не тогда, когда Гэбриэл лежит рядом с ней, заставляя её испытывать жар, трепет, желание и неудовлетворённость.

Если с подобного начался их брак, у Калли не было ни одного шанса, чтобы защитить от Гэйба своё сердце. Он был такой мужчина. Калли сомневалась, что найдётся женщина, которая сможет противиться его чарам.

Но для Гэбриэла всё это было несерьёзно. Он жил мгновением — так он сказал однажды, объяснив ей, что это была солдатская привычка, поймать момент и прожить его до конца, пока в нём самом ещё теплилась жизнь.

Калли не могла так жить. Больше не могла. Она не воспринимала вещи так легко, как он.

Гэйб нашёл её на вершине скалы и, размышляя не дольше, чем понадобилось бы, чтобы спасти бездомного кота, взял их с Ники с собой, отвёз к себе домой, защитил их, а потом даже женился на Кали, — и всё это без колебаний и, очевидно, без бесконечной тревоги, которую испытывала она, принимая любое решение.

Таков был Гэйб, и Калли лежала с ним в одной постели; его сильные руки обнимали её, а его тепло передавалось ей. И, как обычно, он ловил момент и её, — и Калли волновалась из-за мнимых последствий.

Гэбриэл желал её — прямое и твёрдое доказательство этому настойчиво прижималось к телу Калли — и она знала, что он мог просто взять её, если бы захотел. Гэйб был очень силен, они были наедине, и у него были все законные права. И, конечно же, ему захочется получить вознаграждение за все свои хлопоты. Он заслужил это.

Однако Гэбриэл не сделал попытки овладеть ею, или даже заставить Калли передумать. Он был человеком слова. Она уважала его за это, даже если в настоящий момент находила моральные устои Гэйба раздражающими и вызывающими неловкость.

Он с самого начала не скрывал, чего хотел от неё. Гэбриэл был достаточно честен и откровенен с самого первого дня, когда предложил Калли стать его любовницей.

Возможно, если она единожды разделит с ним супружеское ложе, Гэйб потеряет к ней интерес. Это было то, чего желала Калли. Да, именно так.

Она облизала губы, подумав об этом. С тех пор как Калли встретила Гэбриэла, она была не в состоянии перестать размышлять, на что бы это могло быть похоже. «Это ничего не

значило, — напомнила Калли сама себе. — Это был всего лишь вопрос, вызванный обычным женским любопытством».

Крепкое, сильное, большое тело Гэйба, расслабленно лежащее рядом с ней, было таким соблазнительным. Калли с удовольствием изучила бы его. Она точно знала все точки, в которых их тела соприкасались, где кожа касалась кожи, а где они были разделены легчайшим намёком на шёлк.

Дыхание Гэйба было глубоким и ровным, но он не спал, Калли была в этом уверена. Гэйб был слишком взволнован, чтобы спать. Так же как и она.

Они заключили брак на бумаге, сделали ход в шахматной партии: когда-нибудь он уйдёт. Как только Калли и Ники будут в безопасности, и им больше не будет угрожать граф Антон, Гэйб освободится от всех обязательств. И тогда Калли останется одна.

До конца своей жизни.

Если она не сделает этого сейчас, то будет всегда думать о том, что упустила.

Руперт всегда был слишком предсказуемым. В начале их брака Калли это даже нравилось, но, как только она поняла, в какое глупое положение поставила сама себя, супружеские обязанности стали для неё больше похожи на ритуал, не то чтобы неприятный, но без того тепла, которое, по её представлениям, присутствовало во время их любовных утех в самом начале её замужества.

С Гэбриэлом это не будет похоже на ритуал. Он совсем не был предсказуемым, только не для неё. Даже когда он всего лишь флиртовал с ней, Гэйб возбуждал в ней странные, волнующие образы, которые, с его помощью, укоренялись в сознании Калли. Даже поцелуи Гэбриэла доводили её до грани. Он был тёплый, волнующий... и пугающий.

Если Калли позволит ему разделить с ней ложе, единственное последствие этого — то, что пострадает только её сердце. Калли была бесплодна. Должно быть, что-то случилось с ней, когда родился Ники, потому что, несмотря на регулярные ежемесячные визиты Руперта, она так и не ощутила больше шевеления плода в своём чреве. Не то чтобы Калли возражала против того, чтобы Гэбриэл одарил её ребёнком. Калли полюбила бы его, ей было бы приятно иметь подле себя небольшую частичку Гэйба.

О Боже, даже просто думать об этом было похоже на игру с огнём. Но если Калли не решится, то проведёт остаток своей жизни, сожалея о неслучившемся. Итак, да, она собиралась позволить ему выполнить супружеский долг.

Но каким образом? Калли не могла просто попросить об этом.

Проверяя реакцию Гэйба, она слегка поворочалась в постели, прижимаясь своей попкой к его возбуждённому мужскому органу. Гэбриэл напрягся. Это обнадёживало. Калли снова заворочалась.

— Лежите спокойно, хорошо? — пробормотал Гэйб, сжимая её ещё крепче в своих объятиях.

Вместо ответа Калли снова заворочалась, дерзко потираясь ягодицами взад и вперёд о возбуждённую часть тела Гэйба. Она лежала с закрытыми глазами, притворившись полусонной и неосознающей, что делает.

— Если вы не будете лежать спокойно, то я не отвечаю за последствия, — прорычал Гэбриэл.

Калли снова заворочалась и подождала реакции.

— Вы делаете это умышленно, не так ли? — прошептал он.

Она не ответила.

Без предупреждения Гэбриэл развернул её к себе и посмотрел Калли в лицо.

— Я дал вам своё слово. Если вы передумали, то вам нужно сказать мне об этом.

Она не смогла собраться с духом, чтобы произнести это. Не так открыто. Не вслух.

Помолчав с минуту, Калли произнесла:

— Вы сказали, что я не умею лгать.

Гэйб нахмурился, заметив явную неуместность замечания.

— Да, я так сказал.

— А что, если я всё испорчу — в разговоре с судьёй или правительственным чиновником, или кто там будет задавать вопросы?

— Испортите что?

— Ш... шахматную партию. Сказав, что мы вступили в брачные отношения, когда мы этого не сделали.

Гэбриэл сверлил Калли глазами.

— О чём вы говорите?

Она уставилась в точку над его плечом, сделала глубокий вдох и произнесла:

— Я думаю, возможно, нам следует выполнить наши супружеские обязанности.

Одна тёмная бровь Гэйба приподнялась.

— Ради шахматной партии?

— Да, — здесь Калли почувствовала себя увереннее. Это был всего лишь вопрос законных обязательств, а не что-то, что было необходимо ей или что заставляло её испытывать боль и желание. Она просто предлагала выполнить свой долг. Бесстрастно.

— Потому что вы не хотите лгать.

— Верно.

— Итак, принцесса, вы говорите, что хотели бы сделать этот брак по-настоящему законным? — мягко спросил Гэйб.

Калли сглотнула и кивнула.

— Да. Если вы не возражаете.

— О, я не возражаю.

Она закрыла глаза и замерла в ожидании. Ничего не произошло. Гэбриэл не пошевелил ни единой мышцей. Калли знала это точно; она до боли чувствовала все его мышцы.

Калли открыла глаза и обнаружила, что он смотрит на неё с загадочным выражением на лице.

— Ну и? — спросила она.

Гэбриэл улыбнулся той ленивой, лукавой улыбкой, от которой её тело плавилось, словно мёд.

— Начинай ты.

— Я? — с трудом выговорила Калли. — Я должна начать?

Гэйб улыбнулся.

— Да, начинай ты, — он перекатился, лег на спину, положил руки под голову и приготовился думать об Англии. Он мог умереть счастливым.

Его супруга приподнялась на локте и в замешательстве уставилась на него.

— Но что я должна делать?

— Всё, что хочешь, — она выглядела такой прекрасной и такой смущенной. Калли сказала, что хочет больше контролировать ситуацию, и он собирался проследить, чтобы она получила желаемое.

Не отводя взгляда, Калли села на кровати, и ему потребовалась вся сила воли, чтобы остаться неподвижным. Ее ночная рубашка на самом деле не была ночной рубашкой, это был инструмент для мучения мужчин: она открывала... почти всё, а скрывала... ничего она не скрывала. Перед его глазами предстала тоненькая, как паутинка, ткань, струящаяся по ее полным кремовым грудям. Шелковая завеса, сквозь которую виднелись соски темно-ягодного цвета. Набухшие, твердые, ищущие его ласк.

Это зрелище возбуждало сильнее, чем абсолютная нагота. Или, возможно, все дело в том, что эта женщина волновала его больше, чем любая другая в его жизни. У него же были сумасшедшие эротические фантазии, даже когда она была одета в ту огромную розовую фланелевую палатку, которую ей одолжила миссис Барроу. Слава Богу, кто-то — ангел, без сомнения! — дал Калли это шелковое одеяние, приглашающее погрузиться в безумие, облачение, ласкающее изгибы ее тела, скрывающее и демонстрирующее одновременно.

Боже, даже сейчас, когда ее милое серьезное личико морщилось от отчаяния, пока она смотрела на него сверху вниз, она была прекрасна.

— Но всегда начинают мужчины, — настаивала Калли.

— Не всегда, — возразил Гэйб, — кроме того, я устал.

Он потянулся, продолжая все так же держать руки за головой, сцепив пальцы замком. Он не был уверен, что, опустит он руки, не потянется к ней. Важно, чтобы именно она начала первой.

Очевидно, что его жена никогда не делала этого прежде. И будь он проклят, если допустит, чтобы их первый раз состоялся лишь по той причине, что они должны узаконить свой брак. Или потому, что она желает принести какую-то смехотворную жертву.

Калли обманывала себя, притворяясь, что не была так же возбуждена, как и он. Гэйб не требовал от нее, чтобы она призналась в своем желании вслух — он уважал её сдержанность, — но хотел, чтобы она *поняла*, что чувствует по отношению к нему.

Именно Калли начала все это, дразня и искушая его. Начала уже после того, как он предупредил ее. И теперь он намеревался свести ее с ума от страсти — так, как она сводила его с ума с той самой ночи, когда они встретились впервые.

Гэйб собирался подарить ей — и самому себе — ночь, которую они будут помнить всю свою жизнь. И, как он надеялся, эта ночь станет первой в череде многих последующих. Это была его женщина. Он хотел состариться вместе с ней или умереть в один день, дожив до глубокой старости.

— Слишком устал? — Калли откинула одеяло и посмотрела на его кальсоны, где его

мужское достоинство делало всё возможное и невозможное, только бы выпрыгнуть наружу. — Лжец! — воскликнула она. — Прекрати меня дразнить!

— Почему? Ты же меня дразнишь.

— Я этого не делаю, — возмущенно возразила Калли.

Взгляд Гэйба переместился на ее грудь в шелковом облачении, и женские руки тотчас же взметнулись, прикрывая наготу. Ему захотелось застонать, но почти сразу же ее глаза стали задумчивыми, а взгляд переместился на его собственную обнаженную грудь.

Калли протянула руку и прикоснулась к его коже, легко лаская кончиками пальцев, исследуя, одновременно всматриваясь в его лицо, чтобы видеть отклик. Она коснулась мужского соска, и он затвердел под ее рукой. Калли нежно потерла его, а затем принялась ласкать оба соска одновременно. Гэйб застонал и выгнулся под ее руками, пытаясь сохранить самообладание.

Калли задумчиво поглаживала его грудь одной рукой, а другой продолжала нежно царапать сосок. Ее взгляд переместился туда, где едва заметная полоска темных волос пересекала живот и исчезала за поясом кальсон. Гэйб приготовился почувствовать ее прикосновение там, но она не сделала ни одного движения в желанном направлении. Проклятье!

— Ты как ожившая статуя, — прошептала она восторженно, касаясь его пальцами, лаская каждую линию, каждую выпуклость его мускулистого тела, — я подумала об этом, когда смазывала тебя той мазью. Идеально сложенный, такой твердый, сильный и тем не менее теплый, — двигаясь, она слегка задела его грудью.

— Очень твердый, — задыхаясь, проговорил Гэйб, — очень теплый.

Вряд ли он сможет выдерживать эту пытку долго. *«И кто кого должен был сводить с ума?»* — подумал Гэйб.

Калли снова посмотрела на бугор в его кальсонах и принялась задумчиво покусывать губу. Гэбриэл громко застонал.

— Когда-нибудь твой рот убьет меня.

— Правда? — довольная, она наклонилась и прикоснулась к его губам легким поцелуем, и Гэйб воспользовался возможностью, жадно целуя ее в ответ, вкушая, соблазняя, овладевая.

Калли отодвинулись, в свете огня ее глаза потемнели от желания и казались дымчатыми. Ее взгляд вновь скользнул к его кальсонам.

— Ты не будешь против, если я...

— Нет! Приступай, — с трудом проговорил Гэйб и приготовился, когда она потянулась к пуговицам. Одну за другой она растянула их, а затем медленно и осторожно потянула кальсоны вниз, скользя хлопковой тканью по чувствительной вершинке его возбужденной плоти. На мгновение выгнув спину, он ждал. Закрыв глаза и стиснув кулаки, он жаждал ее прикосновения.

Ничего.

Гэйб открыл глаза. Калли смотрела на него и изучала его мужское достоинство с любопытством, которое в большей степени пристало девственнице, нежели замужней женщине и матери.

— Ну, продолжай, ты же видела это раньше, — проскрежетал он.

— На самом деле, нет, не видела, — ответила молодая женщина, — во всяком случае, не у взрослого мужчины. Руперт никогда не снимал ночной рубашки. Не снимал со мной, —

при этих словах на ее лицо набежала тень, но Гэйб зашел уже слишком далеко и не мог поддерживать разговор, — конечно, я его чувствовала, но не руками. Ты будешь возражать, если...

— Нет. Вперед, — он не хотел слушать о Руперте.

Калли прикоснулась к нему — сначала робко, проследив всю его длину кончиком пальца. И хотя ее ласка была невесомой, Гэбриэл почувствовал: словно молния пронзила его тело от макушки до кончиков пальцев на ногах. Затем она обхватила его ладонью и нежно сжала. И он почти кончил.

Это был предел, максимум того, что он мог вытерпеть, позволяя ей действовать самой. Гэйб обхватил ее за талию и за две секунды ухитрился снять с нее эту шелковую вещичку. Калли оказалась лежащей на спине, обнаженной, под ним.

— Я... не могу... ждать! — удалось выговорить ему, пока он раздвигал пальцами нежные складочки между ее ног. Она была горячей, влажной, готовой принять его, и потерявший от страсти голову Гэйб, вонзившись одним резким ударом, оказался в ней.

Ее лоно было тугим, более тугим, чем он ожидал. Смутно он чувствовал, как Калли вцепилась в него, как задвигалась под ним, но Гэйб уже не в силах был сдержаться. Его телом управляло животное, спрятанное глубоко внутри; он двигался, а в голове билась только одна слепая собственническая мысль — моя женщина, моя жена. Толчок, второй, и он задрожал.

Гэйб не был уверен, сколько прошло времени, прежде чем он снова обрел способность мыслить. Вместе с вернувшимся сознанием пришли чувство вины и угрызения совести. Чем больше он думал о случившемся, тем более униженным себя чувствовал.

План состоял в том, чтобы соблазнить, совратить, свести ее с ума от страсти. И что он там говорил раньше о том, что никогда не будет набрасываться на нее? Или о том, что он слишком опытен для такого поведения? Гэйб застонал.

Он не просто набросился на нее, он поступил намного хуже. Он не удосужился приласкать ее, только раздвинул ей ноги. Не стал ждать от нее другого знака, что она готова принять его, кроме ее влажности. Он вонзался в нее бездумно, эгоистично думая только о своей разрядке, забыв обо всем, кроме своих собственных потребностей.

В лучшем случае — на что он мог только надеяться — она будет в ярости. В худшем — возненавидит его.

Открыв глаза, Гэйб увидел, что Калли смотрит на него.

— Я сожалею, — сказал он.

Она промолчала. Он никак не мог понять выражение ее лица, находящегося в тени.

— Я сожалею, — повторил Гэйб, — я не...я никогда...только, когда я был юным...

Калли не могла говорить, все еще слишком потрясенная тем, что произошло. Когда Гэбриэл кончил, она надела ночную рубашку, а сейчас натянула на себя одеяло. В спальне стало немного зябко.

Итак, теперь она знала, каково это — оказаться в постели с Гэбриэлом Ренфру. Она была не совсем уверена, что именно думает обо всем этом, но знала, что никогда не забудет эту ночь. Калли все еще испытывала возбуждение и чувствовала ноющую пустоту, а также была немного сердита, — но при этом где-то глубоко внутри нее зрело изумление.

Быть предметом такой сильной страсти, что мужчина, подобный Гэбриэлу, — мужчина, гордящийся своей выдержкой, — полностью потерял рассудок. Она едва коснулась его, и он взорвался. Это было невероятно.

Калли чувствовала себя...могущественной. Не удовлетворенной, а могущественной.

Именно она, Калли, сотворила это с ним. Именно она явилась причиной того, что этот сильный дисциплинированный мужчина набросился на нее с алчностью и страстью. И сейчас он продолжал напряженно смотреть на нее.

— Я заглажу свою вину, — потянувшись к ней, произнес Гэйб.

Она немного отодвинулась.

— Но ведь дело сделано. Мы подтвердили свой брак.

— Нет, не подтвердили, — настаивал он, — ты не... *ты не была вовлечена*. Я был слишком быстр и не позаботился, чтобы ты тоже получила удовольствие, — он снова потянулся к ней.

Калли оттолкнула его.

— Ты хочешь сделать это *снова*? Сейчас?

— Да. Будет лучше, обещаю тебе.

— Нет. Уже поздно. И я устала, — туго завернувшись в одеяло, она легла. Ей хотелось поверить ему, но она должна была защищать себя. Она не желала вновь испытать то ощущение, когда тебя возносят на гору, возносят только на половину пути, а потом сбрасывают вниз. Нет, только не дважды за ночь.

— Доверься мне. Этот раз будет только для тебя, обещаю, — он стянул с нее одеяло.

— Нет! — воскликнула сердито Калли, таща одеяло обратно на себя. — Я знаю, что мы сегодня принесли клятвы, но, если ты помнишь, я не клялась повиноваться тебе. Именно поэтому.

Ненадолго в спальне наступила тишина, а затем Гэйб произнес:

— Но я все еще должен выполнить клятвы, которые принес тебе.

— Мы подтвер...

— Не в этом смысле. Я поклялся почитать тебя. И сейчас мне необходимо сделать это, — его низкий искренний голос и глаза призывали поверить ему.

Калли недоверчиво разглядывала его.

— Ты просишь о многом.

— Знаю, — мягко ответил Гэйб.

Прямо сейчас она могла бы отказаться и сохранить свое сердце нетронутым — почти нетронутым, поправилась молодая женщина. Но она не ожидала этого. Не ожидала, что он будет готов остаться, что он захочет подарить ей наслаждение — даже после того, как его собственные желания были удовлетворены. Словно ее чувства так же важны, как и его.

Гэбриэл утверждал, что хочет *почитать* ее. Если ему действительно этого хочется...как она может отказаться?

— Этот брак заключен только на бумаге. Как хороший ход в шахматной игре, — слабо сопротивлялась Калли.

— Тогда давай сыграем в шахматы, — предчувствуя ее неизбежную капитуляцию, тотчас же ответил Гэйб, — черный конь бьет белого ферзя.

И поцеловал ее. Он прижался губами к ее губам, провел языком по контуру ее рта и начал нежно раздвигать ее сладкие губы, проникая внутрь. Его язык двигался в медленном ритме, на который непроизвольно откликнулось всё её тело. Горячая дрожь пробежала по ней и сосредоточилась в ноющем центре внутри.

Калли провела руками по мужской груди. Его тело было твердым и горячим, и ей нравилось ощущать его; нравилось ощущать Гэйба. Она поцеловала его соленую с

мускусным ароматом кожу и пришла в восторг от этого вкуса.

Гэйб ласкал ее грудь сквозь ткань ночной рубашки, и восхитительное трение шелка вызвало такое чувство удовольствия, что Калли выгнулась и содрогнулась. Ее кожа казалась нежной и невероятно чувствительной. Молодая женщина задрожала и еще крепче прижалась к Гэбриэлу.

Сквозь туман наслаждения Калли поняла, что муж ласкал ее с особой внимательностью, словно изучал, пытался понять, что доставляет ей наибольшее удовольствие.

Всё, что он делал, доставляло ей удовольствие.

Оторвавшись от губ, Гэйб начал покрывать поцелуями ее шею, постепенно спускаясь к груди, а Калли изгибалась в его руках, как кошка, наслаждаясь ощущением его рта на своей коже. Его губы сомкнулись сначала вокруг одного соска, затем другого; он играл с ними, сосал, нежно покусывал сквозь шелк, а она стонала и беспокойно извивалась в его объятиях, пока волны ярчайшего обжигающего удовольствия накатывали на нее.

Ее руки беспорядочно скользили по мужскому телу, массировали, пробовали, требовали большего, изучали маленькие выпуклости его плоских сосков, ровный мускулистый живот, линию темных волос, сбегających с груди к паху. Когда в прошлый раз она коснулась его там, он практически взорвался. Ей стало любопытно, сможет ли она снова сделать это.

Потянувшись вниз, Гэйб прикоснулся к нежной коже ее бедер, и Калли тотчас же забыла о том, куда сама собиралась направить руки. Ее ноги — напряженные, дрожащие от ожидания и необходимости почувствовать его прикосновение, — раздвинулись. Гэйб захватил подол ее ночной рубашки и начал тянуть вверх, скользя тканью по горячей возбужденной чувствительной коже.

Затем ночная рубашка исчезла, и его рука очутилась между ее бедер, гладя, кружа, дразня, сжимая. Калли изогнулась дугой и затрепетала, ее ослабевшие ноги непроизвольно раздвинулись еще шире, и она вцепилась в Гэйба, желая чего-то — чего угодно! — но не понимая, чего именно. Их губы слились в поцелуе, глаза встретились и не отпускали друг друга, пока пальцы Гэбриэла ласкали ее, ласкали, ласкали, приближая к краю пропасти, в которую она сорвалась через мгновение.

Калли почти лежала на Гэйбе. Она тяжело дышала и ощущала, как ее тело продолжает содрогаться от постепенно стихающего экстаза. Переведя взгляд на Гэйба, молодая женщина поняла, что он все еще возбужден и полон желаний, и совсем неудовлетворен.

Калли потянулась вниз и взяла его плоть в руку, гладя и исследуя так, как он делал это с ней. Стиснув зубы и напрягая ноги, словно бы сопротивляясь, Гэйб задрожал, а затем застыл.

Движимая древним инстинктом, присущим всем женщинам со времен Евы, Калли пробежала пальцами по всей его длине, поласкала чувствительную вершинку, коснулась и размазала крошечную капельку выделившейся жидкости. Восхищенная тем, насколько горяча и шелковиста на ощупь его плоть, она сжала руку, заставив его застонать.

Калли замерла, неуверенная, что делать дальше. Она хотела почувствовать его внутри, ее разгоряченное ноющее лоно нуждалось в этом, но Гэйб не двигался. Он просто смотрел на нее, позволяя ей играть с собой, хотя его тело изгибалось и дрожало от с трудом контролируемого желания. И она никак не могла понять, почему он бездействует. Он хочет ее, и она хочет его, так почему он не...?

А затем она поняла. Он пытался загладить свою вину за первый раз.

— Ты можешь скакать на мне, — предложил Гэйб хриплым от желания голосом, — так ты будешь всё контролировать.

— Скакать на тебе? — Калли была заинтригована. Взобравшись на мужа, она немного неуклюже расположилась над его возбужденной плотью и направила ее в себя. Почувствовав, как нечто горячее, гладкое, длинное начало проникать в нее, она остановилась. Застонав, Гэйб стиснул зубы, но остался неподвижным. Она снова начала двигаться, медленно опускаясь, пока его плоть не оказалась полностью в ней. Это было восхитительно. Уперевшись руками в кровать с обеих сторон его тела, Калли наклонилась вперед и попробовала пошевелить бедрами. Застонав, Гэйб вонзился в нее, и ее затопило наслаждение. Калли стала двигаться вместе с мужем, сжимая внутренние мышцы, ощущая его во всю длину внутри себя.

Она двигалась и двигалась, Гэйб вонзался в нее, и вдруг неожиданно — это действительно нельзя было описать другим словом — она, которая никогда в жизни не ездила верхом ни на одном животном, начала скакать на своем муже. Она скакала, а он изгибался под ней, пронзал ее, двигался в ней. Его ладони ласкали ее груди, а она двигалась всё быстрее и быстрее, издавая слабые высокие звуки удовольствия.

В последний момент Гэйб скользнул рукой туда, где они были соединены, прикоснулся к ней там, и внезапно она воспарила, воспарила и разбилась на тысячи осколков, осыпавшихся на и вокруг него. Тонко и высоко вскрикнув, Калли рухнула на тяжело вздымающуюся грудь мужа, забыв обо всем.

С трудом хватая ртом воздух, Гэйб прижал ее к себе. Он не хотел отпускать Калли и был способен думать только об одном — она только что стала его женой не только с точки зрения закона, но и на самом деле. Обняв удовлетворенную и расслабленно лежащую на его груди молодую женщину еще крепче и поцеловав ее в макушку, он натянул на них одеяло. Гэйб не хотел, чтобы Калли замерзла.

Он заявил на нее свои права. Теперь ему осталось сделать только одно — удержать ее.

* * *

Несколько часов спустя Гэйб проснулся под звук медленно, но неустанно падающих капель. Дождь прекратился. Но не это разбудило его. Он прислушался. Видимо, сейчас было то тихое время перед рассветом, когда Лондон почти успокаивался. Он слышал только, как последние капли дождя равномерно барабанили по крыше.

Потянувшись к Калли, Гэйб обнаружил, что ее нет в постели. Он приподнялся и увидел ее, завернувшуюся в красную шаль, сидящую на подоконнике, подтянув колени к груди, и смотрящую в серую ненастную ночь.

Ему был знаком этот взгляд — взгляд человека, смотрящего внутрь себя. Или, как в ее случае, взгляд женщины, глядящей наружу и желающей получить то, чего у нее не было; то, что находилось где-то там. Страстно мечтающей об этом. И не желающей того, что у нее уже имелось: не желающей его.

Гэйбу неожиданно стало холодно. Она должна полюбить его. Обязана полюбить его. Он убедит, заставит ее полюбить себя.

«Будто бы любовь можно получить силой», — в отчаянии подумал он. Но что еще он мог поделать? Он должен попытаться.

Калли понравилось то, что они делали в постели, Гэйб был уверен в этом. Тогда он снова и снова станет спать с ней, станет любить ее, пока она не привяжется к нему.

Она не хотела выходить за него замуж, и ему пришлось хорошенько потрудиться, чтобы

убедить ее. Сегодня была их первая брачная ночь, а Калли уже начала сожалеть о своем решении?

Он думал — надеялся, — что ему удалось исправить впечатление, сложившееся у нее после того, как он потерял самообладание. Очевидно, нет.

Если только проблема заключалась не в постельных делах, а в чем-то другом. Гэйб был уверен, что она смогла испытать по крайней мере часть тех восхитительных ощущений, испытанных им самим, когда они занялись любовью во второй раз. Если он что и знал о женщинах, так это то, удалось ли ему доставить им наслаждение или нет. И он готов поклясться своей жизнью, что ей было хорошо. Самому ему было не просто хорошо.

Но Калли покинула его, покинула их супружеское ложе. Теперь она сидела на холодном подоконнике одна, сжавшись в комочек, олицетворяя всем своим видом страдание. Вглядываясь в холодную ночь так, будто бы там, снаружи, находилось что-то, так необходимое ей. Необходимое больше, чем всё то, что она имела здесь, внутри.

Гэйб почувствовал, как на сердце легла ледяная тяжесть. Он принес в этот брак только свою способность защитить Ники, а это слишком тонкая ниточка, чтобы удержать жену. Он надеялся, рассчитывал, что его навыки в искусстве любви помогут ему сделать это. По крайней мере, удержать ее на время, достаточное для того, чтобы его попытки заставить полюбить себя увенчались успехом.

Он не хотел терять Калли. Он должен заставить ее полюбить себя.

Это сделать не сложнее, чем схватить луну.

Но, вероятно, ему удастся подобраться к ней по-другому. Может быть, она беспокоится о сыне? Калли была превосходной матерью. Если бы ей предстояло сделать выбор между сыном и мужем, Гэйб знал, кого бы она выбрала — сына. В отличие от его собственной матери, сделавшей другой выбор.

Гэбриэл, вечный неудачник в любви.

Но он так же был воином и не собирался сдаваться. Эта крошечная, прекрасная, сжавшаяся в комочек на подоконнике женщина, живое воплощение скорби, держала в своих руках его сердце. Неважно, знала она об этом или нет. И он не позволит ей вернуть его.

Гэйб выбрался из кровати и подошел к Калли. Один взгляд на ее лицо заставил его сердце сжаться.

— Что случилось? — спросил он.

Ее ответный взгляд был печальным:

— Нам не следовало этого делать.

— Почему нет? — слова прозвучали грубо.

Вопрос повис в воздухе. Калли не ответила, только покачала головой. Ее губы дрожали.

— Мы можем попробовать еще раз, — поспешил предложить Гэбриэл, — если получилось не очень хорошо...

— Это было восхитительно, — проговорила она таким слабым печальным голосом, что ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять ее слова.

— Тогда...?

— Я не хочу говорить об этом.

Расстроенный, Гэйб продолжал смотреть на нее. Если он не знал, в чем дело, то не мог решить проблему. Калли замерзла. Он принес ватное одеяло и закутал ее, затем, замешкавшись на секунду, обнял. Слава Богу, она не возражала, потому что он не был уверен, хватило бы ему сил отпустить ее, пожелай она этого.

Он держал ее в своих объятиях, прижимая к груди, согревая теплом своего тела, поддерживая. Калли продолжала смотреть в окно. Одинокaя слеза медленно скатилась по ее щеке.

Гэйб впал в отчаяние. Как он может убедить ее довериться ему и всё рассказать?

— Что бы ни случилось, я всё исправлю. Только скажи... — не было ничего, чего бы он не сделал для нее.

Калли покачала головой, и тихие слезы градом потекли по ее щекам.

— Я сделал что-то не то? Или не сделал?

Ее лицо сморщилось.

— Нет, — отрывисто ответила молодая женщина и, повернувшись к Гэйбу в своем горе, судорожно вцепилась в него, — это совсем не твоя вина. То, что ты сделал... что мы делали вместе... это было совершенно... я никогда... это было идеально, — глаза Калли вновь наполнились слезами, и она смахнула их, — я прошу прощения, не знаю, что со мной происходит. Я чувствовала себя... я чувствую себя восхитительной и желанной, правда.

«Она чувствует себя восхитительной и желанной, — уныло подумал Гэйб, — именно поэтому сейчас она выглядит такой несчастной».

И что, предполагается, мужчина должен делать со всем этим?

Как он может научить ее желать его так, как он желает ее?

— Давай вернемся в постель, и я снова помогу тебе почувствовать себя желанной, — хриплым голосом предложил Гэйб. Он не знал, что еще ему сделать, кроме как любить ее. Он был способен думать только о том, что необходимо стереть с ее лица это печальное выражение. И если ему удастся заставить ее тело петь от страсти, снова и снова, то, может быть, тогда...

Он поцеловал ее, и Калли ответила на поцелуй. *«Это начало, — сказал он себе, — ведь она целует тебя так, будто действительно хочет этого».*

Гэйб отнес жену в постель и любил ее третий раз — очень медленно, вдумчиво, почитая ее каждой клеточкой и частичкой своих тела и души. Калли отвечала на каждый его поцелуй своим поцелуем, на каждую нежную ласку — своей лаской, и во всех ее движениях чувствовалась такая искренность, смешанная с отчаянием, что это почти разбило ему сердце.

Она старалась слишком сильно, и он знал, что это значило.

Они, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза, пока Гэйб, безжалостно увеличивая напряжение в ее теле, подводил Калли к долгой сильной разрядке, пока наконец она не заметалась, задрожав и не владея собой, и не упала ему на грудь, и в тот же миг он сам разлетелся на куски и утонул в ее глазах.

Калли так и заснула, прижавшись щекой к его голой груди, убаюканная биением его сердца. Гэйб крепко прижал ее к себе, не желая отпускать даже на мгновение.

Он потеряет ее. Он понял это, посмотрев ей в глаза.

Господь всемогущий, что же ему делать?

* * *

Проснувшись несколько часов спустя, Гэйб обнаружил, что день уже в полном разгаре. Было все также влажно, серо и холодно.

Калли спала, свернувшись у него под боком, как котенок; ее длинные черные шелковистые ресницы отбрасывали тень на нежную бледную кожу щек, рот слегка

приоткрылся, дыхание было ровным и спокойным. Ему доставляло удовольствие смотреть на нее спящую. Склонившись, Гэйб легонько поцеловал ее, но, слегка пошевелившись, она не проснулась. Тогда он прижался носом к ямочке в основании ее шеи и сделал глубокий вздох. Доживи он хоть до ста лет, ему не забыть ее запах.

Гэйб выбрался из кровати и, как был, обнаженным, неслышно ступая по толстому ковру, направился к почти погасшему камину. Подложив поленьев и угля, он подождал, пока огонь вновь не занялся.

Собираясь снова лечь, он обернулся и увидел, что Калли, приподнявшись на локте, наблюдает за ним. Возвращаясь к кровати и ощущая на себе ее взгляд, он чувствовал себя немного смущенным. Она разглядывала его с откровенным интересом, на губах играла легкая улыбка — он только надеялся, что это была улыбка одобрения.

Скользнув обратно в постель, Гэйб поцеловал молодую женщину.

— Доброе утро, — прошептала она и потянулась к нему. Ее ладонь собственнически обхватила его твердеющую плоть, а губы — самые восхитительные во всем мире — соблазнительно изогнулись, когда она ощутила наглядное доказательство его желания.

— Действительно, доброе утро, — шепнул он в ответ, ощутив прилив надежды, — и оно станет еще лучше...

* * *

После он вызвал прислугу и попросил принести для них горячей воды: Калли попросила приготовить ванну. Затем, согласно распоряжениям Гэйба, им должны были накрыть завтрак.

Когда ванна была готова, Калли, смущенно извинившись (что сильно развеселило Гэйба), ушла мыться в свою гардеробную, а его отправила в его собственную — бриться и одеваться.

На мгновение Гэйб задумался, не стоит ли ему помочь жене с купанием, но решил, что не стоит. Несмотря на годы замужества, Калли не привыкла к плотским удовольствиям, и ему не хотелось атаковать ее изо всех своих орудий. Это будет долгая неспешная осада. *«Я могу сделать это в другой день, — подумал Гэбриэл, — может быть, завтра».*

Сидя в ванной, Калли намыливалась и размышляла о тех странных минутах прошлой ночи, когда она впала в абсолютнейшее отчаяние. Странно, что это случилось всего лишь через несколько часов после того, как она испытала ярчайшее блаженство в своей жизни.

На самом деле, это не очень-то и странно, решила молодая женщина. Блаженство вызвало отчаяние. Прошлой ночью, держа ее в своих объятиях, Гэйб показал, чего она была лишена на протяжении всей своей семейной жизни. И что хуже всего — она узнала, что у нее могло бы быть, если бы только этот злосчастный брак был настоящим со всех точек зрения, а не только с точки зрения закона.

Тогда она не могла говорить с ним об этом — ее чувства слишком обнажились, а сама она чувствовала себя такой уязвимой. Вся ее защита... Гэйб уничтожил ее, занявшись с ней любовью так, как он это сделал. Она никогда не знала, что возможно чувствовать такое.

Калли хотела, чтобы ее брак стал настоящим; хотела, чтобы этот мужчина принадлежал ей; хотела любить его каждой частичкой своей души.

Гэйб воплощал в себе всё то, о чем она мечтала — добрый, сильный, любящий, мужчина, который будет почитать и уважать, который не станет сначала использовать

женщину, а потом отбрасывать ее. Она желала, чтобы они были вместе всегда — а не день, неделю или месяц.

Но ее желания не играли никакой роли, ведь ей никак не удавалось придумать, как бы их брак мог осуществиться на самом деле. Замужество подразумевало нечто большее, чем просто чувства: это было ежедневное партнерство. Вся жизнь Гэйба сосредоточена здесь. А ее — со временем, после того, как проблема в виде графа Антона разрешится, — снова будет связана с Зиндарией.

Зиндария — будущее Ники, его наследство. Что же она будет за мать, если променяет славное будущее своего сына на собственное эгоистичное счастье?

Вся семья Гэбриэла жила в Англии — братья, тетушка, прочие многочисленные родственники, которые присутствовали на их свадьбе. Его друзья тоже жили здесь, а ведь они казались ближе друг другу, чем многие братья.

Калли, у которой почти не было ни друзей, ни родных, прекрасно осознавала их важность. Несколько ее дальних родственников проживало в разных уголках Европы, но она с ними никогда не встречалась, а в Зиндарии она была совсем лишена дружеского общения. Все принцессы ведут очень уединенную жизнь. Как она могла просить Гэйба променять свою насыщенную захватывающую жизнь на одинокое монотонное существование в чужой стране?

У него были семья, друзья, дом, земля, обязанности. Он являлся частью этого. Какой мужчина откажется от всего ради нее?

Никакой. Так что она должна смириться с этим и двигаться дальше.

Энергично растирая тело мочалкой, Калли пыталась подсчитать, сколько всего ей было дано. Благодаря ее браку Ники находился в большей безопасности, чем раньше. И у нее появился превосходный муж, пускай и на короткое время. Она могла хандрить и жалеть себя в ожидании того дня, когда Гэйб оставит ее, или могла наслаждаться тем, что было у нее сейчас. Схватить счастье, пока оно не покинуло ее, и радоваться.

Задумчиво намыливаясь, Калли познавала свое тело в совершенно новом свете; она касалась груди и нежных вершинок и вспоминала, как Гэйб ласкал их, щедро даря удовольствие. Вспоминала восхитительную ноющую боль между бедрами в том месте, где она никогда не ожидала, что там может так ныть и болеть.

Последний раз она так воспринимала и относилась к своему телу во время беременности. Калли помнила, насколько была очарована его женской силой и тайной, — ее совершенно, казалось бы, обычное тело на самом деле вынашивало ребенка, это живое чудо природы.

Прошлой ночью ее тело снова изумило Калли. Она никогда не представляла себе, какое наслаждение оно способно испытывать, не представляла, что она в экстазе может разлететься на тысячу кусочков, а после чувствовать себя так, будто парит в воздухе.

И ни разу за всю свою жизнь она не допускала и мысли о том, что ее тело может вызвать настолько неудержимую страсть у такого сильного сдержанного мужчины, как Гэбриэл Ренфру, что он совершенно потеряет самообладание. И оно вызвало. Трижды за ночь. Четырежды, если считать утро. Калли улыбнулась. Снова! Она улыбалась всё утро и ничего не могла с этим поделать. Молодая женщина ощущала себя так же, как она воспринимала собственное тело, — женственной, могущественной и таинственной.

Неожиданно ее перестало беспокоить то, что их брак был временным, что однажды их будут разделять тысячи миль и, хотя официально они все еще останутся женаты, каждый

станет жить своей собственной жизнью. Что хорошего принесут ей постоянные мысли об этих мрачных перспективах? Она вышла замуж, чтобы спасти Ники. Одно это стоило той сердечной боли, которая могла ожидать ее впереди.

Раньше Калли не понимала, почему Гэйб решил жениться на ней. Задавалась вопросом, что даст ему этот брак. Но теперь она знала — *ее*. Он хотел ее. Неудержимо. Ее тело трепетало и болело от осознания этого, а сердце ликовало.

Казалось, будто бы прошлой ночью неким невероятным образом что-то внутри нее разрушилось и исчезло, и теперь она стала... *другой*.

Внезапно Калли почувствовала себя легче и свободнее, словно ночной дождь омыл и очистил ее, как он очистил воздух. И теперь она была подобна чистой грифельной доске. Ее собственной грифельной доске, на которой она могла писать, стирать написанное и снова писать. Писать всё, что ей захочется.

Калли собиралась быть вместе с этим мужчиной и любить его, пока сможет. А если... нет, — когда он уйдет в соответствии с их договоренностью, она будет знать, что любила его со всей искренностью и страстью. И этого будет достаточно.

Выйдя из ванны, молодая женщина вытерлась, надела чистую сорочку и вызвала горничную, чтобы та затянула ей корсет. И, ожидая ее, принялась расчесывать волосы.

Она больше не боялась отдать свое сердце Гэбриэлу. Было уже слишком поздно, ведь в какой-то момент в предрассветные часы оно стало его. Возможно, это случилось тогда, когда он всецело и так великодушно отдался ей в руки. Он помог ей оказаться на вершине горы и научил летать...

Или, возможно, это случилось тогда, когда она была в отчаянии, и он, обнимая ее, окружил ее своей добротой и захотел помочь. Или тогда, когда, осушив поцелуями ее слезы, заставил почувствовать себя дорогой и любимой, а не полной дурочкой...

Или, может быть, это случилось тогда, когда он отнес ее в постель и любил в третий раз, любил так нежно, что это почти разбило ей сердце, и в конце концов она заснула, ощущая себя невероятно желанной.

Когда бы это ни случилось, ее сердце было полностью и навсегда отдано ему.

И хотя Калли решила не отказываться от этих счастливых мгновений, она все еще защищала себя от сердечной боли и понимала, что ей будет легче пережить расставание с Гэйбом, если она не откроет ему свои чувства.

* * *

Когда Калли и Гэйб спускались вниз, чтобы позавтракать, часы пробили четыре раза.

— Четыре! — воскликнула она. — Этого не может быть!

Ренфру сверился с карманными часами.

— Всё верно, четыре.

— О! Но куда же делось время?! Я обещала Ники, что мы увидимся утром.

Губы Гэйба изогнулись в медленной многозначительной улыбке.

— Ники найдет, чем заняться. И если хочешь знать мое мнение, это самое время было потрачено с толком.

Молодая женщина покраснела и улыбнулась. Она не могла перестать смотреть на него. Казалось, вся она улыбалась.

— Я проголодалась, — проговорила Калли, входя в маленькую столовую.

Ее муж резко остановился.

— Я тоже, — согласился он, пожирая ее глазами, — может быть, нам следует подняться наверх?

И хотя его глаза смеялись, Калли видела, что он совершенно серьезен.

— Нет, — она постаралась скрыть, какое удовольствие доставили ей его слова, но не смогла сдержать улыбки. Она чувствовала себя такой прекрасной, такой женственной, такой... *желанной*. — Я хочу позавтракать.

— Да, ты должна подкрепиться, чтобы ночью у тебя были силы, — согласился Гэбриэл.

После завтрака — Гэйб попросил приготовить яйца, бекон, оладьи, горячий шоколад и кофе, и она съела практически всё — они отправились к леди Госфорт.

Ее дом находился всего в нескольких минутах ходьбы от Элверли-Хаус. Снова пошел дождь, но не сильный, и они взяли один зонтик на двоих. Пока они шли, их тела соприкасались, что было невероятно приятно. Иногда они специально сталкивались: никто из них никак не мог перестать прикасаться друг к другу. И, будучи в отличном настроении, молодожены перепрыгивали через лужи, как маленькие дети, и смеялись безо всякого повода.

Калли строго говорила себе, что должна прекратить всё это. Одно дело признать, что она испытывает к нему чувства, но вести себя как легкомысленная влюбленная девчонка — совсем другое. Даже если она на самом деле легкомысленная влюбленная девчонка.

Всё это определенно закончится разбитым сердцем, она знала это по своему опыту. Завтра она примет решение. Завтра она снова станет благоразумной.

Когда они подошли к дому леди Госфорт, было уже больше пяти часов. Спроттон, дворецкий, завидев их, смягчился настолько, что одарил улыбкой, которую можно было назвать почти отеческой.

— Вы найдете принца Николая в детской, мадам, — сообщил он Калли, принимая мокрый зонтик и передавая его лакею.

На вопрос Гэбриэла о тетушке и брате он ответил:

— В настоящий момент вашей тетушки нет дома, но все остальные в детской, сэр. Абсолютно все, сэр. Мистер Морант, мистер Делани, мистер Риптон, мистер Рэмси, а также мистер Нэш Ренфру, — чем невероятно удивил и Калли, и Гэйба.

— В детской? — изумленно переспросил Гэбриэл.

Спроттон таинственно улыбнулся.

— Сейчас стоит ненастная погода, сэр. Я вспомнил такие же дни, когда вы были маленьким, и это навело меня на определенную мысль, которая, осмелюсь предположить, оказалась успешной.

Гэйб повел Калли к своей старой детской, расположенной на четвертом этаже.

— Я не был наверху много лет, — сказал он ей, — любопытно, что за мысль пришла Спроттону в голову. Он казался очень довольным собой.

Когда они вошли в комнату, мужские голоса, горячо спорящие, внезапно стихли. Калли тотчас же поняла, что привело их всех в детскую, и улыбнулась. Пять взрослых мужчин и два мальчика, полностью поглощенные своим занятием, распростерлись на полу в различных позах; Тибби, сидя около камина, мирно вязала. При этом выражение ее лица было самое снисходительное, будто бы она присматривала за кучей мальчишек. «Вероятно, так оно и есть», — развеселившись, подумала Калли.

При их появлении мужчины вскочили на ноги и поклонились молодой женщине. Вид у

них был немного глуповатый. Итен рывком поставил Джима на ноги.

Осторожно ступая, Ники подошел к матери и поприветствовал ее поцелуем.

— Ты сказала, что навестишь нас утром, мама. Где ты была весь день? — полюбопытствовал он.

Калли посмотрела на мужа, и ее губы изогнулись в легкой улыбке.

— Играла в шахматы, — безмятежно ответила она.

— И кто выиграл? — спросил Ники.

— Ничья, — ответил Гэйб, приседая, чтобы погладить Юнону, которую на время привязали к ножке стола, чтобы она не учинила каких-либо разрушений.

Калли покачала головой.

— Нет, выиграла я.

— Какой сюрприз, — мягко заметил Гэйб, — я был уверен, что это я выиграл.

Ники посмотрел на Калли, потом на Гэйба и снова на маму и, не заинтересовавшись, пожал плечами.

— Мама, я прекрасно провожу здесь время, и сейчас у нас как раз решается исход сражения, поэтому, если ты не возражаешь...

— Нет, разумеется, нет, милый, — ответила Калли, — мы с Тибби пойдем вниз, чтобы спокойно поболтать, и вы все сможете вернуться к своим игрушкам.

— Это не игрушки, мама, — сообщил оскорбленный до глубины души сын, — это *солдаты*.

Калли посмотрела на пол, превратившийся в огромное тщательно продуманное и организованное поле битвы, участниками которой были сотни игрушечных солдатиков. Затем перевела взгляд на пятерых взрослых мужчин, вежливо стоящих рядом и скрывающих свое нетерпеливое желание поскорей вернуться к сражению всего лишь чуть лучше, чем это делали Джим и ее сын.

— Конечно, это не игрушки, — согласилась она.

Когда они с Тибби покидали комнату, Калли услышала, как ее муж сказал:

— Дивизия в голубом на левом фланге находится в невыгодном положении...

* * *

Следующие два дня почти не отличались от первого. Каждую ночь они занимались любовью. Иногда медленно, страстно и пылко. Иногда яростно и неудержимо. Иногда сладко и болезненно нежно. Казалось, Гэйб был ненасытен, и — к удивлению Калли — она тоже. Стоило им встретиться глазами или просто прикоснуться друг к другу, как тотчас же возвращались желание и потребность любить друг друга.

Ночью, до самого наступления тихих предрассветных часов, они предавались любви, затем засыпали ненадолго — только для того, чтобы, вновь пробудившись, в очередной раз дать волю своему желанию. Это было, как наркотик: Калли никак не могла насытиться ни их занятиями любовью, ни Гэйбом. А когда они не спали и не занимались любовью, они разговаривали.

Они говорили о годах, проведенных Калли с Тибби, о ее жизни в Зиндании, о том, что значило для нее быть принцессой. Они говорили о раннем детстве Гэйба, прошедшем в Элверли-Хаус, об отъезде в Грейндж и о том, как он встретил там Гарри. Они дрались точно так же, как дрались Ники с Джимом. Слушая рассказы Гэбриэла о приключениях, которые

он пережил вместе с Гарри в детстве, Калли начала понимать, какая сильная связь существовала между ними — между двумя людьми, отвергнутыми своими семьями. Они говорили даже о том, что пережил Гэйб на войне, и он немного рассказал ей, каково это — быть одним из немногих, кто вернулся домой...

И чем больше они говорили, тем ближе становились друг другу. Калли начала волноваться, что же будет, когда придет время расстаться. Она гнала от себя эти мысли. Сейчас она была счастлива, поэтому старалась жить сегодняшним днем, и пускай будущее само о себе позаботится.

Дни проходили так, как им хотелось. После долгих занятий любовью ночью и утром они вставали (достаточно поздно), принимали ванну, завтракали, а затем отправлялись на Маунт-стрит в дом леди Госфорт и оставались там до вечера. Калли поднималась наверх и присоединялась к мальчикам и Тибби. Итен и один или двое друзей Гэйба (обычно это был Гарри) постоянно находились там. Оставшееся время Калли проводила с ними, а затем мальчики ужинали.

Почитав детям историю на ночь (Калли была изумлена, увидев, что каждый раз Итен присоединяется к ним, чтобы тоже послушать сказку), она укладывала Ники в кровать и, поцеловав его, желала спокойной ночи. Тибби в это время также укладывала спать Джима.

Мальчики жили в одной комнате, к которой примыкали две смежные спальни. В одной спал Итен, в другой — Гарри. Ники хорошо охраняли круглые сутки; Гэбриэл позаботился об этом.

Как только Ники засыпал и Калли спускалась вниз, взрослые садились ужинать, после чего Тибби и Итен отправлялись наверх, леди Госфорт заставляла кого-нибудь из присутствовавших молодых людей сопровождать ее на очередное светское мероприятие, а Калли и Гэйб, завернув за угол, оказывались в Элверли-Хаус и снова предавались любви.

Для Калли эти дни промелькнули в счастливом оцепенении, пока неожиданно не наступил вечер вторника, вечер, когда леди Госфорт устраивала небольшой бал в честь их венчания.

Молодая женщина оделась с особой тщательностью, выбрав для приема любимое платье из числа новых вечерних туалетов. Это был восхитительный наряд — атласное нижнее платье изумрудного цвета с короткими рукавами, отороченное полоской кружева по подолу, поверх него надевалось верхнее платье из тончайшего газа, украшенное кружевом в тон, атласными серебряными бантами и расшитое алым бисером. К нему Калли надела пару изящных алых турецких туфель, темно-желтую греческую шаль с алой вышивкой и кисточками, длинные белые кружевные перчатки и мамину тиару.

— Как я выгляжу? — спросила она Гэйба, когда он появился, чтобы сопроводить ее вниз.

— Как всегда, обворожительно, — ответил он.

Калли слегка нахмурилась. Она не хотела, чтобы он продолжал расточать ей изысканные комплименты.

— Я знаю, что не красавица, — проговорила молодая женщина, — мне не нужны вычурные комплименты, Гэбриэл. Я была бы счастлива, если бы ты просто сказал, что я выгляжу хорошо.

— Тогда ты хочешь, чтобы я солгал.

— Нет, просто сказал мне правду.

— Я и говорю тебе правду, — муж обхватил ладонями ее лицо и тихонько произнес, —

для меня ты прекрасна, как луна. Твоя кожа подобна шелку, глаза — самого восхитительного цвета, а твои губы... это самые соблазнительные губы во всем мире.

Калли моргнула. Самые соблазнительные губы во всем мире? Мог ли он, и правда, так думать? Она начала улыбаться и ничего не могла с этим поделать.

— О!

— Вот именно, «о». Так что не говори мне, что я думаю, моя красавица жена, — Гэйб начал было склоняться к ней, но остановился: — Я не буду целовать тебя сейчас, ведь, начав, не смогу прекратить, а мы должны идти на этот бал.

Замолчав, Гэйб вытащил из кармана продолговатую бархатную коробочку.

— Я подумал, что ты, вероятно, наденешь тиару своей матери, так что купил тебе в комплект вот это, — он протянул ей коробочку.

Калли открыла ее и надолго замолчала. Она была потрясена.

— Бриллианты. Но...

— Да, знаю, для того, чтобы они подошли, они должны быть фальшивыми, — заметил Гэйб, в его глазах плясали смешинки. Достав из футляра ожерелье, он развернул Калли, чтобы надеть и застегнуть его, — но у меня не было времени. А теперь давай посмотрим, — он повернул ее к зеркалу, — идеально.

Калли уставилась на свое отражение. Бриллианты? Это был подарок, который мужчина преподнес бы своей жене. Своей настоящей, пока-смерть-не-разлучит-нас жене.

— Они прекрасны, — прошептала она.

— Как и их хозяйка. Только не продавай их, хорошо?

— Нет, я бы *никогда*... — ужаснувшись, начала было говорить Калли, но потом поняла, что он поддразнивает ее. — Спасибо, Гэбриэл. Я всегда буду беречь их, — встав на цыпочки, она поцеловала мужа.

Гэйб обнял ее и поцеловал в ответ, поцеловал глубоким и собственническим поцелуем, от которого ей захотелось растаять.

— А теперь пойдем, — скомандовал он через некоторое время, — чем скорее закончится этот окаянный бал и чем скорее мы сможем оказаться в постели, тем лучше.

— Это обещание?

— Клятва.

Именно тогда она скажет ему, решила Калли. На протяжении двух последних дней она пыталась понять, стоит ли ей говорить Гэйбу о своих чувствах или нет. Он вызывал в ней чувства, которых она никогда не испытывала прежде. Он понимал ее, заботился о ней — в этом она была уверена.

Но насколько сильно? Это был вопрос. Она должна выяснить это. По крайней мере, попытаться. Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Сегодня после бала, когда они займутся любовью, она скажет ему.

— Знаешь, когда мы впервые обсуждали этот прием, я не поняла, почему ты так развеселился, услышав слова своей тетушки, что это будет небольшое скромное мероприятие, — шепотом сказала Калли Гэйбу. Вместе с леди Госфорт они стояли у подножия лестницы и уже почти час приветствовали гостей, которые нескончаемым потоком лились через парадный вход. К счастью, Калли привыкла к этому — государственные приемы в Зиндарии не слишком отличались от английских.

— Но, моя дорогая, это определенно *ничтожное мероприятие*, — возразил Гэйб, подражая мелодичному голосу своей тетушки.

Калли хихикнула. То, что леди Госфорт описала как «легкий ланч в кругу самых близких», вылилось в ужин на сорок персон. А под «небольшим частным приёмом, безусловно, скромным мероприятием» подразумевался бал, на который оказалось приглашено столько представителей высшего общества, сколько можно было впихнуть в большой дом на Маунт-стрит.

Калли была в превосходном настроении. Гэйб флиртовал с ней весь вечер, и она чувствовала себя легкомысленной, взволнованной и задыхалась от восторга. Она не могла дождаться окончания вечера и того момента, когда они наконец останутся одни. Мысленно она уже представляла это...

— Принцесса Каролина, — аляповато одетый пожилой джентльмен низко склонился над ее рукой, напомнив, что она должна сосредоточиться на происходящем. Она с трудом вспомнила его имя. Он присутствовал на их свадьбе — сэр Освальд Мэрри-что-то-там.

— Как поживаете, сэр Освальд? — поинтересовалась Калли.

— Хорошо, спасибо, моя дорогая, — его лицо расплылось в широкой отеческой улыбке, — нет необходимости спрашивать застенчивую невесту, как поживает она. Вы цветете, моя дорогая, определенно цветете. Вы счастливчик, Ренфру!

— Благодарю, сэр Освальд, и спасибо, что пришли, — ответил Гэйб. Когда Калли пообещала пожилому господину танец, он направился дальше.

Еще через полчаса поток гостей превратился в тихий ручеек, и леди Госфорт отпустила молодоженов.

— Развлекайтесь, мои милые. Идите танцевать.

В бальном зале играл небольшой струнный оркестр, и как только Калли и Гэйб вошли в комнату, музыканты, словно по сигналу, заиграли вальс.

— Потанцуем, дорогая? — спросил Гэйб и, не дожидаясь ответа, увлек жену на середину зала. Гости, отступив и освободив место для новобрачных, наблюдали за их танцем.

Гэйб кружил и кружил Калли в объятиях. Окружающее превратилось в одно нечеткое цветное движущееся пятно, и Калли видела только мужа. Положив одну руку на его плечо, другую — на его большую теплую ладонь, глядя в ярко-голубые глаза, она танцевала, и ее ножки, обутые в алые туфельки, порхали по паркету.

«*Наш первый вальс*», — подумала она.

— Но не последний, — заметил Гэйб, будто прочитав ее мысли.

Молодая женщина не хотела думать о будущем. Прямо сейчас она чувствовала себя счастливой. Она никогда не думала, что такое возможно.

— Итак, вы та самая маленькая вдова-иностранка, ухитрившаяся притащить Гэбриэла Ренфру к алтарю, — раздался за спиной Калли чувственный голос.

Калли обернулась. Ей не слишком понравилось, что ее назвали маленькой вдовой-иностранкой. Позади, глядя на нее сверху вниз, стояла статная блондинка, чье платье из золотистого атласа казалось второй кожей, так плотно оно облегало тело. Женщина была очень красива.

— Прошу прощения? — спросила Калли. — Мы знакомы?

Блондинка протянула три вялых пальчика:

— Леди Антея Соффингтон-Грин, — она внимательно оглядела принцессу со слегка презрительным удивлением. Калли начала сердиться.

— Женитьба Гэбриэла повергла в скорбь всех *светских* дам, — леди Антея манерно растягивала слова, — меня, впрочем, нет.

Посмотрев на платье Калли, она самодовольно улыбнулась и провела руками по бедрам, затянутым в золотистый атлас. Вырез ее платья был чрезвычайно низок, большие полные груди казались почти полностью обнаженными и походили на две большие головки сыра с голубыми венами, подумала Калли. Леди Антея напомнила ей *ту самую* Валькирию.

— Такая мелочь, как поспешная женитьба, — продолжила блондинка, — не изменит того, что есть между мной и Гэбриэлом, — ее губы изогнулись в многозначительной улыбке.

Затянутые в кружевные перчатки руки Калли сжались в кулаки. Ей страстно хотелось выцарапать этой женщине глаза.

— Мой муж занят, — свирепо сказала она, глядя леди Антее в глаза, — однако его братья свободны, — она посмотрела в другой конец комнаты, где стоял окруженный женщинами и бесстыдно с ними флиртующий высокий привлекательный Гарри. Она заметила, что он не танцевал, возможно, потому, что смущался своей хромоты.

Рядом с Гарри не было незамужних девушек, с удивлением осознала Калли, только молодые привлекательные замужние дамы. И охотиться за Гарри они могли только с одной целью.

Леди Антея хихикнула.

— Вы говорите о Гарри, Хромом Ублюдке?

Калли застыла.

— Если вы имеете в виду моего шурина мистера Гарри Моранта, то как вы смеее называть его хромым в моем присутствии! И должна сообщить вам, что он рожден в законном браке!

Приподняв бровь, леди Антея заметила с многозначительным тоном:

— Так вот, значит, откуда ветер дует, не правда ли? Гарри красавчик, согласна, но, с моей точки зрения, Гэбриэл куда более лакомый кусочек. Об этом можно судить по его большим пальцам.

Калли пришла в ярость. Пальцы Гэйба принадлежали ей!

— Мой муж не значится в вашем меню, леди Антея! А если вам нужно, чтобы вас обслужили, предлагаю вам обратиться к мистеру Моранту. Я знаю, он добр с животными — он может даже сжалиться над раздетой сучкой в течке!

Леди Антея, засверкав глазами от ярости и зашипев, выпрямилась. Калли напряглась,

готовая к битве, но в этот момент за ее спиной вырос Гэбриэл и обнял ее за талию.

— Леди Антея, не так ли? — вежливо поприветствовал он блондинку. — Как поживаете? Вы должны извинить нас, но мою жену ожидают в другом месте, — и прежде чем Калли смогла выговорить хоть слово, решительно увлек ее прочь.

— Гэбриэл, ты знаешь эту женщину? — требовательно спросила Калли.

— Да, я знаю ее, но не в *библейском смысле*, любовь моя, — ответил он, выводя жену на террасу. Весь лучась весельем, он повернул ее лицом к себе: — Мне только что пришлось протискиваться через толпу самым невоспитанным образом, потому что я думал — ты можешь нуждаться в защите от одной из самых ядовитых гарпий в *свете*.

Сердито нахмурившись, Калли окинула мужа подозрительным взглядом.

— Ты думаешь, что она ядовитая гарпия?

— Она такая и есть.

Его слова доставили ей удовольствие, но Калли еще не закончила.

— Она достаточно красива.

Гэйб кивнул.

— Да, очень красива. Для раздетой сучки в течке, — его глаза смеялись, а вот глаза Калли сузились. Он не должен был добавлять это «очень»!

— Она говорила о твоих *больших пальцах*! — обвинила Калли мужа.

Улыбнувшись, Гэбриэл прижал ладонь к щеке жены.

— Она могла видеть мои большие пальцы, но, клянусь тебе, она не видела никаких других частей моего тела. Я бы не прикоснулся к этой женщине и багром, не говоря уже о... э-э-э... чем-то другом.

— Никогда?

— Никогда в прошлом и определенно не в будущем. Кроме того, мое тело целиком и полностью принадлежит тебе. Или ты забыла клятвы, которые я недавно принес в церкви?

Успокоившись, Калли расслабилась. Обняв ее за талию, Гэйб переместил вторую руку с ее щеки на затылок и принялся поглаживать длинным сильным пальцем шею, вызывая восхитительную дрожь в ее теле.

— Она говорила ужасные вещи о Гарри, — пожаловалась молодая женщина.

Лицо Гэйба потемнело.

— Я не удивлен. Она порочное создание. Однажды Гарри был безнадежно... — он замолчал, — но это в прошлом. К тому же эту историю должен рассказать Гарри, если пожелает. Ты не хотела бы перекусить?

— Через минуту, — Калли еще не совсем закончила, — леди Антея сказала мне, что все женщины скорбят из-за твоего брака.

Гэйб самодовольно ухмыльнулся.

— Разумеется, они скорбят. Я очень обаятельный парень. И, как мне говорили, достаточно симпатичный.

— Не такой симпатичный, как твои братья, — охладила его жена.

— Да, но сейчас все они жалеют меня. Ведь они знают, что я полностью под каблуком одной ведьмы.

— Ведьмы? — возмущенно воскликнула Калли.

— Да, ведьмы, но очень красивой, которая к тому же так истощает меня, что я становлюсь совершенно бесполезным с точки зрения других женщин.

Удивительно, но его слова доставили ей удовольствие, и она поцеловала мужа.

Через некоторое время, проведенное чрезвычайно приятным образом, Гэйб прошептал: — Кроме того, она очень ревнива и другие женщины просто побоятся переходить ей дорогу.

— Ревнива? Я не ревнива! — молодая женщина поражено уставилась на него. — И меня никто никогда не боялся.

— Скажи это леди Антее, — возразил Гэйб и снова поцеловал ее.

После этого Калли порхала по воздуху не только во время танца, но и когда просто ходила. Никогда раньше бал не доставлял ей такого наслаждения! Гэбриэл не находился рядом с ней постоянно, но и не отходил от нее дальше нескольких шагов, и на протяжении всего вечера Калли чувствовала, что он наблюдает за ней.

Раньше Руперт тоже наблюдал за ней, ожидая, что она или совершит какую-нибудь оплошность, или уронит что-нибудь, или скажет то, чего не следует. Под его взглядом она всегда чувствовала себя неуютно. Но сейчас всё было по-другому.

Гэбриэл смотрел на нее, чтобы убедиться, что она хорошо проводит время. Когда ее бокал пустел, он тотчас появлялся с полным. Если она находилась между группами людей и не знала, с кем ей общаться, он появлялся, чтобы представить ее следующему гостю. А если она смертельно скучала, подходил и спасал ее.

Нэш, Люк и Рейф приглашали ее танцевать. Гарри и все остальные были очень внимательны и следили, чтобы у нее было все, чего ей только хотелось, и чтобы она не скучала и не чувствовала себя одинокой в этой толпе незнакомых людей. Это было восхитительное ощущение — когда за тобой присматривают такие высокие привлекательные мужчины. Никогда раньше на светских мероприятиях ее не окружали такой заботой. Сейчас она не проходила какое-либо испытание, а просто получала удовольствие.

Улыбаясь, она кивала самому скучному из недавно представленных ей джентльменов, страстному любителю охоты, чье имя она забыла. На протяжении уже десяти минут он разглагольствовал о радостях охоты, о разных лошадях, принадлежащих ему, и обо всех их недостатках, которые он считал невероятно интересными. Калли никак не удавалось сбежать. Этот господин не воспринимал ни намеков, ни отговорок. Увидев Гэйба, направляющегося к ним, она мысленно воскликнула: «*Наконец-то!*». Спасение было близко.

— Но постойте, — продолжил лорд Сумасшедший Охотник, — я всё говорю и говорю о собственных лошадях, хотя на самом деле хотел бы послушать о ваших, принцесса. Мне говорили, что зиндарийские лошади совершенно особенные, — он дружелюбно кивнул головой в знак приветствия подошедшему Гэбриэлу: — Здравствуйте, Ренфру. Принцесса как раз собиралась рассказать мне о своей любимой лошади.

Гэйб, хотя его глаза смеялись, вежливо поинтересовался:

— Действительно? И правда, принцесса, расскажите нам.

Калли, посмотрев ему прямо в глаза, ответила:

— Разумеется, я часто езжу верхом и нахожу это занятие чрезвычайно возбуждающим. Но я не езжу на лошадях. И никогда не ездила, — и, сладко улыбнувшись мужу, она направилась прочь, оставив Гэйба откашливаться после того, как он чуть не захлебнулся шампанским.

— Не на лошадях? — услышала она требовательный голос лорда Сумасшедшего Охотника. — Тогда на ком, черт подери, катается девочка?

Калли остановилась, чтобы услышать ответ мужа. Ведь она прекрасно знала, что

единственным существом, на котором она когда-либо ездила верхом, был он сам.

— Верблюды, — придя в себя, ответил Гэбриэл, — она просто обожает ездить на верблюдах.

Обернувшись, лорд Сумасшедший Охотник изумленно уставился на Калли.

— *Верблюды?* Ну, Господь всемогущий, это чертовски необычно!

Калли все еще смеялась, когда Гэйб догнал ее.

— Дерзкая девчонка, — сказал он, — думаю, победа над леди Антеей ударила тебе в голову.

«*Нет*, — подумала Калли, — *это Гэйб Ренфру ударил мне в голову*». Всё в ней бурлило от радости, словно у нее в крови играло шампанское.

Притворившись, что изучает его, Калли оглядела мужа с ног до головы.

— Ты и правда похож на верблюда, — начала было говорить она, но замолчала и застыла, когда какое-то движение за его спиной привлекло ее внимание. Она впиалась ногтями в руку Гэбриэла.

— Граф Антон!

Граф тоже заметил ее. Он элегантно поклонился, наслаждаясь ее растерянностью.

Калли стиснула кулаки.

— Как он осмелился прийти на бал в честь нашего венчания!

— Боюсь, это моя вина, — сказал подошедший к ним Нэш, — сразу же после венчания я сообщил в Министерство иностранных дел и посольство Зиндарию о вашей свадьбе. Я должен был догадаться, что каким-то образом граф найдет способ попасть сюда.

— Я не хочу, чтобы он находился здесь. Не можем ли мы каким-то образом выставить его вон? — спросила Калли Гэйба.

— Нет, если не хотим устроить сцену и огорчить тетушку Мод, — быстро ответил Нэш, поняв по выражению лица Гэйба, что тот хотел бы сделать именно это, — граф — гость австрийского посла, и на этом балу он сопровождает его жену, принцессу Эстерхази, которая обладает очень большим влиянием в *свете* — она одна из патронесс Ольмака. Если вы вышвырнете графа, то смертельно оскорбите ее, и она отыграется на тетушке Мод.

Калли нахмурилась.

— Тогда я очень вежливо велю ему уйти. И не волнуйтесь так, Нэш, я сама вежливость.

— Леди Антея это подтвердит, — пробормотал Гэйб.

Калли злобно посмотрела на него, ее глаза метали молнии.

— Граф Антон — не предмет для шуток!

— Да, знаю, — мягко произнес Гэйб, — только помни, что он ничего не может тебе сделать. Мы заставили его прекратить свои попытки получить официальную опеку над Ники. Здесь его окружают одни из самых влиятельных людей в Англии. Здесь нахожусь я, Гарри, Рейф, Люк, Итен, и Нэш, — жестом он указал туда, где Гарри и Рейф встали по сторонам от графа — не явно, но с очевидным намерением защитить Калли. Итен, она точно знала это, был наверху вместе с Тибби и мальчиками.

Гэйб обнял ее за талию.

— Мы не позволим ему коснуться тебя даже пальцем, так что не нужно бояться.

— Я не боюсь эту змею, — заявила Калли и неожиданно поняла, что имеет в виду именно это. Она больше не боялась его. Не боялась с того самого момента, когда Гэйб вручил ей шпагу-трость, а затем предложил убить графа Антона ради нее. Она глубоко вздохнула и с достоинством продолжила: — Я просто не хочу, чтобы вечер в мою честь был

испорчен его мерзким присутствием.

Калли уверенным шагом направилась к графу.

Неожиданно перед ней оказался Гарри.

— Время ужинать, не правда ли? Я буду сопровождать вас, — шурин предложил ей руку.

Калли изумленно моргнула.

— Нет, Гарри, спасибо, я уже ела, — ответила она и сделала шаг в сторону, чтобы обойти его.

Гарри сделал шаг в ту же сторону, снова преграждая ей дорогу.

— Тогда потанцуйте со мной.

Калли уставилась на него.

— Но за весь вечер вы ни разу не танцевали!

— Да, а сейчас мне хочется танцевать, — спокойно ответил он, — один танец с моей прелестной невесткой. В честь вашего с Гэйбом венчания. Вы не можете отказать мне в этом.

— Гарри, возможно, вы пытаетесь не дать мне поговорить с графом?

Он посмотрел на нее непонимающими глазами.

— Зачем бы мне делать это?

— Не знаю. О, смотрите, сюда идет леди Госфорт с молодой леди, с которой вы могли бы потанцевать, — Гарри поспешно повернулся, чтобы взглянуть на якобы приближающихся дам, и Калли, воспользовавшись его секундным замешательством, проскользнула мимо и направилась прямо к своему врагу.

— Принцесса Каролина, — промурлыкал граф Антон, когда она подошла к нему. Отвешенный им поклон казался идеально правильным, но граф все равно каким-то образом ухитрился сделать его оскорбительным. — Мне сообщили, что вы насли человека, готового на вас шениться. Младший сын, насколько я знаю, с мизерным состоянием, — он улыбнулся.

Калли знала, что за ее спиной стоит Гэйб. Равно как и Гарри, Рейф, Люк и Нэш. Она была глубоко тронута их мгновенной и безоговорочной поддержкой.

Холодно посмотрев на графа, Калли просто сказала:

— Всё верно, вы можете пожелать мне счастья до того, как покинете нас.

Граф недоверчиво изогнул бровь, словно был изумлен тем, что она осмелилась так говорить с ним.

— Поздравить? Думаю, это так называемое счастье есё только предстоит увидеть.

— В чем вы сомневаетесь? В моем семейном блаженстве или в том, что вы уходите? Нет никаких сомнений ни в первом, ни во втором, — безмятежно ответила Калли. Сейчас она не испытывала ни малейшего сомнения в своем счастье. Взглянув на него еще раз, она четко произнесла: — Прощайте.

Граф Антон залился легким румянцем. Он понимал, что люди вокруг вытягивают шеи, стараясь расслышать, о чем они говорят. Судя по враждебному отношению стоящей перед графом принцессы Каролины, было очевидно, что происходит нечто важное. Не говоря уже о пятерых мужчинах, которые расположились за спиной молодой женщины, защищая ее.

Граф скривил губы.

— Взгляните на нее! Вырядилась, щеголяет в этой глупой тиаре с фальсивыми камнями! Шалкое зрелище! Что бы сказали ваши элегантные друзья, если бы узнали, что это шалкий кусок...

Ее руки взметнулись к голове.

— Откуда вы... — Калли замолчала.

— Узнал? — презрительно усмехнулся он. — От Руперта, разумеется. Он всегда смеялся над этим. Мы все смеялись.

Гэбриэл шагнул вперед.

— Тогда он был глупцом. Все вы были глупцами. Ибо эта тиара, как и женщина, которая ее носит, неповторима и бесценна.

— Бесценна, — издевательски повторил граф.

— Неужели вы думаете, что младший сын с мизерным состоянием не проверил бы такую вещь, прежде чем жениться на ее владелице? — спросил Гэйб резким голосом.

Калли потрясенно посмотрела на мужа.

Улыбка сползла с лица графа. Его взгляд переместился с Гэбриэла на тиару, затем на Калли и снова на Ренфру.

Гэйб положил руки на плечи Калли:

— Она может рассказывать людям, что бриллианты фальшивые и тиара ничего не стоит, но меня так легко не обманешь. Можете поверить, эта тиара бесценна.

Граф Антон с ненавистью уставился на Гэбриэла.

— Ну, а теперь, — мягко сказал Гэйб, — моя жена попросила вас уйти. Прощайте.

Граф потерпел поражение, и сейчас, когда множество глаз смотрело на него, у него не осталось другого выхода, кроме как уйти с достоинством, какое только было возможно в этой ситуации. Презрительно ухмыльнувшись, он бросил:

— Я уйду, раз вы так грубо себя ведете, но совсем скоро вы узнаете, что графа Антона так легко не победить.

Калли, Гэйб и остальные смотрели, как он уходит.

— Мне не нравится его улыбка, — проговорил Гэбриэл.

— Мне вообще ничего в нем не нравится, — поддержал его Гарри, — маленький расфуфыренный хорек, — и они рассмеялись.

Граф Антон услышал смех и, обернувшись, кинул на них полный злобы взгляд.

* * *

Позже вечером, когда они на короткое время остались одни, Калли сказала Гэйбу:

— Я не лгала тебе насчет тиары, камни на самом деле фальшивые.

— Я знаю, — ответил он.

— Но... тогда почему ты сказал, что она бесценна?

— Потому что тиара твоей матери для тебя бесценна. И если она такова для тебя, то и для меня тоже. Ну, а теперь, не хочешь ли чего-нибудь выпить? Вечер получился достаточно насыщенным событиями. Думаю, время для очередного бокала шампанского.

Калли пристально посмотрела на мужа. Он не имел ни малейшего понятия, как много его слова значили для нее. И как много значил тот факт, что он искренне считал само собой разумеющимся постоянно поддерживать свою жену в любой ситуации.

— Гэбриэл, — позвала его Калли, когда он уже был готов пойти ей за бокалом.

— Да?

Она поцеловала его.

— Не могу дождаться, когда этот прием, наконец, закончится.

Он удивился.

— Разве тебе не весело?

— О нет, весело. Всё чудесно. Просто я предвкушаю...м-м-м... — Калли покраснела, а в глазах Гэйба заплясали смешинки.

— Игру в шахматы? — нежно спросил он.

— Да, — *и свое признание в любви.*

* * *

Нельзя было сказать, что оставшуюся часть вечера Калли скучала, но она испытала радость, когда гости стали уезжать. Было очень поздно. Бал имел огромный успех. Вместе с леди Госфорт они благодарили гостей и прощались с ними; Калли без остановки улыбалась и мечтала, чтобы все они ушли.

Наконец прием был окончен.

— Я только поднимусь наверх и проверю Ники, — сказала она Гэйбу, — это не займет много времени.

Ренфру кивнул. Он уже успел привыкнуть к этому ритуалу. Каждый вечер последнее, что делала его жена, прежде чем покинуть дом леди Госфорт, это проверяла сына.

Молодая женщина быстро поднялась на третий этаж и на цыпочках вошла в комнату мальчиков, она не хотела разбудить их.

Комната была пуста. Калли смотрела на две пустые кровати, на откиннутые с них одеяла, на открытое окно и не верила своим глазам. Ее сын пропал. Она прикоснулась к простыням. Холодные.

Калли ворвалась в смежные комнаты — сначала в спальню Гарри, затем Итена. Ни следа Ники. Она побежала в комнату Тибби, расположенную напротив. Ее бывшая гувернантка и Итен были там, они внимательно изучали какую-то книгу.

— Где Ники? — Калли с трудом могла говорить.

— В кровати, спит, — ответила Тибби, — а что?

— Его там нет. Ни его, ни Джима. А их постели холодные.

— Но они должны быть там, — шокировано проговорила Тибби, — я провела мальчиков около одиннадцати часов. Они крепко спали.

Калли взглянула на часы: больше двух часов ночи. Она побежала обратно в комнату мальчиков и, высунувшись в окно, громко позвала:

— Ник-и-и-и!

Но ответом ей была тишина. Ее сын исчез.

* * *

Услышав крик жены, Гэйб бегом бросился наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Гарри и остальные бежали следом.

— Что случилось? — но остывшие пустые кровати и охваченная горем Калли говорили сами за себя. Выглянув в открытое настежь окно, Ренфру увидел болтавшуюся веревку, которая свисала с крыши.

Стоявший рядом со шкафом Гарри вдруг услышал легкий шум. Он отпер дверцу, и из шкафа выпал тюк. Это был Джим — связанный, с кляпом во рту, завернутый в одеяло. Гарри

быстро освободил его.

— Они забрали Ники! — выдохнул Джим, как только выплюнул кляп. — Мы дрыхли, а когда я проснулся, то уже не мог выговорить ни словечка, — его угловатое лицо сморщилось, когда он посмотрел на Калли: — Простите, мэм, правда, простите. Я подвел вас...

Калли покачала головой. Она не могла говорить, Гэйб видел это.

— Кто это был, Джим? Ты видел их?

— Двое мужчин. Иностранцы. Они связали нас, затем один из них передал Ники второму через окно, а меня запихнул в шкаф.

Гэйб посмотрел на веревку.

— Должно быть, они унесли его по крышам. Но зачем?

Калли застонала от ужаса, и муж схватил ее за плечи.

— Послушай! Если они взяли Ники с собой, значит, сохраняют ему жизнь!

Женщина беспомощно смотрела на него.

— Почему?

— Не знаю, гораздо проще было просто перерезать горло обоим мальчишкам, пока те спали. Они этого не сделали, значит, Ники нужен им живым.

К щекам Калли понемногу возвращалась краска.

Гэйб чертовски сильно надеялся, что не ошибся в своих предположениях. Он повернулся к Джиму:

— Как давно это было?

Джим покачал головой, его лицо страдальчески сморщилось.

— Понятия не имею, сэр.

— Тибби проверяла мальчиков около одиннадцати, — сказал Итен, — получается, Ники похитили в течение последующих трех часов.

— Я отвела собаку вниз, чтобы она справила нужду, — призналась Тибби, почти рыдая, — а затем появился Итен, он искал меня, и я оставила собаку в саду. Если бы я только...

— Не важно, — прервал ее Гэйб, — Нэш, где остановился граф?

— Не знаю точно. Думаю, у Эстерхази.

— Отлично, оттуда мы и начнем. Итен, прикажи седлать лошадей. Гарри, одолжи мне пару своих сапог, — мужчины выскочили из комнаты, чтобы выполнить его распоряжения. Гэйб уже было последовал за ними, но, взглянув на Калли, остановился. Съёжившись, она стояла у стены, с застывшим страданием на лице.

Гэйб не мог вынести этого. Она вышла за него замуж по одной единственной причине — он поклялся, что защитит ее сына. И он подвел ее.

Гэбриэл схватил ее за руки.

— Я сожалею, — торопливо проговорил он, — но я найду его, обещаю.

Она посмотрела на него испуганным взглядом.

— Я обещаю, — сказав это, он в отчаянном порыве крепко поцеловал ее и побежал в комнату Гарри, на ходу стягивая с себя фрак и брюки.

Калли шла следом.

— Что ты делаешь?

— Переодеваюсь в свои лосины для верховой езды. А точнее, в лосины Гарри. Я не могу ехать верхом в вечерней одежде, она стесняет движения, а посылать за моей одеждой —

слишком долго, — Гэйб натянул сапоги, протянутые Гарри, — хорошо, что у нас один размер, — сказав это, он вылетел из комнаты и сбежал по лестнице, крича на ходу Спроттону:

— Лошади уже здесь, черт подери?

— Сейчас будут, сэр, — дворецкий щелкнул пальцами, и один из лакеев выбежал на улицу, проверяя, не привели ли лошадей.

Калли заметила, что Итен, Рейф, Нэш и Гарри тоже переоделись.

— Что вы все собираетесь делать?

— Поскачем за ними, разумеется.

— Я поеду с вами.

— Ты не можешь, — резко возразил Гэйб, — ты будешь нас тормозить.

Калли смотрела на мужа, понимая, что он прав. Но как ей вынести ожидание, в полном неведении и беспомощности?

— Я поеду с ней, — предложил Гарри, — мы возьмем коляску.

Посмотрев на него с благодарностью, Калли перевела взгляд на мужа.

— Пожалуйста. Иначе я сойду с ума.

Гэйб вздохнул.

— Хорошо. Спроттон, передай на конюшни, чтобы срочно подготовили коляску. Пускай запрягут серых, — дворецкий щелкнул пальцами, и другой лакей выбежал исполнить его поручение.

— В коляске будет холодно, вы должны взять мою накидку, — проговорила леди Госфорт, — Спроттон, принесите ту, меховую.

— Сию минуту, миледи, — ответил дворецкий, и одна из горничных побежала наверх за накидкой.

Повернувшись к Гарри, Гэйб обратился к нему низким взволнованным голосом:

— Хорошенько присматривай за ней, брат. Она — *вся моя жизнь*.

Гарри кивнул.

— Я знаю.

Калли моргнула. Он сказал «жена» или «жизнь»? Но Гэйба уже не было. Он, Итен Рейф, Нэш и Люк мчались галопом по улице.

Хотя Калли была совершенно выбита из колеи случившимся, она смогла собраться с мыслями. Она отвела леди Госфорт в сторонку.

— У вас не найдется пистолета, который я могла бы взять на время? Я собираюсь убить этого человека.

— Кого, моего племянника? — воскликнула шокированная пожилая женщина.

— Нет, разумеется, не его! Я же *люблю* вашего племянника. Я собираюсь убить графа Антона.

Лицо леди Госфорт просветлело.

— Ну, клянусь Юпитером, в таком случае у меня есть пистолет. Спроттон, принесите его. И убедитесь, что он заряжен.

— Сейчас же, миледи, — ответил Спроттон, и один из лакеев побежал наверх.

Лакей и две горничные вернулись одновременно; в его руках был футляр с небольшим кремниевым дамским пистолетом, одна из горничных несла огромную соболью мантию, другая — небольшой саквояжик.

— Всего лишь сменная одежда и ещё кое-какие необходимые вещи, — сообщила она

Калли и передала саквояж лакею, чтобы тот положил его в коляску.

— Правильно мыслит эта девчонка! — одобрительно воскликнула леди Госфорт.

Наконец, запряженная коляска подъехала к дверям. Поцеловав тетушку Гэйба, Калли сказала:

— Позаботьтесь о Тибби и Джиме ради меня. И спасибо вам за всё.

Гарри помог ей сесть в коляску, через несколько мгновений они тронулись в путь и последовали за Гэйбом к резиденции принца Эстерхази.

* * *

Гэйб мчался во весь опор, следом скакали друзья. Лицо Гэбриэла было угрюмо. Он злился на самого себя. Ему следовало быть более осторожным, следовало подумать, что похитители могут добраться до комнаты мальчиков, передвигаясь ночью по крышам. Он был так занят, стараясь соблазнить мать, что совсем забыл о том, что весь этот брак устроили только ради ее сына.

Она просила его об одной единственной вещи — защитить ее мальчика.

Он подвел Калли. Подвел Ники. Подвел самого себя.

Не осталось ни одного шанса, что жена когда-нибудь полюбит его. И он не мог винить ее за это.

Гэйб подумал о Ники, который сейчас находился в руках ухмыляющегося дьявола. Его переполнила ледяная ярость — как на графа Антона, так и на самого себя. Ники был таким воспитанным маленьким мальчиком, таким веселым и храбрым, что Гэбриэлу становилось плохо при одной мысли о том, что в данный момент он в полной власти графа.

Куда этот негодяй везет его? И с какой целью?

Он смог придумать, по крайней мере, одну причину, почему они сохранили Ники жизнь. Если нет тела, невозможно доказать, что было совершено убийство.

Но в том случае, если нет тела, граф не сможет взойти на престол в течение семи лет. Гэйб продолжал повторять это про себя.

Добравшись до австрийского посольства, они принялись колотить в дверь, пока им не открыли. Гэйб ворвался внутрь.

— Где граф Антон? — потребовал он ответа.

Появились слуги, прибежавшие, чтобы выдворить незваных гостей. Но, столкнувшись с пятью высокими рассерженными мужчинами благородного происхождения, они заколебались.

— Граф Антон — где он? — загрохотал Гэйб.

— Что означает это вторжение? — по лестнице в сопровождении охраны спускался посол, сам принц Эстерхази, одетый в украшенный яркой вышивкой парадный костюм. Узнав Гэйба, он нахмурился и взмахом руки отослал охрану прочь.

— По какому праву вы врываетесь в мой дом, кричите и буяните здесь, Ренфру? — он окинул холодным взглядом остальных мужчин. Увидев Нэша, посол удивился еще больше.

— Дело величайшей важности. Где граф Антон? — требовательно спросил Гэйб.

Эстерхази сердито посмотрел на него.

— Хоть это и не ваше дело, но он уехал. Его неожиданно вызвали. Но...

— Вызвали. Куда?

— В Зиндарию. Но...

— На свою яхту? — спросил Нэш и повернулся к Гэйбу. — Мы наблюдаем за ней. Она бросила якорь в дуврской гавани два дня назад, — он снова повернулся к послу, — так он отправился на свою яхту?

— Думаю, да, — нетерпеливо ответил Эстерхази, — я направлю жалобу вашему правительству об этом вторжении...

— Направляйте, — бросил Гэйб, идя к входной двери, — а затем объясните, почему ваш гость похитил семилетнего мальчика — наследного принца Зиндари! — из его постели прямо посреди ночи!

— О чем вы говорите? Похитил ребенка? Он не мог... — начал было говорить принц, но Гэйб не стал задерживаться, чтобы дослушать его. К тому моменту, когда посол закончил свою фразу, Гэйб уже мчался прочь. Он несся так, будто за ним гнался сам дьявол.

Но на самом деле дьявол был впереди. И семилетний мальчик находился в его власти.

* * *

Коляска остановилась перед резиденцией принца Эстерхази. Спрыгнув на землю, Гарри принялся в свете газовой лампы что-то рассматривать на мостовой. Закончив, он взобрался обратно и щелкнул поводьями.

— Куда мы едем теперь? — спросила Калли.

— В Дувр.

— Как вы узнали, что они едут именно туда?

Гарри мотнул головой в сторону мостовой.

— Рейф написал об этом мелом. Когда мы были в армии, он всегда так делал. Это не срабатывает только тогда, когда идет дождь, — он коротко ухмыльнулся, — хорошо, что погода исправилась, верно?

Калли кивнула.

— Вы думаете, Ники погибнет, да?

— Нет! — Гарри выглядел шокированным. — Проклятье, почему вы думаете об этом! Прекратите сейчас же! Гэйб вернет его.

— Вы действительно в это верите?

— Да, — ответил Гарри просто, — стоит Гэйбу принять решение, и его ничто не остановит.

На большой скорости они завернули за угол, едва вписавшись в поворот, и Гарри обнял ее за талию, помогая удержаться.

— Будет лучше, если вы станете держаться за мою руку, — сказал он, — Иначе вылетите из коляски, если мы вдруг наедем на кочку. Я намерен гнать во весь опор.

Калли ухватилась за его руку и вцепилась в рукав. Близость его теплого крепкого тела успокаивала.

— Вы действительно имели в виду это, верно? — спросил Гарри через некоторое время.

— Имела в виду что?

— То, что вы сказали тетушке Мод. Что любите моего брата.

— Разумеется, я имела в виду именно это!

— Несмотря на то, что он не защитил Ники?

Калли потрясённо уставилась на него.

— Это не его вина. Это я виновата. Именно я разозлила графа Антона...

— Чепуха, — резко оборвал ее Гарри, — похищение было отлично подготовлено. Граф придумал этот план задолго до того, как вы заговорили с ним. В этом нет вашей вины. Но это была работа Гэйба — защищать Ники, — и он с ней не справился. Тем не менее вы всё-равно любите его?

Его упрощенный взгляд на вещи поразил Калли.

— Вы считаете, что Гэбриэл именно так и подумает? Что, если он подвел меня, я разлюблю его?

— Разумеется.

— Что ж, этого не будет! Что это за любовь, если она воспринимает всё как проверку, как испытание? Если он... если он потерпит поражение, я буду нуждаться в нем больше... — ее голос пресекался.

Гарри накрыл ее руку ладонью и успокаивающе похлопал.

— Не беспокойтесь, — грубовато сказал он, — Гэйб вернет вам Ники.

— Да-да, я знаю, что вернет, — согласилась она, стараясь не терять веры.

Калли вглядывалась в темноту ночи и молилась за сына и любимого мужчину. Молилась, чтобы они вернулись к ней целыми и невредимыми. Ей было жизненно необходимо обнять их и знать, что они в безопасности. Оба.

* * *

Огни Лондона остались далеко позади. Перед Гэйбом расстилалась печально известная Черная Пустошь. Разбойники, грабители и бандиты всех сортов скрывались на этой покрытой вереском земле, поджидая экипажи и одиноких путников.

Благодаря скорости, выносливости и здоровому сердцу Трояна Гэйб обогнал своих друзей на несколько миль. Им пришлось довольствоваться теми лошадьми, которые нашлись в конюшнях леди Госфорт.

Но даже Троян начал уставать. Скоро ему понадобится свежая лошадь. Возможно, ее удастся раздобыть в Рочестере, на той стороне пустоши. Насколько он помнил, там была платная конюшня.

Гэйб пришпорил жеребца. Он должен догнать их до того, как граф доберется до яхты. Если они покинут берега Англии, можно будет только гадать, куда этот мерзавец повезет Ники. Гэбриэл не мог поверить, что Антон пошел на все эти ухищрения и сложности для того, чтобы вернуть Ники в Зиндарию. Перед глазами у него пронеслись все возможные варианты развития событий. Мальчика можно продать в рабство, отдать на галеры, выбросить за борт...

Но для вступления на престол графу понадобится тело. Что бы он ни задумал, всё должно будет выглядеть естественно. Заключается ли его план в том, чтобы вернуть Ники в Зиндарию, показать нескольким людям, а затем... очередная порция отравленного молока? Какой бы ужасной ни казалась эта мысль, она немного успокаивала. Это дает ему дополнительное время, чтобы догнать графа и Ники.

Гэйб достиг Черной Пустоши, но не стал сбавлять ход. Была ясная ночь, ярко светила луна, и дорога впереди хорошо просматривалась. Места, покрытые низкорослым кустарником, представляли собой опасность, но его пистолеты были заряжены и наготове. Если там его поджидали разбойники, то он готов встретиться с ними.

Троян уже тяжело дышал, и Гэйб, замедлив его бег, перешел на рысь, и тут впереди он

заметил движение. Прищурившись, он попытался рассмотреть, что это было, но именно в этот момент луна решила скрыться за облаками. Гэйб вытащил пистолет и продолжил ехать вперед, настороженно следя за дорогой.

Он услышал ее прежде, чем увидел — лошадь, быстро скачущую прямо ему навстречу. Гэбриэл направил Трояна к краю дороги, взвел курок и стал ждать.

Лошадь приближалась. Гэйб нахмурился. Он едва различал всадника. Должно быть, тот прижался к шее животного. Хитрые ублюдки, эти грабители.

Лошадь почти поравнялась с ним. Гэйб поднял пистолет в тот момент, когда луна вновь вышла из-за облаков. Лунный свет блеснул на стволе пистолета.

— Мистер Ренфру, не стреляйте! — вскричал тонкий высокий голос. — Это я, Ники. Я сбежал!

— Ники! Слава Богу! — Гэйб почувствовал такое облегчение, что просто протянул руки, снял мальчика с седла и крепко обнял.

Ники обнял его в ответ.

— С тобой всё в порядке? — Гэйб был сильно обеспокоен. — Как тебе удалось улизнуть? Не могу поверить! — Он снова обнял мальчика. — Слава Богу!

— Я сбежал, — усмехнулся Ники.

— Всего-то? — рассмеялся Гэйб и потрепал мальчишку по волосам. — Как же ты с этим справился? Нет, подожди, — Гэйб всмотрелся в темноту, — тебя кто-нибудь преследует?

— Возможно, — ответил Ники, — все зависит от того, как скоро граф Антон поймет, какой дорогой я скрылся.

Гэйб снова рассмеялся над откровенным торжеством, прозвучавшем в голосе мальчика, и тем, как тот произнес слово «скрылся».

— Молодчина! А теперь пора в путь, надо возвращаться. Расскажешь все по дороге. Остальные поедут за нами.

— А где мама?

— Следует в коляске вместе с Гарри.

Они развернулись и поехали назад по дороге, которой прискакал Гэйб. Троян устал, но был, как всегда, послушен.

Рейф, Итен, Люк, и Нэш встретили их всеобщим восторгом. На пути домой они забросали Ники вопросами, и тот был необычайно счастлив, отвечая на них.

Гэйб усмехался, наслаждаясь мальчишеским триумфом. Теперь, когда мальчик был в безопасности, с его души спал тяжеленный камень. Осталось дожидаться момента, когда он сможет передать Ники в руки его матери.

И все-таки он чувствовал, что граф Антон вполне мог собрать в погоню маленькую армию. Но это уже не имело никакого значения. Ники в безопасности, и впредь так и будет.

Они нашли какую-то гостиницу и разбудили хозяина, который сразу же, как только увидел блеск золотых монет, оказался безмерно счастлив гостеприимно встретить прибывших джентльменов. Он даже разбудил жену, заставив ее приготовить ужин, и накричал на сонного мальчишку-конюшего, чтобы тот поторопился расседлать лошадей, а на обратном пути захватил напитки.

Люк и Итен остались приглядывать за дорогой.

— Итак, Ники, — сказал Гэйб, когда они оказались в гостинице, — расскажи мне все с самого начала и не пропусти ни одной даже самой мелкой детали.

Кое-что во всей этой истории, казалось, не имело смысла, но ведь ему были известны лишь какие-то отрывки произошедшего.

— Мужчины, похитившие тебя, несли тебя по крышам?

— Нет, они связали меня, как мешок картошки, и вели по какому-то глухому переулку на веревке. Я все видел, но не мог кричать, потому что во рту у меня был кляп.

Гэйб кивнул:

— Ты очень смелый. Что же случилось потом?

— Мы ждали, когда подъедет карета, куда они меня и запихнули. Она была ужасно

грязной и пропахла луком. И мы куда-то поехали, а когда остановились, то он... он... — губы мальчишки задрожали, но он справился с собой и продолжил: — У него была бутылка с чем-то очень противным, и он заставил меня это выпить.

Гэбриэл выругался про себя.

— Я подумал, что это тот самый яд, который он дал моему щенку, — рассказывал Ники, — и попытался сопротивляться, но ничего не смог сделать. Он влил жидкость мне в рот, но я не стал глотать. Затем он посадил меня в экипаж, и я выплюнул все на пол. Он ничего не заметил. Но я, должно быть, что-то все же проглотил, поскольку дальше ничего не помню до того момента, как очнулся. Мы находились где-то за городом, мои руки и ноги больше не были связаны, но я все еще был завернут в стеганое одеяло. Мне хотелось спать, и я чувствовал себя каким-то больным, поэтому лежал и не двигался, даже когда мы остановились и граф наклонился, чтобы проверить, что со мной. Они остановились сменить лошадей. Граф вошел внутрь постоялого двора, и тогда я выскочил из экипажа. Один из солдат меня увидел, но только поклонился и сказал, что рад, что я свободен и могу войти в дом.

— Он, что?..

Ники пожал плечами:

— Он хотел, чтобы я вошел в гостиницу и что-нибудь съел, но я сказал ему, что сначала мне надо сходить по-маленькому. Да, именно так.

— И он просто позволил тебе уйти?! — Гэйб обменялся взглядами с Нэшем и Рейфом.

Ники кивнул:

— Да, сам он вошел в гостиницу, а я сделал свои дела, после чего, увидев, что лошади оседланы и готовы отправиться в путь, я всех их отвязал. Одну я оставил себе, а других отпустил. Я взобрался на лошадь — без вас, сэр, это оказалось трудновато, но я справился. Я направил свою лошадь в сторону остальных лошадей, чтобы те разбежались, а затем ускакал прочь.

Гэйб нахмурился:

— Солдат знал, кто ты?

Ники кивнул:

— Да, он назвал меня принцем Николаем. Но он не видел, что я украл лошадь. Думаю, он бы меня задержал.

Гэйб был озадачен. Солдат должен был остановить Ники, как только увидел, что тот освободился. Иначе, какой во всем этом смысл? Сначала пойти на все, чтобы похитить мальчика, а затем просто позволить ему уйти. Какое-то сумасшествие!

Ники усмехнулся:

— Никто не ожидал, что я в состоянии ускакать. Я слышал, как граф вопил, проклиная всех подряд.

Гэйб рассмеялся над словами Ники. Мальчик вовсе не был напуган своим приключением, а безмерно гордился одержанной победой. А почему бы и нет? Ведь он самостоятельно спасся, проявив немалую изобретательность.

И все же это очень странная история. И Гэйб был категорично настроен добраться до ее сути.

Стук копыт привлек его внимание. Он услышал свист Рейфа и весь напрягся, хотя напряжение и было несколько иного рода.

— Приготовься, Ники, — сказал он, — приехала твоя мать.

Мгновение спустя в дверь ворвался небольшой вихрь в меховой накидке.

— Ники! О, Ники! — воскликнула Калли и судорожно обняла сына. Она тщательно осмотрела его с головы до ног. — С тобой все в порядке, мой дорогой? Они ничего тебе не сделали?

— Нет, мама. Я в полном порядке!

Она секунду молчала.

— В полном порядке? — она уставилась на него, затем покачала головой. Потом нервно рассмеялась, вытерла слезинку и повторила: — В полном порядке? — Калли снова рассмеялась и обняла его. — Как ты можешь быть в полном порядке?

— Но это так, мама. Я сам, один, сумел сбежать от графа Антона!

— Ты? Но я думала... — она бросила озадаченный взгляд на Гэйба, затем снова посмотрела на сына и обняла его. Она потянула его к дивану, говоря: — Расскажи мне все подробно.

Она отвернулась от него. Гэйб ожидал, что именно так все и будет, но от этого не становилось легче. Он наблюдал за радостным воссоединением матери и сына. Калли походила на медведицу или волчицу, готовую на все ради своего детеныша. Готовую убить за него.

Он обещал защитить ее ребенка и потерпел неудачу. И она от него отвернулась. Возможно, если бы он спас мальчика с помощью какого-то геройского поступка... но Ники сделал все сам.

И Гэйб не мог сожалеть об этом — он был горд за Ники, как гордился бы, будь тот его собственным сыном. Мальчик проявил храбрость, смекалку и выносливость. В непредвиденной ситуации он действовал с удивительно холодной головой. А ведь он не был опытным наездником. И все-таки справился с долгой скачкой в темноте, один, на неизвестной лошади — это подвиг, которым стоило гордиться.

Следом за Калли вошел Гарри. Понаблюдав за тем, как Ники рассказывает матери о своем приключении, он обменялся взглядами с братом. Гэйбу было невыносимо видеть жалость в его глазах. Гарри знал, как Гэйб относится к Калли.

Вдоль всего здания гостиницы тянулся узкий балкон, и Гэйб вышел на него, чтобы не прозевать графа Антона. Он не должен снова попасться из-за отсутствия охраны.

Граф Антон сейчас оказался в отчаянном положении, поскольку уличен в вероломстве. Он не может позволить себе проиграть. А мужчины в отчаянном положении готовы на самые отчаянные поступки.

Несколько минут спустя снизу раздался пронзительный свист. Он прервал рассказ Ники.

— Они уже здесь, — предупредил Гэйб. Он не мог смотреть Калли в глаза. — Выйдите, пожалуйста, на балкон. Если дело дойдет до стычки, я должен быть уверен, что вы оба вне опасности.

Похоже, ее это не очень обрадовало, но, кивнув, она вышла наружу, взяв за руку Ники и завернув обоих в широкую меховую накидку. В это время показались Итен, Люк, Рейф и Нэш и заняли оборонительную позицию.

Несколько минут спустя граф Антон, сопровождаемый полудюжиной мужчин в форме, ворвался в гостиницу.

— Где принц? — граф Антон обежал глазами комнату.

— В безопасности, — ответил ему Гэйб.

Граф усмехнулся:

— Отдайте его. Он принадлежит нам. На нашей стороне численное превосходство.

— Я так не думаю, — прорычал Гэйб. Этим вечером он едва не потерял почти всех, кого любил, и причиной всего был этот человек.

Граф взглянул на шпагу, являющуюся частью экипировки Гэйба.

— Что ш, посмотрим, умеете ли вы сражаться как дшентльмен, — он отдал приказ, и солдаты вытащили свое оружие. Гэйб и его друзья поступили так же.

— Немедленно остановитесь! — в комнату вбежала Калли. Ники следовал за ней.

Солдаты тотчас же согнулись в поклоне.

— Принцесса Каролина, — произнес их капитан, — вы вне опасности.

— Вернитесь на балкон, — с жаром воскликнул Гэйб, — черт возьми, женщина, хоть раз в своей жизни ты могла бы послушаться приказа!

— Не разговаривай с принцессой таким тоном, свинья! — взревел капитан.

— Я использую любой чёртов тон, если он позволит сохранить ей жизнь! А теперь, Калли, говорю тебе в последний раз: выйдите отсюда. Зрелище обещает быть безобразным!

— Я больше не потерплю никакой борьбы, — воскликнула она, — я не хочу, чтобы с тобой что-либо случилось! И не хочу, чтобы что-то случилось хоть с кем-нибудь, — она посмотрела на графа Антона, — кроме него.

Калли вдруг вытащила пистолет и навела его на графа Антона.

Взревев от ярости, Гэйб выхватил у нее оружие.

— Если кто-то и убьет этого дьявола, то это буду я, — в бешенстве крикнул он, — теперь немедленно отправляйтесь на балкон, пока никто из этих идиотов не причинил вам вреда.

Калли бросила на него сердитый взгляд и отступила, спрятав Ники за собой, но все еще не выходя из комнаты. Гэйб впился в нее взглядом.

— Принцесса, этот мерзавец вам что-нибудь сделал? — требовательно спросил капитан.

Она, нахмурившись, посмотрела на него:

— Конечно, нет. А вы — капитан Кордовски, ведь так? Не могу поверить, что капитан Королевской гвардии Зиндарики занимается столь грязными и мерзкими делами.

— Какие грязные дела, ваше высочество? Мы прибыли, чтобы спасти вас, — капитан впился взглядом в Гэйба.

Гэйб оглянулся:

— Когда ты, наконец, прекратишь препираться с этим бандитом и вернешься на балкон! — в который раз возмутился он.

Калли проигнорировала реплику Гэйба и озадаченно взглянула на капитана:

— Спасти меня от кого?

Капитан посмотрел на Гэйба, затем опять на Калли.

— Похоже, этот человек не тот мерзавец, что похитил вас? — в его голосе прозвучало сомнение, словно он ждал подтверждения своих подозрений.

— Кватит молоть чепуку, — вмешался граф и сделал выпад шпагой в сторону Гэйба.

— Калли, Ники, черт возьми, немедленно выйдите из комнаты! Остальные — быстро назад, — предупредил Гэйб, парировав выпад графа. Граф Антон был умелым фехтовальщиком с изящной манерой ведения боя, но Гэйбу приходилось бороться за свою жизнь в течение восьми лет — тут и сравнивать нечего.

Гэйб сделал выпад и одновременно крутанул свою шпагу. Он задел левое плечо графа Антона, и сквозь ткань проступила кровь. Зарывав, тот в диком порыве бросился на Гэйба и слегка оцарапал противнику запястье. Гэйб отбил нападение, вывернув графу руку так, что выбитая шпага отлетела в сторону. Гарри наступил на нее ботинком, и борьба закончилась.

Граф стоял, задыхаясь, уставившись на Гэйба подавленно, но с ненавистью во взгляде.

— Убейте их всех! — приказал он гвардейцам.

— Шпаги в ножны, — раздался ответный приказ капитана Кордовски, и гвардейцы подчинились.

Граф злобно выругался.

— Довольно, — с яростью произнес Гэйб, — не будь здесь этой леди и ее ребенка, я убил бы вас на месте. Однако буду несказанно рад посмотреть, как вы танцуете, болтаясь на веревке.

— Вы не имеете права трогать меня, — прорычал граф.

— Нэш, ты — дипломат, что скажешь? Конечно же, член иностранной королевской семьи не может преследоваться по закону за поджог, похищение и покушение на жизнь?

— О чем вы говорите? — в голосе капитана Кордовски слышалась явная угроза. — Поджог? Какой поджог? Что касается похищения, так это вы нам все расскажете, вы — тот, кто похитил наших принца и принцессу. А по поводу покушения на жизнь, то тут мы все свидетели — борьба была справедливой.

— О чем вы говорите? — вперёд вышла Калли. — Никто меня не похищал. Но вот он... — она указала на графа Антона, сидевшего, сосредоточив все свое внимание на своей ране, — он похитил моего сына прямо из его кровати вчера вечером, пока принц спал.

— Это сделали агенты, — поправил ее капитан Кордовски, — граф пытался спасти принца от злодея, захватившего его в плен, — он впился взглядом в Гэйба.

Внезапно Гэйбу все стало ясно. Так называемые агенты графа... — он готов держать пари, что их первоначальный план состоял в том, чтобы убить Ники. И это специально было запланировано на ночь приема, когда все были заняты, а сам граф находился внизу, общаясь с самыми высокопоставленными свидетелями на земле.

И вдруг на сцене появляются капитан Кордовски и его королевские гвардейцы. Вот тут убийство превратилось в «попытку спасения».

— Прекратите называть его злодеем! — возмущенно приказала Калли. — Он — мой муж. Мой любимый муж.

Гэйб моргнул. Как она только что его назвала? Любимый?

— И он никого не захватывал в плен и не прятал. Ники мирно спал, а Гэбриэл внизу танцевал со мной на балу в честь нашей свадьбы.

Капитан Кордовски оторопел:

— Что? Я не понимаю.

— Я тоже, — сказала Калли.

Гэйб не слушал ни того, ни другого. Она действительно назвала его «*своим любимым мужем*»? А если так, она имела в виду именно это или ее слова должны были всего лишь успокоить этого неверующего капитана?

— Я все объясню, — раздался неожиданный голос. Вперед вышел Ники и указал на графа: — Он сказал вам, что мы в заключении у мистера Ренфру, не так ли? И он сказал вам, что именно мистер Ренфру сопровождал нас, когда мы бежали из Зиндари.

— Бежали? — повторил капитан Кордовски. — Вас похитили.

— Нет, мама и я сбежали, потому что он... — Ники снова указал на графа, — пытался убить меня, но никто не желал верить маме, — Ники посмотрел на капитана Кордовски: — Именно поэтому вы меня и не остановили, так? Вы не считали меня заключенным, вы думали, что спасаете меня.

Капитан Кордовски кивнул, помрачнев еще больше.

Ники усмехнулся.

— И потому что он... — Ники в третий раз ткнул пальцем в сторону графа, на этот раз с ликованием, — не знал, что я могу ездить верхом и в состоянии украсть лошадь и ускакать.

Граф мрачно взглянул на маленького мальчика:

— Тебя должны были утопить при рождении, мерзкий маленький слабак.

— Может, и слабак, но мне хватило ума обмануть вас, — ликуя крикнул бесстрашно Ники.

И тут Калли увидела... в какой-то момент, пока Ники кричал, она увидела изменившееся выражение лица графа. Она увидела движение его руки...

— Нет!

Если бы она стояла рядом. Но между ней и Ники находился Гэйб, а Итен был слишком далеко, чтобы успеть вовремя. И она тоже была слишком далеко. Она увидела пистолет, направленный прямо в сердце Ники, и она знала... она знала...

— Нееет!

Позже Калли не могла вспомнить, кричала ли она или нет. Должно быть, прошла всего лишь доля секунды, пока граф целился из пистолета, но ей она показалась вечностью — кошмар, который все длился и длился.

Она не успевала. Не могла успеть...

Но Итен... Итен увидел и метнулся вперед, бросаясь между оружием графа и ее сыном. Гэйб загораживал Итена. Она не могла видеть... Не могла видеть...

— Ники!

Звук выстрела перекрыл ее крик, заставив замолчать и задохнуться от ужаса. И затем, прежде чем она смогла увидеть или как-то среагировать, тишину разорвал еще один выстрел...

Он был прямо перед ней. Гэйб стоял перед ней... Что... что...

В руке Гэйба дымился пистолет, холодный, серый, смертоносный, нацеленный куда-то вперед.

И вот тут она, наконец, смогла все рассмотреть. Граф медленно оседал. Кроваво-красное пятно расплзлось по его камзолу. Его глаза широко раскрылись, будто от изумления, что его так неожиданно поймали... Его рука поднялась, но затем снова обвисла. Его пистолет с грохотом упал на пол...

Но ведь было два выстрела. Два!

— Ники! — снова закричала Калли и попыталась отпихнуть Гэйба в сторону. Он поймал ее, словно ребенка, и удержал на месте.

— Позволь мне...

— Итен, — быстро проговорил Гэйб и отпустил Калли. Она схватила Ники, прижала его к себе, обняв так, словно больше никогда не собиралась отпускать.

— Он ранил тебя? О, Боже, Ники, он ранил тебя?

— Мама, нет... Мама, мистер Делани...

Она внимательно осмотрела Ники, не смея надеяться, что он действительно невредим.

Но ничего не обнаружила. Крови не было. Раны тоже.

Мистер Делани...

Наконец она смогла оторвать взгляд от сына и посмотреть на других участников этого кошмара.

Граф неподвижно лежал возле своего оружия, а его широко раскрытые глаза безжизненно уставились в потолок.

Граф Антон был мертв. Мертв. Наконец все кончено. Ники жив, а граф Антон мертв. И Гэбриэл тоже жив.

Но Итен...

— Проклятье, я не успел, — говорил Гэйб, усаживая своего друга в кресло и внимательно обследуя его руку, — чертов герой...

— Небольшая царапина в плече, сэр, — Итен задыхался, — ничего серьезного.

— Мистер Делани, вы спасли жизнь моему сыну, — Калли пыталась справиться с собой, все еще неспособная поверить, что весь этот кошмар позади, — как я могу отблагодарить вас? — усилием воли она заставила себя отпустить Ники, позволив ему отойти.

Отведя взгляд от безжизненного тела графа, Калли двинулась к креслу, пытаясь рассмотреть рану Итена.

— Вы... вы... позвольте мне помочь вам, — она вытащила крошечный кружевной носовой платок и начала вытирать кровь. Пользы это не принесло никакой. Кровь медленно сочилась сквозь ее пальцы.

— Со мной все будет хорошо, мэм, — сказал Итен, ища поддержки у Гэйба.

— С ним все будет в порядке, — повторил Гэйб, мягко отодвигая ее в сторону, — даже мускулы не задеты. Пуля только чиркнула по коже. Нам просто нужен какой-нибудь тампон.

Он с отвращением посмотрел на пол: на графа.

— Калли, дорогая, найди владельца гостиницы. Нам необходимо избавиться от этой мерзости, и, кроме того, нам необходимы чистые тряпки.

— Я должна помочь Ите... — начала Калли.

— Ты должна позаботиться о своем сыне, — остановил он ее, — ты должна обнять его и увести отсюда, а мы здесь все уберем. Это совсем неподходящее место для тебя и ребенка. Я сам позабочусь об Итене. А ты обними Ники... и, Ники, обними свою мать.

Калли обняла Ники, но затем отпустила.

— Гэбриэл, эта кровь пролита из-за меня и моего сына, поэтому дай мне свой носовой платок и позволь сделать то, что я должна, — сказала она мужу.

Увидев решимость в ее глазах, Гэбриэл вручил ей свой носовой платок. Она встала на колени и прижала платок к ране Итена.

— Я ничуть не боюсь вида крови, — сообщила Калли Гэбриэлу.

— Вижу, — отступил Гэбриэл, слабая улыбка тронула его губы, — это научит тебя, как быть героем, — сказал он Итену.

Владелец гостиницы, слышав выстрелы, ворвался в комнату.

— Ах, почтенный, будьте добры, немного бренди и чистое полотно, — приказала Калли, слегка повернув голову через плечо.

— Стреляли? В моей гостинице? — требовательно вопрошал вошедший. Увидев на полу тело графа, он тут же отскочил. — Он... он?..

— Да, он мертв, но не волнуйтесь, капитан Кордовски уберет его, не так ли, капитан?

— Д-да, конечно, принцесса, — капитан Кордовски все еще пребывал в шоке от дерзкой попытки графа лишить жизни наследного принца.

Глаза владельца гостиницы чуть не вылезли из орбит.

— Принцесса?

— Да? — ответила Калли. — Так когда принесут бренди? И чистое полотно? Поторопитесь, пожалуйста. Здесь раненый, он истекает кровью!

— Да, ваше королевское высочество, — мужчина низко поклонился и поспешно вышел.

* * *

Позже капитан Кордовски объяснил, что произошло. На следующий день после исчезновения принцессы Каролины и принца Николая граф Забор — нет, дядя Отто не умер, — официально заморозил всю собственность и активы графа Антона до окончания расследования исчезновения принцессы и принца. Он обвинил графа Антона в убийстве, но тот поклялся, что не имеет к этому никакого отношения и что принцесса и ее сын похищены врагами Зиндари.

— Но вас не похищали, не так ли, принцесса? — вопросом закончил свой рассказ капитан. — Ни этот человек, и ни кто-либо другой.

— Так и есть, — ответила Калли, — мистер Ренфру никогда не похищал меня, и никто этого не делал. Он много раз спасал меня и моего сына, и я вышла за него замуж совершенно добровольно.

Каждое слово Калли вонзалось в сердце Гэйба как острый нож. Он никого не спасал. И он шантажом вынудил ее выйти за него под видом защиты ее сына. А затем не смог сделать даже этого.

Капитан Кордовски продолжил свой рассказ:

— Граф Антон покинул Зиндарию, настаивая, что сможет найти принца и принцессу. Он поклялся вернуть вас живыми и здоровыми.

— Полагаю, у него не было выбора. В противном случае он стал бы нищим и парией в своей собственной стране, — прервал его Нэш.

— Да, верно, — согласился капитан, — но теперь я думаю, что, возможно, граф Забор не доверял ему, поскольку послал меня с королевскими гвардейцами вслед за графом, чтобы гарантировать безопасность принца и принцессы, — он посмотрел на принцессу и сухо произнес: — Он знал, что я скорее умру, чем позволю причинить хоть какой-то вред любому из них.

Калли кивнула:

— Я знаю это, капитан. Иначе я ни за что не вошла бы в эту комнату, — она бросила на Гэйба многозначительный взгляд.

— Вы были в доме Тибби? — холодно поинтересовался Итен.

Капитан Кордовски поднял бровь:

— Где это?

— В Лалворте. Небольшой белый дом, весь увитый розами.

Капитан Кордовски покачал головой:

— Нет, мы встретились с графом в Лондоне всего лишь два дня назад. Нам потребовалось несколько дней, чтобы понять, что он прибыл в Англию, и мы выследили его, воспользовавшись дипломатическими связями, выйдя на дом австрийского посла, принца

Эстерхази.

Итен что-то недовольно проворчал.

Гэйб кивнул. Так он и думал. Именно своевременное появление капитана спасло Ники. И ничто другое. И никто другой.

— Мы отправим тело графа назад в Зиндарию, — сказал капитан Кордовски Калли, — это надо сделать. Несмотря на то, что он натворил, все же он подданный Зиндари.

Калли кивнула:

— Да, вы правы.

— И вы, принцесса, вы тоже принадлежите Зиндари, так же как и принц Николай, — капитан Кордовски немного поколебался, затем добавил: — Вас очень любят в Зиндари, принцесса.

— Меня? Вы хотите сказать — Ники.

Он покачал головой:

— Принц никому не известен, он никогда не появлялся на публике.

Калли кивнула. Руперт стыдился хромоты Ники.

Капитан Кордовски продолжил:

— Я уверен, что все полубят принца Николая, но вы, принцесса, вы для нас нечто особенное. В Зиндари еще никогда не было принцессы, столь любимой народом.

— Вы обо мне? — Калли была поражена.

— Вся страна в трауре, она переживает вашу потерю.

— Мою потерю? — Калли не могла в это поверить. — Но они любили Руперта. Я видела это всякий раз, когда выходила с ним к народу. Люди всегда приветствовали его, махали и даже бросали цветы.

Капитан Кордовски покачал головой:

— Все это было для вас, принцесса, только для вас. Принца Руперта очень уважали, но никогда не любили так, как вас. И именно поэтому вы нужны нам в Зиндари, так же как и принц Николай.

Все королевские гвардейцы склонили головы и щелкнули каблуками, послав Калли преданные взгляды, надеясь таким образом выказать свое согласие со словами капитана.

Калли рассеяно всем им улыбнулась. Она была сильно озадачена и все еще не могла во все это окончательно поверить, но одно ей стало ясно: выбор у нее отсутствовал. Она должна вернуться.

— Спасибо. Мы скоро возвратимся назад, я обещаю, — на Гэйба Калли не смотрела.

Эти слова тяжелым камнем легли Гэйбу на грудь. Калли покидает его.

* * *

Они возвращались в Лондон гораздо медленнее, чем уезжали оттуда. Частично это объяснялось не слишком резвыми лошадьми, которых она нанимали, но кроме того все они сильно устали. Так что они прибыли в город только на рассвете.

К большому разочарованию Калли, к ней и Ники в каррикле присоединился Гарри. Она думала, надеялась, что это будет Гэбриэл, но он ехал в одиночестве, держась подальше от нее, организовывал смену лошадей и кучеров, следил за оплатой услуг на постоянных дворах. И это он приказал своему брату отвезти их домой.

— Вы действительно возвращаетесь в Зиндарию? — спросил ее Гарри через некоторое

время. Ники спал, его голова покоилась на коленях Калли, оба они были заботливо укутаны в меховые накидки.

— Да, — ответила Калли, — Ники — наследный принц. Его будущее связано с Зиндарией.

— А как же Гэйб?

Калли вздохнула:

— Я не знаю. Я не знаю, чего он на самом деле хочет.

— Что вы имеете в виду?

— Он едва смотрит на меня. После ужаса, произошедшего в той маленькой гостинице, он не только не дотронулся до меня, но даже ни разу не подошел ко мне.

Гарри нахмурился:

— Но вы же знаете почему. Я уже говорил вам об этом.

Калли изумилась:

— Нет, я не знаю почему!

— Гэйб подвел вас. И потому считает, что вы в нем разочаровались.

— Но почему? Ники в безопасности. Теперь все в порядке.

— Да, но сначала Гэйб потерял его, а затем не сумел спасти.

Калли уставилась на него, не веря тому, что услышала.

— Вы ведь это не серьезно! Это же смешно. Разве я могу осуждать его за произошедшее. Мне не важно, как Ники спасся, главное, что он в безопасности, — пока Калли говорила, она осторожно поглаживала рукой спящего сына, — но в любом случае все это не имеет никакого отношения к тому, что я чувствую к Гэбриэлу. Как я уже говорила, любовь — не черед проверок.

— Вы действительно любите его, не так ли?

— Да, конечно. Почему вы продолжаете спрашивать меня об этом? Неужели в это так трудно поверить? Гэбриэл — замечательный человек, — Калли вздохнула, — он — прекрасный человек.

Она не могла представить, как сможет жить без него.

Гарри внимательно взгляделся в Калли:

— Мне казалось, что вы использовали моего брата для своих собственных целей.

— Так было. Да, — виновато произнесла она. Но ведь результатом стала любовь?

Лицо Гарри смягчилось:

— Хорошо, но сейчас вы действительно любите его. И только это имеет значение. Я не хотел бы видеть, что ему больно. Женщины способны причинить мужчине столько горя.

— Мужчины способны на это не меньше женщин, — заметила Калли.

— Возможно, но Гэйб не из тех, кто запросто открывается перед женщиной — он всегда был очень осторожен. Он держался отчужденно с тех самых пор, когда был еще мальчишкой и эта шлюха, его мать, бросила его.

— Мать бросила его?

Гарри кивнул:

— Она использовала его как пешку в игре с нашим отцом. Запирая наверху в том доме, где вы останавливались, она прятала его, как если бы его вообще не существовало. Семь лет он находился там и никогда не видел ни своего отца, ни своих братьев, не бывал в загородном доме ни на Рождество, ни на Пасху — никогда. А ведь он законнорожденный.

На некоторое время Гарри замолчал, сосредоточившись на проезде между стоявшим

фургоном и грудой ящиков.

— Наконец старая леди, двоюродная бабушка Герта, забрала его, а матери это было совершенно безразлично. Она даже не навещала его. Больше Гэйб ее никогда не видел.

Калли пришла в ужас. Такая участь даже хуже, чем быть настоящим сиротой.

— Он рассказывал мне о двоюродной бабушке Герте. Похоже, она замечательная леди. Гарри фыркнул:

— Очень правильная леди, и всё же у неё никогда не было детей, и она не знала, что с ними делать. С нами обоими она обращалась как со своими псами, которых разводила. Жестко, строго, очень требовательно. У нее был железный характер; она была справедлива, но никогда не раскрывала маленькому мальчику своих объятий.

— Кто же раскрыл Гэбриэлу свои объятия? — спросила Калли, ее сердце сжималось при мысли о маленьком мальчике, которого не хотела собственная мать.

— Никто, — ответил Гарри.

— Должно быть, вы оба были очень одиноки, — предположила Калли, поглаживая волосы своего спящего сына.

— Со мной все было в порядке. Миссис Барроу приняла меня как своего собственного сына, но, хотя она и Гэйба любила, никогда не смела относиться к нему, как к собственному ребенку. Двоюродная бабушка Герта не допустила бы этого. *«Кухарка вполне может обнять осиротевшего ублюдка так же, как и я, — иногда, но трястись над законным сыном дома Ренфру? Никогда в жизни».*

— Тогда я обязана восполнить все те объятия, которых он был лишен, — заявила Калли, — конечно, если он позволит мне.

Она смотрела на рассвет, встающий над Лондоном. Она и Ники очень скоро должны вернуться в Зиндарию. Но Калли надеялась, что они будут не одни.

И все же она не была в этом так уж уверена. Сначала она должна признаться своему мужу, что любит его.

Только тогда она сама узнает, любит ли и он ее.

Ведь Гэбриэлу придется бросить ради нее все, что он имеет.

Калли знала, что это самая огромная жертва, о которой только можно попросить. Однако выбора у нее не было.

Но, по крайней мере, она собирается провести с ним еще одну ночь. Еще одну ночь любви.

* * *

Все домашние не ложились в ожидании их возвращения. Из-за волнения никто не мог заснуть. Все собрались в гостиной, и Ники еще раз описал свое похищение и чудесное спасение, а слушатели постоянно восклицали, выражая в равной степени подлинное изумление и ужас.

Калли устало сидела, глядя на сына в час его триумфа. Она так давно не спала, и силы ее были на исходе. Несмотря на облегчение и радость от торжества Ники, она чувствовала подавленность. Гэбриэл не сказал ей ни слова. Он даже не посмотрел на нее, когда она обещала капитану вернуться в Зиндарию.

Он расположился в дальнем конце комнаты, молча наблюдая за происходящим. Всякий раз, когда она бросала на него взгляд, то видела, что он смотрит в любую другую сторону —

на Ники, на Рейфа или Нэша, куда угодно, но только не на нее. Калли увидела часть его лица в зеркале, висевшем на дальней стене. Она слегка сместилась, так чтобы видеть его лицо целиком и иметь возможность наблюдать за его выражением.

Она поняла, что он следит за нею. Но стоило ей повернуть голову, он тут же отводил взгляд, однако, как только она отворачивалась от него, снова принимался смотреть на нее.

В его взгляде читались и сожаление, и жадность, словно он смотрел на что-то, чего не мог иметь, но вспоминал с большой любовью.

Калли вздохнула. Гарри оказался прав. Кажется, Гэбриэл полагает, что ее любовь основывалась на том, что он охранял Ники. Дорогой, глупый мужчина. Она бы его разубедила. Сразу после того, как призналась бы в своей любви.

Волков бояться — в лес не ходить.

— Пошли, Ники, — сказала Калли, поднимаясь, — настало время ложиться спать. Нам всем требуется отдохнуть.

Ники сразу поник:

— Но, мама, уже утро. Солнце встало.

— Это не аргумент, мой милый. Ты участвовал в настоящем большом приключении, но даже героям требуется отдых.

— Да, мама, — печально произнес герой этого часа.

* * *

Гэйб захватил бренди и вышел на террасу. Все остальные разошлись по спальням. Он же был слишком подавлен, чтобы попытаться заснуть.

Некоторое время спустя он подскочил от неожиданности, поскольку мягкие руки жены скользнули вокруг его талии. Ее объятие было очень решительным.

— Спасибо, — сказала Калли.

— Я ничего не сделал, — пробормотал Гэйб, — Ники спас себя сам. Я просто столкнулся с ним на дороге.

— Напротив, ты научил его ездить верхом, а значит, помог ему спастись, что в тысячу раз ценнее, чем быть спасенным кем-то другим — разве ты не заметил, что мой сын теперь чувствует себя героем? — она вновь обняла его.

— То, что его похитили — моя вина.

— Как интересно, что ты это сказал. Я-то думала, что это моя вина, но Гарри разубедил меня. И я уверена, что Тибби и Итен тоже обвиняют себя, и леди Госфорт тоже, вне всякого сомнения. Видишь, мы можем устроить соревнования, кто же виноват больше? Либо, наоборот, просто радоваться, что мой сын вернулся назад, здоровый и невредимый.

— Ответственность лежала на мне.

— Ответственность лежала на всех нас. Но мы считали, что достаточно защитить Ники юридическими средствами — кто мог предположить, что граф пошлет своих людей, чтобы те по крышам добрались до Ники в самый разгар приема?

— Я должен был все предусмотреть.

— Понятно, ну, если ты предпочитаешь терзаться, находясь в самом мрачном настроении, вместо того, чтобы поцеловать меня, я буду вынуждена найти кого-то, кто в состоянии это сделать.

— Что? — Гэйб резко повернул голову в ее сторону.

— Мне просто необходимо, чтобы в течение следующих нескольких часов меня кто-то целовал и обнимал, но раз тебя это не интересует...

— Ты хочешь сказать?..

Самые восхитительные в мире губки надулись:

— Гэбриэл Ренфру, как ты считаешь, что я хочу сказать?

Гэйб не собирался подвергать сомнению свою удачу. Он схватил Калли и поцеловал, жестко и по-собственнически. Испытывая определенные трудности — ее юбки оказались слишком узкими, — Калли обхватила его ногами и поцеловала в ответ, держась и прижимаясь к нему всеми частями тела, вдавливая в него свои мягкие округлости, покрывая лицо Гэйба влажными, восторженными, страстными поцелуями.

— Отнеси меня в кровать, Гэбриэл. Я хочу, чтобы ты взял меня в кровати.

Гэйб едва смел верить в это. Ему дарили второй шанс. И он не собирался терять его.

Гэйб отнес жену наверх в их спальню — он узнал о ней, как только они приехали. Тетя Мод приняла необходимые меры, чтобы их вещи перевезли сюда из дома его брата. Она знала, что Калли не пожелает снова поселиться отдельно от сына.

Гэйб и не думал спать там, но даже если бы и попытался, то понимал, что ему пришлось бы ложиться одному. Он и не мечтал о еще одной ночи с Калли.

Гэйб задёрнул занавески, но утренние лучи всё равно проникали сквозь них, заливая комнату золотистым светом. Медленно, очень медленно он начал снимать с Калли одежду, одну вещь за другой, целуя каждый дюйм обнажавшейся кожи.

Калли раздевала его более торопливо, нетерпеливо сдернув с него сюртук, расстегнув жилет быстрыми ловкими пальцами и стянув рубашку через голову.

— Не торопись, — прошептал Гэйб, — у нас впереди весь день.

— И даже больше, — сказала она.

— Да, и вся ночь, — согласился он, покрывая поцелуями полукружья её груди. Гэбриэл принялся ласкать их руками, почувствовав даже сквозь платье, как ощутимо отвердев, упёрлись ему в ладони две упругие вершинки. Он поцеловал их, мягко захватив зубами вместе с прикрывавшей их тканью.

— Теперь повернись, любовь моя, и позволь мне заняться твоей шнуровкой, чтобы освободить несчастную красавицу, заключенную в безжалостную тюрьму.

Калли повернулась, открыв его взору прекрасную линию затылка. Гэйб немедленно поцеловал его, распуская ей волосы, нетерпеливо выдергивая из них шпильки, и уткнулся носом ей в шею, наслаждаясь вкусом её кожи и запахом шелковистых волос, рассыпавшихся по плечам и укутавших его, как покрывалом.

Гэйб очень умело расшнуровал корсет, и Калли глубоко вздохнула от удовольствия. Он откинул ненужную вещь и обвил Калли руками, продолжив ласкать её груди через изумительно тонкую батистовую сорочку.

— О, как это чудесно, — с дрожью в голосе произнесла Калли, — всякий раз, когда ты снимаешь мой корсет, мне кажется, что это вызывает у меня лёгкое головокружение.

— Ах, это все благодаря моей специальной технике, — прошептал Гэйб, уткнувшись ей в шею.

— Насколько же ты более умелый, чем моя горничная.

Молодая женщина благодарно вздохнула, расслабившись в кольце его рук, и, закинув руки за шею мужа, с наслаждением глубоко поцеловала его.

Гэйб с удовольствием расшнуровывал бы её корсеты всю оставшуюся жизнь. Но он не смел даже мечтать об этом. Только один раз ночью и один раз днём. Он должен вновь завоевать её доверие. Он ужасно подвел Калли и не имел права требовать чего-то большего, чем то, что она предлагала ему сейчас.

Гэйб целовал жену, обнимая и упиваясь её сладким неповторимым вкусом, её теплотой и отзывчивостью, и кровь гулко пульсировала у него в висках.

Пальцы Калли запутались в его волосах, и, полуприкрыв глаза, она подалась вперёд, ближе к мужу. Её теплое мягкое тело вжалось в его, а бедра начали двигаться, совершая медленные эротические движения так же, как и её язык, переплетенный с его.

Собираясь поцеловать её, Гэйб обхватил ладонями лицо Калли и, лаская нежную кожу её подбородка, склонил свою голову так, чтобы слиться с ней в поцелуе в одно целое, дыша одним с ней дыханием.

Он не сможет жить без Калли. Он должен всё узнать наверняка.

— Расскажи мне о Зиндании, — прошептал он.

Калли напряглась. Ему не следовало упоминать об этом. Губы Гэбриэла накрыли её рот

прежде, чем она успела ответить, напоминая ей о том, что он может ей дать, точно зная, что этого недостаточно, но он был в отчаянии. Он не в состоянии позволить ей уйти.

Гэйб провел руками по её телу, в лихорадочном желании немедленно увидеть ее обнажённой. Одним ловким движением он через голову снял с неё сорочку. И пристально уставился на Калли.

— Панталоны?

Она никогда прежде не носила их. Они были розовыми. Со шнурком. Ему еще не приходилось видеть розовых панталон.

— Они очень модные, — ответила Калли, краснея.

— Но очень неудобные, — заметил Гэйб.

— Соус для гусыни^[21]...

— произнесла она и провела ладошкой по передней части его кожаных бриджей. Калли улыбнулась, очевидно, довольная его реакцией.

Он застонал. За те мгновения, что её пальцы возились с застёжкой его бриджей, планы Гэбриэла по медленному соблазнению вылетели в окно. Вопреки желанию он позволил ей продолжить.

— Если ты и дальше станешь действовать в том же духе, я буду вынужден остаться в ботинках и бриджах, — задохнулся Гэйб.

И тут же сорвал с неё эти проклятые розовые панталоны одним быстрым движением. Калли стояла смирно, наблюдая за ним с истинно женской лукавой улыбкой, пока он освобождался от ботинок и бриджей чуть ли не в одно мгновение.

Она так прекрасна. Он должен находиться в ней.

Гэйб отнес Калли в кровать. Она подвинулась вглубь, потянув его за собой. Её ноги очень естественно раскрылись перед ним, и он устроился меж её бедрами, смакуя ощущение её атласной кожи, соприкасавшейся с его собственной, своей твёрдой плоти возле её мягкой.

Он целовал и посасывал её груди, пока она не застонала и не начала умолять:

— Быстрее, ну же!

— Скоро, — прошептал Гэйб.

Гэбриэл запустил пальцы в соблазнительный треугольник тёмных волос, почувствовав её жар, её влажность, её женский аромат разбуженного желания, осознав с диким мужским триумфом, что жена хочет его столь же сильно, как и он её.

Гэйб продолжал ласкать её, стремясь довести до максимального пика удовольствия, пока Калли не превратилась в нечто бесплотное, хныкающее от блаженства, лихорадочно поглаживающее его тело мягкими руками, осыпаящее поцелуями все части его тела, куда только могла дотянуться.

Тогда и только тогда он вошёл в неё, застонав от сладости ощущения её горячей плоти. Она застонала в ответ, прижимая его к себе и задыхаясь.

— Да, да, да, — выкрикивала Калли с каждым его толчком в диком необузданном ритме, который поднимал их всё выше и выше, пока наконец они не вознеслись на самую вершину экстаза и небытия.

Гэйб продолжал обнимать Калли, они вместе плыли на подхвативших их волнах.

Прошло довольно много времени, прежде чем она произнесла:

— Я действительно хотела выстрелить в графа. Почему ты остановил меня?

— Позже это превратилось бы для тебя в сущее мучение, — ответил он, — ты никогда не убивала человека. Ты не знаешь, что это значит.

Калли повернулась к Гэйбу и, уткнувшись подбородком в его грудь, долго смотрела ему в лицо.

— Полагаю, тебе приходилось не раз убивать, — сказала она мягко, — это терзает тебя?

— Теперь нет, — ответил он, — но очень долго не давало покоя. А тебе, с твоим мягким сердцем, было бы намного хуже.

Она обняла его и поцеловала в грудь:

— Расскажи мне.

Гэйб покачал головой:

— Тут нечего рассказывать. Он был солдатом, того же возраста, что и я.

— Сколько же тебе было?

— Девятнадцать.

До сих пор Гэйб не мог забыть взгляд другого мальчишки, когда тот понял, что умирает, действительно умирает. Гэйб не пожелал бы испытать это никому, особенно Калли. Даже если она и ненавидела того человека.

Калли ничего не сказала, только обняла его сильнее. Наконец, помолчав, она произнесла:

— Трудно представить, что больше не о чем беспокоиться. Всё кончено.

— Да. — Не о чем беспокоиться? Гэйб был с ней не согласен.

— Ты знаешь, теперь я должна вернуться с Ники в Зиндарию.

Да, Гэйб это понял.

— И я попрошу Джима поехать с нами в качестве компаньона Ники, вроде его брата. Это так важно, что у моего сына появился друг, для которого он просто Ники, а не «принц». К тому же, Джиму нужна семья.

Гэйб кивнул.

— Я также собираюсь просить Тибби поехать со мной в качестве моего секретаря.

Гэйб продолжал молчать.

— И... и я думаю, что, возможно, Итен тоже приедет, хотя бы через некоторое время. В Зиндарию такие быстрые лошади... и, может быть, он и Тибби...

Гэйб покачал головой:

— Я в этом сомневаюсь.

Калли вздохнула, затем бросила на него взволнованный взгляд:

— Но больше всего я хочу знать... какие планы у тебя, Гэбриэл?

— Пока не знаю.

Гэйб не был уверен, о чём она думает. А он должен знать точно.

— Я думала, что вы с Гарри собираетесь осуществить ваш замысел по разведению лошадей, — сказала она.

— Для этого я Гарри не нужен. Это была его идея, его замысел. Его мечта. И Итена.

— А что с Грейндж? Это же твой дом. Люди там зависят от тебя.

Гэйб вновь покачал головой:

— Я восемь лет отсутствовал, и они прекрасно справлялись без меня. В любом случае, скорее всего, Гарри сам станет управлять поместьем, по крайней мере, пока не обзаведется собственным домом.

Затем добавил:

— Там я всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Я не знал, чего хочу.

— А теперь знаешь?

— Да.

Гэйб ждал, что она спросит, что же это.

А Калли ждала продолжения, смотря на него с надеждой. Он же ничего не мог сказать. Сначала он должен понять, с чем столкнется.

Молчание затянулось.

Калли выскользнула из постели, обнажённая подбежала к комоду и вытащила свою красную шаль. Она завернулась в неё, едва прикрыв ею своё тело.

Гэйб сел в кровати.

— Что ты делаешь?

— Есть кое-что, что я должна тебе сказать, Гэбриэл, — произнесла она, — но всё не так просто. Не могу сделать это голой. Или когда я касаюсь тебя.

Она выглядела весьма соблазнительно, но Гэйб наблюдал за ней, ощущая, что его пробирает холодок страха. Жена смотрела ему прямо в глаза как женщина, находящаяся на грани принятия очень трудного решения. Похоже, она собирается дать ему отставку.

Видимо, Калли думает, что ей достаточно поблагодарить его за оказанные услуги и затем объявить о том, что они расстаются.

Гэйб понимал, что она имеет полное право распрощаться с ним. Она вышла за него замуж, чтобы защитить себя и сына, а он подвел её. И теперь, когда граф Антон мёртв, Гэйб в качестве подходящего мужа ей больше не нужен.

Он внимательно наблюдал за ней, вышагивающей в своей чёртовой красной шали, едва прикрывавшей её тело и открывавшей очаровательную попку всякий раз, когда она делала очередной шаг.

Вероятно, Калли станет скучать по нему, находясь одна в своей спальне, но к ней тут же выстроится очередь из мужчин, каждый из которых мечтал бы стать возлюбленным принцессы. Она слишком чувствительна и так очевидно притягательна, что трудно предположить, будто они не станут бороться за её расположение.

Только через его труп.

Всё, что осталось у Гэйба, это юридические права мужа, и ей-богу, если придется прибегнуть к этому последнему средству, он так и сделает.

Калли беспокойно вышагивала взад-вперёд возле кровати, закусив губу и нахмутив брови, выводя его из себя и подводя к самому краю отчаяния.

Она порывисто развернулась и проговорила:

— Дело в том, Гэбриэл, что ты взял на себя обязательства перед свидетелями и перед Богом, и я считаю неправильным, что ты хочешь уклониться от их выполнения. Я знаю, у тебя в Англии семья, дом и рузья, очень хорошие друзья. Здесь сотни людей любят тебя, но...

Внезапно в Гэйбе вспыхнул лучик надежды. Она думает, она для него кто?

— Сотни?

— Не дразни меня, я очень серьёзна. Я знаю, здесь, в Англии, у тебя целый мир, полный людей, которым ты нужен, а в Зиндарии у тебя была бы только... — Калли запнулась.

— В Зиндарии у меня была бы?... — подтолкнул он её.

— Я.

— Ты?

Калли кивнула.

— Я не говорила тебе этого, но должна. Я собиралась сказать еще ночью, но...

— Я знаю, — прервал ее Гэйб с сожалением. Он подвел её.

— Да, но потом так много всего произошло, а после ты стал таким странным...

— Стал странным?

— Да, очень. Ты даже перестал разговаривать со мной, не смотрел в мою сторону, не дотрагивался до меня, это было ужасно, просто ужасно. А потом я никак не могла подобрать подходящего момента.

— А сейчас момент подходящий?

— Да, я должна сказать это именно сейчас, иначе буду сожалеть всю свою жизнь. Я...
впрочем, это не важно, — Калли закрыла глаза и, наконец, произнесла: — Я люблю тебя, Гэбриэл Ренфру, я хочу тебя, мне необходимо, чтобы ты остался моим мужем, моим настоящим мужем, чтобы ты поехал со мной в Зиндарию, чтобы прожил со мной всю жизнь — до старости.

Повисла звенящая тишина. Гэбриэл чувствовал себя так, словно его ударило рухнувшим деревом. Если, конечно, упавшее на вас дерево может вызвать желание кричать от счастья, петь и танцевать.

Гэйб вскочил с кровати и бросился к ней. Он должен находиться рядом, совсем близко — так, чтобы чувствовать её запах, настолько близко, чтобы рассмотреть каждую ресничку, отбрасывающую тень на бледную атласную кожу щеки, но не настолько близко, чтобы дотронуться до неё. Стоит ему коснуться её, и он за себя не ручается, он будет не в состоянии что-либо произнести. А слова непременно должны быть сказаны.

— Почему ты говоришь всё это, закрыв глаза? — тихо спросил Гэйб.

— Потому что я трусиха.

Её глаза оставались закрытыми.

— Нет, ты не трусиха.

— Да, к сожалению. Я боюсь взглянуть на тебя, боюсь просить тебя. А вдруг ты скажешь «нет».

— Открой глаза.

Калли осторожно приоткрыла их и напряглась, ожидая ответа мужа.

Гэйб улыбнулся, как-то криво, и наконец произнес слова, которые так долго хранил в своём сердце:

— Я влюбился в тебя с первого взгляда, как только увидел, как ты стоишь на вершине утеса, мокрая, усталая, сердитая, напуганная и безумно красивая. Я всё больше влюблялся в тебя с каждым новым днём и не могу представить, что это может когда-нибудь закончиться.

У Калли на глазах выступили слёзы.

— О, Гэбриэл, неужели это правда?

— Конечно, именно ты — любовь всей моей жизни, — Гэйб обхватил лицо Калли руками, — у меня в Англии есть дом, семья, друзья и состояние, это всё так, но единственное, чего я хочу, находится прямо здесь — у меня в руках. Ты для меня всё. Ты — мой дом, моя семья, смысл моей жизни, моё сердце.

И он крепко поцеловал её.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Фальшборт — продолжение бортовой обшивки судна выше верхней палубы

Планширь — деревянный брус с закругленной поверхностью, уложенный поверх фальшборта

Сливочный варенец (брит. — clotted cream) — сливки сквашиваются путем нагревания и медленного охлаждения

mea culpa — (лат.) МОЯ ВИНА, ВИНОВАТ

strange (англ.) — 1) незнакомый, 2) удивительный, необыкновенный, странный

Анафема — (греч. ἀνάθεμα — «отлучение» от ἀνατίθημι — «возлагать, накладывать») — изначально — жертва богам по данному обету, посвящение божеству; позже — отделение (кого-либо от общины), изгнание, проклятие

Таттерсолс — главный аукцион скаковых лошадей в Великобритании и Ирландии

Дерби — главный приз для рысаков и скакунов.

Дерби — ипподромные классические гладкие (без препятствий) скачки, вершина сезона для лучших жеребцов-трёхлеток чистокровной верховой породы.

Дерби также называют главные соревнования сезона для 4-летних рысаков (бега).

Самыми многочисленными «частными» экипажами на дорогах Англии были **двуколки**. Лёгкие, скоростные, экономичные (в двуколку обычно запрягалась одна лошадь), эти экипажи были очень популярны для коммерческих и пригородных развозов. Среди высшего общества времен регентства Георга IV популярным был двухколесный экипаж **каррикл** — своего рода «Ягуар» на конной тяге. Лёгкий и скоростной, к тому же, как нельзя лучше подходящий для того, чтобы продемонстрировать своё умение обращаться с вожжами, он быстро вошёл в моду в качестве городского экипажа для молодого джентльмена.

англ. пословица: **всегда есть несколько способов ошкурить кота** (There's more than one way to skin a cat)

игра слов: **Congress** — 1) конгресс, съезд. 2) взаимодействие, контакты, общение

ссылка на реплику королевы-матери из трагедии Шекспира «Гамлет», акт 3, сцена 2:
«The lady protests too much, methinks» — «По мне, так леди слишком протестует»

en famille — (фр.) в семейном кругу

Суммарные казни (Summary execution) — убийство от имени государства и/или лицами, не представляющими государство, выбранных людей, как правило, подозреваемых в совершении обычного или политического преступления. Иногда единственной причиной в выборе жертвы является характерный признак принадлежности к какой-либо группе. Во всех случаях казнь приводится в исполнение без справедливого суда или на основании быстрого и неудовлетворительного административного процесса

Плавник — обломки деревьев, разбитых судов и т. п., срубленные или упавшие деревья, плавающие в реке или в море и выбрасываемые на берег

"Hark! **The Herald Angels Sing**" — «Ангелы-герольды весть нам воспоют» — рождественский гимн, написанный Чарльзом Уэсли. Впервые появился в сборнике «Гимны и святочные стихи» в 1739. В шутку иногда называют гимн «Hark the Harold Angels Sing»

Mais milady, ce n'est pas possible — (франц.) Но миледи, это невозможно

Non, non — (франц.) Нет, нет

wedding breakfast — свадебный завтрак — приём гостей после бракосочетания и до отправления в свадебное путешествие (торжественное застолье с тостами и т. п.; устраивается после венчания в любое время дня)

chemise — (франц.) шемиз — часть средневекового костюма, нижняя льняная рубашка франков, а затем и французов (Словарь моды Т.А. Терешкович, 2000)

англ. пословица: **what's sauce for the goose is sauce for the gander** — Что является соусом для гусыни, то будет соусом и для гусака